

4
H-59

25/11

ИРД
6

Г. П. НЕЩИМЕНКО

**ИСТОРИЯ
ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ЧЕШСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
конца XVIII—XX вв.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Г. П. НЕЩИМЕНКО

ИСТОРИЯ
ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ЧЕШСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
конца XVIII—XX вв.

(Прилагательное)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

63293

В монографии ~~первое~~ ^{первое} дается детальный анализ малоизученной категории чешского словообразования — прилагательных со значением степени качества. Для исследования привлечен материал современного словоупотребления и уникальный архив Института чешского языка ЧСАН. Работа выполнена современными методами лингвистического анализа. Проводится параллель с другими славянскими языками.

Ответственный редактор
доктор филол. наук А. Г. ШИРОКОВА

ВВЕДЕНИЕ

При написании настоящей работы* мы не ставили перед собой цель охватить всю совокупность проблематики словообразования прилагательных в чешском литературном языке. Наша задача, более конкретная и скромная, заключалась в изучении одного из звеньев системы словообразования прилагательных — деадъективных производных со значением степени качества. Указанные прилагательные представляют собой интересный и ценный для исследователя языка материал: помимо ряда специфических явлений, характерных лишь для данной категории лексики, здесь удастся наблюдать общие тенденции и закономерности, присущие не только адъективному, но и именному словообразованию вообще. Поэтому рассмотрение данной лексической категории неизбежно сопряжено с постановкой более общих лингвистических проблем.

Прилагательные со значением степени качества относятся к разряду ономаσιологических категорий модификационного типа¹. Это означает, что словообразовательный формант, трансформируя производящее слово в производное, обогащает его семантику некоторой дополнительной информацией, не меняющей вещественного значения основы. Сохраняется при этом и полная преемственность

* Считаю своим приятным долгом выразить глубокую и искреннюю благодарность сотрудникам Института чешского языка ЧСАН в Праге за большую помощь, которую они мне оказали во время работы над настоящей книгой. Хочу также высказать большую признательность докторам филол. наук М. Докулилу и А. Г. Широковой, кандидатам филол. наук Я. Кухаржу и В. В. Лопатину за ценные советы и замечания.

¹ Определение ономаσιологической категории см.: M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

лексико-грамматической принадлежности слова. Характер отмеченной дополнительной информации у различных модификационных категорий может быть различным. В нашем случае — это количественная и качественная характеристика признака, обозначенного производящей основой. Таким образом, производящее слово, называя некоторый признак, сигнализирует факт его наличия, не констатируя степень его количественного или качественного проявления². Образованный от него дериват эксплицитно (средствами словообразования) фиксирует степень проявления, а также нередко и качественную характеристику признака, ср. русск. *белый* — *беловатый*; *большой* — *большущий*; *короткий* — *коротенький*; чешск. *modrý* — *modravý*, *namodralý*, *modroučký*; *sladký* — *nasládlý*, *sladoučký* и т. д. У деривата функция номинации оказывается подчиненной функции оценки. Факт эволюции функциональной сущности деривата по сравнению с производящим словом дает нам основание со всей определенностью квалифицировать данную процедуру как словообразовательную, а не как формообразовательную операцию.

Прилагательные со значением степени качества отличаются чертами большого сходства с другой модификационной категорией — деминутивных и аугментативных существительных. Не считая целесообразным проводить здесь подробную конфронтацию обеих категорий, заметим лишь, что и те, и другие образования входят в состав общей понятийной категории оценки. Рамками категории оценки охватывается обширный лексический пласт, вобравший в себя репрезентанты различных частей речи, фиксирующие количественную или качественную оценку субъектом предметов или явлений окружающего его мира. Возможности воплощения категории оценки в языке очень разнообразны. В их числе можно назвать, в частности, словообразовательные, синтаксические, стилистические, интонационные и другие средства, набор которых по-разно-

² Иногда производящая основа, обозначая некоторый признак, одновременно привносит его качественную или количественную характеристику, выраженную имплицитно, ср. *mizerný*, *ošklivý*, *hanebný*, *sprostý*, *hrubý* (негативная оценка); *dobrý*, *pěkný*, *hezký*, *hodný*, *milý* (позитивная оценка); *hluboký* — *mělký*, *vysoký* — *nížký*, *široký* — *úzký* (семантически противопоставленные прилагательные, фиксирующие количественную характеристику признака). Последующее присоединение аффикса позволяет уточнить степень проявления обозначенного признака.

му реализуется в той или иной части речи. Так, у прилагательных для этой цели могут быть использованы, помимо словообразовательных средств, играющих, впрочем, главенствующую роль, средства грамматические (степени сравнения *mladší, nejhezčí*), синтаксические (сочетания типа *hezky červený, velice dlouhý* и пр.), комбинированные синтаксико-словообразовательные (*čistočistý, černočerný* и пр.).

Для выявления специфических особенностей исследуемых нами прилагательных небезынтересно сопоставить их с другой функционально близкой категорией — степенями сравнения, также используемой для фиксации степени качества. Проведение аналогии между обеими категориями, неоднократно встречающееся в грамматиках прошлого века, представляется нам в целом вполне оправданным, однако здесь необходимо учитывать следующее принципиальное отличие. Существенной специфической чертой прилагательных со значением степени качества является их способность регистрировать степень качества элятивно, т. е. безотносительно к тому, в какой мере тот или иной признак представлен у других предметов. Фоном, на котором осуществляется градация степени качества, служит семантика производящего слова, являющаяся исходным пунктом шкалы отсчета. Отсчет может производиться в направлении как ослабленной, так и интенсивной степени наличия признака. Факт элятивности оценки, а также возможность констатации качественной характеристики признака (наряду с некоторыми особенностями словообразовательной процедуры — меньшей стабильностью и автоматичностью; пестротой и разнообразием формантов и т. д.) принципиально отличают категорию прилагательных со значением степени качества от категории степеней сравнения.

До недавнего времени в лингвистической литературе уделялось незаслуженно мало внимания изучению вопросов словообразования. Прилагательные со значением степени качества, являющиеся одним из важных компонентов системы адъективного словообразования, также преимущественно оставались за пределами детального лингвистического обследования. В полной мере относится сказанное и к чешскому языкознанию. Скупые и далеко не полные сведения по данной проблематике, содержащиеся в общих грамматических курсах и пособиях по сло-

вообразованию, вряд ли могли существенным образом расширить познания об этой своеобразной лексической категории. Численность исследований, в той или иной мере освещающих специфику словообразования и функционирования прилагательных со значением степени качества, исчисляется единицами. Не считая целесообразным освещать здесь литературу вопроса, мы лишь упомянем некоторые работы, появившиеся относительно недавно. Мы имеем в виду книгу А. Сечковского «Словообразовательная структура прилагательных в чешском и польском языках»³, а также монографию Я. Зимы «Об экспрессивности слова»⁴ (последняя посвящена рассмотрению семантики и стилистического использования оценочной лексики, главным образом деминутивных существительных). Специальные монографические исследования о прилагательных со значением степени качества отсутствуют. С тем большим интересом ожидаем мы в настоящее время публикации коллективного труда по словообразованию современного чешского языка, подготовленного сотрудниками Института чешского языка ЧСАН (автором раздела по словообразованию суффиксальных прилагательных со значением интенсификации является д-р. Зд. Главса, по словообразованию деминутивных существительных — доц. Л. Долежел⁵). Из новейших исследований, посвященных проблематике адъективного словообразования в русском языке, на наш взгляд, следует особо упомянуть докторскую диссертацию и цикл исследований, опубликованных Е. А. Земской⁶, содержащих важные наблюдения практического и теоретического характера над особенностями

³ A. S i e c z k o w s k i. Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Wrocław, 1957.

⁴ J. Z i m a. O expresivité slova. Praha, 1962.

⁵ Авторы данных разделов любезно предоставили нам возможность ознакомиться с рукописями своих исследований. В период, когда настоящая монография подготавливалась к печати, вышел в свет второй том упомянутого коллективного труда: см. Tvoření slov v češtině, 2. Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967.

⁶ Е. А. З е м с к а я. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени. Докт. дисс. М., 1965 (см., в частности, включенное в нее исследование «История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху». М., 1964, и другие работы).

словопроизводства прилагательных вообще и дериватов со значением степени качества в частности. Считаем необходимым подчеркнуть, что изучение прилагательных со значением степени качества на материале различных славянских языков может дать много ценного для сопоставительного изучения славянских языков (ниже в виде приложения мы помещаем некоторые данные справочного характера по отдельным славянским языкам).

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой монографическое описание, освещающее закономерности словообразования, семантики и функционирования прилагательных со значением степени качества в чешском литературном языке конца XVIII—XX вв.

При определении хронологических рамок исследования мы исходили прежде всего из специфики изучаемой лексической категории. Прилагательные со значением степени качества характеризуются относительно низкими частотными показателями (несколько чаще встречаются они в языке произведений художественной литературы, в устной речи, главным образом в речи детей). Не случайно Частотный словарь современного чешского языка⁷ в числе 10.000 слов, имеющих максимальную фреквенцию, приводит всего лишь восемь дериватов указанной семантики. Факт низкой частотности употребления лексем существенно отражается и на самой категории, обуславливая, в частности, снижение темпов протекания таких языковых процессов, как конкуренция и дифференциация словообразовательных средств и типов, лексикализация семантики дериватов, обновление инвентаря словарного состава и т. д. Отчасти поэтому в репертуаре словообразовательных средств рассматриваемых нами прилагательных представлено большое количество недифференцированных дублетных формантов (и соответственно дериватов). Отмеченная особенность имеет большую позитивную ценность для исследователя — она позволяет наблюдать не только результаты, но и непосредственное протекание языковых процессов. В то же время это обстоятельство само по себе предопределяет необходимость эволюционного подхода при изучении прилагательных со значением степени качества, так как лишь на протяжении относи-

⁷ Frekvence slovních druhů a tvarů v českém jazyce. Praha, 1961. В дальнейшем сокращено — FS.

тельно длительного периода существования языка можно наблюдать сдвиги в развитии данной категории лексики.

В качестве хронологического рубежа исследования намеренно была выбрана эпоха чешского Возрождения (с конца XVIII в.), т. е. период становления литературного чешского языка в его различных функциональных проявлениях. Тем самым мы получили возможность наблюдать за эволюцией языка практически в течение двух веков его существования. В сфере словопроизводства эпоха чешского Возрождения характеризовалась активным словотворчеством, смелым лингвистическим экспериментированием, распространявшимся, в частности, и на интересующую нас лексику. Прилагательные со значением степени качества в известном отношении находятся на языковой периферии — они отличаются низкой фреквенцией и лишь в ограниченной степени пополняются новообразованиями — тем не менее для эпохи Возрождения характерна активизация их употребления; указанные прилагательные широко используются в языке произведений художественной литературы, прессы; отмечается попытка вовлечения их в язык научной прозы. Наблюдение над изучаемой категорией в течение относительно длительного периода позволяет проследить эволюцию использования словообразовательных средств и типов, становление или угасание их продуктивности.

Ниже мы остановимся на характеристике материала, на котором построено исследование.

В основе монографии, как правило, лежат наблюдения над письменным языком. В силу условий, в которых выполнялась работа, данные разговорной речи привлекались лишь в очень ограниченной степени. Однако по мере возможности те или иные выводы, к которым мы приходили, выверялись в процессе опроса носителей языка.

При сборе и обработке материала мы условно разграничили изучаемую нами эпоху на два периода: старый — конец XVIII — середина XIX в., т. е. собственно Возрождение, и новый — со второй половины XIX в. по настоящее время. Указанное разграничение позволяло более наглядно проследить эволюцию использования словообразовательных средств и типов. При этом мы стремились, чтобы оба периода были более или менее равномерно иллюстрированы языковыми фактами. Сбор материала производился в двух направлениях: обследование словарей и эксцерп-

ция источников. При написании исследования привлекались данные всех наиболее значительных словарей чешского языка. Для нового периода были использованы материалы «Настольного словаря чешского языка»⁸ и «Словаря литературного чешского языка»⁹, отвечающие самым высоким требованиям современной лексикографической науки. Большое внимание при этом уделялось изучению и сопоставлению словарных помет и отсылок, иллюстраций. При исследовании фактов старого периода мы столкнулись со значительными трудностями, заключавшимися прежде всего в том, что информация, получаемая из словарей, была: а) не вполне исчерпывающей — отсутствовали фреквенционные характеристики, далеко не везде имелись стилистические пометы. Так, в составе одного и того же словообразовательного гнезда словари эпохи Возрождения нередко приводили без какой бы-то ни было дифференциации большое количество синонимов; б) не вполне адекватно отражающей состояние чешского литературного языка той эпохи. Словари, создававшиеся в период, когда норма литературного языка только лишь вырабатывалась, нередко отражали языковую политику их составителей, поэтому в них было множество индивидуальных новообразований, заимствований, не прижившихся впоследствии в конкретной языковой практике. Сказанное в особенности относится к словарю Юнгмана¹⁰. К инвентарю зафиксированных в этом словаре лексем следует относиться с большой осторожностью, поскольку автор, наряду с лексикой, действительно функционировавшей в языковой практике, включал также слова, рекомендуемые им для употребления: заимствования из родственных славянских языков; представлявшие ему удачными образования, имевшиеся в старых словарях; созданные им самим и его современниками новообразования и пр. Учитывая это обстоятельство, мы тщательно сопоставляли набор лексем словаря И. Юнгмана и других словарей той эпохи, толковых и переводных, вышедших как в

⁸ Příruční slovník jazyka českého. I—IX. Praha, 1937—1957 (PS).

⁹ Slovník spisovného jazyka českého. I—II. Praha, 1958—1967 (SSJČ).

¹⁰ J. Jungmann. Slovník česko-německý, d. 1—5. Praha, 1835—1839 (J.).

одно и то же время, так и с хронологическим разрывом ¹¹. В тексте работы каждая из приводимых лексем имеет ссылки на словарные источники, из которых она была извлечена.

При написании работы большое значение придавалось обследованию языка источников, позволяющему нам до некоторой степени ознакомиться с особенностями живой языковой стихии. В ряде случаев данные эксцерпции позволили нам сделать существенные коррективы к тому статичному (а нередко и тенденциозному) отражению лексических богатств языка, которое имелось в словарях. Наличие в составе изучаемой категории большого количества экспрессивно окрашенной лексики предопределяло необходимость учета максимально обширного и разнообразного в стилистическом и жанровом отношении материала. В соответствии с заранее составленной программой выписки производились из источников, относящихся к различным функциональным стилям литературного языка, главным образом из художественной литературы, публицистики (критические статьи, дискуссии, политические листовки, проповеди, наставления и т. д.), прессы, научных сочинений и др. Особое значение придавалось обследованию языка произведений художественной литературы и прессы, т. е. тех стилистических пластов, в которых чаще всего встречается исследуемая нами лексика. Были сделаны эксцерпции из текста произведений, относящихся к различным родам литературного творчества (проза, поэзия, драматургия) ¹², а также к различным литературным жанрам. Изучались, например, жанры прозаические (роман, рассказ, повесть), поэтические (поэма, ода; лирические и другие стихотворения, баллада, романс, идиллия), драматургические (трагедия, бытовая комедия). При про-

¹¹ Назовем некоторые из этих словарей: Fr. K o t t. Česko-německý slovník, zvláště grammaticko-frazeologický, d. 1—7. Praha, 1878—1893 (K); F. J. T o m s a. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch-u. lateinischen Sprache. Prag, 1791 (Tom); J. F. Š u m a v s k ý. Kapesní slovník jazyka českého a německého. Praha, 1859 (Šum); K. J. T h a m. Neues kleines deutsch-böhmisches Wörterbuch, Prag, 1804 (Tham); G. P a l k o w i t s c h. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, I—II. Prag, 1820—1821 (Pal).

¹² Привлечение данных последней особенно важно, так как в драматургических произведениях фиксируется речь персонажей, более ярко отражающая живую языковую стихию

ведении эксцерпции последовательно учитывалось, принадлежит ли данное высказывание автору или же литературному персонажу; принимался во внимание и объект повествования, и адресат, к которому оно относится. Так, особое внимание обращалось на язык произведений, адресованных детям или написанных о детях (например, сказки), поскольку в них более широко представлены экспрессивные (главным образом суффиксальные) дериваты. Сделанные выписки несут пометы о характере стилистических средств, типичных для того или иного произведения (например, «высокий» стиль, нейтральный или разговорный). При изучении языка прессы нами были использованы издания различной направленности (общественно-политические, специальные, например научные). Здесь также учитывался стиль и жанр повествования, характер газетной (журнальной) рубрики, в которой помещено данное сообщение: международная хроника, очерк, политический, экономический, спортивный и другие обзоры, литературная или театральная рецензия, литературное произведение¹³, объявления, справки, консультации редакции, письма читателей и пр. Проводилось также наблюдение над языком произведений народного творчества (изучение языка многочисленных сборников народных песен, сказок), отражающих некоторые особенности народно-разговорной речи. Как известно, последняя характеризуется большей регулярностью словообразовательного процесса, поэтому в ней нередко встречаются лексемы, неправомерные в литературном языке. Данные диалектов в работе не учитывались.

В процессе написания монографии нами были использованы эксцерпции, не только произведенные самостоятельно, но и извлеченные во время научной командировки в Прагу из обширного лексикографического архива Института чешского языка ЧСАН. Картотека архива включает эксцерпции, положенные в основу упоминавшихся выше фундаментальных словарей современного чешского языка. Выписки, относящиеся к новейшему периоду, в этом архиве, к сожалению, очень немногочисленны. В подобных случаях пришлось пользоваться

¹³ Многие издания эпохи Возрождения по своему характеру приближались к литературным альманахам.

исключительно выписками, сделанными нами самостоятельно из соответствующих источников. Большой фактический материал, которым мы оперировали в процессе работы, позволил не только апробировать выводы, базирующиеся на словарных данных, но и внести (на основе статистических подсчетов) некоторые уточнения в имеющиеся у нас сведения о характере функционирования исследуемых прилагательных.

Монография состоит из двух глав, рассматривающих самостоятельные словообразовательные категории, выделяемые в составе прилагательных со значением степени качества — прилагательные со значением интенсификации признака и прилагательные со значением ослабленного признака. Обе словообразовательные категории четко обособлены одна от другой в структурном, семантическом и функциональном отношениях. Композиция глав полностью идентична — они включают разделы, исследующие словообразовательную структуру, семантику и функционирование, степень продуктивности и характер взаимоотношений словообразовательных средств и типов.

Анализ языковых факторов в работе непосредственно сопряжен с последовательным сопоставлением двух синхронных пластов — эпохи Возрождения и современного периода (называемых соответственно старый и новый периоды). Этому же принципу подчинена и подача иллюстративного материала. Несмотря на то, что подобное разграничение и соответствует естественным этапам языковой эволюции, мы сочли нецелесообразным расчленять изложение на указанные два автономных периода, чтобы избежать излишней дробности и повторений. Общие тенденции развития изучаемой категории, а в известной степени и инвентарь словообразовательных средств на протяжении всего исследуемого периода оставались сходными. Поэтому в композиционном отношении более удобно дать общее описание системы словообразования с указанием внутренних смещений и изменений типов и средств словообразования.

Ниже мы рассмотрим некоторые принципы и методологические приемы исследования.

! I. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Основная задача, которую мы ставили перед собой при проведении словообразовательного анализа, заключалась в выявлении словопроизводственных операций (т. е. комплекса структурных преобразований), трансформирующих производящее прилагательное в прилагательное со значением степени качества. Для решения данной проблемы оказалось необходимым тщательно изучить строение соответствующих дериватов с целью установления их словообразовательной формы, т. е. компонентов структуры — основы, аффикса с комплектом парадигматических окончаний, а также сопроводительных фонетических модификаций, сопутствующих словообразовательной операции. Впоследствии выявленные в процессе анализа изолированные словообразовательные структуры были сведены к некоторому множеству типов словообразования. Словообразовательный тип конституируется на базе нескольких однородных в структурном и семантическом отношении дериватов. Как более высокая ступень абстракции он уже является единицей словообразовательной системы. В соответствии с определением М. Докулила¹⁴ лексику, входящую в состав одного и того же словообразовательного типа, объединяет единство словообразовательного значения, лексико-грамматической характеристики основы и вида форманта.

В чешском литературном языке образование прилагательных со значением степени качества осуществляется по строгим и в значительной мере специфическим словообразовательным типам при участии вполне определенного набора аффиксов. Впрочем, помимо лексики, объединенной в составе словообразовательных типов, существуют также изолированные единичные дериваты, способ словопроизводства которых не фиксируется в соответствующих аналогах.

Принципы, которыми мы руководствовались при проведении словообразовательного анализа прилагательных со значением степени качества, в основном были изложены нами в опубликованной ранее статье¹⁵; они соответствуют

¹⁴ См.: М. D o k u l i l. Указ. соч.

¹⁵ См.: Г. П. Н е щ и м е н к о. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке. «Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики». М., 1963.

традициям русской лингвистической науки, а также чешской словообразовательной школы М. Докулила.

Словообразовательный анализ слова в работе проводился при учете характера его функционирования в языке. Словообразовательная структура раскрывалась путем исследования реально существующих синхронных структурно-семантических связей слов между собой. С течением времени характер указанных связей может меняться, обуславливая иную интерпретацию структуры слова. Для вычленения производящей основы необходимым является наличие ее в свободном или связанном виде за пределами данного слова. Обособление аффиксальной морфемы может производиться: а) в результате вычитания из структуры слова его производящей основы, например, *hloupý* > *hloup(y)* + *-ovat-* — в современном чешском языке суффикс *-ovat-* со значением степени качества в других словах не встречается; б) в результате отождествления, по крайней мере в двух различных лексемах, идентичной комбинации фонем, имеющих аналогичную функциональную нагрузку (ср. русск. *малина*, *смородина*). При выделении аффиксов со значением степени качества достаточно первой процедуры, поскольку специфика данной модификационной категории сохраняется лишь до тех пор, пока существует четкая структурно-семантическая соотнесенность с соответствующими исходными производящими прилагательными.

Одним из исходных положений работы является признание возможности одновременного вариативного членения словообразовательной структуры слова в зависимости от вида его ассоциативных связей с окружающей лексикой. Факт одновременного вычленения в одном и том же слове параллельных словообразовательных структур особенно последовательно прослеживается у ряда префиксально-суффиксальных дериватов со значением ослабленного признака.

Описание словообразовательной структуры прилагательных со значением степени качества сопряжено с выделением следующих типов аффиксов: префиксов, суффиксов, префиксально-суффиксальных и, наконец, вставных морфем. Указанные аффиксы можно подвергнуть следующей дифференциации: а) морфемы простые, или непрерывные — морфемы сложные, или прерывистые; б) морфемы, имеющие фиксированное место в структуре деривата —

морфемы, не имеющие фиксированного места в структуре деривата. Рассмотрим данные оппозиции. Первая оппозиция достаточно очевидна и не нуждается в особых комментариях. К числу простых морфем относятся префиксы, суффиксы и так называемые вставные морфемы (см. ниже). Им противопоставлены сложные, прерывистые, префиксально-суффиксальные морфемные комплексы, окаймляющие с обеих сторон основу; ср. *na-bled-l(y)*; *na-ru žov-ěl(y)* и пр. Оба компонента расчлененной морфемы выполняют единую функцию — вносят значение степени качества, отсутствующее у производящего слова. В связи с тем, что префиксальная и суффиксальная части сложной морфемы существуют в монолитном единстве и объединены общей функцией, мы считаем правомерным квалифицировать их как единый морфематический комплекс. Заметим, что оппозиция простые — сложные морфемы правомерна лишь для словообразовательной структуры прилагательных со значением ослабленного признака (для прилагательных со значением интенсификации она неактуальна). Стимулом для укрепления префиксально-суффиксального способа словообразования прилагательных со значением ослабленного признака явилось развитие адъективных значений у исконно девербативных конструкций.

Противопоставление аффиксов по их позиции в структуре деривата возможно, напротив, лишь у прилагательных со значением интенсификации. Словопроизводство указанных прилагательных, наделенных выразительной экспрессивной окраской, характеризуется использованием своеобразных словообразовательных приемов. Говоря это, мы имеем в виду прежде всего уникальную для славянских языков процедуру включения в структуру слова вставных морфем. Поскольку данный тип морфем в лингвистической литературе описан не был, мы остановимся более подробно на его характеристике.

Вставные морфемы представляют собой особую разновидность словообразовательных аффиксов, рельефно отличающуюся от таких морфем, как префиксы и суффиксы. Под вставной морфемой мы понимаем фонематический комплекс, состоящий из комбинации *VC* (преимущественно) — *-ič-*, *-in-* или *CV* (*-li-*), который: а) «паразитирует» на первичных морфемах; б) вклинивается внутрь структуры производящей основы; в) не имеет строго фиксированного места в структуре деривата (см. ниже). Приведем здесь

лишь несколько примеров, иллюстрирующих использование вставных морфем: *celič-ič-ký*, *drobouč-ič-ký*, *mali-li-nký*, *uzou-li-nký*, *velik-an-ánský* и пр. Вставная морфема несет совершенно очевидную семантическую нагрузку — является носителем значения интенсификации. Следует подчеркнуть, что при словопроизводстве прилагательных со значением интенсификации сфера использования вставных морфем является достаточно ограниченной — первостепенное значение имеет привлечение суффиксальных морфем.

Описывая словообразовательную структуру суффиксальных прилагательных со значением интенсификации, исследователи квалифицируют в качестве суффиксов со значением интенсификации фонематические комплексы *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* и пр., следующие непосредственно за производящей основой. Проведение морфемного анализа позволяет установить, что данные словообразовательные суффиксы не являются в полном смысле слова монолитными и семантически целостными: они состоят из двух морфем, несущих различную функциональную нагрузку. Убедиться в справедливости сказанного можно, в частности, при помощи двойной (горизонтальной или вертикальной) ассоциации:

<i>malý</i> → <i>maličký</i>		Сопоставление по горизонтали позво-
<i>chudý</i> → <i>chudinký</i>		ляет обособить корневую морфему
<i>tenký</i> → <i>tenounký</i>		<i>mal-</i> , <i>chud-</i> ; <i>ten-</i> , <i>hez-</i> (с усечением
<i>hezký</i> → <i>hezounký</i>		<i>-k-</i>). Вертикальная ассоциация дает

возможность расчленить остаточный фонематический комплекс *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* (после вычета парадигматических окончаний) на две самостоятельные морфемы *-ič-*, *-in-*, *-ouč-*, *-oun-*, с одной стороны, и *-k-* — с другой. Для идентификации морфем полезно сопоставить анализируемые образования и соответствующие одноосновные производные; ср.: *malinký*, *malounký*, *maloučký*, *chudičký* и т. д. Таким образом, в конечном итоге морфематическая структура слова имеет следующий вид: *mal-ič-k-ý*, *chud-in-k-ý*, *ten(k)-oun-k-ý*, *hez(k)-ouč-k-ý* (флексия *ý* в данном случае условно представляет набор парадигматических окончаний). Морфемы *-ič-*, *-in-*, *-ouč-*, *-oun-*, отличающиеся одна от другой в плане выражения, тождественны в функциональном отношении: они являются носителями основного словообразовательного значения данной категории — значения степени качества, поэтому в дальней-

шем для определения этих и подобных морфем мы будем пользоваться рабочим термином «ядерная морфема». Морфема *-k-* выполняет чисто структурную функцию, завершая оформление основы; семантической нагрузки она не несет. В сочетании с парадигматическими окончаниями данный суффикс сигнализирует принадлежность слова к классу прилагательных (ср. также наличие суффикса *-k-* в структуре прилагательных типа *sladký, těžký* и т. д.). В фонематическом отношении ядерная морфема имеет вид *VC* (на месте гласного может быть представлен и дифтонг «*ou*»). Ядерная морфема (в отличие от вставной) характеризуется фиксированной позицией в структуре слова — обычно она находится непосредственно за производящей основой; ср.: *dobr(ý) -ouč- k(ý), pěkn(ý) -'oun-k(ý)* и пр. Указанная морфема может использоваться как компонент первичной (главным образом) и вторичной словообразовательных процедур. В последнем случае она нанизывается либо на предшествующую ядерную морфему *dlouhat(ý) -ánsk-*, либо на структуральную морфему *-k-*, следующую за ядерной морфемой: *droboulínk(ý) -at(ý)*.

Описание словообразовательной структуры прилагательных со значением степени качества в работе, как правило, построено по единому плану, предусматривающему:

- 1) общую характеристику отдельных способов словообразования, свойственных той или другой словообразовательной категории; 2) перечень инвентаря словообразовательных типов; 3) детальную характеристику словообразовательного типа с учетом вида: а) производящей основы; б) аффикса¹⁶. Особо анализируются фонетические модификации основы (или же аффикса) в ходе словообразовательной операции.

II. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследование семантики и функционирования прилагательных со значением степени качества не является в настоящей работе самоцелью — как правило, оно подчинено

¹⁶ В работе мы не останавливались специально на характеристике комплекта парадигматических окончаний, также входящих в состав словообразовательного форманта, поскольку парадигма производящего и производного прилагательных является, как правило, идентичной.

задаче детального описания закономерностей словообразования данной лексики.

При проведении семантического анализа нас особенно интересовал ряд проблем, имеющих принципиально важное значение. Назовем некоторые из них.

1. Специфика семантической сущности прилагательных со значением степени качества, предопределяющая их внутреннюю дифференциацию на дериваты со значением ослабленного признака и со значением интенсификации. Решению данной проблемы предшествовало тщательное изучение семантической интерпретации дериватов в словарях чешского языка, материалов эксерпции; учитывались и комментарии эксерпторов в виде помет на карточках архива ИЧЯ; большое значение придавалось обследованию результатов опроса носителей языка. Конфронтация различных способов толкования семантики анализируемых прилагательных, осуществлявшаяся, как правило, в рабочем порядке, дает возможность с максимальной объективностью установить истинное семантическое наполнение исследуемой лексики. Подобное сопоставление особенно важно в тех случаях, когда нам приходится иметь дело с явлениями языка эпохи Возрождения. При изучении фактов языкового прошлого мы не можем доверять интуиции (тем более, что многие образования, фиксируемые в чешском языке конца XVIII — первой половины XIX в., в современном языке воспринимаются как устаревшие или же вообще не встречаются); известную опасность таит и проведение аналогии, параллелей с фактами современного языка. Положение затрудняется также ограниченным количеством эксерпций, не позволяющим определенно судить о значении того или иного слова. Все это вызывает необходимость комплексного использования различных приемов лингвистического исследования. В ряде случаев оправдало себя привлечение контекста, позволяющего детализировать информацию, заложенную в слове. Контекстные данные могут играть двоякую роль: а) пассивного иллюстратора, раскрывающего семантику деривата; б) активного компонента в формировании семантики слова (у прилагательных со значением интенсификации). В работе мы оперируем контекстом различной величины — пространным и очень узким, практически совпадающим с синтагмой (наречие + прилагательное; прилагательное + определяемое существительное — последний, в частности,

позволяет иногда внести существенную детализацию в семантический облик не только отдельного образования, но и целого словообразовательного типа).

2. Установление наличия непосредственной зависимости между появлением значения степени качества и фактом совершения словообразовательной процедуры — иными словами требуется доказать, что появление значения степени качества обусловлено характером словообразовательной процедуры. Для утвердительного ответа на этот вопрос оказалось необходимым изучить характер семантического вклада компонентов словообразовательной структуры слова, т. е. основы и аффикса. Здесь оказалось полезным рассмотрение значения производящей основы при учете характера денотата, а также имплицитно выраженной количественной или качественной оценки признака, обозначенного основой. Проведенный анализ позволил установить семантические типы основ; были выявлены, в частности, семантические поля¹⁷, в пределах которых возможно образование прилагательных со значением степени качества. Примечательны факты семантической специализации словообразовательных формантов, выражающейся в тяготении формантов к определенному кругу основ. В этом разделе рассматривается и ряд других важных вопросов, например средства нагнетания значения степени качества, основные типы значения исследуемых дериватов и т. д. Уделяется внимание и изучению явления утраты словообразовательного значения, которое в некоторых случаях может служить симптомом распада словообразовательного типа, поскольку лексика, входящая в состав словообразовательного типа, как правило, отличается прозрачностью в структурном и рельефностью в семантическом отношениях. Указанный факт является чрезвычайно важным обстоятельством, предопределяющим само существование словообразовательного типа. Говоря о рельефности словообразовательного значения, мы имеем

¹⁷ Определение семантического поля см.: Ст. У л ь м а н. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология («Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 20): «Семантическое поле определяется как тесно связанный по смыслу раздел словаря, различные элементы внутри которого определяют границы друг друга и покрывают, подобно мозаике, сферу понятия. Такими полями являются, например, шкала цветовых обозначений, термины, обозначающие интеллектуальные и моральные ценности, чувственные восприятия, мистические переживания и т. п.»

в виду, что: а) семантический вклад производного слова отчетливо обнаруживается при сопоставлении его семантики с семантикой производящего слова; б) семантика производного слова является обязательным следствием определенной словообразовательной процедуры; в) словообразовательное значение закрепляется путем воспроизведения его в ряде однотипных в структурном отношении образований.

III. АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА

Основная задача данного подраздела заключается в установлении сфер употребления прилагательных со значением степени качества в чешском литературном языке старого и нового периода. Для этого понадобилось широкое привлечение материалов эксцерпции. В процессе анализа прослеживалась эволюция степени употребления интересующих нас прилагательных в различных функциональных стилях литературного языка, в литературных произведениях различных жанров. Исследовались также случаи ситуационной обусловленности использования данных прилагательных. Изучение типов контекстных окружений, в которых наиболее часто находятся в речи прилагательные со значением степени качества, позволило внести уточнение в характер функционирования ряда словообразовательных типов. В работе констатируется и аргументируется факт наличия зависимости между масштабами употребления прилагательных со значением интенсификации и характером господствующей в языке стилистической нормы, а также зависимости между степенью выразительности экспрессивной окраски и частотностью употребления лексики в языке.

IV. УСТАНОВЛЕНИЕ СТЕПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТИПОВ И СРЕДСТВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Несмотря на то, что изучаемая нами категория занимает в языке несколько периферийное положение — в частности, лишь в ограниченной степени она пополняется новообразованиями, носители языка в своей речевой прак-

тике нередко обращаются к лексическому пласту, объединяемому в рамках данной категории. Потенциальные словопроизводственные возможности ряда словообразовательных типов не только не являются исчерпанными, но и могут в случае необходимости использоваться в качестве образца, по которому создаются новые слова.

В числе причин, оказывающих влияние на степень словообразовательной активности типов словопроизводства, можно назвать: а) специфические особенности, присущие тому или иному словообразовательному типу и образованным по его подобию дериватам — прежде всего здесь имеются в виду факты их структурной, семантической специализации; б) конкуренция с дублетными словообразовательными типами или лексемами; в) общезыковые закономерности, в частности эволюция языковой нормы. Так, на судьбу исследуемых нами прилагательных со значением интенсификации большое влияние оказала прошедшая демократизация чешского литературного языка.

При установлении степени продуктивности формантов со значением степени качества использовался комплекс критериев, изложенных нами в статье «Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке»¹⁸. Во внимание принимались специфика структурных и семантических связей словообразовательного аффикса, его участие в процессе создания новообразований, в процессе конкуренции дублетных морфем. Особенно большое значение, как это и акцентировалось в упомянутой выше статье, придавалось изучению данных конкуренция.

Под конкуренцией мы понимаем явление сосуществования в языке дублетных образований, отличающихся словообразовательной структурой¹⁹ и характеризующихся в то же время сходством лексического и тождеством словообразовательного значения; указанные лексемы не отличаются одна от другой в стилистическом плане. Конкуренцию можно сравнить с состоянием подвижного равновесия, прекращающегося в том случае, если нарушаются отмеченные выше условия и наступает функциональное (семантическое или стилистическое) разграничение кон-

¹⁸ См.: «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIX. М., 1960.

¹⁹ Здесь и впоследствии мы исследуем ход конкуренции в кругу слов, имеющих словообразовательную структуру.

курующих образований. Отмечая факт сходства лексического значения в противовес тождеству словообразовательного, мы хотим оттенить ту мысль, что семантика конкурентов может совпадать не в полном объеме их значения, а лишь частично. Так, *natvrdlý* 'poněkud tvrdý, přitvrdlý' PS и *přitvrdlý* 'trochu, poněkud tvrdý, natvrdlý' PS конкурируют друг с другом лишь в рамках только что отмеченного основного значения, однако это отнюдь не означает, что семантика данных дублетов полностью идентична: в семантике *přitvrdlý* отсутствует значение 'nedoslýchavý, nahluclý', отмечаемое PS для *natvrdlý*. Следовательно, данные образования являются не полными, а частичными дублетами, конкурирующими в рамках сходного значения. Возникновение состояния конкуренции возможно лишь у словообразовательных формантов одной ступени: конкуренция между первичными, с одной стороны, и вторичными дериватами — с другой, исключается в силу существующего между ними семантического различия: вторичные дериваты выражают бóльшую степень интенсификации признака, чем первичные (ср. хотя бы следующее высказывание: *nevezmete-li jim tu malou, malilinkou, méně než malinkou špetku rozumu, která jim ještě zbývá, Sládek. Shakespeare. Trojl., 1911-A*). Исключается конкуренция и между одноосновными суффиксальными и префиксальными дериватами; ср. *převeliký* — *velikánský*, *přemalý* — *maličký* и пр. Этому препятствует в первом случае наличие отчетливого стилистического различия (*převeliký*, книжное, *velikánský*, разговорное), во втором — помимо стилистического (*přemalý* имеет, несомненно, оттенок книжности), также и семантическое различие (характер эмоциональной нюансировки суффиксального деривата).

При выявлении дублетных образований, участвующих в процессе конкуренции, учитывались такие показатели, как включение предполагаемых дублетов в состав одной и той же словарной статьи, привлечение их в качестве семантических эквивалентов при интерпретации значения друг друга²⁰ и характер семантической интерпретации

²⁰ Ср.: (SSJČ) *nahlouplý* 'poněkud, trochu hloupy, přihlouplý'; *přihlouplý* 'trochu hloupy, nahlouplý'; *nahořklý* 'poněkud hořký, přihořklý'; *přihořklý* 'trochu hořký, nahořklý'.

слова вообще ²¹. Кроме того, использовались иные доступные нам приемы анализа, например подстановка в контекст контрольного слова на место имеющегося при соблюдении требования сохранения семантической целостности высказывания; принималось во внимание сходство контекстного окружения, нарушение структурно-семантического согласования рядом стоящих прилагательных со значением интенсификации и пр. При оперировании современным материалом, помимо названных выше, учитывались такие моменты, как результаты опроса носителей языка; исследовались, в частности, комментарии эксцерпторов, имеющиеся в архиве ИЧЯ — данные комментарии квалифицировались нами как реакция носителя современного чешского языка на факты языкового прошлого. Следует оговорить, что подстановка в текст, опросы носителей языка и другие рабочие приемы играли лишь вспомогательную роль; основной же акцент делался на данные словарей и прежде всего на эволюцию словарных помет в последовательно издаваемых словарях (красноречивым является и факт отсутствия в современных словарях тех или иных прилагательных). Тщательно изучались и комментарии, имеющиеся в грамматиках чешского языка как старого, так и нового времени.

Широко используются в работе статистические данные, извлеченные из FS либо являющиеся результатом наших собственных подсчетов, выполненных на основе картотеки, вобравшей в себя все имеющиеся в нашем распоряжении эксцерпции (включая и эксцерпции ИЧЯ). Цифровые данные последнего рода имеют не абсолютную, а относительную ценность; они важны для нас как некоторое приближенное, но в то же время достаточно адекватное отражение существующих в языке пропорций. Привлечение статистики позволило, например, выявить факты намечающегося семантического обособления некоторых дублетных образований, уточнить направление эволюции словообразовательных типов. Использование в работе комплекса критериев и, в частности, результатов процесса конкуренции как самого красноречивого и объективного показателя позволило выявить наиболее или, напротив, наименее продуктивные типы и средства словообразования прилагательных со значением степени качества.

²¹ *Tukovina jest přižluté barvy, Hlasatel (=nažloutlý); (křečkova) barva jest přičervená, F. J. Tomša. Werner. Zp. vypl. hm., 1810-A (=načervenálý).*

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРИЗНАКА

Специфической особенностью прилагательных со значением интенсификации признака, рассматриваемых в настоящем разделе работы, является их способность служить средством выражения экспрессии. Указанное функциональное назначение накладывает отпечаток на закономерности словопроизводства, семантики и функционирования данных прилагательных, которые будут изучены нами ниже.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

I. Общая часть

В чешском литературном языке словопроизводство прилагательных со значением интенсификации может осуществляться посредством использования первичных и вторичных словообразовательных процедур. Строгая иерархизация указанных процедур, при которой вторичной процедуре непременно предшествует первичная, — характерная особенность словопроизводства данных прилагательных. Напомним лишь, что при словообразовании оценочных существительных подобная строгая последовательность соблюдается далеко не всегда; здесь допустимо использование деривата второй ступени в функции деривата первой ступени, а также образование деривата первой ступени по образцу деривата второй ступени.

В ходе первичной процедуры дериват со значением интенсификации образуется путем словообразовательной трансформации исходного прилагательного, лишённого эксплицитно выраженного значения интенсификации признака. Словообразование первичных прилагательных в чешском языке активно осуществляется в соответствии

с правилами препозиции и постпозиции, т. е. путем постановки модифицирующего члена (словообразовательного аффикса) либо непосредственно впереди, либо после основы. В первом случае в качестве модификатора используются префиксальные морфемы — последовательность словообразовательной операции наглядно представляет схема $\Pi + O$; во втором случае производящая основа расширяется посредством присоединения суффикса — схема $O + C (+ \Phi)$. Ср.: $p\check{r}e- \rightarrow hezk(\check{y}) \leftarrow -ou\check{c}k-, -ounk-$; $p\check{r}e- \rightarrow mil(\check{y}) \leftarrow -ou\check{c}k-, -ounk-$ и т. д.

Как суффиксальное, так и в известной степени префиксальное словопроизводство прилагательных со значением интенсификации получило в чешском литературном языке широкое развитие. Это отражается в общей численности и сфере функционирования дериватов данной словообразовательной структуры. Префиксальное словопроизводство осуществляется при помощи ряда формантов. В числе их находятся префиксы *pře-*, *pra-* (*prach-*), *roz-* (*rozto-*), *vele-*, подвергшиеся значительной десемантизации (за исключением последнего *vele-*, у которого сохранились следы исконного семантического содержания), — семантический вклад префикса в образуемое при его помощи слово не имеет генетической подоплеки, а является благоприобретенным в процессе систематического взаимодействия с определенным кругом основ. В составе префиксов находятся и форманты заимствованного происхождения *arci-*, *hyper-*, *ultra-*, функционирование которых в чешском языке нередко совпадает с традициями их использования в языке-источнике. Значительно реже в функции модификатора выступают полнозначенательные слова *sebe-*, *div-*, *vše-*, *veškero-*, *vysoko-*, *velebno-*, *mil-*. Образования этого рода можно определить как сложные слова, однако мы в настоящей работе не считаем целесообразным строго отграничивать их от префиксальных производных и выделять в связи с этим в особый способ словопроизводства, поскольку: а) схема словообразования в обоих случаях является идентичной; б) численность лексики спорного вида невелика; лексика имеет в большинстве случаев ограниченную сферу употребления; в) используемые как модификаторы полнозначенательные слова подверглись формализации, некоторые из них стали дублетами префиксальных морфем *velemoudrý*, *velicemoudrý*, *přemoudrý*, *vysocevážený*, *velevážený*.

Важной приметой суффиксального словопроизводства прилагательных со значением интенсификации является наличие набора разнообразных словообразовательных формантов. Суффиксальные дериваты обычно группируются в виде разветвленного словообразовательного гнезда вокруг ограниченного круга основ, как бы фокусирующих всю словопроизводственную деятельность. Заслуживает внимания и тот факт, что обнаруживаемые у суффиксальных дериватов словообразовательные типы менее дифференцированы один от другого, чем словообразовательные типы префиксальных прилагательных.

При вторичных словообразовательных процедурах в словопроизводственный процесс вовлекаются прилагательные со значением интенсификации; цель соответствующего структурного преобразования заключается в нагнетании значения интенсификации, уже присущего производящему слову. Вторичные процедуры наиболее широко распространены у суффиксальных дериватов со значением интенсификации. Однако и здесь, по подсчетам чешского лингвиста Зд. Главсы, выполненным на основе PS, доля первичных процедур составляет 89%, вторичных — 11%. Отсюда вытекает, и это детально будет показано ниже, что отнюдь не каждое прилагательное со значением интенсификации может стать объектом вторичной процедуры. Вторичные процедуры представлены двумя словообразовательными операциями — «нанизывания» и вкладывания «вставных» морфем. Сущность операции «нанизывания» заключается в присоединении дополнительного аффикса интенсификации — как префикса, так и суффикса. Нанизываемый аффикс может быть полностью идентичен форманту, уже имеющемуся в структуре слова — в этом случае мы говорим о явлении редупликации (словообразовательный прием может повторяться — обычно два раза): $\Pi + (\Pi + O)$, $\Pi + [\Pi + (\Pi + O)]$. Линейную последовательность процедуры допустимо интерпретировать иначе: $(\Pi + \Pi) + O$, $(\Pi + \Pi + \Pi) + O$, что, однако, не имеет принципиального значения; ср.: *řepřeheský*, *řepředaleký*. Аналогично и при суффиксальном словопроизводстве: $(O + C) + C (+\Phi)$; ср.: *malounininký*, *velikanánánský*, *dlouhanananánský* и т. д. В качестве дополнительной морфемы, нанизываемой на уже имеющийся формант со значением интенсификации, могут использоваться морфемы иной структуры: $\Pi' + (\Pi + O)$ или $(O + C) +$

+ С' (+ Ф). Примером являются образования типа *pře-roztomilý*, *převeleslavný*, *převelevážený*, *maličkatý*, *droboulinkatý*, *dlouhatánský*. Операцию вкладывания «вставной» морфемы, о которой уже упоминалось во введении, мы детально рассмотрим в соответствующем разделе работы.

Установление словопроизводственной соотнесенности прилагательных со значением интенсификации осуществляется без особых затруднений. Словообразовательная структура дериватов обычно достаточно прозрачна; фонетические модификации производящей основы полностью соответствуют допустимым в чешском языке нормам. Лишь иногда установление морфемного шва осложняется отсутствием четкого водораздела между основой и суффиксом. Известен, например, случай наложения конечной морфемы основы и суффикса; ср.: *jedin(ý) + -ink-* > *jedin-ký* (интерпретация предложена Зд. Главсой). У префиксальных дериватов стыки словообразовательных морфем выявляются без особых затруднений; присоединение префикса не сопровождается фонетическими модификациями основы.

Словообразовательный анализ данных прилагательных, как правило, осуществляется при учете единственно возможной мотивировки словообразовательной структуры. Словообразовательная интерпретация ограниченного числа дериватов допускает использование нескольких параллельных мотивировок (соответственно нам приходится иметь дело с несколькими параллельными словообразовательными структурами одного и того же слова). Указанное явление наблюдается обычно в тех случаях, когда в структуре прилагательного одновременно сочетаются как префиксы, так и суффиксы интенсификации; ср.: *přehezounký* PS*, *předrobňoučký* PS expr., *překratičský* PS, *přemalinký* PS expr., *převelikánský* PS expr., *pradroboundký* PS, *pramalinký* PS, SSJČ, *prachudičský* PS expr., SSJČ řidč. expr., *rozmilounký* PS expr., SSJČ řidč. expr., *roztomiloučský* PS expr., SSJČ expr. Анализируя структуру подобных прилагательных, мы имеем несколько возможностей вычленения словообразовательных компонентов: а) выделяя префиксы *pře-*, *pra-*, *roz-*, *rozto-*, мы полагаем, что именно они являются модификаторами производящего слова, следовательно, и структура членится: *pře-hezounký*, *pře-jemňoučký*, *pra-malinký*, *rozto-miloučský*, *rozto-milounký* и т. д.; б)

выделяя суффиксы, мы членим структуру иначе: *přehez(ký)-ounký*, *přejemn(ý)-'oučký*, *pramal(ý)-inký*, *roztomil(ý)-oučký*; в) выделяя префиксально-суффиксальную морфему, следующим образом интерпретируем структуру: *přehez(ký)-ounký*, *pře-jemn(ý)-'oučký*, *pra-mal(ý)-inký*, *roztomil(ý)-oučký*, *roz-mil(ý)-ounký*. Указанные параллельные мотивировки более или менее равноценны, хотя иногда можно выделить преобладающую и, напротив, второстепенную мотивировки. Лексика, подобная приводимой выше, характеризуется низкой фреквенцией, в словарях литературного чешского языка она отражена скупо и почти всегда с ограничительными пометами. Носители языка обычно квалифицируют их как малоупотребительные.

Прилагательные со значением интенсификации образуются от основ качественных прилагательных. Состав производящих основ может быть расширен за счет вовлечения единичных некачественных (относительных, притяжательных) прилагательных, функционирующих, впрочем, в окачественном значении, а также некоторых числительных и местоимений, имеющих внешние формальные приметы прилагательного. Отмеченное расширение инвентаря основ не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на судьбу словообразовательных типов, не делает их более универсальными, чем они были до сих пор. Подобные отклонения от общепринятого образца малочисленны и нередко носят характер языковой аномалии, эксперимента, осуществляемого тем или иным автором в поисках более броского слова. Примером подобного экспериментирования могут служить новообразования с префиксом *pře-*; появившиеся в сфере специальной терминологии в эпоху чешского Возрождения: *okolíky přemnohopramenné*, *Všeob. rostl.*, 1846—A; *listy přemnohojařmé*, *Ibid.*; *strom převětvenatý*, *Ibid.*; *přeouzkočárkovitý*, *přetenkostěnný*, *přeširokosrdčitý*—*Ibid.* В качестве производящей основы используются прилагательные (преимущественно единственного числа), взятые в полной форме. Случаи сочетания с краткими формами отмечаются словарями XIX в. лишь для префикса *pře-*, иллюстративный материал в большинстве случаев отсутствует. Ср. *převysok J*¹*, *přepln J*, *přelacin J**,

¹ Помета* у Юнгмана идентична помете † в PS и SSJČ.

přeslán J; в экскерпциях²: *převeselo* (1883), *překrásno* (1885), *přelehko* (1874), *přemilo* (1890), *přemohoucen* (1873), *přeneblážen* (1865), *přeblážen* (1907); *přesmuten* (1929), *přeprotiven* (1873), *přehlúčen* (1863), *přebohata*, *přebohat* (1865, 1867). Подобные образования выполняют обычную функцию кратких прилагательных — выступают в качестве именной части составного сказуемого: *Na návsi je převeselo*, Neruda. Ball. a rom., 1883-A; *Osud přebohat jest stránek tragických*, Světozor, 1867-A. В исключительных случаях они используются в качестве определения: *ve Španělich se křičí z přeplna hrdla*, K. Čapek. Výl. do Šp., 1930-A. Зафиксирован также случай присоединения префикса *pra-* к краткой форме прилагательного: *bylo věci své prajisto*, Tyl. Kusy mého srdce, 1844-A. Образование кратких прилагательных отмечено и у суффиксальных дериватов; ср.: *byla tak chudička*, Jirásek. Věk, IV, 1901-A; *včeličky jsou zvířátka maličky*, Šum. M. čít. Новейшие словари чешского языка практически не приводят случаев образования кратких прилагательных от дериватов со значением интенсификации. Данная особенность не является узко региональной чертой, присущей лишь исследуемым прилагательным, — она непосредственно обусловлена общим процессом выхода из употребления кратких прилагательных.

Круг производящих основ префиксальных прилагательных (в особенности дериватов с *pře-*) значительно шире, чем у суффиксальных прилагательных со значением интенсификации. Так, PS регистрирует около 430 дериватов с *pře-*, 190 — с *pra-*; численность образований с *-oučk-* достигает 140, *-ounk-* — 97, *-ičk-* — 55 и *-ink-* — всего лишь 41. Префиксы, участвующие в образовании прилагательных со значением интенсификации, отличаются относительно широкими комбинаторными возможностями: они легко сочетаются с основами, имеющими самое разнообразное звуковое оформление начального слога основы. Особенно выразительно это проявляется у префикса *pře-*. Присоединение суффиксов интенсификации лимитируется рядом ограничений: они не сочетаются с прилагательными мягкой разновидности, основами заимствованного происхождения, основами, имеющими сложную структуру.

² Краткое прилагательное воспроизводится в такой форме, в какой оно представлено в соответствующей экскерпции.

Указанные и другие ограничения сужают базу словопроизводства суффиксальных прилагательных со значением интенсификации.

Рассмотрев в общих чертах некоторые особенности словопроизводства прилагательных со значением интенсификации, мы остановимся ниже на более подробной характеристике словообразования префиксальных и суффиксальных дериватов.

II. Словопроизводство префиксальных прилагательных

Характеристика словообразовательных типов

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й тип: префикс *pře-* + имя прилагательное. По данному типу образуется лексика, наделенная значением интенсивной (эквивалент 'очень + прилагательное') или максимально возможной в представлении субъекта (эквивалент 'чрезвычайно, сверх меры + прилагательное') степени проявления признака, обозначенного производящим словом. Ср. семантическую интерпретацию в SSJČ: *přečastý* 'velmi, nadmíru častý', *předlouhý* 'velmi, nadmíru dlouhý', *přetěžký* 'velmi, nadmíru těžký'.

В словарях эпохи Возрождения изредка фиксируется дериват *přesklidný*, образованный с помощью вариантной по отношению к префиксу *pře-* морфемы *přes-*: *Ay Moužieš, jsa muž přesklidný* -J. Архаичность данного образования несомненна, в современном языке он был вытеснен дублетом с *pře-* (*překlidný* K, Šum, PS).

Характеризуя словообразовательный тип с префиксом *pře-*, следует учитывать, что потенциальная возможность появления новообразований данной структуры в чешском языке обычно легко реализуется, поэтому указанный словообразовательный тип правомерно определить как способ словопроизводства открытого ряда. Комбинаторная неприхотливость префикса *pře-* позволяет ему свободно сочетаться с основами различного структурного и грамматического оформления — в равной степени он может присоединяться к основам: производным и непроизводным, простой структуры и сложной, твердой разновидности склонения и мягкой, чешского и заимствованного происхождения.

Наиболее часто префикс *pře-* присоединяется к непроизводным основам: *přečistý* J, K, Šum, Pal, PS, SSJČ řidč.; *přechorý* PS*; *přechudý* PS, SSJČ; *předaleký* PS, SSJČ; *předlouhý* J, K, Šum, Kon, PS, SSJČ; *přemilý* J, K, Pal, Šum, PS, SSJČ ron. zast. и многие другие. Среди производных основ более многочисленными являются дещубстантивные образования: *přebolestný* J, K, Tom, Šum, Kon, Tham, PS, SSJČ řidč.; *predobrotivý* J, K, Kon, Šum, Pal, PS, SSJČ řidč.; *překrásný* J, K, Šum, Kon, PS, SSJČ; *přechutný* J, K, Šum, PS, SSJČ*; *přežalostný* J, K, Šum, PS, SSJČ ron. zast. В меньшем количестве представлены девербативные (в частности, адъективированные причастия) дериваты: *přeznalý* PS; *přeznámy* PS, SSJČ řidč.; *překáravý* J, K, Kon; *přezuřivý* J, K, Kon. Реже встречаются случаи присоединения *pře-* к деадъективным прилагательным — чаще всего это основы, содержащие отрицание: *přenešlechtný* J, K, Pal, Kon, PS; *přenelítostný* J, K, Šum, Kon; *přenešťastný* J, K, Kon, Pal, Šum, PS, SSJČ. Сюда же относятся и образования типа *přebzrounký*, о которых сказано выше. Присоединению префикса обычно не препятствует наличие в структуре производящего слова других синонимичных аффиксов; ср.: *převšemocný*, *převšemohoucí* K; *převelevážený* PS*; *převeleslavný* J, K, Šum; *přenadpřírozený* J; *přerozmilý* J, K, Kon, PS, SSJČ*; *přeroztomilý* J, K, Kon, PS, SSJČ*. Изредка производящая основа может быть образована от наречия: *přebzrký* PS*; *přesakramentský* PS*, SSJČ* expr.; *přezvláštní* PS; в единичном случае исходное прилагательное образовано от числительного (*přejediný* K).

В абсолютном большинстве случаев *pře-* присоединяется к основам, имеющим простую структуру. Исключение составляют: *přectihodný* PS; *přelibozvuký* PS*; *přeblahořečený*-A; *přeblahodětný*-A; *přetajuplný*-A; *přeušlechtiloctný*-A; *přezlopověstný*-A. Число подобных дериватов невелико, все они малоупотребительны и архаичны. Изредка встречаются случаи присоединения *pře-* к сложному определению в виде сочетания притяжательного местоимения и прилагательного: *Přemůj-milý bože*, Holeček. Naši, 1907; *Přemujmilyj kmotříčku*, Ваар. Chod. roh., 1922-A (диалектная речь). Данные образования можно квалифицировать как результат «вклинивания» дополнительных определений между префиксом и словом, к которому он относится; ср.: *Přemé milé vlasy*;

Pře-mý vlásky kadeřavy; Pře-mé milé vlasy, škoda vaší krásy, Er. P.; *Pře-má milá kmotra* (примеры взяты из словаря Я. Котта).

В подавляющем большинстве случаев префикс *pře-* оформляет основы чешского происхождения; заимствованная лексика вовлекается в словообразовательный процесс более медленными темпами и не в столь широком объеме. Интенсивнее этот процесс начал развиваться с середины XIX в. — большинство приводимых ниже дериватов возникло в чешском литературном языке именно в этот период: *preelegantní* PS; *přemoderní* PS; *přemorální* PS; *přepikantní* PS; *přepositivní* PS*; *přeromantický* PS; *přerafinovaný* PS; *přeprosaický* PS*; *přepoetický* PS; *přernervosný* PS*; ср. также *jen přepraktický Američan*, Neruda. Studie krátké, 1876-A; *A gramatika věda je přeracionální*, Pflieger. Vyšinský, 1859-A.

Данный префикс присоединяется, как правило, к прилагательным твердой разновидности; прилагательные мягкой разновидности в составе производящих основ встречаются редко. В числе последних находятся: а) прилагательные на *-oucí* (чаще всего девербативного, реже — deadъективного образования): *přežádoucí* J, Kop, Pal, SSJČ†, PS; *přeskvoucí* K, PS bás., SSJČ bás.; *převšemo-houcí* K; *převroucí* K, PS; *přehoroucí* PS, SSJČ knižn.; *přeběloucí* J, K; *přeliboucí*-A; б) некоторые прилагательные, образованные от основ заимствованного происхождения, о которых мы говорили выше; в) сочетания *pře-* с превосходной степенью — здесь мы располагаем лексикой, извлеченной из эксцерпций ИЧЯ или, в редких случаях, из старых словарей: *přenejmilejší*, *přenejlepší*, *přenejjasnější*, *přenejstkvostnější*, *přenejmohutnější*, *přenejkladší*, *přenejvyšší*, *přenejmoudřejší*, *přenejsvětější*.

Анализируя структурные связи префикса *pře-*, мы рассматривали до сих пор случаи его сочетания с основами качественных прилагательных — присоединение к основам некачественных прилагательных, местоимений, числительных является лишь нетипичным отклонением от общепринятого образца; ср.: *překrvavý* PS, SSJČ řidč. (*Bitva byla překrvavá*, Čel.-PS; *O nás smejšíš nectně v překrvavém vzteku*, Hn. Děvín); *přepřůmyslový* (*Z předměstí přepřůmyslového*, Hora. Srdce, 1922-A — комментарий эксцерптора 'přeplněný průmyslem' зř.); *jsem stanul okouzlen obrazem přepřůmyslovým*, Neumann. Rudé zp.,

1923-A); *přerajský* (*Toť jest víno staré, přerajské*, Hněvkovský. Doktor Faust, 1844-A); *přezlatý* PS expr. (*O zlatá, přezlatá svoboda*, Ves.-PS); *překlukovský* PS* (*Mívám ještě takové překlukovské nápady*, Ron.-PS); *přetcovský* (*Z jehož ctnostných, přetcovských činů*, Dobroslav, 1821)³. Ср. также дериват от числительного *mnohý* — *přemnohý* (*přemnohé si získá zásluhy*, Fr. Pap.). Отмечено и относительное местоимение *kteraký* (*Překteraká vina má?* Sušil. Anthol. Ovid., 1861-A); впрочем, данное образование представляется нам абсолютно произвольным лингвистическим экспериментом. Аналогичное впечатление производит прилагательное *přetakový*, отмеченное у писателя раннего Возрождения В. Неедлого (этот дериват был воспроизведен в словарях Й. Юнгмана и Я. Конечного).

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: префикс *pra-* (*prach-*) + имя прилагательное. Семантика прилагательных данной структуры в словарях обычно интерпретируется как 'очень, особенно + прилагательное' (дериваты с временным значением в работе намеренно опущены). Ср. в SSJČ: *pradaleký* řidč., pon. expr. 'velmi daleký'; *pramalý* 'velmi malý'; *praprostý* pon. expr. 'zcela prostý'; *praubohý* pon. expr. 'velmi ubohý, obzvlášť ubohý'.

Несмотря на сходство комбинаторных возможностей префиксов *pře-* и *pra-*, количество дериватов с *pře-* является более значительным. В PS приведено около 430 образований с *pře-* и около 190 — с *pra-*; SSJČ помещает около 180 прилагательных с *pře-* и около 80 — с *pra-*. Впрочем, если отвлечься от этого не слишком выгодного сравнения, то можно заметить, что способ словопроизводства, отраженный в анализируемом словообразовательном типе, воспроизводится в литературном чешском языке в большом количестве лексем разнообразных в структурном отношении. Помимо *pra-*, фиксируется и его вариант *prach-*⁴ (отмечен в экспрессивно окрашенной разговорной речи). Наличие морфемы *prach-*, как правило, не обусловливается структурными особенностями основы — оба

³ Аналогичного характера *přebláznovský*, Пн. Děvín, 1805: *Vědouc (dívčice) jeho přebláznovské kusy*.

⁴ В эпоху Возрождения он иногда воспроизводился как *prah-* (*ten svět je už prahbezbožný*, 1831); отмечалось и раздельное написание: *To je ale prach holá lež*, Štěpánek. Div., 1824-A.

форманта могут встречаться у одних и тех же основ ⁵; ср.: *prabídnyj*, *pramizernyj*, *prapitomyj* — *prachbídnyj*, *prachmizernyj*, *prachpitomyj* — оба варианта приводятся как в PS, так и в SSJČ. Отмеченный параллелизм наглядно отражают и эксерпции: *oku mému obraz prajiný se zjevoval*, Sobota. Dcerka mlyn., 1930-A; *vedle něho šlapal prachjiný chlapec*, Kříž. Den syna, роман; *vypadá jako jiný praobyčejný člověk*, Stroupežnický. Hum. čtení, 1875-A; *je všechno z prachobyčejné protekce*, Ž. strop, роман; *byli v prašpatné náladě*, Baar. Něk. pov., 1907-A; *jsou to prachšpatné časy*, V. + W, I, шутливая песня; *byl student prachmizerný*, Weiss. Spáč., 1937-A; *poezie, kterou slyším, je pramizerná*, M. Kund. Sm. I., рассказ и т. д.

Как и префикс *pře-*, *pra-* проявляет известную индифферентность к структурному и морфологическому оформлению основы, хотя некоторые типы производящих основ могут оказаться предпочтительнее других.

Структурными связями префикса *pra-* наиболее полно охвачены прилагательные с: а) непроизводными основами; ср.: *pradobrný* PS; *pradrobný* PS; *prachytrý* PS; *pracizí* PS, SSJČ řidč., рон. expr.; *prahloupý* PS, SSJČ рон. expr.; *prahrubý* PS; *pralevný* PS; *pramalý* PS, SSJČ; *pramladý* PS, SSJČ řidč. рон. expr. и др.; б) производными основами десубстантивными *pradobrácký* PS*; *prahanebný* PS, SSJČ рон. expr.; *prajedovatý* PS; *prafalešný* PS; *prašpinavý* PS; *prašosácký* PS и т. д. Сочетание с девербативными и деадъективными основами встречается в ограниченном количестве случаев (*prazkažený* PS; *praprohnaný* PS; *pra-*

⁵ Иногда можно установить зависимость между характером звукового оформления основы и видом префикса. Например, *prach-* практически не встречается у слов, начинающихся на «ch» — показательно, что в архиве ИЧЯ имеется 19 эксерпций на *prachudý* и лишь одна на *prachchudý* (*Nenili chudá, nenili prachchudá*, Dobroslav, I, 1820). Впрочем, обычно трудно установить доподлинно, представлен здесь префикс *pra-* или *prach-*, так как допустимо предположить слияние конечного согласного префикса с аналогичным начальным согласным основы. Редко сочетается *prach-* с основами прилагательных, содержащих отрицание *ne-*, а также с прилагательными, имеющими в своей структуре форманты со значением интенсификации; ср.: *Je prachmlaďounká*, Tři otč., 1823-A; *Příčina jest maličká, prachmaličká*, Km. Matěj, 1815-A; ср.: *u pramenu staré Vltavy, zde ještě pramladounké*, Neruda. Měsíc, 1877-A; *veliké namáhání ducha pro maličkou věc*, Sabina. Včšn. žen., 1863-A. Оба примера извлечены из пьес Штенпанка, отличающихся простонародной манерой изложения.

zpozdlý PS; *praznámý* PS, SSJČ řidč. pon. expr.; *pranenáviděný-A*). К числу деадъективных образований относятся и случаи присоединения *pra-* к прилагательным, осложненным отрицанием: *pranepatrný* PS, SSJČ; *pranedostatečný* PS; *pranemilý* PS; *pranešlástný* PS, SSJČ řidč. pon. expr.; *praneobyčejný* PS, SSJČ řidč.; *pranesrozumitelný* PS, а также к прилагательным, сочетающим в своей структуре форманты со значением интенсификации, рассмотренные нами выше. Изредка отмечаются случаи присоединения *pra-* к основам прилагательных, образованных от местоимений, наречий, числительных (*pranijaký* PS, SSJČ; *prasnadný* PS; *pravšelíjaký* PS; *pravláštní* PS, SSJČ pon. expr.; *prazřejmý-A*; *prajediný* PS).

В абсолютном большинстве случаев префикс *pra-* присоединяется к основам с простой структурой, исключения редки (*prazlořečený* PS; *pramírúmilovný-A*; *prazbrusunový-A*; *prabezbožný* PS и некоторые другие).

Формант *pra-* может присоединяться к основам как собственно чешского, так и заимствованного происхождения — первые несравненно более многочисленны; последние можно иллюстрировать примерами *prabanální* PS; *prafilosofický* PS*; *prakomický* PS; *prakonservativní* PS; *pramizerný* PS, SSJČ pon. expr.; *pramoderní* PS; *pranaivní* PS; *praprimitivní* PS; *praprosaický* PS; *pratriviální* PS.

Префикс *pra-* отмечен преимущественно у прилагательных твердой разновидности, прилагательные мягкой разновидности встречаются относительно редко. Помимо некоторых прилагательных с основами заимствованного происхождения, к их числу относятся и такие образования, как *pracizí* PS, SSJČ řidč. pon. expr.; *praposlední* PS; *praryzí* K; *pravšední-A*; *pravláštní* PS, SSJČ pon. expr.; *praobzvláštní* PS*; дериваты на *-oucí* типа *pranicoucí* PS; *prachprachoucí-A* (*neviděl jsem nic — prachprachoucí nic*, Lumír. Mácha. Cik., 1851-A). Сюда же относятся и единичные случаи сочетания с превосходной степенью; ср.: *pranejdelší* PS* (*do pranejdelší smrti nezamiluju se do Tě!* V. K. Klicpera. Div. 3. Vožena, 1820-A).

В отличие от *pře-* префикс *pra-* не сочетается с основами, оформленными другими синонимичными префиксами.

Помимо случаев присоединения к основам качественных прилагательных, следует упомянуть также и немногочисленные примеры сочетания с основами некачественных

ных прилагательных, местоимений: *prachdřevěný* [Toť by (člověk) musil míti prachdřevěnou duši, Vaněk. Dušesloví, 1826-A]; *pranebeský* [Ty's (láska) posel svatý z pranebeských říší, Pflieger. Vyšinský, 1859-A] — словари данные образования не фиксируют. Далее, *pravenkovský* PS* (*Promiň, že tě navštívují tímto pravenkovským způsobem*, Ben.-PS); *pradětský* PS* (*Světice posvěcení, prokazujem pradětskou úctu pramatce své*-PS) и пр. Нетрудно заметить, что некачественные прилагательные выступают в сочетании с данными префиксами в окачественном значении. От местоимений образованы *pražádny* PS, SSJČ роп. expr.; *pranijaký* PS, SSJČ; *pranižádny* (*nemají pranižádnou platnost*, A. Balcárek. Poz. bás., 1862-A).

Рассмотренные нами выше словообразовательные типы являются наиболее продуктивными способами словопроизводства префиксальных прилагательных со значением интенсификации в чешском литературном языке исследуемого периода.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й тип: префикс *vele-*⁶ + имя прилагательное. В современном литературном чешском языке словособразовательный тип с *vele-* имеет очень ограниченную сферу употребления — образованная по нему лексика в подавляющем большинстве случаев имеет налет архаичности, книжности. В словарях прилагательные данной структуры чаще всего интерпретируются как 'очень + прилагательное'.

В структурном отношении данный словообразовательный тип близко примыкает к словообразовательному типу с *pře-*.

Префикс *vele-* преимущественно оформляет непроемные основы: *velevzácný* PS*, *veleštedrý* PS*; *veletěžký* PS*; *veletrpký* PS*; *veletruchlý* PS*; *velesvatý* PS*; *velestarý* PS*; *velelítý* J, K; *veledrahý* PS †; *veledobry* PS †; *velejasný* PS*. Отмечены также производные основы десубстантивного образования (*velevtipný* PS †; *veleužitečný* PS*; *veleúrodný* PS*; *veleúspěšný* PS*; *veleučný* PS*; *velespravedlivý* PS*; *velesilný* PS*; *veleprospěšný* PS* и пр.), девербативного образования (*velevýkonný* PS*; *velevýmluvný* PS*; *velevzdělaný* PS; *velezasloužený* PS*; *velezkušený* PS*; *veleznámý* PS*; *veleučný*

⁶ В редких случаях фиксируется вариант *vel-*; ср.: *velchrabrý* J, K; *velmožný* PS (в последнем случае мы имеем дело с устойчивым обозначением, входившим некогда в состав титула).

PS*; *veleskvělý* PS*; *veleoblíbený* PS* и т. д.). Случаи присоединения к основам деадъективного образования очень немногочисленны — можно назвать лишь несколько примеров сочетания *pra-* с прилагательными, осложненными отрицанием *velenesnadný* PS*; *velenepříznivý* PS* (присоединение *vele-* к прилагательным, имеющим в своей структуре форманты интенсификации, не отмечается). В единичном случае данный префикс присоединяется к прилагательному, образованному от местоимения (*velesnadný* PS*), наречия (*velezlá štní* K).

Префикс *vele-* фиксируется преимущественно: а) у прилагательных с простой структурой, исключение составляют *velectihodný* PS zast.; *velebeznadějný*-A; б) у основ чешского происхождения, исключением являются лишь образования типа *veledramatický* PS*; *velemoderní* PS řidč. По-видимому, к середине XIX в. — к периоду, когда начался интенсивный приток заимствованной лексики, данный словообразовательный тип полностью утратил свою продуктивность; в) у прилагательных твердой разновидности; прилагательные мягкой разновидности встречаются редко; ср.: *veleskvoucí* PS*; *velemloucí* PS*; *velezádoucí* PS*. С превосходной степенью префикс *vele-* не сочетается. Как уже отмечалось, данный префикс встречается лишь в сочетании с основами качественных прилагательных, лишь в единичном случае фиксируется дериват *velemloucí* PS*, J, образованный от местоимения.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: префикс *roz-* (*rozto-*) + имя прилагательное. Данный словообразовательный тип в чешском языке непродуктивен, однако образованная по нему лексика относительно активно используется в экспрессивно окрашенной речи. Семантика дериватов обычно интерпретируется как 'очень + прилагательное'. Префикс *rozto-* является вариантным по отношению к *roz-*, оба они могут встречаться у идентичных основ: *roz(to)divný*, *roz(to)milý*, *roz(to)mloučkový*. В современном языке дериваты с *rozto-* употребляются более широко.

Численность дериватов, возникших по данному словообразовательному типу, предельно невелика. Юнгман приводит пять образований с *roz-*: *rozbídný*, *rozčistý*, *rozdaleký* (квалифицируются составителем как слова-клизмы), *rozvzteklý*, *rozmilý*. Котт приводит дополнительно еще четыре слова: *rozbohatý*, *rozdivoký*, *rozdivný*, *rozmlít*

кү⁷. В эксцерциях было зафиксировано *rozpodivný* (1821), не встречающееся в словарях. В PS и SSJČ приводятся лишь четыре деривата, причем SSJČ сопровождает их ограничительными пометами: *rozdivný* PS dial., SSJČ nář.; *rozmilý* PS, SSJČ pon. zast.; *rozmilounký* PS expr., SSJČ řidč. expr.; *rozmiloučký* PS expr., SSJČ řidč. expr. Юнгман отмечает четыре деривата с *rozto-*: *roztodivný*, *roztomilý*, *roztomiloučký*, *roztokrásný* (последнее помечено Коттом как моравизм); PS и SSJČ также указывают четыре образования: *roztomilý* PS, SSJČ; *roztomilounký* PS expr., SSJČ expr.; *roztomiloučký* PS expr., SSJČ expr.; *roztodivný* PS lid., pon. zast., SSJČ lid. pon. zast.

Данные префиксы присоединяются к основам как непроизводным (*rozmilý*, *roztomilý*), так и производным: десубстантивным (*rozdivný*, *roztodivný*, *roztokrásný*), деадъективным (*roztomiloučký*, *roztomilounký*, *rozmilounký*, *rozmilitký*, *rozpodivný*).

Префиксы *roz-*, *rozto-* отмечаются у основ, имеющих простую структуру; сочетание с основами заимствованного происхождения не наблюдается. В круг производящих основ вовлекаются прилагательные твердой разновидности, исключение составляет *roztonejmilejší*, приводимое Коттом.

Ниже мы рассмотрим словообразовательные типы с префиксами заимствованного происхождения.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: префикс *arci-* + имя прилагательное. Для современного литературного языка данный словообразовательный тип, несомненно, архаичен; лексика с префиксом *arci-* используется исключительно в литературно-книжном языке. Количество дериватов, фиксируемых в PS, предельно ограничено: *arcispanilý*, *arcikatolický*, *arcihusitský* (примеры из произведений художественной литературы XX в. не приводятся). Семантика данных дериватов интерпретируется при помощи соответствующих словообразовательных синонимов ('*přespanilý*') либо описательно ('*fana-ticky katolický*', SSJČ приводит также *arcičeský* 'zcela, přemrštěně český'); у Юнгмана значение интерпретируется как 'очень, совершенно + прилагательное'.

В первой половине XIX в. словообразовательный тип с префиксом *arci-* был несколько более продуктивен. Это

⁷ Несомненный архаизм.

нашло выражение, в частности, в численности дериватов, фиксируемых словарями и эксцерпциями⁸, однако и тогда прилагательные данной словообразовательной структуры продолжали оставаться достоянием исключительно книжной речи.

Формальная характеристика словообразовательного типа: префикс *arci-* так же, как и рассматриваемые выше морфемы, присоединяется преимущественно к основам качественных прилагательных. Встречаются, впрочем, дериваты от притяжательных прилагательных; ср.: *arcidábelský* J; *arcihusitský* PS; *arcikatolický* PS; *arciotcovský-A* (*Na to ji ukrutně zbil a s tou arciotcovskou výstahou*, Jindy, 1833, рассказ, а. р.); *arcipohanský* J, Pal. В кругу производящих основ представлены: а) непроезводные основы: *arciskoupý* J, K; *arcispanilý* PS, *arcidůležitý-A*; *arciřídský-A*; *arcicudný-A*; *arcizlý-A*; *arcišpatný-A*; *arcivěrný-A*; *arciprotivný-A*; *arciplný-A*; *arcivážný-A*; б) производные основы (почти исключительно десубстантивные): *arcidábelský* J, Pal; *arcihusitský* PS; *arcijedovatý* J, Pal; *arcikatolický* PS; *arciotcovský* exc.; *arcipohanský* J, Pal; *arcisobecký-A*; *arciboolestný-A*; *arciloupežnický*⁹-A. В редких случаях имеются сочетания с основами отглагольными (*arciplatný-A*, *arcikřivdivý* J), деадъективными (*arcinešlechtný* J) и с основами, образованными от наречий (*arcizřejmý-A*).

Префикс *arci-* присоединяется к прилагательным, имеющим простую структуру (исключение единично — *arcipravdomluvný-A*).

В ряде случаев данный префикс отмечается у прилагательных с основой заимствованного происхождения (*arcikatolický* PS; *arcifilozofický-A*; *arcigeniální-A*; *arcipikantní-A*; *arcipoetický-A*; *arciaristokratický-A*), однако чаще всего этот исконно заимствованный из греческого через латынь и немецкий префикс присоединяется к

⁸ Юнгман фиксирует восемь образований с префиксом *arci-*: *arcičastý* J, K, Pal; *arcidábelský* J, Pal; *arcijedovatý* J, Pal; *arcikřivdivý* J; *arcipohanský* J, Pal; *arciskoupý* J, K, Pal, Tham; *arcinešlechtný* J; *arciloupežnický* J. В наших эксцерпциях представлено 24 образования, не отмеченных словарями — большинство из них относится к середине XIX в.

⁹ При интерпретации словообразовательной структуры некоторых прилагательных, в частности *arciloupežnický*, допустима параллельная мотивировка через существительное *arciloupežník*.

основам собственно чешского происхождения. Указанный факт свидетельствует о том, что данный формант в чешском языке подвергся полному освоению. Префикс *arci-* присоединяется главным образом к прилагательным твердой разновидности. Заметим, что при изучении словообразовательной структуры дериватов с *arci-* нам приходится в большинстве случаев иметь дело с лексикой, не фиксируемой словарями. Эксерпции, содержащие данные прилагательные, обычно относятся к первой половине XIX в. Наиболее поздний из имеющихся в нашем распоряжении примеров датирован 1913 г.: *měl dceru arcipikan-tní potvůrku*, Klostermann. Suplent, 1913-A.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е т и п ы: пре-
фиксы *hyper-*, *ultra-* + имя прилагательное. Данные словообразовательные типы сформировались в чешском литературном языке сравнительно недавно — по-видимому, в конце XIX — начале XX в. Словарные и литературные источники более раннего периода дериваты данной структуры не отражают. Префиксы *hyper-*, *ultra-* относительно активно используются для создания технической терминологии (ср.: *Filmy hyperpanchromatické jsou vysoce citlivé ke všem barvám*, Práce, 1958-A); образования с *ultra-* получили распространение в сфере политической терминологии. Прилагательные, образованные при помощи данных префиксов, имеют отчетливую экспрессивную нагрузку, преимущественно пейоративного оттенка; в большинстве случаев они функционируют в литературно-книжном языке. Семантика прилагательных указанной структуры в словарях раскрывается главным образом описательно. При этом последовательно акцентируется значение чрезмерно преувеличенного проявления признака: *hypermoderní* PS pejor. 'přemrštěně, přepjatě moderní'; *hypermodní* SSJČ hanl. 'výstředně módní, přepínající módu'; *ultrasilný* PS expr. 'neobvyčejně, panejvýše silný, účinný'; *ultrarevoluční* PS pejor. 'přemrštěně, přepjatě revoluční'; *ultramodernistický* PS* pejor. 'krajně, přepjatě modernistický'.

Численность образований данной структуры невелика: словари фиксируют восемь дериватов с *hyper-* и шесть — с *ultra-*. Впрочем, в языковой практике функционирует значительно большее количество производных с указанными префиксами; назовем хотя бы некоторые дериваты с *ultra-*: *ultrapravý*, *ultralevičácký*, *ultrapravičácký*, *ul-*

trareakční, ultratajný, ultraštíhlý и многие другие. Необходимо иметь в виду, что потенциальная возможность возникновения новообразований данной структуры ныне не является исчерпанной.

Оба префикса отмечаются обычно у основ заимствованного происхождения, и из этого мы заключаем, что эти префиксы в чешском языке еще не подверглись полному освоению. Основы собственно чешского происхождения немногочисленны: *ultralevý* PS* pejor.; *ultrasilný* PS expr.; *hyperpokrokový* PS pejor.

Указанные префиксы присоединяются преимущественно к основам десубстантивного образования: *hyperideální* PS; *hypermoderní* PS, SSJČ; *hypermódní* SSJČ hanl.; *hypernervosní* PS; *hyperkritický-A*; *hyperpokrokový* PS pejor.; *hyperromantický* PS iron.; *ultrakomický* PS* pejor.; *ultramoderní* PS* pejor.; *ultramodernistický* PS* pejor.; *ultrasilný* PS expr.; *ultrarevoluční* PS pejor. От непроизводной основы образованы *ultralevý* PS* pejor.; *hyperloajální* PS, SSJČ. Данные форманты присоединяются исключительно к основам, имеющим простую структуру. В сферу словопроизводства вовлекаются прилагательные как твердой, так и мягкой разновидности (последних у префикса *hyper-* несколько больше): *hyperideální, hyperloajální, hypermoderní, hypermódní, hypernervosní*. Несмотря на то, что производящие основы, взятые отвлеченно от префикса, не несут негативной нагрузки (ср.: *pokrokový, moderní, ideální, romantický*), однако в сочетании с префиксом они образуют лексику, в большинстве случаев насыщенную пейоративной окраской.

Ниже мы кратко рассмотрим прилагательные со значением интенсификации, образованные посредством компонентов *velebno-, vysoce-, velice-, velko-, divo (u)-, milo-, vše-, sebe-*. Подавляющее большинство данных образований является сложными словами, возникшими в результате комбинации полнознаменательного слова и соответствующего прилагательного. В то же время следует учесть, что указанные полнознаменательные слова, присоединяясь к прилагательному, выполняют функцию форманта, привносящего значение интенсификации признака; присущее им исконное лексическое значение не воспринимается с достаточной рельефностью. Характерно, что образования подобной структуры и префиксальные дериваты получают в словарях практически идентичную

семантическую интерпретацию; ср.; *divokrásný* 'wunderschön' J; *velikomocný*, † *velkomocný* 'velemocný' PS; *velkohrozný* PS* 'необычайно грозный'; *milopěkný* 'velmi hezký' PS; *všemilý* 'milý nade všecko' PS*, 'nejvýše milý' J, K; *všedobry* 'svrchovaně dobrý' PS*.

В данном случае мы, как правило, имеем дело с процессом конденсации, превращающим словосочетание (обычно — наречие + прилагательное) вначале в сложное слово, а затем в префиксальный дериват — соответственно полнозначенательное слово превращается в формант. В современном литературном чешском языке образования подобной структуры либо не употребляются вообще, либо употребляются в незначительном количестве, притом исключительно в архаизованной литературно-книжной речи и к тому же в определенном контекстном окружении — ср. устойчивые обозначения титулов, выспренность обращения: *vysokohodný*, *vysocestihodný*, *vysocecenný*, *vysocevážený*, *vysoceurozený*, *vysoceslavný*; в текстах религиозного содержания — *všemocný Bůh*-PS; *jevilo se mu cosi tajemného, všesilného*, Klost.-PS; *V duchu lidském zrcadlí se slabý odlesk oné bytosti všerozumné*, Osv.-PS; *Předmět z říše velebnolidské*, Čas. mus. -J; *Bůh on všemoudrý*, Žil.-PS; в поэтической речи: *Vytkal hvězd zlatem stkvoucím nebe ves kryjící*, *Veškeromocný*, Čechoslav, 1821, торж. стих.; *A jak nebes milostadké zpěvy*, *Besedy*. Tyl. Slzy vlastenek, лир. стих.; ср. также *milokrásný* PS bás., J, K; *milopěkný* PS bás.; *divokrásný* PS* bás., SSJČ knižn.; *divovábny* PS* bás., SSJČ, J; *divomocný* SSJČ* bás.; *divuskvoucí* SSJČ* bás.

Более употребительными в современном литературном чешском языке являются дериваты, созданные по образцу — *sebe-* + сравнительная степень прилагательного: *sebelepší*, *sebesilnější*, *sebemoudřejší*, *sebetenčí* и пр. Данный словообразовательный тип характеризуется в современном языке практически неограниченными возможностями словопроизводства.

Значение интенсификации иногда ощущается в семантике прилагательных с компонентом *nad*¹⁰. Однако в большинстве случаев указанные прилагательные используются

¹⁰ Ср. в экцерпции: *Milostivý žert! Nadmilostivý žert!* Čechoslav, 1820, пьеса, р. и.

в сфере специальной терминологии (ср. *nadprůměrný*, *nadnormální*, *nadnormativní* и др.).

Как мы могли видеть, словопроизводство префиксальных прилагательных со значением интенсификации, как правило, осуществляется посредством совершения первичной словообразовательной операции. Использование вторичной процедуры нанизывания — редупликации — практикуется крайне редко, наблюдается она лишь у прилагательных с префиксами *pře-*, *pra-*.

III. Словопроизводство суффиксальных прилагательных

Прежде, чем приступить к рассмотрению конкретной характеристики словообразовательных типов, остановимся на некоторых общих закономерностях суффиксального словопроизводства прилагательных со значением интенсификации.

Характерная для словопроизводства суффиксальных прилагательных со значением интенсификации разветвленность словообразовательного гнезда достигается за счет богатого и очень разнообразного инвентаря формантов (набор префиксов несравненно беднее), включающего, помимо продуктивных, активно используемых морфем, редкие, малоупотребительные аффиксы, образующие очень выразительные в экспрессивном отношении дериваты. Расширение инвентаря аффиксов достигается различными путями: а) за счет переразложения основы в пользу суффикса и дальнейшего обобщения вновь возникшего комплекса (отсутствие четкой грани между компонентами словообразовательной структуры — основой и суффиксом — значительно облегчает этот процесс). Так, из образований типа *hrozitánský*, *obrovitánský*, допускающих двойную мотивировку через *hrozný* и *hrozitán* VT*, *obrovský* и *obrovitý*, был отвлечен комплекс *-itánský*, воспроизведенный в *dlouhytánský* VT*.

Сходного происхождения и суффикс *-ánský* (*mohutný* — *mohutánský*), образовавшийся в результате контаминации суффиксальной части *-án-* основы типа *dlohán* и суффикса *-sk-*. Результатом контаминации (*bělity* K + *-k-* > *bělity* J, Кон, К) является также суффикс *-itk-*, ныне архаичный: *hubenitký* К, Čel. Dod.; *malitký* PS expr.,

SSJČ †, J, K, VT*, Šum, Pal (ol.¹¹), Kon; *militký* PS †, SSJČ †, Kon, Pal, Tham, Šum, J, K, VT* zastar; б) за счет проникновения в литературный язык формантов, заимствованных из диалектов или близкородственных славянских языков. Сфера употребления указанных морфем предельно ограничена. Так, диалектное происхождение имеют суффиксы *-izn-*, *-ajzn-*, *-e(ě)nk-*, *-áln-*, выделяемые в словообразовательной структуре прилагательных *vysočizný* K; *veličajzný* PS dial.; *čistěnký* K; *milenký* PS dial., J, K; *malenký* PS*, VT*; *mladistvenký* exc.; *zeleněnký* exc.; *ukrutálný* J, K, Šum.

Аналогичный характер имеют и приводимые преимущественно словарями эпохи Возрождения образования типа *malichný* J*, Šum; *mladuchný* K zastar.; *velikurný* K; *velikerný* Tham; *malitný* J, K, Šum; *suchoutký* K; *maloutký* PS* expr.; *jedinečký* J, Kon, Tham. Ссылками на словацкий язык сопровождаются образования с суффиксами *-ulenk-*: *milulenký* K; *-ušk-*: *mladušký* K; *milušký* K; *sladušký* K; аналогичного происхождения и *bledušenký*. Следует заметить, что в принципе заимствование суффиксов со значением интенсификации из других языков обычно не практикуется — названные выше дериваты в литературном языке, как правило, не встречаются; в) за счет использования вставных морфем типа *-li-*, *-in-*, *-ič-*.

Выше мы уже говорили о возможности обособления внутри суффиксов, выделяемых у прилагательных со значением интенсификации, ядерной и структуральной морфемы. Подобная дифференциация допустима практически для всех словообразовательных формантов, представленных у данных прилагательных. Анализ материала показал, что ядерные морфемы могут быть расклассифицированы в зависимости от вида входящего в их состав согласного. Так, выделяются морфемы с согласными *n*, *č*. Как известно, вокруг компонентов *k* (*č*, *c*) и *n* группируются и оценочные суффиксы имен существительных. К числу наиболее распространенных ядерных морфем относятся *-oun-*, *-in-*, *-ouič-*, *-ič-*: *tenounký*, *malinký*, *tenoučký*, *malíčký*. Более узкую сферу употребления имеет ядерная морфема *-án-*, представленная в структуре дериватов типа *velikánský*, *dlohánský*. Данные образования правомерно

¹¹ Помета *ol.*, используемая в словарях эпохи Возрождения, свидетельствует об архаичности образования.

соотносить в структурно-семантическом плане как с прилагательными *veliký, dlouhý*, так и с существительными *velikán, dlouhán*. Установление ассоциации *dlouhý — dlouhánský* и пр. позволяет вычлени́ть комплекс *-ánsk-*, также имеющий сложную структуру: соотношение *dlouhán — dlouhánský* даёт возможность обособить морфему *-sk-*, являющуюся по сути дела суффиксом притяжательных прилагательных. Таким образом, внутри компонента *-ánsk-* намечается шов, отделяющий морфемы *-án-*, с одной стороны, и *-sk-*, с другой. Ядерные морфемы, содержащие иные согласные элементы, реализованы в малочисленных репрезентантах, имеющих, как правило, ограниченную сферу употребления — обычно это устаревшие или диалектные образования: отмечаются, например, морфемы с согласным *t* (*-at-, -out-, -it-*): *dlouhatý* PS expr., SSJČ ob. expr.; *lehoutký* J, SSJČ †; *maloutký* PS* expr.; *malitký* PS expr., SSJČ, VT*, J, Šum, Pal; *militký* PS †, SSJČ †, VT* zast., J, K, Pal, Tham, Šum; с согласным *r*: *velikurný* K; *velikerný* Tham; с согласным *ch*: *mladuchný* K zastar.; *malichný* J*, Šum; с согласным *l*: *ukrutálný* J, K, Šum; с согласным *z*: *veličajzný* PS dial.; *vysočizný* K dial. и некоторые другие. Примечательно, что ядерные морфемы с *t* преимущественно сочетаются со структуральной морфемой *k* (исключение составляют дериваты с *-at-*, примыкающим непосредственно к флексии); ядерные морфемы с согласным *z* и некоторыми другими (например, *r, ch, l*) сочетаются со структуральной морфемой *n*.

Ядерные морфемы могут использоваться как компоненты первичной (главным образом) и вторичной словообразовательной процедуры. В первом случае они присоединяются непосредственно к производящей основе исходного прилагательного: *mal(ý)-ič-ký, hez(ký)-oun-ký, dlouh(ý)-án-ský* и т. д. Во втором случае они сочетаются с прилагательными, уже имеющими в своей структуре суффиксы интенсификации. Операцию «нанизывания» наглядно иллюстрируют следующие примеры: *lehounk(ý) > lehoun(k/č)inký* J, K, Šum; *dlouhat(ý) > dlouhatánský* PS fam, SSJČ expr., VT, K; *droboulink(ý) > droboulinkatý* PS expr., SSJČ* expr., VT; *maličk(ý) > maličkatý* SSJČ expr.; *malink(ý) > malinkatý* PS expr., SSJČ expr., VT. В качестве нанизываемых используются ядерные морфемы *-at-, -in-, -án-*. Как следует из приводимых примеров, в большинстве случаев нанизываемую морфему

отделяет от первоначальной «прослойка» в виде структуральной морфемы *-k-*, исключение составляет *dlouhatánský*, где обе ядерные морфемы находятся в непосредственном соседстве одна с другой.

Аналогичный эффект нагнетания значения интенсификации достигается и при помощи использования в качестве самостоятельного словообразовательного приема «вставных» морфем. В этой функции зафиксированы главным образом морфемы *-li-*, *-ič-*, *-in-*, *-an-*. Инвентарь вставных и ядерных морфем в значительной степени сходен: и тут, и там представлены форманты *-ič-*, *-in-*, *-an-* (последний в составе ядерных морфем фиксируется в долгом варианте). Тем не менее нетрудно заметить, что в числе вставных морфем практически полностью отсутствуют форманты с начальным *o*: *-ouč-*, *-ouin-*. Не имеет аналога среди ядерных морфем вставная морфема *-li-*, образовавшаяся, на наш взгляд, в результате контаминации конечного согласного основы *l* прилагательного *malý* и соответствующего начального гласного ядерной морфемы. Основанием для подобного заключения служит прежде всего то обстоятельство, что прилагательное *malý*, обозначающее малость размеров предмета, чаще, чем какое-либо другое прилагательное, является базой словопроизводства прилагательных со значением интенсификации (от данной производящей основы образовано максимальное количество дериватов). Кроме того, производные от *malý* характеризуются, согласно FS, в кругу прилагательных со значением интенсификации наиболее высокой фреквенцией: *maličký* 84-7-27, *malinký* 25-3-10 — в обоих случаях представлена ядерная морфема, начинающаяся с *i*. В связи с вышесказанным нам представляется вполне естественным вычленение как носителя значения интенсификации компонента *-li-*¹².

Ниже мы рассмотрим механизм словообразовательной операции со вставной морфемой. Как уже отмечалось, вставная морфема, не имеющая строго фиксированного места в структуре слова, может занимать следующие позиции: а) между ядерной морфемой и структуральной

¹² Аналогичная процедура отвлечения согласных компонентов основы (с последующей редупликацией) пародируется в тексте пьесы Я. Штепанка: *Ale šídlo je dobrý — dobro-bro-brounký šídýlko*. Ср. также: *měla ty bílé, jednou tak mali-mali-linké zoubky*, Pravda, 2, 1872-A.

(преимущественно); б) внутри ядерной морфемы — в этом случае вставная морфема расщепляет ядерную, вклиниваясь между гласным и согласным; в) между основой и ядерной морфемой. Заметим, что фонологически вставная морфема может как совпадать с ядерной, так и разниться от нее [первый случай иллюстрирует ниже рубрика а), второй — б)].

А. Первая позиция вставной морфемы иллюстрируется следующими типами примеров: 1. Вставная морфема *-ič-*: а) *celič-ič-ký* PS* expr.; *každíč-ič-ký* PS expr., VT; *malič-ič-ký* PS* expr., VT, J, Šum, Tham; *novič-ič-ký* PS* expr., SSJČ* expr., J, K; *plnič-ič-ký* exc. (Hněvk.); *samič-ič-ký* J; *samotnič-ič-ký* J, K; *tenič-ič-ký* J, K; *drobnič-ič-ký* J, K; *hladič-ič-ký* J; *holič-ič-ký* J, K; *kratič-ič-ký* J, K. Приводимые здесь образования могут быть также квалифицированы как результат редупликации ядерной морфемы; б) *drobouč-ič-ký* J; *nizouč-ič-ký* J; *tenouč-ič-ký* J; *uzouč-ič-ký* K; *novouč-ič-ký* J; *lehouč-ič-ký* J, K, Šum. Аналогичного характера диалектные образования *milučičký* PS expr.; *samičičký* PS* dial. expr.; *malučičký* PS dial. expr., VT*; в) *malič-ič-ič-ký* J, Tham, Pal — единичный пример, иллюстрирующий повторную воспроизводимость вставной морфемы. 2. Вставная морфема *-in-*: а) *malin-in-ký* PS expr., SSJČ expr.; *celin-in-ký* exc. (1818); *maloulin-in-ký* VT (последовательное использование двух вставных морфем: *malou-li-nký* > *maloulin-in-ký*); б) *běloun-in-ký* PS, SSJČ řidč. expr.; *droboun-in-ký* PS expr., SSJČ expr., VT; *hezoun-in-ký* PS expr., SSJČ* expr.; *lehoun-in-ký* PS expr., SSJČ* expr., VT; *maloun-in-ký* PS expr., SSJČ* expr., Kop; *slaboun-in-ký* SSJČ řidč. expr.; *uzoun-in-ký* PS* expr.; *mladoun-in-ký* PS expr.; *tenoun-in-ký* PS expr. Ср. варианты образования: *běloninký* PS expr., SSJČ* expr., VT; *maloninký* PS expr., SSJČ* expr.; *slaboninký* PS expr., SSJČ řidč. expr. Далее: *drobouč-in-ký* J, K; *samič-in-ký* J; *malič-in-ký* Pal, Šum; в) *maloun-in-in-ký* PS expr., SSJČ* expr. — единичный пример на повторное воспроизведение вставной морфемы.

Б. Вторая позиция вставной морфемы иллюстрируется следующими примерами — вставная морфема *-li-*: а) *mali-li-nký* PS expr., SSJČ expr., VT, Tham, Pal, J, K, Šum; *celi-li-nký* exc. (1862); *mali-li-čký* PS expr., SSJČ expr.; *mali-li-tký* PS* expr., SSJČ* expr., VT; *mali-li-*

nkatý PS expr., SSJČ expr., VT (в данном случае в структуре одного и того же слова представлены результаты двух словообразовательных процедур: нанизывания и использования вставной морфемы); б) *drobou-li-čký* K; *malou-li-čký* exc. (1801); *malou-li-nký* PS expr., SSJČ* expr., VT; *bledou-li-nký* SSJČ expr., VT; *hezou-li-nký* PS expr.; *drobou-li-nký* PS expr., SSJČ expr., VT*, J, K; *sladou-li-nký* PS* expr., SSJČ expr.; *tenou-li-nký* PS expr.; *uzou-li-nký* PS expr.; *kraťou-li-nký* PS* expr., SSJČ expr.; *lehou-li-nký* PS* expr., SSJČ* expr., VT řidč.; *slabou-li-nký* PS expr., SSJČ expr.¹³; в) случаи с редупликацией: *hezu-li-li-nký* PS dial. expr.; *mali-li-li-nký* J, Tham, Pal. В единичном случае морфема *-li-* вставляется перед конечным согласным основы: *ma-li-lounký*. Подобное вклинивание вставной морфемы внутрь основы не представляется нам чем-то парадоксальным, поскольку согласный «*l*» получает некоторую самостоятельность; выше мы уже говорили о том, что он может абсорбироваться суффиксом. Таким образом, связь между согласным и остальной частью корня в известном смысле не является очень тесной.

В. Третья позиция вставной морфемы иллюстрируется следующими типами примеров — вставная морфема *-an-*: а) *širok-an-ánský* PS expr.; *velik-an-ánský* PS expr. fam., VT; *ukrut-an-ánský* VT; *vysok-an-ánský* PS expr.; *dloh-an-ánský* SSJČ expr.; б) *dloihat-an-ánský* SSJČ expr. — данное прилагательное имеет сложную структуру: оно является результатом как нанизывания, так и использования вставной морфемы; в) редупликация: *velik-an-an-ánský* PS expr. fam., VT; *dloh-an-an-ánský* PS fam., SSJČ expr.; *hrozit-an-an-ánský* VT.

Предлагаемая интерпретация словообразовательной структуры группы прилагательных со значением интенсификации не исключает возможности иной трактовки. Так, в частности, допустимо полагать, что вставная морфема, имеющая стабильный вид *VC*, «вклинивается», как правило, между корнем и суффиксом (этой точки зрения придерживается чешский лингвист Эд. Главса). Подобный способ интерпретации не во всех случаях предста-

¹³ Большинство приводимых образований соответствуют вариантам: *malulinký* PS expr., SSJČ* expr., VT; *drobulinký* PS expr.; *kratulinký* PS* expr.; *slabulinký* PS expr., SSJČ expr.

вляется нам удобным — он не позволяет, в частности, раскрыть словообразовательную структуру прилагательных типа *bělouninký, drobouninký, hezouninký, lehouninký, slabouninký, uzouninký, běloulinký, hezoulinký, droboulinký, lehoulinký, slaboulinký, uzoulinký, droboučičký, nizoučičký, uzoučičký, lehoučičký* (затруднительна и интерпретация прилагательного *hezulilinký*), поскольку прилагательные типа *drobinký, hezinký, bělinký, slabinký, uzinký, drobičký* и т. д., в структуре которых появились вставные морфемы, либо архаичны, либо вообще не отмечены в языке.

Нами были рассмотрены выше наиболее прозрачные, с нашей точки зрения, случаи. Ниже мы остановимся вкратце на отдельных языковых фактах, словообразовательная интерпретация которых является более или менее дискуссионной. Мы имеем в виду вторичные дериваты типа *maliňoučký* VT; *maliňounký* PS*; *maliněnký* PS*; *plnináčký* PS* fam., структура которых в принципе может интерпретироваться либо как результат нанизывания: *malin(ký) > malin-'oučký, malin-'ounký, malin-'enký; plnin(ký) > plnin-áčký*, либо как результат использования вставной морфемы *-ouč-, -oun-, -ěp-, -áč-*. Последний путь представляется нам менее вероятным — равномерность выделения указанных вставных морфем является весьма проблематичной (в дериватах иной структуры они не воспроизводятся). Единичными примерами зарегистрированы вставные морфемы *-le-, -ol-*; см. вторичные дериваты *drobou-le-nký* SSJČ, PS, VT* (допустим и вариант с монофтонгом — *u* — *drobulenký, mal-ol-ounký* PS. Впрочем, в данных случаях также имеется возможность иной словообразовательной интерпретации путем выделения сложного суффикса *-oulenk-, -olounk-*.

Характеристика словообразовательных типов

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е т и п ы: прилагательное + ядерная морфема *-ič-, -in-, -ouč-, -oun-* + структуральная морфема *-k-* + флексия¹⁴. По ука-

¹⁴ В дальнейшем для удобства изложения мы будем говорить о суффиксах *-ičk-, -ink-* и т. д., т. е. без дифференциации на ядерную и структуральную морфемы, не являющейся здесь существенной.

занному образцу произведена основная масса (около 340) прилагательных со значением интенсификации. В современном чешском языке графическое изображение данных словообразовательных суффиксов полностью стабильно; некоторые колебания в фиксации количественной характеристики гласного ядерной морфемы «i» отмечались лишь в чешском языке эпохи Возрождения. Так, отмечалось написание в кратком и долгом вариантах формантов *-ičk-*, *-ink-*; ср.: *Kanářeček já outlínký teskním po Vás celínký*, Prvotiny. Hájek. Kanárek, 1813-A; *paprsky světla velmi teničké*, V. M. Kramerius. Nový kal. toler., 1795-A; *chladičský větrík*, Bibl. Jav., I, 1830 и пр. Написание с *i* представлено обычно у Юнгмана — в других словарях той эпохи, а также в эксцерпциях отдается предпочтение написанию с кратким гласным. Для современного литературного чешского языка характерно лишь краткое написание суффикса. Исключения составляют позиционно обусловленные варианты *-ýnk(-ynk-)*, *-ýčk-* (встречающиеся после твердого конечного согласного основы): *lehýnký* PS* expr., SSJČ řidč. expr., J, K, Pal; *lehýčký* PS* expr., SSJČ řidč. expr., J, K, Pal; *pouhýnký* PS expr.; *křehýnký* Kon; *tenynký* Šum; *jedynký* PS* expr. В ряде случаев словари фиксируют диалектный вариант для суффикса *-oučk-*. Ср.: *tenučký* PS, *žluťučký* PS. По отношению к суффиксу *-ounk-* вариантным является суффикс *-onk-*, представленный, например, в составе прилагательных со вставной морфемой; ср.: *bětononký* PS* expr., SSJČ* expr.; *malononký* PS expr., SSJČ* expr. Встречаются указанные дериваты и в эксцерпциях: *Tož je ten klobúk hezúčký, tož je kabát můj zeleňúčký*, Chm. Kytka, 1838, ганацкая лир. песня; *před námi za námi bělučká pláň* (эксцерптор = *běloučký*), F. S. Procházka. Blesky, 1893-A; *Ta slova Kláře zajela hluboko za drobulinké nehty*, V. Mrštík. Santa Lučia, 1893-A; *své kraťulinké nožky natahoval*, A. Mrštík. Hore Váh., 1919-A; *I malononká věc nás blažit může*, Heyduk. Básně, 1865-A. Сфера использования дериватов указанного вида в литературном чешском языке очень ограничена.

Словообразовательные суффиксы *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* присоединяются к основам качественных прилагательных. Исключения из этого правила предельно ограничены. Так, зафиксированы случаи присоединения к местоимениям: *každounký* PS* expr., VT*; *každíčký* PS.

expr., SSJČ expr., J, K, Pal, Kon; *každinký* PS expr., SSJČ expr., J, K; *saminký* PS expr., SSJČ expr., Šum; *samičský* PS expr., SSJČ expr., J, K, Pal, Šum; *takovičský* J, K, Šum; *žádničský* J, K; к числительному: *prvničský* PS expr.; *prvičský* J, K.

Изредка данные суффиксы могут оформлять некачественные прилагательные; ср., например, дериваты от относительных прилагательных, функционирующих, впрочем, в окачественном значении: *hedvábnický* J; *zlatičský* PS expr., VT, J, K, Šum; *zlaťoučský* PS expr., J, K, Šum; *zlatinký* PS expr., VT, J, K, Šum; *zlaťounký* PS expr., VT, J, K, Šum¹⁵.

Структурный состав производящих основ у всех четырех суффиксов полностью идентичен. Наиболее широко представлены непроезводные основы: *bledounký* PS expr., SSJČ expr., J¹⁶; *blizounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *dobrounký* PS, SSJČ, J, K; *hezounký* PS, SSJČ expr., VT, J, Pal, Šum, Tham; *hebounký* PS, SSJČ, VT, J; *jasňounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *malounký* PS, SSJČ, Kon, J, K, Šum, Pal; *mĭkounký* PS, SSJČ, J, K, Šum; *milounký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon; *štíhloučský* PS, VT; *skrovňoučský* PS, J, Šum; *červeňoučský* PS, SSJČ*, VT, J, K; *útloučský* PS, VT, Šum; *žluťoučský* PS dial., VT, K; *suchoučský* PS, VT; *slaboučský* PS, VT, Šum, J, K, Tham; *maličský* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon, Tham, Tom; *mladičský* PS, SSJČ, VT, Kon, Tham, J, K, Tom, Pal; *pěknický* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon, Šum, Pal; *plničský* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Pal; *skrovničský* PS, SSJČ řidč. expr., Pal, J, K; *staříčský* PS, SSJČ, J, K, Kon, Tom, Pal; *teničský* PS, VT, J, K, Tom, Tham, Kon, Pal, Šum; *mladinký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *malinký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *kratinký* PS, SSJČ, J, K, Kon, Šum; *jemninký* PS*, SSJČ, VT; *hladinký* PS, SSJČ; *drobninký* PS, SSJČ, VT, J, K, *chudinký* PS, SSJČ, J, K, Šum.

Среди производных основ относительно широко представлены десубстантивные образования: *chutňounký* PS, VT, SSJČ; *něžňounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *zlaťounký* PS,

¹⁵ У Я. Котта приводится *chlupaťounký*; в терминологии Пресла есть *dužnatičský*.

¹⁶ Условимся здесь и далее не приводить словарную помету expr., поскольку как в PS, так и в SSJČ она дается со строгой последовательностью.

VT, J, K, Šum; *chladňounký* PS, SSJČ řidč. expr., VT, K; *zlaťoučký* PS, VT, J, K, Šum; *tmavoučký* PS; *tučňoučký* PS; *klidňoučký* PS, SSJČ, VT; *něžničký* J, K; *pyšničký* J, K; *rozkošničký* J, K, Pal; *bídničký* J, K, Kon; *zlatinký* PS, VT, J, K, Šum; *světlinký* PS*. Деадъективные дериваты представлены преимущественно производными, сочетающимися в своей структуре префиксы и суффиксы со значением интенсификации: *pramalounký* PS, SSJČ; *pramlaďounký* PS, SSJČ řidč. expr.; *pranizounký* PS; *prahezounký* PS*, VT; *roztomilounký* PS, SSJČ; *rozmilounký* PS, SSJČ řidč. expr.; *přemilounký* PS*; *přeslaďounký* PS*; *přehezounký* PS; *pramlaďoučký* PS, SSJČ řidč. expr., VT; *praskrovňoučký* PS; *prahloupoučký* PS; *roztomiloučký* PS, SSJČ, J; *rozmiloučký* PS, SSJČ řidč. expr., Šum; *předrobňoučký* PS; *přejemňoučký* PS; *přeslaďoučký* PS*; *pramladinký* PS, SSJČ řidč. expr.; *pramalinký* PS, SSJČ; *přemalinký* PS, SSJČ*; *přeútlinký* PS; *prateničký* PS (см. выше возможные мотивировки их словообразовательной структуры).

Сюда же относятся дериваты, образовавшиеся в результате нанизывания суффиксов *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-*: *lehounčinký* J, K, Šum; *malinčičký* Pal; *maliňounký* PS*; *maliňoučký* VT и др.; дериваты, восходящие к сочетаниям с *ne-*: *nedávňounký* PS; *neviňoučký* PS, SSJČ, VT, J, K; *nepatrňoučký* PS, SSJČ и т. д.

Прилагательные, соотносящиеся с основами иной структуры, встречаются редко. Так, от основ, образованных, в свою очередь, от наречий, произведены прилагательные *snadňounký* PS, SSJČ; *potmalounký* PS, SSJČ; *potichoučký*-A; *brzoučký* PS, SSJČ, J, K; *pozvolňounký* PS*; *snadňoučký* PS, SSJČ, VT; *potmaloučký* PS, SSJČ; *snadninký* PS, VT; *snadničký* PS, SSJČ; *brzičký* PS, SSJČ, J, K; *částičký* K; к числительным восходят основы прилагательных *jediničký* PS*, SSJČ*, VT*, J, K, Pal; *jediňoučký* PS*, SSJČ*, VT*; *jedininký* PS*, VT*; SSJČ*; к глаголам — *mlčelivičký* J, K, Šum; *syroučký* PS*. Как мы могли убедиться, исследуемые четыре суффикса присоединяются лишь к основам, имеющим простую структуру; исключения встречаются крайне редко: *modrookounký* PS*; *pouhорouhoučký* PS; *tichotichoučký* PS¹⁷. Суффиксы *-oučk-*, *-ounk-* *-ičk-*, *-ink-*

¹⁷ Из эксцерпций извлечены *samojedinký*, *sněhoběloučký*, *sněhobělouký*. В некоторых случаях дериват с суффиксом интенсифи-

присоединяются, как правило, к основам собственно чешского происхождения. В значительно меньшей степени эти суффиксы сочетаются с исконно заимствованными основами: *naivňoučký* PS*, SSJČ*; *pranaivninký* PS; *mizerňoučký* PS, SSJČ. В качестве производящих основ отмечаются прилагательные, относящиеся к твердой разновидности склонения, в единичных случаях фиксируются прилагательные мягкой разновидности: *všedňoučký* PS*, VT; *naivňoučký* PS*, SSJČ*; *pranaivninký* PS; *raničský*-A; *raninký* VT*; *prvníčský* PS (*všední, naivní, pranaivní, ranní, první*). Наконец, следует заметить, что прилагательные со значением интенсификации представлены в полной форме; лишь в виде исключения встречаются они в краткой форме: (*knihovna*) *byla tak chudička*, Jirásek. Věk., IV, 1901-A; *Hleďte, jak ty včeličky, jsou zvířátka maličky*, Šum. M. čít.

Несмотря на идентичность структурной характеристики, инвентарь производящих основ у суффиксов *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* не является тождественным. Это отражается, в частности, на численности основ. Так, суффикс *-oučk-* сочетается со 137, *-ounk-* с 93, *-ičk-* с 55, *-ink-* с 41 основами. Относительная узость круга производящих основ двух последних суффиксов, помимо ряда других причин, о которых речь будет идти ниже в специальном разделе работы, объясняется фонетической прихотливостью формантов с начальным *i*.

Данные суффиксы встречаются в комбинации с мягкими согласными¹⁸, чаще всего это сочетания с *ň, ě, ě, ř, ž*; ср.: *staříčský* PS, SSJČ, J, K, Pal, Tom, Kon; *spořičský* J, K; *dobříčský* PS, VT*, J, K, Kon, Tham; *stařinký* PS*, SSJČ*; *sladinký* PS řidě., SSJČ, J, K, Kon; *dobřinký* J, K; *trpčičský* J, K; *ubožičský* PS; *nažičský* J. K, Šum, Kon; *nebožičský* J.

кация является компонентом сложного слова: *drobounkolistý, kratičkostopkatý, kratičkořapičnatý*.

¹⁸ Количество случаев сочетания данных суффиксов с основами, заканчивающимися твердыми согласными, ограничено; ср.: *brzičský* PS, SSJČ, J, K; *hezičský* PS*, VT*; *uzičský* J, Šum; *uzinký* exc.; *křeřičský* exc. После конечного *h* основы фиксируется вариантная форма суффикса *-ýčk-*, *-ýnk-*: *lehýčský* PS*, SSJČ†, J, K, Pal; *lehýnký* PS, SSJČ řidě.; *pouhýnký* PS (в экскерпции данное прилагательное встречается и с суффиксом *-ink-*: *Až do pouhinké noci*, Besedy).

К числу фонетических модификаций, характерных для словообразования прилагательных со значением интенсификации, следует отнести:

1. Редукцию конечного согласного основы: а) усечение согласного *k*: *syrounký* PS*; *mělounký* PS*, SSJČ*, VT lid.; *kroťounký* PS*, SSJČ řidč., VT*; *vlhounký* J, K, Šum; *tenounký* PS, VT, J, K, Kon, Šum, Tom, Pal, Tham; *sladounký* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon; *lehoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Tom, Pal, Kon, Tham, Šum; *křehoučký* PS, SSJČ, VT, J, Pal, Tham, Tom; *lehounký* PS, SSJČ, J, K, Šum, Pal; *teničký* PS, VT, J, K, Kon, Tom, Tham, Pal, Šum; *brzičký* PS, SSJČ, J, K.; *sladičký* PS*, SSJČ řidč., J, K, Kon; *lehýčký* PS*, SSJČ†, J, K, Pal; *teničký* PS, VT, Šum, K; *krotinký* PS, SSJČ, VT; *hladinký* PS, SSJČ, VT, J, K.; *lehýnký* PS (*sypký, mělký, krotký, vlhký, tenký, sladký, lehký, křehký, tenký, brzký, hladký*) и пр. Исключение составляют лишь единичные архаичные образования типа *lehčičký*, а также дериваты *mělkoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *mělkounký* PS, SSJČ, VT, J, Šum¹⁹; б) спорадическое усечение согласного *n*: *chladoučký* J, K, Kon, Šum; *droboučký* PS, SSJČ, VT, Kon, Pal, Tom; *drobounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *chladounký* PS, SSJČ řidč., VT, K; *chladičký* K; *žadičký* J, K; *samotinký* PS, Šum, J, K (*chladný, drobný, žadný, samotný*). Однако в подавляющем большинстве случаев согласный *n* сохраняется, подвергаясь лишь смягчению; ср., например, *chladňoučký* PS*, SSJČ řidč., K; *chladňounký* PS, SSJČ řidč., K; *drobňoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal, Kon; *drobňounký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum²⁰; *žadničký* J, K, Pal, Kon, Šum.; *samotninký* J, K, Kon, Šum.

2. Смягчение согласных *n, t, d > ň, ě, ě* (*n/ň*): *všedňounký* PS*, VT; *vlídňounký* PS*, Šum, J, K; *vlašňounký* PS*; *šťastňounký* PS; *všedňoučký* PS*, VT; *skromňoučký* PS; *plňoučký* PS, SSJČ*; *čerňoučký* PS*, SSJČ*; *červeňoučký* PS, SSJČ*, VT, J, K; *pěkničký* PS, SSJČ, Šum, Kon,

¹⁹ Факт усечения суффиксального *k* говорит о том, что данный суффикс ныне не воспринимается как неотъемлемый компонент словообразовательной структуры слова, напротив, он абсорбируется, становится принадлежностью корня слова.

²⁰ Ср., например, в эксклерциях: (*Nymfy*) *pohazujíce ho* (Milka) *chladninkou travou nad vítězstvím plesají*, Dennice, 1825-A; *Chladinký větérek*, Tomsa F. V. Krummacher, 1821-A; *třešničky co hrášek drobňounké*, Hýbl. 7 povídek; *dělá vám švy tak drobounké, že já je ani nevidím*, Pravda, Pov. z Kr., 1851-A.

VT, J, Pal; *plničký* PS, VT, SSJČ*; *prázdníčký* PS, J; *zelenínký* PS; *stejnínký* PS, SSJČ*; *snadnínký* PS, SSJČ, VT; *skrovnínký* PS, SSJČ knižn., K; *jedinínký* PS*, SSJČ*, VT*; (*t/i*); *svaťoučký* PS, SSJČ; *zlaťoučký* PS, VT, J, K, Šum; *žluťoučký* PS, VT, K; *tlušťoučký* PS, VT; *prostoučký* PS, SSJČ, VT; *kulaťoučkový* PS, SSJČ, VT; *tlušťoučkový* PS, VT, Šum, J, K, Kon; *zlaťoučkový* PS, VT, J, K, Šum; *žluťoučkový* PS, VT, K; *hbitoučkový* PS; *prostičský* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *zlatičský* PS, VT, J, K; *žlutičský* PS*, K; *zlatínký* PS, VT, J, K, Šum; *prostínký* PS, SSJČ, VT, Šum; (*d/d*): *mladoučký* PS, SSJČ, VT, J, K; *bledoučký* PS, SSJČ, VT, J; *bledoučkový* PS, SSJČ, J; *chudoučkový* PS, SSJČ, VT; *mladoučkový* PS, SSJČ, J, K; *mladičský* PS, SSJČ, VT, Kon, Tham, Tom, J, K, Pal; *chudičský* PS, SSJČ, Pal, Kon, J, Tom, Tham; *mladínký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *každínký* PS, SSJČ, J, K; *chudínký* PS, SSJČ, J, K, Šum; *bledínký* PS, SSJČ*, J. Последовательная палатализация согласных — типичная черта словопроизводства экспрессивной лексики и, в частности, прилагательных со значением интенсификации.

Нарушения чередования *n, t, d > ñ, ě, ě* наблюдаются в очень редких случаях: *snědoučký* PS, SSJČ*; *snědoučkový* PS, SSJČ*; написание с твердыми *d, n* изредка встречается в экскерпциях, относящихся к эпохе Возрождения: *skály mechem drobnoučkým porostlé*, Hronka, 1837-A (но: *Příroda dopřála mi jen drobnoučké vousy*, Jindy a nyní, 1830-A); *jak zřídka poshová radost člověku dosti mirnoučká stálost*, Pohořelý. Jaronka, 1830-A; *skrovnoučkým výdělkem*, Paleček, 1844-A; *Tváře vám ruměňčí; Růže tam kvetou bledoučké*, Vladyka. Hyacinty, 1825-A; *Znám ji — hezké děvče trochu bledoučká, Rubeš*. Pan aman, 1842-A.

3. Чередования гласных внутри корня: а) количественные чередования: (*á/a*) *kratoučký* PS, SSJČ, Šum, J, Kon; *kratoučkový* PS, SSJČ, J, Šum, Kon, Pal; *kratičský* PS, SSJČ, VT, Tham, Tom, Pal; *kratínký* PS, SSJČ, J, K, Šum, Kon (*krátký*); (*i/i*) *řidoučký* PS, SSJČ, VT, Kon, Šum, Tham, Pal; *nizoučký* PS, SSJČ, VT, J; *blizoučký* PS, SSJČ, VT, Kon, J, K, Šum; *nizoučkový* PS, SSJČ; *řidoučkový* PS, SSJČ, VT, Šum; *řidičský* J; *nizičský* J (*řídský, nízký, blízký*); (*ú/u*) *uzoučký* PS, VT, Šum, J, K; *uzoučkový* PS, VT, Šum, K; *uzičský* J, Šum; *uzínký* exc. (*úzký*). Данные чередования относительно последовательно соблюдались на более ранних этапах существования чеш-

ского языка; в современном языке сокращение количества корневого гласного соблюдается далеко не всегда: *štíhlounký* PS, VT, Šum; *mírňounký* PS, SSJČ, VT řidč. и др.; б) количественно-качественные чередования: (*i/ě*): *ředoučký* J; *běloučký* PS, SSJČ, Šum, Tham, Tom, Pal; *běličký* PS, SSJČ, VT řidč., J, K, Šum; *ředinký* PS*; *bělinký* exc. *ředounký*, exc. (*řidký, bílý*); (*ou/u*); *hlupoučký* PS*, SSJČ* (но: *hlupoučký* PS, SSJČ, VT). Заключая этот краткий морфонологический очерк, мы хотим еще раз подчеркнуть, что суффиксы с начальным гласным *i* являются более «прихотливыми», а поэтому нередко и менее желательными: сверх только что названных фонетических модификаций их присоединение сопровождается чередованием конечных согласных основы $r, h, k > ř, ž, č$.

* * *

До сих пор мы говорили о суффиксах *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* как о компонентах первичной словообразовательной процедуры. Ниже мы рассмотрим случаи, когда на базе упомянутых формантов возникают вторичные словообразовательные процедуры. Поскольку механизм данных словопроизводственных операций подробно анализировался нами выше, мы ограничимся здесь лишь краткой характеристикой. Как показало изучение фактического материала, словообразовательный прием вкладывания морфемы внутрь структуры слова использовался при словопроизводстве суффиксальных прилагательных со значением интенсификации в чешском языке как эпохи Возрождения, так и на современном этапе его существования. В сферу словопроизводства указанных прилагательных вовлечена 21 производящая основа. Если же учесть, что словообразование суффиксальных прилагательных со значением интенсификации (первичных) осуществляется от 260 основ, то тогда станет ясно, насколько сужена словопроизводственная база вторичных дериватов данного типа. Так же, как и первичные, вторичные дериваты группируются в виде относительно разветвленных пучков вокруг ограниченного круга основ. Так, от *malý* произведен 21 дериват, от *drobný* — 8, от *krátký* и *tenký* — по 4, от *úzký* — 3. Как отмечалось, по своей фонологической структуре вставные морфемы могут либо совпадать с ядерными морфемами, уже имеющимися в слове, либо отличаться

от них. В первом случае мы имеем дело с явлением редупликации²¹: *drobničičký* J, K; *malilinký* PS, SSJČ; *malililinký* Tham, J, Pal; *maličičký* J, Tham, Šum, Pal, PS*, VT; *maliličký* PS, SSJČ; *malilitký* PS*, SSJČ*, VT; *malininký* PS, SSJČ; *malolouнкý* PS; *teničičký* J, K; *kratičičký* J, K. Второй случай можно иллюстрировать примерами *droboučičký* J; *droboučinký* J, K; *drobouličký* K; *drobouninký* PS, SSJČ, VT; *droboulinký* PS, SSJČ, VT*, J, K; *malouličký*-A, 1801; *maloulinký* PS, SSJČ*, VT; *malouninký* PS, SSJČ*, Kon; *maličinký* Pal, Šum; *tenoučičký* J; *tenouninký* PS; *tenoulinký* PS; *kratilinký* exc; *kraťou(u)linký* PS*, SSJČ; *uzoučičký* K. Следует особо оттенить то обстоятельство, что в функции вставной морфемы практически не привлекаются ядерные морфемы с начальным *o*. Это обусловлено, на наш взгляд, высокой фреквенцией данных формантов, повлекшей за собой потускнение, «снашивание» экспрессивной выразительности образованных при их помощи дериватов. Поскольку использование вставных морфем практикуется исключительно при словопроизводстве лексики, наделенной яркой экспрессивной насыщенностью, предпочтение отдается формантам, наиболее выразительным в эмоциональном отношении.

Несколько особое положение занимает с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й тип: прилагательное + ядерная морфема-*án-* + структуральная морфема *-sk-* + Φ ²².

На протяжении исследуемого периода в сферу словопроизводства при помощи суффикса *-ánsk-* и других рассматриваемых ниже суффиксов было вовлечено всего лишь 15 производящих основ: *široký*, *veliký*, *ukrutný*, *vysoký*, *hrozný*, *ohromný*, *dlouhý*, *dlouhatý*, *hrubý*, *obrovský*, *daleký*, *hluboký*, *mohutný*, *tlustý*, *takový*. Наиболее разветвленный пучок дериватов располагается вокруг прилагательного *dlouhý* (7 образований): *dlouhánský* PS fam, SSJČ; *dlouhanánský* PS fam, SSJČ řidč; *dlouhananánský* PS fam, SSJČ; *dlouhanácký* PS fam, SSJČ řidč; *dlouhatánský* PS fam, SSJČ; *dlouhatanánský* SSJČ; *dlouhytánský* PS fam.

²¹ Явление редупликации — характерная примета экспрессивной лексики; редуплицироваться могут как отдельные морфемы, так и корни слов; ср.: *pouhopouhý*, *čistočistý*.

²² В дальнейшем сокращенно суффикс *-ánsk-*.

Суффикс *-ánsk-*²³ отмечен у 12 основ. От непроезводных основ качественных прилагательных образованы дериваты *dalekánský* PS, SSJČ, VT*; *hlubokánský* PS, SSJČ, VT*; *širokánský* PS; *tlustánský* PS lid.; *ukrutánský* PS ob., VT, J, K, Kon; *vysokánský* PS, J, K, Šum; *velikánský* PS, J, K, Šum; *dlouhánský* PS, SSJČ, *ohromnánský* exc. В единичном случае представлена основа деадъективного образования *dlouhatánský* PS fam, SSJČ ob., K, где *-ánsk-* нанизывается на *dlouhatý*²⁴. Наконец, в эксцерпциях эпохи Возрождения зафиксирован единичный пример образования от местоимения *takový* — *takovánský* (*Najdeš všude takovánské zběře*, Hn. Děvín, поэма, р. п.). Нетрудно заметить, что в сферу словопроизводства вовлечены лишь прилагательные собственно чешского происхождения. Присоединение суффикса *-ánsk-* обычно сопровождается редукцией конечного *n* основы: *mohut(ný)-ánský*; *ukrut(ný)-ánský*. В единственном случае фиксируется морфема *-iánsk-* (*hrubiánský* PS, SSJČ, VT hov. lid., J, K); этот дериват соотносится как с *hrubý*, так и с *hrubián*.

На базе словопроизводственной операции с суффиксом *-ánsk-*, являющейся первичной, возникает вторичная процедура, заключающаяся в использовании вставной морфемы *-an-* либо *-anan-*, вклинивающейся между основой и суффиксом; например, *ukrutanánský* VT; *širokanánský* PS; *velikanánský* PS fam, VT; *vysokanánský* PS; *dlouhanánský* SSJČ; *dlouhatanánský* SSJČ; *velikananánský* PS fam, VT; *dlouhananánský* PS fam, SSJČ; *hrozitananánský* VT.

Наряду с *-ánsk-*, используются другие синонимичные морфемы, имеющие, впрочем, более узкую сферу употребления. Прежде всего здесь подразумевается суффикс *-i(y)tánsk-*, образовавшийся на базе морфемы *-ánsk-* в результате перераспределения основы. Словопроизводство при помощи суффикса *-i(y)tánsk-* лишь условно можно определить как словообразовательный тип, поскольку он имеет

²³ Выше отмечалось, что словообразовательная структура некоторых прилагательных с *-ánsk-* может интерпретироваться и посредством существительного: *vysokán* PS*, K; *velikán* PS, Kon, J; *dlouhán* SSJČ, VT lid.; *ukrután* Šum — последняя ассоциация маловероятна. Иногда фиксируется стилистически вариантный формант *-áck-*: *hrozenácký* K (*hrozenácký stín*, Hn. Děvín.); *dlouhanácký* PS fam, VT řidč.

²⁴ Структуру деривата можно интерпретировать как результат вкладки морфемы *-at-* внутрь *dlouhánský*.

очень ограниченное число репрезентантов: *dlouhytánský* PS fam., VT; *hrozitánský*²⁵ PS, SSJČ, VT; *obrovitánský* exc. Структурное пересечение суффиксов *-i(y)tánsk-* и *-ánsk-* не происходит, так как они отмечаются у разнооформленных основ²⁶. Редкими, преимущественно архаичными являются морфемы *-ern-* (*velikerný* Tham., J, K); *-urn-* (*velikurný* K); *-áln-* (*ukrutálný* PS dial., J, K, Šum); *-ajzn-* (*veličajzný* PS dial.); *-izn-* (*vysočizný* K).

Ниже мы рассмотрим словообразовательные типы, характеризующиеся ограниченным количеством репрезентантов, подавляющее большинство которых является архаичными, малоупотребительными образованиями.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: прилагательное + ядерная морфема *-at-* + Ф. Суффикс *-at-* привносит значение интенсификации, присоединяясь к словообразовательным основам как имен существительных, так и прилагательных. В рамках словопроизводства прилагательных со значением интенсификации суффикс *-at-* участвует лишь в ограниченной степени. Здесь он используется как компонент первичной и вторичной словообразовательной процедуры. В первом случае он присоединяется к непроизводным основам, во втором — к производным. Наиболее бесспорным примером образования прилагательного со значением интенсификации от непроизводной основы является дериват *dlouhatý* PS, SSJČ ob. expr., J, K; ср. эксцерпции: *Číslo let se skytnou dlouhatá. «Tisíc čtyři sta a čtyři»*, Kollár. Slávy dc., 1832-A; *Stáli tu dlouhatou frontu pod padákovou věží*, Ml. fronta, 1955-A; (novinkář) *natahuje uši, aby něco nového zaslechl, tak že se často podobá jistému pro své dlouhaté uši pověstnému čtveronožci*, Diblík, 1855-A; (spousta královského voje) *přes dlouhaté boty v úprku padajíc*, Čech. Hanuman, 1804-A (= příliš dlouhý, delší než třeba — комментарий эксцерптора); *poznal jsem, že to ženština v dlouhatém oděvu*, Pichl. Cervantesovy nov., 1838-A (= velmi dlouhý — комментарий эксцерптора) и т. д. С известной оговоркой сюда же можно отнести и *širokatý*, интерпретируемое Коттом и Фр. Шумавским как 'ungemein breit'; ср. эксцерпции: *nosí širokaté nohavice*,

²⁵ Возможно установление соответствия с *hrozitán* VT*, Kop, PS*, K, Šum.

²⁶ Единственно от *dlouhý* возможно образование как с суффиксом *-ánsk-*, так и с *-i(y)tánsk-*, последнее, впрочем, является малоупотребительным.

Rozličnosti, 1830-A; *nic škaredějšího nespátřil, jako tuto osobu tak puskatou, tak širokatonosou*, Ibid.; PS, однако, квалифицирует данный дериват как экспрессивный вариант для *široký*, не указывая значение интенсификации. Значение интенсификации отмечено Коттом и у *vysokatý* 'sehr gross'. Сочетания *-at-* с прилагательными, обозначающими цветовую характеристику, семантически не рельефны, обычно они лишены значения интенсификации — изредка эти дериваты передают прямо противоположное значение «ослабленного» признака (ср.: *jeden tak trochu šedivatý* — комментарий эксцерптора 'světle šedý, našedlý') — об этом см. ниже. В остальных проанализированных нами случаях производное с *-at-* соотносится с производящим прилагательным как стилистический вариант с идентичным лексическим значением: *nahatý* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Tham, Кон. Ср. эксцерпции: *housata potulují se teď nahatými strnisky*, A. Mrštík. Rok na vsi, 1904-A; *pověsil si nahaté ženské na stěnu*, Stašek. Blouz. n. hor., 1895-A; *mezi nimi nahaté děti*, Vl. 11/63; *Lidi byli jen nahatí opice*, V + W, I. Значение интенсификации признака ощущается лишь в двух примерах: *Dáma se svléká. Vystupuje na stoly. Nade všemi. Nahatá! Ne nahá — nahatá!* Wolker. Dílo 2, 1924-A; (*měl tabatěrku*) *s figurkou ženštiny, o níž tvrdil, že jako pramáti Eva je docela nahá a ještě nahatější, jelikož ani fíkového listu nemá*, Jirásek. Temno, 1915-A. Ср. также интерпретацию семантики *nahatý* в словаре Фр. Травничка: 'úplně nahý' (lid. a hov) — остальные словари отмечают лексическую идентичность *nahý* и *nahatý*. Значение интенсификации признака отсутствует и у *velikátý* PS* exрr. 'velký'; *hloupatý* PS* 'hloupý', SSJČ* exрr. (VT интерпретирует иначе: 'velmi hloupý'), имеющиеся у нас эксцерпции также не фиксируют значение интенсификации: (*dívka*) *dělá jako hloupatou*, Čes. lid., 1936-A; *nenávist k tomu hloupatému svůdníku*, Holeček. Čern. pov., 1880-A. В эксцерпциях Возрождения было обнаружено *silnatý*, также, на наш взгляд, не отличающееся в лексическом отношении от *silný*: *Nad obra jsem teď silnatý*, Št. Alína.

Сочетание суффикса *-at-* с производными основами можно иллюстрировать примерами *malinkatý* PS, SSJČ, VT; *maličkatý* SSJČ; *droboulinkatý* PS, SSJČ*, VT; *malilinkatý* PS, SSJČ; *droboulilinkatý*, exс. ²⁷.

²⁷ В грамматике Э. Коваржа (Česká mluvnice pro školy střední a ústavu učitelské, Praha, 1889) приводится дериват *chudinkatý*.

Семантический вклад суффикса *-at-*, нанизанного на уже имеющуюся в структуре слова морфему со значением интенсификации, является более рельефным и заключается в дополнительном нагнетании указанного значения. Это особенно отчетливо ощущается в эксцерпциях: *dívali se na malinkaté vrtáky, kolibry a měřidla, z nichž mnohé lze vidět jen pod mikroskopem, poněvadž oko je těžko postřehne*, Práce, 1961-A; *chlácholivě broukaly: nezabolí, jen taková malinkatá operace to bude*, Šrámek. Osyka, 1912-A; *A teď už můžeš vyslechnout trochu té trpkosti, která je takhle malilinkatá proti tomu, co mohlo snadno se státi*, Kronbauer. Síla hroudy, 1901-A.

В рамках словопроизводства десубстантивных прилагательных суффикс *-at-* зарекомендовал себя как более продуктивное словообразовательное средство. Впрочем, и здесь зачастую значение интенсификации воспринимается недостаточно отчетливо, нередко оно вообще отсутствует или же представлено в незначительной мере; ср., например, словарную интерпретацию²⁸: *olšinatý* PS* 'olším porostlý; olším bohatý' PS*; *chlupatý* PS 'chlupy porostlý'; *copatý* 'nosící cop' SSJČ; *brejlatý* 's brejlemi na nose' PS. Значение интенсификации особенно отчетливо ощущается у прилагательных, образованных посредством суффикса *-at-* от существительных, обозначающих части тела или же внешнего облика живого существа — в этом случае прилагательное, как правило, сигнализирует, что та или иная черта внешнего облика представлена в гипертрофированной степени²⁹; ср.: *krkatý* PS, SSJČ řidč., VT; *lýtkatý* J, K, PS; *ňadratý* PS, SSJČ*, K; *rukatý* PS*, J, K; *chřípatý* SSJČ*; *drápatý* SSJČ*, PS*, VT*; *břichatý* SSJČ, VT, J, Pal, PS, Kon; *parukatý* J, K; *kalhotatý* J, K; *čelatý* J, K, Šum; *zubatý* PS, VT, Tham, Tom, Šum; *ušatý* PS, J, K, Tom; *hlavatý* PS, SSJČ, VT, J, K; *bokatý* PS, SSJČ; *kolenatý* SSJČ, K, J, Kon, Tham, Pal. Отмеченное значение

²⁸ Сопоставляя семантическую интерпретацию различных словарей, мы можем иногда судить об эволюции семантики дериватов с *-at-*; ср.: *trnatý* 'plný trnů' J, 'trny porostlý, opatřený' PS; *vápenatý* 'mnoho vápna v sobě mající' J, 'obsahující vápno n. jeho sloučeniny' PS и др.

²⁹ Впрочем, иногда значение гипертрофированности признака не выражено; ср: *Všecky opice ve dvě se dělí, totiž v ocasaté a bezocasé*, Hlasatel, 1806-A (*ocasatý* семантически противопоставлено *bezocasý* и имеет значение обладания некоторым признаком, в данном случае — наличие хвоста, не обязательно большого).

гипертрофированности рельефно ощущается, например, в следующих контекстах: *Mám prý náramně velké břicho, proto mi říkají Břichatý*, Horák. České pohádky; *děvčata mu říkala «Fousatý ženich — neboť husté byly vousy jeho*, Lang. Sel.; *Říkají mi Okatý a nikdo mne nechce, mám prý tuze veliké oči*, Horák. České pohádky; *podíval se na prsatou cikánku*, Mršt. Poh. m.; *Paní chmurně krásná, řasatá*, Ašk. Vej.; *Družky v šití říkaly jí taky «kolenatá», ne snad pro nějaká zrudná kolena, nýbrž pro její «anglickou fasonu»*, Herrmann. Vdavyky, 1918-A; *a co teprv od té doby, co v tom andělském řemesle se vynalezlo bavlněné vycpávání jest krásných stehnatých a prsatých mužských*, Rozličnosti, 1830-A; *A rozmarné subrety bylo všude plno; okatá, bokatá, prsatá chodila*, Rada. Hostinec, 1941-A; *Holky byly lejtkatý a stehnatý a vokatý*, J. Hašek. Osudy, 1962-A; *křidélka andělků tak lícatých, jako by bývali krmeni dětskou moučkou*, K. M. Čapek. Větrní k., 1923-A; *U Erbena je první baba pyskatá («měla dolejší pysk tak veliký, že jí až přes bradu visel»)*, Tille. Čes. poh., 1909-A. В ряде случаев данные прилагательные используются в составе терминологических обозначений *žába nosatá*, Voska. Brehm. Život zv., 1929-A; *kakadu nosatá*, Janda. Ibid., 1927; *opice nosatá, malpa hlavatá*, Jiršík., Ibid. 1928 и пр.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: прилагательное + ядерная морфема *-it-*³⁰ + структуральная морфема *-k-* + Ф. Указанную структуру имеют восемь слов: *bělítký* J, K, Kon (ссылка на Краледворскую рукопись); *hubenítký* Čel. Dod., K; *malítký* PS, SSJČ†, VT*, J, K, Šum, Kon, Tham; *militký* PS †, SSJČ †, VT*, J, K, Kon, Pal, Tham, Šum, K; *novítký* Čel. Dod.; *tenítký* J, K, Šum; *uzítký* Čel. Dod., K; *hladítký* exc. (*Přes pravo, přes rameno přeletěvši dřevce hladítké v zem se zabodlo*, Vlčkovský. Nom. Piada, 1842-A). Все образования архаичны, экскерпции относятся преимущественно к первой половине XIX в. Дериваты образованы от непроезженных качественных прилагательных.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п: прилагательное + ядерная морфема *-out(-ut-)* + структуральная морфема *-k-* + Ф. По данной схеме образовано три

³⁰ Старые словари фиксируют, наряду с *-it-*, правописный вариант *-it-*: *malítký* J, Šum; *militký* J, K, Šum.

слова: *maloutký* PS*; *lehoutký* SSJČ† (*lehutký* J); *suchoutký* K — все они являются архаичными, редкими лексемами. Производящая основа представлена непроизводными качественными прилагательными.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й тип: прилагательное + ядерная морфема *-e(ě)n-* + структуральная морфема *-k-* + Ф. Указанную структуру имеют семь прилагательных — как правило, это образования архаичного или диалектного характера³¹: *čistěnký* K; *jediněnký* PS*, SSJČ*, VT*; *malenký* PS*, VT*; *milenký* PS dial., J, K (характеризуют как словакизм); *zeleněnký* exc. (*Pěje něžně slavíček v zeleněnkém houští*, Hanka. Písň); *mladistvenký* exc. (*vždyť si ještě mladistvenká šestnáct sněhů nešlapala*, Ibid.); *maliněnký* PS*. В функции производящей основы отмечены качественные прилагательные непроизводные (*čistý, malý, zelený, milý*) и производные (*jediný* — от числительного, *mladistvý, malinký* — от прилагательного).

Наконец, вкратце о словообразовательном типе с суффиксом *-oucí*. Структура данных дериватов может быть раскрыта путем установления соотношения как с существительными, так и с прилагательными (*krasoucí, zlatoucí, pravdoucí*); *svatoucí* имеет одинарную мотивировку через прилагательное, *pranicoucí (nic)* — через наречие. Исконно данный суффикс был отвлечен из девербативных образований типа *horoucí, vroucí* и др. Девербативное «прошлое» относительно легко угадывается у деривата *živoucí*, ныне переосмысленного как деадъективное производное. В современном языке анализируемые прилагательные обычно используются в сочетании с существительными: *pravda pravdoucí, krása krasoucí*.

В структуре прилагательного *malitný* J, K, Šum выделяется суффикс *-itn-*, однако данный способ словообразования, иллюстрируемый единственным образованием, в словообразовательный тип не сформировался.

³¹ Ср.: *s dítky malenkými s svou mladuchou i chotí*, Šír. Výbor ze spis. řeč., 1827-A; *pros studěнку maliněнку*, Heyduk. Cymbál a h., 1876-A.

§ 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИФИКАЦИИ

1. Общая часть

Характерной особенностью прилагательных со значением интенсификации является их способность характеризовать признак не только с количественной (как рассматриваемые ниже прилагательные со значением ослабленного признака), но и с качественной стороны. Функция количественной оценки реализуется в виде фиксации интенсивной степени проявления признака. Функция качественной оценки заключается в экспрессивной характеристике признака, в частности, в отражении эмоциональной реакции субъекта (данная функция у прилагательных со значением ослабленного признака не представлена). Заранее оговорим, что понятие эмоциональности является, на наш взгляд, более узким и подчиненным по отношению к более общему понятию экспрессивности. Говоря об эмоциональной реакции субъекта, мы имеем в виду так называемые конкретно направленные эмоции (ласкательность, нежность, симпатия и т. д.), фиксирующие отношение человека к конкретным предметам и явлениям; наряду с этим, мы включаем сюда различного рода настроения субъекта (чувства радости, восторга, грусти и пр.), лишенные ярко выраженной конкретной направленности. Впрочем, грань между дифференцируемыми разновидностями эмоциональных ощущений очень зыбка. Психологически эмоциональная реакция «провоцируется» интенсивной, сверх обычной нормы, степенью проявления признака, т. е., иными словами, функция качественной оценки формируется на базе количественной оценки. Обычно значение интенсификации столь тесно переплетается с экспрессивной нагрузкой, что, как правило, одно и то же слово, наряду со значением интенсификации признака, несет сопроводительную экспрессивную нагрузку, нередко в виде целой гаммы эмоциональных оттенков. Важно подчеркнуть, что отмеченная способность прилагательных со значением интенсификации нести экспрессивную нагрузку не есть факультативное явление, присущее лишь отдельным образованиям. Напротив, это — закономерность, характерная для категории в целом. В современном чешском литературном языке прилагательные со значением интенсификации, незави-

симо от того, какое конкретно значение у них в данной ситуации реализовано, относятся к числу экспрессивной лексики. Возникновение экспрессивной окрашенности у исследуемой нами лексики, как правило, обуславливается соответствующей словообразовательной операцией. Присоединение большинства суффиксов и некоторых префиксов (например, *ultra-*, *hyper-* и др.) непременно сопровождается появлением выразительной эмоциональной окраски позитивного (чаще всего) или негативного тона, являющейся стабильным компонентом семантики деривата. Несколько иначе обстоит дело с прилагательными, образованными при помощи формантов *pře-*, *vele-*, *arci-*, *pra(ch)-*, *-ánsk-* и некоторых других. Строго говоря, указанные дериваты лишены конкретной эмоциональной нагрузки (в противоположность, например, суффиксальным производным типа *malinký*, *hezounký* и т. д.). Тем не менее они могут быть использованы и используются для фиксации экспрессии, зачастую входя в состав насыщенных экспрессией контекстов. Фиксируемая данными прилагательными гипертрофированность признака (связанная нередко с аугментативной характеристикой предмета) провоцирует эмоциональную реакцию субъекта. С другой стороны, находясь в состоянии экзальтации, возбуждения, субъект гипертрофирует те или иные обозначаемые им признаки. Мало того, в современном чешском языке прилагательные данной структуры являются носителями экспрессивной нагрузки также потому, что по большей части они имеют стилистическую окраску, несколько отличающуюся от господствующей в литературном чешском языке стилистической нормы. Так, дериваты с *vele-*, *arci-* принадлежат к разряду сугубо книжной лексики; дериваты с *pra(ch)-*, *-ánsk-*, напротив, имеют налет просторечности. Произошедшая демократизация нормы современного литературного чешского языка обусловила, в частности, сужение сферы употребления прилагательных первого типа, что, несомненно, усилило их экспрессивную выразительность. В эпоху Возрождения, когда норма литературного языка допускала использование средств «высокого» стиля, употребление прилагательных с префиксами *vele-*, *arci-*, а в особенности *pře-* было менее лимитированным и, соответственно, менее «броским» в экспрессивном отношении. Сфера функционирования дериватов с *-ánsk-*, *pra(ch)-* была в то время более узкой.

Экспрессивная сущность данной лексики закрепляется в ряде формальных признаков, к числу которых относятся:

1. Наличие обширного инвентаря словообразовательных аффиксов, в особенности суффиксального словопроизводства, позволяющего вносить разнообразие в состав средств выражения. Разрастание набора словообразовательных формантов стимулируется потребностью в постоянном обновлении состава языковых средств, используемых для выражения экспрессии.

2. Использование вторичных словообразовательных процедур (более широко практикуемое также у суффиксальных прилагательных), в частности, повторное воспроизведение словообразовательной операции, вкладывание, нанизывание морфем — все эти приемы имеют ярко выраженный экспрессивный характер. Приведем примеры (все они заимствованы из архива ИЧЯ): *Ach, přepředaleká je má chvíle*, J. Palivec. Prsten, 1941; *Něco přepřehrozného se stalo*, Nečásek. Malvina, 1876; *přepřejemný vířením křídel*, Mahen. Měsíc, 1920; *je zjevem u nás pře-pře-převzácným*, Herites. Ps. p. čáru, 1886; *teskní: Má milá, hovoří pře-přepřejemným hláskem*, Mahen, Měsíc, 1920; *toť jednoduché, prapralehké*, Gallat. Humoresky, 1860; *Podívejte se tam na to venkovské, prapraobyčejné dítě*, Kronbauer. Z posl., 1890; *praprahlopupý je náš zvyk*, Čech. Afor., 1864; *prapractihodné babičky babiček*, Zákrejs. Červ. stol., 1881; *byly naše pra-prababičky, pra-prahlopoučké*, Kamínský. Kresby a r., 1907. В данном случае с целью достижения комического эффекта структура прилагательного скопирована с соответствующего определяемого существительного. Отмеченное повторное расширение основы влево фиксирует нагнетание эмоционального настроения — ср., например, эмоциональную напряженность высказывания: *ty falešná kvinto, ty prapraožralý muzikante všech muzikantů*, J. J. Kolár. Muzikanti, 1867-A. Ср. также эмоциональную выразительность следующих образований: *měl malounininká ústa, jen jako když řízneš špičkou nože*, Olbracht. Dvě psaní, 1931-A; *V krabičce měl droboulinké kuličky, ne větší než jemná krupička pšeničná*, Pravda. Sebr. pov., 1890-A; *To není ženská, to je sopka, kterou vznítí takováhle malilinká příležitost, žeby se vešla za nehet*, Štech. Třetí zv., 1900-A; *Ledový pruh (klouzačky) je pořád hladší a delší. Je překrásně lesklý, je neuvěřitelně nádherně hla-*

doulinký, je přepěkně dlouhý, je skvostný, Pešek. Lidé, 1946-A; (разговор о будущих детях — Г. Н.). *Dřív malinkého Papagenka. Papagena: Pak malilinkou Papagenku.* Zpěvy z čar. flét., 1794-A; *Tak to byl tichý dvorec v širokananánských polích*, F. X. Svoboda, 1897-A; *spínali v komickém úžasu ramena nad svými dlouhanánskými karikaturami, jež slunce stínem na pasece nakreslilo*, K. M. Čapek. Nov. pat., 1910-A; *Udělej pro mě aspoň malilinkou válku*, Fr. Gel. Internacionala, 1952-A; *Z dlouhatánské hadice, naplněné šampónem, se vytlačují úhledné polštářky*, VI. 31/63; *Tady je pacient, sice lehoulinký, ale přece jen pacient*, M. Pašek. Start, 1955-A.

3. Красноречивым показателем экспрессивности прилагательных со значением интенсификации являются факты структурно-семантического согласования прилагательных, находящихся в пределах одного и того же контекста (чаще всего речь идет об однородных определениях). Ср. *prapodivná, pranepochopitelná věc!* Čech. Povídky, 1878-A; *kabát ověšený prapodivnými a prazáhadnými řády*, Kronbauer. Z pražských kat., 1903-A; *V šatech prastarých, prašedivých*, Durych. Hadí květy, 1924-A; *Často za nejsvůdnějším zevnějškem prahluché, pralacíné zboží*, Třebízský. Sp. 8, 1886-A; *Ta přeušlechtilá, předmyslná, poučující hra šachovní*, Hlasatel, I, 1806-A; *O přešťastný den přeradostný!* F. B. Tomsa. Grimm. Prástevnice, 1837-A; *Ach, toť jest předobří, přerozkošný, přemilý rajský ptáček*, Čechoslav, 1821, рассказ, р. п.; *jak přehojná, převýtečná, přebohata jest nebeská sláva*, Sušil. Pavel, 1871-A; *Velevážený, velemoudrý a velectnostný pane!* J. J. Kol.-PS; *oudy má hebounké, tváře bělounké*, Květy, 1835-A; *seděl panáček útlounký, bělounký s takovými kadeřemi, že skoro úplně jeho ruměňounké tvářinky zakrývaly*, Světlá. Sp. 2, 1878-A; *to, co dělám, je miloučké, hodňoučké, slušňoučké*, Nezval. Jak vejce, 1933-A; *Raději budeme bez chleba, bez soli než bez toho našeho rozmiloučkého, sladoučkého povídání*, K. Sv. Pov. a r., рассказ, а. р. и пр.

В стихотворных произведениях структурно-семантическое сходство прилагательных бывает продиктовано соображениями рифмы: *Mezi cedry převysoké dál se kroutí hrdě běh: tam jsou tůně přehluboké, skalí, víry přeširoké*, Hn. B. drob., лир. стих.; *Oj, nadletěly dvě tři žežulky, vše tři sivičké, vše tři smutničké*, J. Kalina. Básn. sp., 1852-A; *Veverice takto zvíře skrovničké, ale obratné a*

mrštničké, Chmela. Bajky, 1818-A; *jen hvězdká drobná, maličká, však vlídná, světlá plnička a moje* (básníkova) *byla celičká*, Sládek. Básně, 1875-A; *Myška byla jedna mladinká, jako sníh a křída, bělinká*, Chmela. Bajky, 1818-A; *Slaďounkou ti z malounkého kašičku dám hrnečku*, F. A. Rokos. Básně, 1827-A. В приведенных выше примерах мы имели возможность наблюдать, что близстоящие, в особенности однородные прилагательные, не только принадлежат к одной и той же словообразовательной категории прилагательных со значением интенсификации, но и оформляются посредством идентичных словообразовательных формантов. Случаи, когда в описанных условиях встречаются разнооформленные дериваты с синонимичными формантами, являются более редкими: *Opatřila děvče podle přání. Hezounké, mladounké, poslušné i hloupoučké*, A. Zápotocký. Rok, 1950-A; *přišla pro ni služka, maličká, běloučká Kačenka*, Svobodová. Na pís. půdě, 1895-A; *mladičkův poručík, hladoučkův jako panenka*, Leger. Fojtík, 1914-A; *klarinet se smál droboučkým, milounkým smíchem*, Baar. Cimburá, 1908-A; *Tu nastal nějaký přenudný, arcimrzutý den*, Rittersberg. Spisy, 1853-A; *Kreipel byl komponista praznámého, přepohnutlivého Mailuefterlu*. Nár. I. Neruda. Feuill., 1866-A; *To něco veleslavného a přežádoucího musí být*, Javůrec. Poučování, 1820-A. Причины отмеченного расхождения могут быть различными: нередко здесь играют роль случайные факторы, однако иногда выбор того или иного аффикса может определяться отсутствием соответствующего деривата в языке либо его недостаточной продуктивностью; ср.: *Malinká suchoučká ta paní*, Podlipská. Dva rodokm., 1863-A; *Obličej má malinký, očka žlutoučká*, Obrazy živ., 1859-A; *jediná myšleněčka, malinká, hezounká*, Neruda. Studie krátké, 1876-A; *Lid si vytvářel zpěvné, milounké a naivňoučké koledy*, Holeček. Selství, 1920-A. Дериваты с суффиксом *-ink-* от основ *suchý, žlutý, hezký*, с *-ounk-* от *naivní* в словарях и эксцерциях не фиксируются.

В ряде случаев в сфере структурно-семантического согласования вовлекаются и существительные. При этом и существительное, и определяющее его прилагательное не только относятся к оценочной лексике (а), но и бывают оформлены идентичными (б) или сходными — в консонантной части ядерными морфемами (в). Более распространено данное явление у суффиксальных, чем у пре-

фиксальных дериватов: (a) *když nastala všecobecná illuminace, měl také již takovou malou, pramalou illuminaci*, Herrmann. Otec Kondelík, 1898-A; *Ale byla to malá, pramalinká jiskřička*, A. Mrštík. Rok na vsi, 1904-A; *já toliko skrovňounkou prosbičku mám k Vám, Rozličnosti*, 1832-A; *Och, nemůžeme, máme měkounké ručičky popíchal bychme se*, Erben. Č. poh.; *že se jí ostré trní do hebounkých prstěčků vedralo*, Pal. 44/XIV; *čelíčko bělounké, očičko modrounké*, Čechoslav, 1820; (б) *Bylo líto té mladinké květiny*, V. N. Bách, I; *jen malinkou chvílinku ještě*, K. Sv. Pov. a r.; *Proto mně draha tak milá má matička, že je tak chudička*, Neruda. Knihy veršů, 1868-A. Передко, как и в предыдущем примере, это согласование ритмического порядка: *Až doroste hoch maličký, bude řezat píšťaličky*, K. J. Erben. Kytice, 1853-A; (в) *jen maličkou, kratičkou chvílečku*, Máj, 1858-A; *bifteček, je tak křehoučký*, Baar. Far. pan., 1906-A; *v bleďoučké tvářiče ukázalo se uleknutí*, K. M. Čapek. Rozkoč, 1923-A; *A kam vy, sladounký přítelínku?* Stroupežnický. Hum. čtení, 1875-A; *suchounké nožinky a ručinky*, Arbes. Miniatury, 1886-A и пр. Любопытен также случай редупликации основы определяемого существительного в структуре прилагательного: *Ach, vy slasti přeslastné, divnosti přepodivné, tajnosti přetajemné!* J. Kopta. Kolibří, 1963-A; *v dálku předalekou*, Rokyta. Hradby, 1906-A; *Prahlopoučká hloupost*, Rais. Mezi lid., 1898-A. Совпадение структуры и семантики прилагательных и определяемых ими имен существительных обуславливает бóльшую выразительность высказывания: *v obrovském bludišti velikých parků a mrňavounkých parčíků*, Práce, 1964-A; *myš, hezounká, malounká myška*, Štěpánek. Kord, 1844-A. Реже встречаются факты отсутствия структурно-семантического согласования существительного и определяющего его прилагательного; ср.: *před malou chvílečkou*, Lang. Sel.; *malý, krásný chlapeček*, A. Mrštík; *utrhla červené jablíčko*, Čechoslav, 1820; *kroky lehounké zašustěly*, Нв., 45/IX (ср.: *lehounké krůčky odnesly ji do pokoje*, Paleček, 3/1841); *malý, drobounký človíček*, Ibid. VIII/1843. Отсутствие согласования в кругу близстоящих или однородных определений нередко бывает вызвано сознательным намерением автора оттенить, акцентировать посредством использования прилагательного со значением интенсификации какую-то определенную черту или деталь в противовес другим: *vystoupilo malin-*

ké, žluté kuře, Ašk. Et. d. a nd.; zájem pro naše staré, milouňké a hezounké tance, Čes. lid., 1912-A; kocourku srst černouňkou, krásnou, lesklou, hladouňkou druhové vždy zaviděli, J. Langer. Spisy, 1860-A; dubové to prkno z tloušky dvou prstů, odletí jakoby tenká, lehounká stříška, Jindy, 1833-A; sňatek převeselý, šťastný, Tahanka, 1832-A; Potok čiré, přečisté vody, Jirásek. Temno, 1915-A; Ach, to smutné, přebolestné podívání, Klicpera. Král Jan, 1858-A; Ó vy jste moudrý, zbožný, přeucený, Vrchlický. Soud lásky.

4. Использование прилагательных со значением интенсификации для нагнетания эмоциональной настроенности высказывания в целом. Указанный эффект достигается постапкой деривата с суффиксом интенсификации непосредственно после соответствующего производящего слова. В этом случае исходное и производное слова представляют собой относительно устойчивую конструкцию, некоторое единое семантическое целое, основным назначением которого является нагнетание эмоциональной настроенности высказывания. Характерно, что экспрессивная насыщенность прилагательного со значением интенсификации, изолированно стоящего в контексте, ниже, чем того же самого образования, использованного в конструкции с производящим словом: *Příčina jest maličká, prachmaličká, Štěpánek. Km. Matěj, 1815-A; Ofélie p-i Kvapilové je nám již jenom bledým, přebledým stínem, Čes. č., 1903-A; Všední, ba pravšední případ, Arbes. Mrav. rom., 1880-A; Jakých máte důvodů. «Nijakých-pranijakých», J. Lier. Novely I, 1883-A; Cizina byla hlavě uštvané tvrdou přetvrdou poduškou, Třebízský. Dagmar, 1883-A; o bídný, přebídný to bude den! Neruda. Knihy veršů, 1873-A; tichouňká-přetichouňká ozvěna, Rittersberg. Spisy 2, 1853-A; Těžká, přetěžká role pro umělce, Vl. 21/62, очерк., а. п.; České písně jsou krásné, velekrásné, Ner.-PS.; měla oči modré, modré, modroučké, K. M. Čapek. Humoreska, 1924-A; čekám již, svatý-svaťoučký — vrať mi jen moje mládí! Neruda. Sp. 12, 1898-A; od hlavy až k patě šediví šedivoučcí jako myšky, Svob. nov., 1945-A; však po krátkém, kraťoučkém rozmýšlení, Stankovský. Výstupy 1871-A; Celá, celičká Praha — každý člověk, každé dítě v Praze a okolí zná Jindru, Arbes. Mod. up., 1882-A; měl v hrnci jeden jedinký knedlík, Pravda. Frant. Pom., 1860-A; pan Domas byl čistý, čistouňký, bílý, bělouňký, Holčeck. Naši, 1906-A; měla sukni širokou, širokáňskou, Jirásek. Temno, 1915-A; Tento chaos učiní*

Rusko na dlouhou, dlouhatánskou dobu neškodným ústředním mocnoscem, Dyk. Můj př. Čehona, 1925-A.

Повышенной эмоциональной напряженностью отличаются тексты, в которых в непосредственном соседстве находятся одноосновные первичные и вторичные дериваты: *to byla věcička malinká, malilinká, pro cizího pozorovatele téměř nezjistitelná*, Benešová. Uder, 1929-A; *vajíčko ptáčkově malounké, malilinké*, Herites. Křemen, 1909-A; *ten člověk se považuje za něco velikého, a jest v skutku tak malinký, maliňounký*, Sabin. Na poušti, II, 1864-A. В последнем случае выразительность приводимого высказывания и, в частности, прилагательного со значением интенсификации возрастает вследствие использования приема противопоставления, семантического контраста. Ср. также: *Že jest lepší maličký, než ti hrozí velikáni*, Rub. Dekl., 1842; *Skřivánečku, skřivánku, ty zpěvačku rozmilý, jak malinký domov máš v tom velikém obilí*, Šum. M. čít.; *Život lidský také kniha je — někdy veliká, někdy malinká*, Pal. 43/XII; *malinké příčiny mívají často velikánské následky*, Tyl. Pr. posel; *V mnohém běloučském, prý, těle černá duše přebývá*, Dobroslav, 1821; *krácel podle ní, malé, droboučké, on, velký člověk*, Klostermann. V ráji, 1893-A.

Характерно, что сила сцепляемости обоих членов устойчивой конструкции столь велика, что целостность эмоциональной настроенности не разрушается даже при «вклинивании» промежуточных слов: *Marnýť tento život, přemarný!* Sabin. Na poušti, I, 1864-A; *Daleká je domovina; běda, že tak předaleká!* Slád.; *byla už za svobodna špatná ženská, prašpatná byla*, A. Merhhaut. Had a j. p., 1892-A; *Škaredý den, třeba slunce svítilo, a nebe jen se smálo. Přeshkaredý*. Vrba. Zubřany, 1922-A; *ještě plných pět let to bude trvati, než půjde k maturitě, ještě přeplných pět let*, K. Konrád. Postele, 1939-A; *Hezký stateček máte, hezoučký, Krásnohorská. Děd. ducha*, 1884-A.

Яркую эмоциональную нагрузку несет прилагательное со значением интенсификации в позиции при повторно воспроизводимом существительном: *Ještě chvílku, jenom chvílku malinkou, žebronila*, Mršt. Poh. m.; *kázala mu, aby se na chvíli, malilinkou chvíli díval jinak nežli na ni*, Ibid.; *Ach, máti, máti rozmilá!* Rozmanitosti, 1817; *Ach můj synu! můj rozmilý synu!* Ibid., 1818; *Ale otče, naše bída! — naše převeliká bída*, Čechoslav, 1821; *Tu malé já*

ručky vztáhl k matce, Ó k matičce přestarostlivé! Dennice (Chmelenský), 1825-A; *Vypadala stráž jako huculský koberec. Přepestrý koberec*, J. Tom. J. vt.; *Vjížděla (Rudá armáda) do Prahy od Kobylis, tou cestou, tou přetěžkou cestou*, M. Pujmanová. Život proti smrti, 1955-A. Выразительную экспрессивную функцию выполняет повторное воспроизведение прилагательного со значением интенсификации; ср.: *s bílou zástěrou a běloučkými, běloučkými zuby*, A. Mršt. Poh. m.

II. Семантика компонентов словообразовательной структуры

Исследование особенностей семантики и словопроизводства прилагательных со значением интенсификации признака невозможно без изучения семантической характеристики соответствующих производящих основ. При проведении семантической классификации основ нами последовательно учитывались два момента: характер денотата; фиксация имплицитно выраженной количественной или качественной оценки субъектом предметов или явлений окружающего его мира.

Учет характера денотата позволяет выделить основные семантические группы производящих основ: прилагательные общей оценки, обозначения умственных и нравственных качеств, физических свойств, внешнего облика и пр. Семантический разряд прилагательных со значением общей оценки является по сравнению с другими разрядами, которыми мы оперируем при семантической классификации, наименее конкретным и наименее рельефно очерченным. Более детальная дифференциация объединяемой в нем лексики представляется нам затруднительной, поскольку она сопряжена с выделением чрезвычайно мелких и недостаточно выразительных семантических групп. В большинстве своем этот разряд объединяет прилагательные, обозначающие признаки, не связанные с восприятием конкретных свойств объекта (физических, моральных и пр.). Как правило, здесь представлена книжная лексика отвлеченной семантики, содержащая некоторую общую неконкретную оценку характеризуемого объекта; ср.: *čarovný, nesmírný, plodný, rozkošný, různý, skvělý, slušný, vábný, známý, blahostný, chvalný, li-*

bozvukey, nutný, pozitivní, patrný, důležitý, důkladný, důvěrný, zřetelný, zvláštní, početný, častý, nutný.

При помощи второго критерия выделяются основы, содержащие имплицитно выраженную количественную или качественную характеристику признака: а) количественная характеристика признака представлена у так называемых качественно-оценочных прилагательных, входящих в состав антонимных пар: *hluboký — mělký, vysoký — nízký, daleký — blízký*, где оба противопоставленные члена несут информацию о количественной стороне проявления признака. Левые члены противопоставления квалифицируют признак как интенсивно проявляющийся, а правые — как ослабленный, недостаточно интенсивно выраженный; б) качественная характеристика позитивного тона фиксируется у прилагательных типа *svatý, cudný, dobrotivý, dojemný, hezký, moudrý, něžný, půvabný, rozkošný, skromný, smělý, statečný, šlechetný* и др.; оценка негативного тона отмечена у прилагательных *ničemný, mrzký, mrzutý, ohyzdný, ošklivý, potupný, vzteklý, zlý, šeredný, nešlechetný, hrozný, hloupý, odporný.*

Считаем необходимым сделать следующую оговорку: описание семантических особенностей префиксальных и суффиксальных прилагательных со значением интенсификации требует различной систематизации исследуемого материала. Так, наличие отчетливой структурно-семантической дифференциации префиксальных дериватов позволяет осуществить последовательное семантическое противопоставление репрезентантов различных словообразовательных типов. У суффиксальных дериватов, напротив, это не всегда удается. При исследовании семантики суффиксальных прилагательных со значением интенсификации целесообразно выделить в их составе две самостоятельные и сравнительно обособленные одна от другой группы лексики. Первая группа, в дальнейшем условно называемая типом А, объединяет подавляющее большинство прилагательных со значением интенсификации, основной костяк которых составляют дериваты, оформленные при помощи продуктивных суффиксов *-oučk-, -ounk-, -ičk-, -ink-*. В семантическом отношении в этой группе объединены образования, у которых значению интенсификации сопутствуют разнообразные эмоциональные оттенки, как правило, отражающие позитивное, доброжелательное отношение субъекта к предметам или явлениям

окружающего его мира. Учитывая сказанное, данные прилагательные правомерно определить как интенсивно-ласкательные. Внутри типа А следует обособить численно небольшую группу прилагательных, образованных от основ, обозначающих малость размеров предмета. В связи с тем, что в результате присоединения суффикса со значением интенсификации предмет квалифицируется как сильно уменьшенный (ср.: *maličký, drobníčký* и пр.), указанные дериваты можно назвать уменьшительными или уменьшительно-ласкательными. Последнее обусловлено тем, что восприятие маленького, миниатюрного сопряжено обычно с возникновением приятных эмоций. Ср. содержание следующего шуточного стихотворения: *Chce-li mít kdo něco hezounkého, udělá si z toho něco malounkého: důkaz, že to malounké, musí být přec hezounké* и далее: *Jak milé bývá robátko — to jehňátko, to kůzlátko, Jak milé a jak hezounké, jen proto, že je malounké! Kozlové a beráni ti již nejsou k vystání, Rubeš. Dekl.* Несмотря на относительно высокую фреквенцию некоторых прилагательных данной семантики (*maličký* и *malinký* являются единственными представителями прилагательных со значением интенсификации в числе 10.000 слов, имеющих максимально высокую фреквенцию в чешском литературном языке), мы не считаем правомерным распространить название «уменьшительные» на всю совокупность прилагательных типа А, поскольку остальные дериваты значения уменьшения не передают (ср. хотя бы *sladičký, každíčký* и т. д.). Вторая группа, условно называемая типом Б, в значительной степени представляет прямую противоположность типу А. Она объединяет относительно узкий круг прилагательных, образованных преимущественно посредством суффикса *-ánsk-*. Семантически эти дериваты также фиксируют значение интенсификации, однако в отличие от лексем, входящих в состав типа А, они: а) никогда не обозначают малость размеров определяемого предмета; б) никогда не выражают эмоциональных оттенков нежности, ласкательности, сочувствия, симпатии и пр. Прилагательные типа Б являются аугментативными образованиями, характеризующими определяемый ими предмет как сильно увеличенный (*dlouhánský, velikánský, obrovitánský* и т. д.). Подобная гипертрофированность признака, обозначенного производящей основой, вызывает своеобразную эмоциональную реакцию субъекта в виде чувств страха, востор-

га, неприязни и пр. Сказанное обуславливает появление соответствующей эмоциональной окрашенности у данных дериватов, употребляющихся исключительно в экспрессивно насыщенных контекстах.

Промежуточное положение между типами А и Б занимают прилагательные с *-at-*, которые могут входить в состав той и другой группы: вторичные дериваты (*droboulinkatý, malinkatý*), характеризующие предмет как уменьшенный, правомерно отнести к типу А; первичные дериваты, образованные от производной основы (*širokatý, dlouhatý*), примыкают к типу Б.

Ниже мы попытаемся проследить, какие семантические типы основ реализуются в чешском языке при словопроизводстве прилагательных со значением интенсификации.

Характеристика производящей основы с учетом денотата

Префиксальные дериваты

Наиболее разнообразна семантика дериватов с *pře-*. Их производящие основы представлены главным образом обозначениями общей оценки (численность основ этого типа достигает 300³²): *přečarovný* PS, SSJČ řidč.; *přenesmírný* PS, SSJČ řidč.; *přeplodný* J, K, Šum, Kon, PS, SSJČ řidč.; *přerozkošný* PS, SSJČ řidč., J, K, Kon, Pal; *přerůzný* PS, SSJČ řidč.; *přeskvělý* PS, SSJČ řidč.; *přeslušný* PS, SSJČ řidč., J, K, Kon; *převábný* PS, SSJČ řidč., J, K, Kon; *přeznámný* PS, SSJČ řidč.; *přeblahostný* PS*; *přechvalný* PS*, J, K, Šum; *přelibozvuký* PS*; *přenutný* PS*; *přepositivní* PS*; *přepatrný* PS†, SSJČ†, J, K, Kon, Pal; *předůležitý* PS, SSJČ; *předůkladný* PS, SSJČ; *předůvěrný* PS, SSJČ.

Несколько менее многочисленны прилагательные, содержащие оценку умственных и нравственных свойств человека: *předobrný* PS, SSJČ, J, K, Pal, Šum; *překrutý* J, K, Kon, PS, SSJČ; *přelaskavý* PS, SSJČ; *přepečlivý* PS, SSJČ; *přepyšný* PS, SSJČ, J, K, Pal; *přestarostlivý* PS, SSJČ; *přetruchlivý* PS, SSJČ; *převeselý* PS, SSJČ; *převlíd-*

³² Словарями (включая J, K, PS, SSJČ и некоторые другие) и эксцерпциями зафиксированы дериваты с *pře-*, образованные примерно от 700 основ.

ný PS, SSJČ; *přechytrý* PS, SSJČ řidč.; *přehloupý* PS, SSJČ řidč. Приблизительно равномерно представлены прилагательные таких семантических типов, как обозначения свойств и качеств, воспринимаемых нашими органами чувств — физических свойств (вкус, температура, вес и т. д.), пространственной характеристики (включая форму предмета), внешнего облика живых существ и предметов: *přechladný* PS, SSJČ řidč.; *přelehký* PS, SSJČ řidč.; *přestudený* PS, SSJČ řidč.; *přetvrdý* PS, SSJČ řidč.; *přehořký* PS, SSJČ, J, K, Tom, Pal, Kon, Tham; *přehustý* PS, SSJČ, J, K; *přesladký* PS, SSJČ, J, K, Šum; *přetrpký* PS, SSJČ; *přemalý* PS, SSJČ řidč.; *přeširoký* PS, SSJČ řidč.; *předaleký* PS, SSJČ, J, K, Kon; *předlouhý* PS, SSJČ, J, K, Šum; *přehluboký* PS, SSJČ, J, K; *překrátký* PS, SSJČ, J, K, Kon, Šum; *převysoký* PS, SSJČ, J, Šum; *přenízký* PS; *přehezký* PS, SSJČ řidč.; *přeohavný* PS, SSJČ řidč.; *přepěkný* PS, SSJČ řidč., J, K; *přeškaredý* PS, SSJČ řidč.; *přeudatný* PS, SSJČ pon. zast., J, K, Šum.

Отмечены и некоторые другие типы значения основы (возрастная характеристика, характеристика физического состояния живых существ, их физических недостатков и т. д.), однако все они представлены незначительным количеством образований. Бросается в глаза то обстоятельство, что среди производящих основ очень скупо представлены цветовые обозначения. Так, словарями зафиксированы лишь *přebílý* PS* (*přebělý* J, K, Kon); *přeběloucí* J, K (ссылка на летопись XIV в.); *přebělostný* PS; *přečerný* PS, SSJČ řidč.; *přemodrá* PS*; из экскерпций извлечены *přečervený*, *přebledý*. Следует заметить, что прилагательные указанного семантического типа крайне редко встречаются в экскерпциях — в целом ряде случаев они представлены лишь в языке источников, относящихся к первой половине XIX в., изредка отмечены и более поздние примеры: *rátě přebělá*, Kačer. Okouzl. růže, 1840-A; *zůstavuje přebílý popel*, Presl. Lučba, II, 1835-A; *Údy byly bílé, přebílé, sněhu bělejší*, Holeček. Naši, 1906-A; *tvá krev přečervená*, Kancion. bratr., 1791-A; *Lístek v přečerveném zavínutý hedbáví*, Hlasatel, 1818-A; *ó, proč ta přebledá líc!* J. V. Sedlák. Píseň věčnosti, 1941-A; *přečerné duby na lukách*, K. Čapek. Trp. pov., 1921-A; *Kol zřitelnice těch přemodrých*, Květy, 1869-A.

У прилагательных с префиксом *pra-*(*prach-*) основы, фиксирующие общую оценку, также являются наиболее

многочисленными (примерно 50% образований); ср.: *prabanální* PS; *pracizí* PS, SSJČ řidč. роп. expr.; *pradivný* PS, SSJČ řidč., роп. expr.; *prapodivný* PS, SSJČ роп. expr.; *pradůležitý* PS*; *prahanebný* PS, SSJČ роп. expr. и многие другие. Остальные семантические типы представлены несравненно меньшим количеством образований. Из них можно выделить лишь обозначения умственных и нравственных свойств человека (около 40 слов): *prablbný* PS; *prabezbožný* PS; *prachytrý* PS; *pradobrácký* PS*; *prahloupý* PS; *prajizlivý* PS; *pranaivní* PS; *prasprostý* PS, SSJČ роп. expr.; обозначения пространственной характеристики (около 20 образований): *pradrobný* PS; *pravzdálený* PS*; *pradaleký* PS, SSJČ řidč. роп. expr.; *prahluboký* PS; *prakrátký* PS; *pramalý* PS, SSJČ; обозначения внешнего облика (около 15 образований): *prahubený* PS; *praošklivý* PS, SSJČ роп. expr.; *praškaredý* PS, SSJČ роп. expr. и некоторые другие. Прилагательные иного семантического профиля представлены единичными образованиями, в том числе цветные обозначения зафиксированы всего лишь четырьмя образованиями: *pračerný* PS; *prašedivý* PS; *prašerý* PS; *prašedý* PS.

В составе дериватов с префиксом *vele-* наиболее широко представлены также основы, обозначающие общую оценку (около 100 случаев): *velevítaný* PS*; *velevláštní* K; *velevnadný* exc.; *velemoderní* PS řidč.; *veleblahý* J, K; *veleblažený* J, K; *velevzácný* PS*, J; *velezajímavý* PS*; *veleznámenitý* PS*; *veleznámý* PS*, J, K; *velevhodný* PS*; *veleužitečný* PS*; *veleúrodný* PS*; *veleskvělý* PS*; *velerozmanitý* PS*. Из остальных отмеченных нами семантических типов можно выделить обозначения умственных и нравственных свойств (около 40 образований) и внешнего облика (около 10 примеров): *veleopatrný* PS; *velelítý* J, K (в словаре сделана отсылка на Краледворскую рукопись), *velekrutý* K; *velemoudrý* PS řidč., Pal. ³³, J, K, Tham; *velechytrý* PS†; *veleštedrý* PS*; *velesmutný* PS†, *velesmělý* PS*; *velesličný* PS*; *velepěkný* PS*, K; *velekrásný* PS*, J; *velerostlý* exc. Зарегистрированы прилагательные и иного профиля, в частности, обозначения пространственной характеристики, физических свойств, возрастной характе-

³³ Составитель словаря помечает данное образование как сомнительное.

ристики; цветовые обозначения представлены лишь единичным образованием *velečervený* К.

Анализируя семантику производящей основы прилагательных с префиксом *arci-*, заключаем, что среди производящих основ преобладают обозначения общей оценки и внутренних качеств живых существ: *arcidábelský* J, Pal; *arcihusitský* PS; *arcijedovatý* J, Pal; *arcipohanský* J, Pal; *arcifilozofický-A*; *arcidůležitý-A*; *arciplatný-A*; *arcipoetický-A*; *arciprosaický-A*; *arciotcovský-A*; *arcipravdomluvný* K; *arciskoupý* J, K, Pal, Tham; *arcispanilý* PS; *arcimrzutý-A*; *arcizlý-A*; *arcisobecký-A*; *arcivěrný-A*. Остальные семантические типы (временная характеристика, обозначения физических свойств, внешнего облика) представлены единичными примерами.

Прилагательные с префиксами *ultra-*, *hyper-* в семантическом отношении единообразны: все они представляют собой обозначения общей оценки, причем нередко основа называет некоторое направление в политике, искусстве и т. д.; ср.: *ultralevý* PS* pejor.; *ultramoderní* PS* pejor.; *ultramodernistický* PS* pejor.; *ultrarevoluční* PS pejor.; *hypermoderní* PS, SSJČ; *hypermódní* SSJČ hanl.; *hyperpokrokový* PS pejor.; *hyperromantický* PS iron. Исключение составляет лишь несколько прилагательных типа *hypernervosní* PS; *hyperkritický-A* (*Naši mladí jsou někdy hyperkritičtí*, Práce, 1960), обозначающих черты характера; *ultrasilný* PS (обозначение физического состояния).

Основы прилагательных с префиксами *roz-*, *rozlo-* представлены по преимуществу обозначениями общей оценки: *rozmilý* PS, SSJČ pon. zast.; *roztomilý* PS, SSJČ; *roztodivný* PS lid. pon. zast., SSJČ lid. pon. zast.

Исследование семантики префиксальных дериватов показало, что у них наиболее широко представлены основы, обозначающие общую оценку, а также характеризующие умственные или нравственные свойства живых существ.

Суффиксальные дериваты

Т и п А. У первичных дериватов типа А с суффиксами *-oučk-*, *-ouнк-*, *-ičk-*, *-інк-* наиболее многочисленными являются основы, обозначающие общую оценку: *hotovoučký* PS*, SSJČ*, VT; *volňoučký* PS; *romaloučký* PS, SSJČ; *prostouнкý* PS, SSJČ; *snadňouнкý* PS, SSJČ; *marňouнкý* PS; *snadničký* PS, SSJČ, VT, J, K; *prázdníčký* PS, J; *celíčký*

PS, SSJČ, J, K, Šum; *špatnický* PS*; *snadnický* PS, SSJČ, VT; *prostínký* PS, SSJČ, VT, Šum; *pouhýnký* PS; *celínký* PS, SSJČ, J. Вместе с тем значительное место занимают обозначения признаков, воспринимаемых нашими органами чувств: а) пространственная характеристика — *mělkoučký* PS*, SSJČ*, VT lid.; *tenoučký* PS, VT, Kon, J, Šum, Tom, Pal, Tham; *maloučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon, Šum; *drobňoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal, Kon; *malounký* PS, SSJČ, Kon, Šum, J, K, Pal; *mělkounký* PS, SSJČ, VT, J, Šum; *nizounký* PS, SSJČ; *drobnický* PS, SSJČ, VT, Šum, J, K; *tenínký* PS, VT, Šum, K, J; *teničký* PS, VT, J, K, Tom, Tham, Kon, Pal, Šum; *drobnický* PS, SSJČ, VT, K, Pal, Šum, Kon; *kratičký* PS, SSJČ, VT, Tham, Tom, Pal, Šum, J, K; б) характеристика физических свойств — *vlažňoučký* PS*; *pevňoučký* PS; *teploučký* PS, VT, J, K, Šum, Tham, Tom, Pal; *studeňoučký* PS, SSJČ, VT; *sladoučký* PS, VT, J, K, Kon; *měkkoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Tham, Šum, Tom, Pal; *lehoučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Tom, Tham, Pal, Kon, Šum; *křehounký* PS, SSJČ, VT, Kon, J, K, Pal; *lehounký* PS, SSJČ, J, K, Šum, Pal; *měkkounký* PS, SSJČ, J, K, Šum; *sladounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *suchounký* PS, SSJČ, VT, K, Šum; *teplounký* PS, VT, Tham, J, K; *hustounký* J, K; *tepličký* PS; *studenický* J, K, Pal, Kon, Tham; *kyseličký* J, K, Tom, Tham, Pal; *lehýčký* PS*, SSJČ†, J, K, Pal; *teplínký* PS; *sladínký* PS řidč., SSJČ, J, K, Kon; *lehýnký* PS, SSJČ řidč., VT; в) характеристика внешнего облика живых существ, предметов — *štíhloučký* PS, VT; *osmahloučký* PS, SSJČ*; *sličňoučký* PS, SSJČ*; *pěkňounký* PS, SSJČ, VT, J, Kon, Šum; *nahounký* SSJČ, Šum, K; *hezounký* PS, SSJČ, J, K, Šum, Pal; *pěkňounký* PS, SSJČ, Šum, Kon; *štíhlounký* PS, VT, Šum; *hezounký* PS, SSJČ, J, Pal, Tham, Šum; *holičký* PS, SSJČ, VT, J, Pal, Tham, Kon, Šum и пр. Численность цветовых обозначений невелика (17 основ), чаще всего данные дериваты оформляются при помощи суффикса *-oučk-*, затем *-ounk-*, меньше *-ičk-*, *-ink-*; приведем примеры: *zeleňoučký* PS, VT; *zeleňounký* PS*, VT, J, K, Šum; *zelenínký* PS; *zelenický* PS; *bledoučký* PS, SSJČ, J; *bledounký* PS, SSJČ, J; *bledičký* PS, SSJČ*, VT, J; *bledínký* PS, SSJČ*, VT; *běloučký* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon, Tom, Tham, Pal; *bělounký* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon; *běličký* PS, SSJČ, Šum, VT řidč., J, K; *bělínký* exc.; *sivoučký* PS bás., SSJČ; *sivounký* PS bás.; *světloučký* PS, VT; *světlounký* PS; *růžovoučký* PS, SSJČ

и пр. Широко представлены и прилагательные, обозначающие характеристику внутренних качеств живых существ; эти дериваты, обозначая признак, одновременно фиксируют отношение к нему субъекта: *něžňounký* PS, SSJČ, VT, J, K; *kroťounký* PS*, SSJČ řidč. expr.; *veselounký* PS*, VT*; *dobrounký* PS, SSJČ, J, K; *hloupounký* SSJČ, VT; *vlídňoučký* PS*, J, K, Šum; *skromňoučký* PS; *podloučký* PS; *naivňoučký* PS*, SSJČ*; *hruboučký* PS, VT*; *veseloučký* PS; *pítomoučký* PS, SSJČ; *hloupoučký* PS, SSJČ, VT; *skromničký* PS, SSJČ řidč.; *smutničký* PS, SSJČ*; *hloupičký* PS, SSJČ*; *dobříčký* PS; *skromninký* PS, SSJČ; *hloupinký* PS, SSJČ; *něžninký* J, K. Заслуживает внимания то обстоятельство, что среди основ, к которым присоединяются данные суффиксы, практически не представлена лексика, имеющая специфически книжный характер (преобладающая, в частности, у префиксов *pře-*, *vele-* и т. д.); отсутствует и лексика, характерная для церковного обихода (приводится лишь *svaťoučký* PS, SSJČ*).

Производящие основы прилагательных, образованных посредством малоупотребительных суффиксов *-itk-*, *-outk-*, представлены: пространственными обозначениями (*malitký* PS, SSJČ†, VT*, J, K, Šum, Kon, Tham; *uzitký* Čel. Dod., K; *tenitký* J, K, Šum; *maloutký* PS*), обозначениями физических свойств (*hladitký* exc.; *bělitký* J, K, Kon; *lehoutký* SSJČ†; *suchoutký* K), внешнего облика (*hubenitký* Čel. Dod., K), общей оценки (*militký* PS†, SSJČ†, VT*, J, K, Kon, Pal, Tham, Šum, K; *novitký* Čel. Dod.).

Как мы видели, среди первичных дериватов типа А наиболее разнообразной семантикой характеризуются образования с суффиксами *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-*. Выделение господствующего семантического типа основ иногда бывает затруднительным — наиболее многочисленными репрезентантами представлены основы со значением общей оценки. Достаточно многочисленны и обозначения свойств, воспринимаемых нашими органами чувств: физические свойства, пространственная характеристика, внешний облик живых существ; характеристика умственных и нравственных качеств. Положение, занимаемое прилагательными с названными суффиксами в кругу прилагательных со значением интенсификации, правомерно сопоставить с положением, занимаемым прилагательными с префиксом *pře-*: и те, и другие являются наиболее универсальными в семантическом отношении.

Что касается семантики вторичных дериватов типа А, то здесь характер семантики основы существенно отличен. Так, количество основ со значением общей оценки исчисляется единицами (*celičičký* PS*; *celininký*-А; *celilinký*-А; *každīčičký* PS, VT; *plničičký* exc.; *samičičký* J; *samičinký* J; *samotničičký* J, K). На первый план выдвигаются основы, обозначающие пространственную характеристику, преимущественно малость предмета: *malinkatý* PS, SSJČ; *maličkatý* SSJČ; *droboulinkatý* PS, SSJČ*; *malilinkatý* PS, SSJČ; *droboučičký* J; *droboučinký* J, K; *drobouličký* K; *droboučinký* PS, SSJČ, VT; *droboulinký* PS, SSJČ, VT*, J, K; *drobulinký* PS; *droboulenký* PS, SSJČ, VT*; *malouličký*-А; *maliličký* PS, SSJČ; *malilitký* PS*, SSJČ*, VT; *maloulinký* PS, SSJČ*, VT; *malouninký* PS, SSJČ*, Kon; *tenoulinký* PS; *uzoulinký* PS и многие другие. Помимо названных, зафиксированы обозначения цвета, вкуса, внешнего облика, физического состояния и свойств, возраста: *bělouninký* PS, SSJČ řidč.; *bledoulinký* SSJČ, VT; *sladoulinký* PS*, SSJČ; *hezouninký* PS, SSJČ*; *hezoulinký* PS; *slabouninký* SSJČ řidč.; *slaboulinký* PS, SSJČ; *lehouninký* PS, SSJČ*, VT; *lehoulinký* PS*, SSJČ*, VT řidč.; *mladoulinký* PS.

Т и п Б. В числе основ первичных и вторичных дериватов преобладают пространственные обозначения: *dalekánský* PS, SSJČ, VT*; *hlubokánský* PS, SSJČ, VT*; *širokánský* PS ob.; *širokanánský* PS; *vysokánský* PS, K; *vysokanánský* PS; *dlohánský* PS fam., SSJČ, K, Čel. Dod.; *velikánský* PS, Kon, J, Šum; *velikananánský* PS fam., VT; *velikanánský* PS, VT; *dlouhananánský* PS fam., SSJČ; *dlouhanánský* PS fam., SSJČ и т. д. Крайне немногочисленны дериваты с основами иной семантики (обозначения физического состояния, общей оценки, черт характера): *mohutánský* PS; *ukrutánský* PS ob., VT, J, K, Kon; *ukrutanánský* VT; *ukrutálný* J, K, Šum, PS dial.

Сопоставляя семантику дериватов типов А и Б, мы можем заметить, что производящие основы последних характеризуются несравненно большей относительностью — они представлены преимущественно пространственными обозначениями.

Изучение семантики основ, отмечаемых у префиксальных и суффиксальных производных, показало, что и те, и другие широко образуются от основ идентичной семантической характеристики — обозначения общей оценки.

В то же время намечается и расхождение: помимо только что названных основ, у префиксальных прилагательных превалируют обозначения, относящиеся к интеллектуальной сфере, в частности, характеристика нравственных и умственных качеств; у суффиксальных дериватов преобладают обозначения пространственной характеристики. И там, и тут малочисленными являются цветные обозначения (в особенности у префиксальных образований) — в отличие от прилагательных со значением ослабленного признака.

*Характеристика производящей основы
при учете имплицитно выраженной
качественной или количественной оценки*

Префиксальные дериваты

Исследование фактического материала показало, что префикс *pře-* обладает способностью присоединяться к обоим противопоставленным членам антонимных пар качественно-оценочных прилагательных, имплицитно фиксирующих количественную характеристику признака: *předaleký* PS, SSJČ — *přebližký* PS; *předlouhý* PS, SSJČ, J, K, Šum — *překrátký* PS, SSJČ; *převeliký* PS — *přemalý* PS, SSJČ řidč.; *převysoký* PS, SSJČ, J, Šum — *přenížký* PS; *přebohatý* PS, SSJČ, J, K, Kon, Šum — *přechudý* PS; *přestudený* PS, SSJČ řidč. — *přeteplý* PS; *přetučný* J, K, Šum, Kon — *přehubený* (*přehubeňoučký* PS); *přetěžký* PS — *přelehký* PS, SSJČ řidč.; *přeširoký* PS, SSJČ řidč. — *přeúzký* PS. Далее, префикс *pře-* наиболее часто присоединяется к основам, имплицитно фиксирующим положительное отношение говорящего к явлениям окружающего его мира: *přectihodný* PS; *přectnostný* PS, J, K, Kon; *přechrabrý* PS, J, K, Kon; *přeštědrý* PS, J, K, Šum; *přeušlechtilý* PS, J, K, Tham, Kon, Šum, Tom, Pal; *přesličný* PS, SSJČ knižn., J, K, Šum; *přelahodný* PS, SSJČ knižn., J, K, Šum; *přehezký* PS, SSJČ řidč.; *předobrá* PS, SSJČ, J, K, Kon, Pal, Šum; *předůstojný* PS, SSJČ, J, Kon, Šum и пр. Удельный вес основ, отражающих негативную оценку, несравненно меньше; приведем некоторые из них: *překrutý* PS, SSJČ, J, K, Kon; *přefalešný* PS; *přemrzutý* PS, J, K, Šum, Kon; *přenudný* PS; *přeproktivný* PS; *přeošklivý* PS; *přeohyždný* PS и др.

В числе основ, к которым присоединяются префиксы *pra-*(*prach-*), отмечено лишь небольшое количество парных качественно-оценочных прилагательных. Удастся заметить, что префикс может оформлять как оба противопоставленных члена пары, так и какой-либо один из них; ср.: *prastarý* PS, SSJČ — *pramladý* PS, SSJČ řidč. pon. expr.; *prahluboký* PS — *pramělký*; *pradaleký* PS, SSJČ řidč. pon. expr.; *pramalý* PS, SSJČ. Наиболее часто префиксы *pra-*, *prach-* сочетаются с основами, имплицитно фиксирующими отрицательное отношение субъекта к явлениям и предметам окружающего мира (около 100 образований). Кроме того, примерно в 20 случаях данные префиксы присоединяются к основам, непосредственно не несущим негативной эмоциональной нагрузки, однако приобретающим негативный оттенок в процессе словоупотребления. Приведем примеры: *prablby* PS; *prabanální* PS; *pradarebácký* PS; *prahanebný* PS; *prašpatný* PS, SSJČ pon. expr.; *prašosácký* PS; *pratriviální* PS; *praměšťácký* PS*; *pramrzutý* PS; *pramizerný* PS, SSJČ pon. expr.; *pranicotný* PS; *pranemilý* PS; *pranemotorný* PS; *pranudný* PS; *pranespolehlivý* PS; *praneřádný* PS и др. Ср. также *U tehdejší šlechty rozhodovaly pranízské choutky*, Rez.-PS; *Někteří zarytí starožitníci, pramoudrý to někdy druh učenců*, Lumír, 1852-A; *Toť by (člověk) musil míti prachdřevěnou duši*, Vaněk. Dušesloví, 1826-A; *pralaciný výbor všech potřebných vědomostí*, Květy, 1836-A.

Префикс *vele-* оформляет лишь те члены антонимных пар, которые обозначают интенсивное проявление признака: *velehluboký* PS*; *velerychlý* PS*; *velesilný* PS*; *velemoudrý* PS*; *velebohatý* PS*; *veletěžký* PS*; *veledlouhý* PS*; соответствующие дериваты от *mělký*, *pomalý*, *slabý*, *hloupý*, *chudý*, *lehký*, *krátký* отсутствуют. В составе производящих основ преобладают обозначения имплицитно выраженной позитивной оценки: *velevzácný* PS*; *veleštědrý* PS*; *velešvarný* PS*; *velesvatý* PS*; *velesmělý* PS*; *veledrahý* PS†; *veledobry* PS†; *velekrásný* PS*; *velejasný* PS*; *veleúspěšný* PS*; *veleradostný* PS*; *velespravedlivý* PS*; *velepůvabný* PS* и пр. Обозначения негативной оценки малочисленны: *velenepříznivý* PS*; *velenudný* PS*; *velebřichatý* PS* — два последних являются поздними новообразованиями, созданными из стремления к языковому комизму.

Префиксы *roz-*(*rozto-*), зафиксированные малочисленными репрезентантами, сочетаются, как правило, с основами,

отражающими позитивную оценку. Что касается префиксов *arci-*, *hyper-*, *ultra-*, то в составе отмечаемых у них основ не представлены антонимные пары качественно-оценочных прилагательных, не проявляют они и тяготения к основам, выражающим позитивную или негативную оценку. Следует, впрочем, учесть, что дериваты с данными префиксами нередко имеют выразительную пейоративную окраску.

Суффиксальные дериваты

Т и п А. Анализ фактического материала показал, что производящие основы, отмечаемые у данных прилагательных, фиксируют имплицитно выраженную: а) количественную оценку признака — как правило, речь идет о неполном проявлении признака (преимущественно пространственная характеристика), квалифицирующем предмет как маленький, короткий, узкий и т. д. — *malý*, *drobný*, *krátký*, *úzký*, *nízký* и пр. Напомним, что некоторые прилагательные этой семантики имеют высокую фреквенцию и обрастают большим количеством производных. Совершенно не представлены обозначения так называемых интенсивно проявляющихся признаков, например, *hluboký* (но *mělký*), *vysoký* (но *nízký*), *dlouhý* (но *krátký*) и т. д. Отмеченный «зазор» заполняется дериватами типа Б; б) качественную характеристику признака — в сферу словопроизводства почти исключительно вовлекаются прилагательные, обозначающие признак, импонирующий субъекту, вызывающий его позитивную реакцию; ср.: *mladý*, *pěkný*, *skromný*, *dobrý*, *sladký*, *krotký*, *jemný*, *něžný*, *ladný*, *slabý*, *chatrný*, *útlý*, *pokorný*, *hezký*, *krásný*. Малочисленными являются прилагательные, обозначающие негативный признак (*blbý*, *mizerný*, *pitomý*, *podlý*, *malicherný*, *lenivý*) — практически все они в составе производящих основ появились недавно. Важно подчеркнуть, что словопроизводство прилагательных со значением интенсификации посредством вторичных словообразовательных процедур (а также при помощи непродуктивных суффиксов типа *-itk-*, *-outk-*), как правило, осуществляется от основ, характеризующих малость предмета либо обозначающих позитивную реакцию субъекта.

Т и п Б. Производящие основы, как правило, обозначают интенсивно проявляющийся признак. Поскольку в

подавляющем большинстве случаев мы имеем здесь дело с пространственными обозначениями, то предмет квалифицируется как имеющий большие размеры — представлены дериваты от *hluboký, vysoký, dlouhý, daleký, veliký, široký, tlustý* и соответственно отсутствуют от *mělký, nízký, krátký, blízký, malý, úzký, hubený*. Зафиксированы также дериваты от *ukrutný* и *hrozný*, используемые как синонимы по отношению к *veliký*; ср. *Trudoslav mní, že je zahnal jeho hrozenácký stín* (до этого было *velikánský stín*, Нп. Děvín). В том же значении используются прилагательные *ukrutánský, hrozitánský* в следующих контекстах: *propůjčil mu Bůh ukrutánskou sílu, Letáky; musejí zvedat hrozitánské kamení*, Тyl. Pr. posel; *zalekla se toho hrozitánského kostela*, К. Sv. Pov. a r.; *Napsal tak veliké «da», že to mohl člověk již od samých dveří přečíst, a naproti napsal zrovna tak hrozitánské «má»*, Ibid. Своеобразное положение занимает суффикс *-at-*, присоединяющийся к производным основам, обозначающим как интенсивно проявляющийся признак (*široký, dlouhý*), так и признак ослабленный — малость размеров предмета (*malinký, droboulinký*). Основы прилагательных типа Б, как правило, лишены эмоциональной нагрузки, поэтому их семантика сама по себе не предопределяет появления у деривата негативного или позитивного оттенка. В отличие от прилагательных типа А дериваты типа Б обычно не фиксируют конкретных эмоциональных оттенков; в рамках определенного контекста они лишь отражают общее настроение субъекта — обычно чувства восторга, радости, восхищения или, напротив, скорби, негодования и пр.

Результаты анализа семантики производящих основ прилагательных со значением интенсификации полностью подтверждаются данными фреквенции. Так, из материалов FS следует, что наиболее употребительными являются дериваты, образованные от основ, обозначающих признак, вызывающий позитивную реакцию субъекта (*čistý, tichý, bílý, mladý, lehký, prostý, hebký*), его сочувствие (*chudý, slabý, samotný, starý, křehký*), а также дериваты, произведенные от основ, фиксирующих пространственную характеристику (*malý, drobný, tenký*). Кроме того, FS указывает фреквенцию дериватов со значением чистой интенсификации, образованных от *každý, celý*. К аналогичным выводам приходим мы и в результате изучения имеющейся в нашем распоряжении обширной картотеки суффиксаль-

ных прилагательных, употреблявшихся в чешском языке исследуемого периода. В результате анализа было установлено, что наиболее высокой фреквенцией (т. е. 10 и более примеров) характеризуются прилагательные следующей семантики: а) обозначение позитивных признаков, а также признаков, вызывающих сочувственную реакцию субъекта — (старый период): *mladičký, mladinký, skrovničký, bělinký, běloučký, bělounký, sladinký, sladounký, hezoučký, hebounký, lehounký, měkounký, tichounký*; (новый период): *mladičký, mlaďoučký, běloučký, bělounký, hezoučký, hezounký, červeňoučký, čistoučký, čistounký, heboučký, hebounký, lehoučký, lehounký, měkoučký, miloučký, milounký; chudičký, staříčký, útlinký, bledounký; chudičký, staříčký, bledoučký, hubeňoučký, křehoučký, slaboučký*; б) обозначение пространственной характеристики: (старый период): *kratičký, kratinký, kraťounký, maličký, malinký, malounký, tenounký, uzounký*; (новый период): *kratičký, maličký, malinký, droboučký, drobounký, tenounký*. Наконец, следует назвать также прилагательные, наделенные чисто усилительным значением: (старый период); *celičký, celinký, každyčký, každinký*; (новый период): *celičký, každyčký*. Из лексики с негативной семантикой следует назвать лишь *hlouparoučký* (новый период), встретившееся 15 раз. Максимальной частотностью (свыше 20 раз) характеризуются для старого периода — *celičký 48, maličký 48, kratičký 44, každyčký 23, celinký 27, malinký 27, běloučký 21, bělounký 46, lehounký 40, tichounký 29, malounký 24*; для нового периода — *maličký 70, malinký 67, mladičký 23, běloučký 34, lehoučký 28, lehounký 36, bělounký 29, drobounký 29, čistounký 28, hebounký 23, milounký 21*. У прилагательных типа Б максимальной фреквенцией характеризуются дериваты, образованные от основ, обозначающих пространственную характеристику: (старый период) *velikánský 35* раз; (новый период) *dlouhatánský 14* раз.

Производящая основа оказывает большое влияние на семантику образованного от нее деривата: она не только закладывает фундамент лексического значения будущего слова, но и «задает», предопределяет появление у него эмоциональной окраски специфической тональности. Особенно отчетливо эта взаимосвязь прослеживается у суффиксальных прилагательных, у которых значению интенсификации, как правило, сопутствуют эмоциональные оттенки. Примечательно, что эмоциональные оттенки, при-

сущие семантике слова, в большинстве случаев полностью умещаются в диапазоне, границы которого определяются семантикой производящей основы. Так, поскольку у исследуемых нами прилагательных преобладают основы, обозначающие признак, импонирующий субъекту, вызывающий его положительную реакцию либо фиксирующий малость размеров предмета, постольку семантике данных прилагательных обычно сопутствуют эмоциональные оттенки позитивного тона.

Заключая характеристику основы как важного компонента словообразовательной структуры слова, мы хотели бы добавить, что в отличие от набора производящих основ, характерных для словопроизводства суффиксальных дериватов, у префиксальных дериватов в большом количестве представлена архаичная, сугубо книжная лексика — сказанное относится прежде всего к дериватам с префиксами *pře-* и *vele-*. В числе прилагательных с *pře-* нередко встречаются образования, зафиксированные словарями или источниками, относящимися к первой половине XIX в. Многие из них полностью отсутствуют (или имеют ограничительные пометы) в словарях современного литературного чешского языка; ср.: *přerekovný* exc.; *převěhlasný* PS*; *přelítý* J; *přelopotný* J, K, Kon; *přeplápolný* exc.; *převeleslavný* J, K, Šum; *přeblahodějný-A*; *přeblahostný* PS*; *přebolný* PS*; *předrahný* PS* и пр. Довольно многочисленна лексика религиозного содержания: *přepobožný* PS; *přehříšný* PS; *přenábožný* PS; *přepožehnaný* PS, K; *přeposvátný* PS; *přesvatý* PS, SSJČ, J, K, Kon. Аналогично у *vele-*: *veletrudný* PS*; *veletruchlý* PS*; *veleosvícený* PS*; *velchrabý* PS*, Šum и т. д.

Помимо производящей основы, в процессе формирования семантики слова принимает активное участие словообразовательный формант. Аффикс, играющий роль модификатора, изменяет структуру слова, его семантику и функциональное назначение. Присоединение словообразовательного форманта завершает акт образования нового слова, дополняя лексическое значение основы лексикограмматическим значением интенсификации признака. В результате совершения словообразовательной процедуры исходное, производящее слово, являющееся базой словопроизводственного процесса, из разряда нейтральной, неэкспрессивной лексики переходит в разряд лексики, имеющей ярко выраженную экспрессивную окраску.

Экспрессивная сущность прилагательных со значением интенсификации рельефно вырисовывается на фоне противопоставления с семантически идентичными, но не экспрессивными способами выражения. Ср., например, *velmi daleký — předaleký, dalekánský; velmi malý — maličký, přemalý*, где левая часть сопоставляемых пар передает значение интенсификации описательно, правая — средствами словообразования. Левая — лишена экспрессии³⁴, правая — экспрессивна. Ср. также русск. *большой, очень большой — большеенький, пребольшой, большущий*. В структуре слова основа и аффикс не изолированы друг от друга, напротив, они тесно взаимодействуют как в структурном, так и в семантическом отношениях (при этом суффиксальные морфемы находятся в более тесном структурно-семантическом единстве с основой, чем морфемы префиксальные).

Значение интенсификации и различные эмоциональные оттенки, присущие семантике деривата, переплетаются в единый семантический комплекс, носителем которого становится не только дериват как целое, но и образующий его формант как компонент структуры слова. Анализ материала показал, что аффиксы прилагательных со значением интенсификации нередко проявляют тяготение к производящим основам определенного семантического профиля. Наиболее универсальным является набор основ у словообразовательного типа с *rře-* (что служит дополнительным подтверждением приспособляемости данного форманта к существующим структурно-семантическим условиям), однако и здесь вполне очевидным является факт тяготения данного префикса к основам с позитивной семантикой. Полной противоположностью ему являются префиксы *pra-(prach-)*, сочетающиеся с основами, содержащими имплицитно выраженную негативную оценку. Проследить определенную тенденцию в отношении основ, выражающих количественную оценку признака, у данного аффикса не удастся. Префикс *vele-* не обнаруживает подобной индифферентности в отношении основ, выражающих количественную оценку — он сочетается с основами, фиксирующими интенсивное проявление признака. Данный формант, как и *rře-*, отмечается преимущественно у основ с позитивной оценкой. Префиксы *roz-(rozto-)* отмече-

³⁴ Хотя возможны и экспрессивно окрашенные синонимы типа *hrozň, úžasně* + прилагательное.

ны лишь у основ с позитивной оценкой. Остальные префиксы не обнаруживают ярко выраженного тяготения к определенному кругу основ.

Суффиксы со значением интенсификации типа А сочетаются чаще всего с основами: а) фиксирующими позитивную реакцию субъекта; б) констатирующими ослабленную степень пространственного признака. Словообразовательные аффиксы типа Б тяготеют к основам, фиксирующим интенсивно выраженную пространственную характеристику.

Наличие устойчивой взаимосвязи между видом словообразовательного форманта и семантикой производящей основы оказывает влияние и на его потенциальные комбинаторные способности. Так, в частности, форманты типа А лишь в ограниченной степени могут сочетаться с основами, наделенными негативным значением. В тех редких случаях, когда указанный «симбиоз» все же наблюдается, суффиксы интенсификации функционируют не в своем обычном «амплуа»: они не усиливают, а, напротив, смягчают негативную оценку, содержащуюся в семантике основы, привнося позитивную эмоциональную окраску. Ср. *já za to nemohu, že jsem hloupičká, Stašek. V tem. víru, 1900-A; V nemocnici jsem byl mezi opatrovnicemi znám jménem «hloupičký», K. M. Čapek. Nejzáp. Slovan, 1893-A; Až bude chtít, zase ho uloví jako hloupinkou rybku, Vachek. Student, 1940-A; kdy jsou děti nejpříjemnější? Ode dvou do čtyř let, dokud ještě jsou hloupoučké, Holeček. Rozm. čtení, 1886-A; s tím hloupinkým úsměvem hleděl na ni, Benešová. Trag. ducha, 1933-A; Jak malounký tedy jsi člověče proti Bohu a špatňounký! Javůrek. Poučování křesť., 1819-A; Když jsem ho viděla tak křehoučkého, tak mizerňoučkého, K. Sv. Pov. a r.; Autor je pro mne úplně otřepaný. A ta úloha je pitomoučká, Lid. nov., 1939-A.*

Иначе «ведет» себя в аналогичной ситуации префикс *pře-* (также тяготеющий к основам позитивной семантики). Поскольку в семантике дериватов с *pře-* эмоциональные оттенки (в том числе и позитивного тона) не представлены, негативное значение основы не смягчается, а, напротив, усиливается (под влиянием значения интенсификации, привносимого аффиксом); ср.: *padouch přešeredný, který vykonal ten skutek přenezbedný, Hn. Děvín.* Суффиксы типа А «смягчают» значение основы и в том случае, если она обозначает субъективно неприятные качества или ощу-

щения, например, *chladný, slaný, studený*: *Chladňouneké ráno*, A. Mrštík. *Nit stříbrná*, 1926-A; *hájek v kterém jsme se procházeli chladňounekého poskytoval stínu*, *Rozličnosti*, 1832-A; *Pstroužek v slaňoučké vodičce uvařený, čerstvým maslíčkem politý, obložený celírkem, přejete si, pane, něco víc?* Šlejhar. *Lipa*, 1908-A; *studeňoučké polej vody*, *Holeček. Jun. pís. bulh.*, 1874-A, где прилагательные *chladňouký, slaňoučký, tlustňoučký, studeňoučký* имеют значение не 'очень холодный, соленый, толстый', а 'прохладный, приятно холодный, приятно солоноватый'. Высказывания *velmi chladný vítr — chladňouký vítr; velmi chladné ráno — chladňouneké ráno; velmi slaná voda — slaňoučká voda* в семантическом отношении не являются эквивалентными — суффиксальный дериват фиксирует главным образом эмоциональное отношение субъекта, вместе с тем нередко он обозначает и ослабленное, неполное по сравнению с производящим словом проявление признака.

Наличие непосредственной взаимосвязи между семантикой производящей основы и аффикса наглядно подтверждают факты взаимопритягивания или же взаимоотталкивания основ и суффиксов. Так, правомерно утверждать, что форманты типов А и Б находятся в отношении дополнительной дистрибуции, поскольку они не только не встречаются, но и взаимоисключают друг друга у одних и тех же основ. Ср.: от *veliký* возможно *velikánský*, но полностью исключено *velikoučký, velikouký* и, наоборот, от *malý* возможны дериваты *malíčký, malinký*, но исключено образование с *-ánsk-*. Случаи семантического или стилистического несоответствия аффикса и основы встречаются редко; обычно отмеченный диссонанс служит источником ярко выраженной экспрессивной насыщенности деривата. Так, префикс *vele-*, воспринимаемый носителями языка как архаическое, сугубо книжное в стилистическом отношении словообразовательное средство, в сочетании с экспрессивно окрашенным просторечным *břichatý* образует дериват выразительной экспрессивной окраски *velebřichatý*.

III. Интерпретация семантики дериватов

Исследование материала показало, что прилагательные со значением интенсификации семантически рельефны и отчетливо воспринимаются носителями языка — это от-

ражается и в словарной интерпретации значения, и в комментариях эксцерпторов в архиве ИЧЯ, и, наконец, в особенностях функционирования данной лексики в литературном языке.

Изучение словарной интерпретации семантики показало, что у префиксальных прилагательных последовательно оттеняется значение интенсификации признака, в то время как указание на различного рода эмоциональные оттенки обычно отсутствует. Аналогичный характер носят и комментарии эксцерпторов³⁵. Сказанное, разумеется, не ставит под сомнение факт экспрессивности префиксальных образований, которые широко используются для фиксации настроения субъекта (по поводу интенсивного проявления признака), являясь одним из компонентов, оформляющих экспрессивно насыщенный контекст (см. ниже).

Характерной особенностью префиксальных прилагательных является их способность фиксировать различную степень интенсификации признака — здесь допустимо выделение таких смысловых нюансов (грань между которыми может быть очень зыбкой), как обычная интенсификация (допускающая добавочную интенсификацию признака³⁶), максимализация признака и, наконец, чрезмерная, сверх общепринятой нормы, степень проявления признака. Вряд ли целесообразно детально рассматривать намеченные семантические нюансы, поскольку их разграничение в известной степени является субъективным. Заметим лишь, что дериваты со значением максимализации признака образуются главным образом при помощи

³⁵ Ср.: *jsou spojeni přepevnými pouty*, Liter. nov., 1955-A; (=nesmírně pevný); *okurky nakládáné v octě přeprudkém*, Stroupežnický. Hum. čtení (=velmi, nadmíru prudký); *svého přehodného manžela*, Šmitt. Lad. a El., 1814-A (=velmi hodný); *v prachmrzuté náladě*, Výb. (=velmi, pořádně mrzutý); *prasprostý člověk*, A. Mrštík. Nit stříbrná (=docela sprostý).

³⁶ Ср.: *přepěkné vilky a ještě pěknější náměstička*, Lit. nov., 1959-A; *nosil v ústech přeostrý jazyk, ale v botě ještě ostřejší nůž*, Klostermann. V srdci šum, 1896-A; *ústa přemilostná a ještě milostnější, když z nich hlásek vyplýval*, Pichl. Herloš. Valdštejn, 1891-A; *Pravopis je věc před důležitá a stane se brzy ještě důležitější*, Ces. včela. Havlíček, 1846-A; *Byl to tvrdý lid, věru tvrdý, tvrdší než já přetvrdě dělo*, Just, Humoresky, 1866-A. Во всех приводимых примерах контекст допускает увеличение степени интенсивности признака. Аналогично: *Tady nás vidíš ulekané a ustrašené — my víme, že jsme lidé prabídni a prahříšní, ale bojíme se, abychom nebyli bidnější a ještě iě hříšnější*, Kronbauer. Z pražských k., 1903-A.

префикса *pře-*³⁷. Именно с этим значением функционируют дериваты с *pře-* в контекстах религиозного назначения: *láskou k všemohoucímu, přenejmoudřejšímu a přenedobrotivějšímu nebe a země Stvořiteli*, *Kniha meth.*, 1777-A; *Tež i pro Syna tvého, přenejmilejšího, Spasitele našeho*, *Kancion bratrs.*, 1791-A³⁸; *Buď pochválena přenejsvětější Trojice*, J. Kalina. *Básn. sp.*, 1852-A; *Co jest Peklo? Jest ono přestrašlivé a přehrozné Místo*, *Výtah katech. arcib.* 1778-A; *(Kristus) potlačil hada přechytrého, svázal vraha přepyšného a zkazil království lva přeukrutného*, *Písně duchovní*. Указанное значение отчетливо ощущается и в примерах: *Údy byly bílé, přebílé, sněhu bělejší*, *Holeček. Naši*, 1906-A; *byl to přeslavný Štědrý večer, slavnější snad neviděla země*, K. Sv. Pov. a r.; *A jak přeprudký můj let, nic na světě tak prudkého*, *Rozličnosti*, 1826-A; *Epikur učil, že všechna těla složena jsou z předrobných částek, které v menší částčky děliti již nelze*, *Voc.-PS*. Аналогичный семантический вклад вносит *pře-* в тех случаях, когда он присоединяется к превосходной степени прилагательного³⁹ и к прилагательным, имеющим в своей структуре другие синонимичные префиксы⁴⁰: *přerozmilý, přeroztomilý, převelevážný, převšemohoucí, převšemocný, převeleslavný* — обратное явление не наблюдается⁴¹.

Таким образом, префикс *pře-*, окаймляя слова данной структуры, вносит завершающий штрих в их семантику, доводя присущее им значение интенсификации до максимального предела: *řikával, že je «roztomilá, náramně roztomilá, přeroztomilá!»*, *Paleček*, 1876-A; *jest (přirozená povaha lidská) převeleslavná a převýborná*, *Vaněk. Sall*, 1844-A;

³⁷ Значение максимализации последовательно передается и в словарной интерпретации семантики в PS: *předobryj* 'nejvyš, svrchované dobrý'; *přebujarý* 'velmi, nadmíru bujarý'; *předivoký* 'velmi, nadmíru divoký'; *přehorlivý* 'příliš, nadmíru horlivý'.

³⁸ Комментарий эксцерпитора: 'nade vše nejmilejší'.

³⁹ Ср., например, *přenejmilejší, přenejlepší*.

⁴⁰ Зафиксировано сочетание *pře-* с прилагательным, образовавшимся в результате редупликации основы: *přesvatosvatý*, *Čel. Dod.*, K.

⁴¹ Ср. *Rozvažte si dobře, jestli nejste nejprachpitomější chlap na světě*, *Pašek. Švejk*, 1920-A; *Aničko má nejrozmilejší*, *Stroupež. Sír. pen*, 1877-A. Как мы видим, признак, обозначенный прилагательным *prachpitomý, rozmilý*, может быть подвергнут дальнейшей интенсификации путем образования превосходной степени от данного прилагательного.

žizeň mám přeroztomilou! V. K. Klicpera. Div., I, Blaník, 1820-A; *má přeroztomilá synovkyně!* V. K. Klicpera. Div., I, 1852-A; *převelestrašná šelma*, Vlčkovský. Hom. Iliada, 1840-A. Нетрудно заметить, что префиксальные прилагательные со значением интенсификации обнаруживают большое сходство с превосходной степенью прилагательных⁴². Это проявляется прежде всего в их функциональной сущности — и в том, и в другом случае фиксируется степень, в частности, максимальная степень качества, однако конкретная реализация данной функциональной сущности в обоих случаях получает различное воплощение. В семантике прилагательных со значением интенсификации отсутствует элемент сравнения, используемый как прием установления меры качества у степеней сравнения прилагательных (впрочем, у элитивных форм элемент сравнения также отсутствует, что способствует их сближению с прилагательными со значением интенсификации). Наибольшим сходством со степенями сравнения, в частности с превосходной степенью, характеризуются прилагательные с префиксом *pře-*. Эта близость проявляется в ряде обстоятельств: а) в наличии у данных дериватов значения максимализации признака; б) в значительной автоматизации словообразовательной процедуры, особенно в эпоху Возрождения — словообразовательный тип с *pře-* приближается к способам словопроизводства открытого ряда — за небольшим исключением, любое качественное прилагательное могло быть трансформировано в оценочное посредством присоединения указанного форманта. Неслучайно в текстах иногда в качестве эквивалента к образованиям с *pře-* приводится прилагательное, взятое в превосходной степени; ср.: *Nejjednodušší, přejednoduchý, ganz einfach*, Presl. Poč. rostl., Slovník, 1848-A; *Vidí tři panny se koupat, dvě byly krásné, ale třetí byla překrásná. Ta nejkrásnější pověsila skvostný závoj*, B. N. Bách., II; *Len usitatissimum, L. přeuzitečný*, Preslové. Flora Čech., 1819-A; *Vesměs jest konec nějaký buď tupý buď špičatý, ale tento rozdíl nestačí, a následující jsou k tomu názvy: přetupý (obtissimus), koncem téměř okulacenyým*, Presl. O přír. rost-

⁴² Неслучайно некоторые грамматисты XVII — первой половины XIX в. включали образования с префиксами *pře-* (прежде всего), *vele-*, *vysoce-*, *velice-* в систему степеней сравнения; ср. грамматики К. Киселого, Фр. Микеша, К. Страшкевича, В. Зикмунда и пр.

lin, 1820-A; podle velikosti jsou cevy: 9) obšírné, 10) těsné, 11) přetěsné, nejtěsnější, Presl. Poč. rostl; Větve jsou nejodstálejší, předstálé, Ibid. Ср. также реакцию эксцерптора: *Přeblahodětnou však tě ze všech žen, a přešastnou vidím* (=nejšťastnější), Šír. Výbor ze spis. řeč. (Euripides), 1827-A⁴³. В данном случае дериват с *pře-*, несомненно, был использован в функции превосходной степени; об этом свидетельствует и характер контекста.

Что касается других словообразовательных типов, то образованная по ним лексика фиксирует степень интенсификации, обычно не достигающую уровня максимализации, либо констатирует чрезмерное проявление признака (типы с формантами *hyper-*, *ultra-*).

В семантике суффиксальных дериватов носители языка рельефно ощущают как значение интенсификации (эквивалент *velmi*, *velice* + прилагательное)⁴⁴, так и соответствующую эмоциональную окрашенность⁴⁵. Поскольку данные прилагательные обычно не обозначают максимальную степень проявления признака, постольку контекст нередко содержит намек на возможность дополнительного нагнетания обозначенного признака: *cín na tenouнкé lístky roztepaný. Ovšem že tak tenouнкé nejsou jako ze zlata a stříbra*, Pr. posel; *Vy mazánkové pro kteréž větříček co hedvábí libouнкý ještě libouнкěji dychati*, Jounг-Nejedlý. Kvilení, 1820-A; *u jednoho z malinkých domečků, před kterým*

⁴³ В единичном случае зафиксирована аналогичная реакция эксцерптора на прилагательное с префиксом *pra-*: *pravatý svůj jas!* Zeyer. Poezie, 1884-A (=неисвѣтější).

⁴⁴ *po malité chvíli*, Vlčkovský. Hom. Iliada, 1842-A (=velmi malý); *byly potaženy křehouнкým ledem*, Baar, Pro krav., 1905-A (=velice křehký); *čistouнкé hlásky dětí*, A. Mrštík. Rok na vsi, 1903-A (=velmi čistý); *sad byl chudičký*, Zeyer. Z let lásky, 1892-A (=velmi chudý); *Uzlíček se mi zdá cestou jaksí lehoučký*, Paleček, 1873-A (=velmi lehký); *Dříve byla jsem tak naivnoučká*, Kunětická. Medřická, 1879-A (=velmi naivní); *vousy dlouhánské*, Erben. Vybr. báje, 1869-A (=velmi dlouhý).

⁴⁵ *bydlel v pěkném malouнкém pokojíčku*, Rachlík, Komédie, 1954-A (=vskutku malý buď v úmyslu zdůrazniti malost, nebo zálibně, pochvalně); *Na doubku sedává běloučký holoubek*, K. J. Erben. Kytice, 1853-A (=krásně, čistě bílý); *Chladňouнкé ráno*, A. Mrštík. Nít stříbrná, 1926-A (=příjemně chladný); *Vy, dobrouнкí moji rodičové*, Světlá, Sp. 2, 1878-A (=velmi dobří, něžně); *děvčátkům hrál na červenouнкých tvářinkách úsměv*, Kronbauer. Síla hroudy, 1901-A (=pěkně červeně).

si hraje ještě menší košiláček, J. Havlíček. Vzдорopohádka, 1953-A; Červeňoučké tváře zčervenaly ještě více, Stašek. Přelud, 1918-A; tu se objevila nádherná růže. «Ne, jak ta je hezounky udělaná!» řekly všechny dvorní dámy. Ba víc než hezounká jest», pravil císař, Vrchlický. Andersen. Pohádka, 1901-A; Děvčátko hezčí přec než hezounké, Rub. Dekl., 1839/III.

Функцию конкретизатора семантики суффиксального деривата в тексте может выполнять наречие, которое способно нагнетать значение интенсификации, доводя его порой до своеобразного предела, либо ослаблять его. Первый случай: *tá dceru velmi hezouninkou*, Ruská směs, 1845-A; *byla tuze chudičká*, Jir. XXVII, U nás, 1908-A; *Je slečinka hodně slaboučká*, F. X. Svoboda. Rozklad, 1893-A; *Jdu docela lenivoučkým krokem*, Uher. Lit. pozůst., 1913-A; *Děti se nosí na zadech — i ty docela maličké*, VI. 21/63; *Na malou, na zcela malinkou chvíli*, Dyk. Epis., 1906-A и др. Второй случай: *On je trochu slaboučký na prsou*, Tyl. Kusy mého srdce, 1844-A; *Klárinka je trochu bleďoučká*, Šimáček. Ztracení, 1902-A и подобные. Нередко наречие фиксирует эмоциональное отношение субъекта; ср.: *Verřová pěčinka, pěkně křehounká*, Štěpánek. Divadlo, 1830-A; *krajíce krásně hladoučké*, Rais. Ze vzpom., 1922-A.

В словарях чешского языка семантика суффиксальных прилагательных со значением интенсификации интерпретируется по-разному: либо подчеркивается значение интенсификации (*kratounký* 'velmi, zcela krátký' PS; *chutňounký* 'velmi chutný' PS и пр.), либо акцентируется эмоциональная нагрузка (*žlutounký* expr. 'pěkně, příjemně žlutý'; *pestrounký* expr. 'pěkně pestrý' и т. д.), либо, наконец, совмещаются оба значения (*pěčkňoučký*, *pěčkňounký* expr. 'velmi pěkný, příjemně pěkný' SSJČ; *něžňoučký*, *něžňounký* expr. 'velmi, mile něžný' SSJČ).

Исследование показало, что, если значение интенсификации конституируется обычно независимо от контекстного окружения и является плодом семантического взаимодействия компонентов словообразовательной структуры слова, то интерпретация обширной гаммы эмоциональных нюансов, сопутствующих значению интенсификации, нередко невозможна без учета контекстных данных (величина контекста различна: он может либо ограничиваться самим прилагательным и определяемым им существительным, либо быть достаточно пространным — в том

случае, когда эмоциональная окрашенность деривата обусловливается общей тональностью высказывания).

Систематическое использование в аналогичных контекстных ситуациях позволяет вывести некоторые общие типы семантических оттенков, которые закрепляются за словом и становятся относительно постоянными его спутниками. Назначение контекста бывает различным: а) он может играть роль пассивного иллюстратора, раскрывающего информацию, уже заложенную в семантике деривата (чаще всего при интерпретации значения интенсификации); ср.: *Hra jest prajednoduchá, jen pro oči, naprosto ne pro mozek*, F. X. Svoboda. *Vášeň*, 1903-A; *zdála se býti prašerednou, jsouce tétována, majíc nohy ploché a nos splotělý*, Sobotka. *Herloš. Svět*, 1868-A; *Bylť to lid přepotvorný, každý měl hlavu špičatou jako homoli cukru*, V. M. Kramerius. *Bás. o čarod.*, 1794-A; *Dělala stehy tak drobounké, jako když prosa nasype*, Světlá. *Kant.*, 1876-A; *záclonka tak tenoučká, že člověk viděl skrz*, K. M. Dobří nepláčou; *Já budu su-per-ar-bi-tro-va-ný! A každou slabiku toho dlouhánského slova opojeně protáhl*, Benešová. *Trag. ducha*, 1933-A; *Byla to pavlač dlouhánská, tak malý půldenní výlet*, Herrmann. *Z pam. star. mrz.*, 1914-A.

Иногда контекст содержит цифровые данные, уточняющие семантику соответствующего деривата: *Nebyla p jámladičká, byla již překročila dvacátý rok života*, Herrmann. *Dom. štěstí*, 1893-A; *pralehounký — tři jen vážil centy*, Holeček. *Jun. pís. bulh.*, 1874-A; *Hloub jest přenestejná: místy po 18, místy teprv po 480 střevících závaží dna dopadá*, Krok, 1828-A; *Za půldruha měsíce práce byla skončena, zajistě překrátký čas*, *Pražské noviny*, 1829-A; *z osy úhlem přeostrým (10—20°) vynikající*, *Presl. Poč. rostl.*, 1848-A; *jedna malitká (tečka) dvoutisícový díl čárky obnáší*, *ČČM*, 1837-A; *Podle Levenhocka potové dírky tak jsou malilinké, že jeden písek 25000 jich přihrývá*, *Tablic. Dietetika*, 1819-A; *sukně je úplně širokánská ze šesti až sedmi kolových dílů*, *Nedělní list*, 1936-A; б) контекст может принимать активное участие в формировании семантики прилагательных со значением интенсификации. Так, под влиянием контекста исследуемые нами прилагательные могут использоваться с нетипичным для них ироническим оттенком (семантика компонентов словообразовательной структуры слова здесь обычно не играет роли): *Vzpomínám na Bohd. Jelínka. Lyrický líbezný talentek, šťastný robitel způ-*

sobných rýmů a hladounkých strof, Machar. V poledne, 1931-A; (герой мечтательно) *jak triumfuji nad touto mumii uměle živenou a říkám jí: Jaký jsi, Rockfellere? Takhle malinký!* V + W, I; *Takový kulaťoučký, hloupoučký, ale při tom trochu romantický syneček*, Šimáček. Světla min., 1901-A; *zůstávají v oblasti laciňoučkových pohádkových parodií*, Liter. nov., 1955-A; *Jsi dobrý hoch, ale proto jsi přece jemňounký liberální panák*, Osvěta. Stašek, 1873-A; *Ale pro pravdu dost malinkou—na příklad: že tři a dvě jest pět—na boj vyzve celý svět*, Rub. Dekl. IV-1833, сатир. стих.; *Toť do milounké služby přišel! Zemanka je plna oukladů; plna zlosti, divných nápadů*, Jindy, 1833; *K tomu aby byla koňská natura, a ne ouřednická, která je tak outlounká, že na 50 let spiknutí čenichá*, Tyl. Pr. posel, полит. заметка; *Trestal by nás za růžovoučkou literaturu našich otců a dědů*, Přítomnost, 1937-A и др. Как мы видим, возникновение иронического оттенка стимулируется наличием противоречия между эмоциональной окрашенностью прилагательного со значением интенсификации и смыслом высказывания в целом. Имеющиеся в контексте дериваты сами по себе, в изолированной позиции, не содержат негативной эмоциональной окраски, однако в условиях вполне определенного контекстного окружения, т. е. ситуационно, спорадически, указанный эмоциональный оттенок у них появляется. Ср. случаи употребления тех же прилагательных без иронического оттенка: *Máš obličej hladounký jako aksamít*, V. Vlček. Halaburd, 1892-A; (pětiletý hošík) *tvářičku broskvově růžovoučkou*, Lid. nov., 1940-A; *jaká hezká! Taková milounká, jako by tě někdo hladil po tváři*, Ašk. Et. d. a nd.; *Aj slavíčku roztomilý! Ptáčku malinký*, Jindy, 1833.

Комплексное использование ряда факторов (семантика компонентов структуры, контекстные данные) позволяет нам с достаточной достоверностью интерпретировать семантику исследуемых нами прилагательных в той или иной конкретной ситуации.

Выше уже говорилось, что в семантике суффиксальных дериватов значение интенсификации и соответствующие эмоциональные оттенки по большей части не существуют изолированно, а наслаиваются и переплетаются воедино. Тем не менее можно установить случаи функционирования некоторых суффиксальных дериватов исключительно со значением чистой интенсификации. Мы имеем в

виду прилагательные, образованные от *každý*, *celý*, *plný*, *jediný*, *samý*. Отсутствие эмоциональной окрашенности у данных дериватов подтверждает и то обстоятельство, что они, как правило, не согласуются в структурно-семантическом плане с соответствующими именами существительными. Приведем примеры: *mám dva takové pokoje plničké, od země až do stropu sepřísti*, Erb. Čes. poh.; *každinký, snad do jednoho, byl mu solí v očích*, Nováková. Šmatlán, 1906-A; *byla od hlavy do paty celičká nahá*, Erb. Čes. poh.; *celičké dva měsíce nedostal od ní slovíčka*, Jelínek. Polská paní, 1884-A (экцептор = úplně celý); *hlásá celinkému světu o české slávě*, Besedník. Kar. Adamec, 1864-A (экцептор = vůbec celý, všecek); *ona se zvedá — a ve duši žhavou každinkým slovem jedy leje*, Špindler. Meissner. Žižka, 1864-A (= vůbec každé, vskutku každé); *Tu spatřil od saminké země plno klasů*, Erb. Č. poh.; *Den jak den tu od milého rána do saminké tmy*, Rub. Dekl., 1837; *lidovost se ztenčila už docela na saminkou operetu*, Jevišťe, 1921-A; *až po samotinký konec*, Lier. Píseň míru, 1900-A; *prodá svou duši za jedinký zlatý*, Rozmanitosti, 1818. С аналогичным значением выступают дериваты *holičký*, *malinký*, *maličký* в нижеследующих контекстах: *Ani pro krásu holičkou nemá milost vznikati*, Vinter. Hist. Arab., 1811-A (= pouhý, pouhopouhý); *Pod holičským nebem musil spáti*, Tablic. Poezie, 2, 1807-A (= zcela pouhý, kde zcela nic není); *jenom hodinku malinkou se zadržte*, Zap. Zrcadlo vých. Evr., 1843-A; *Za malinkou chvíli byli doma*, Pravda. Pov. z Kr., 1853-A. Однако чаще всего в семантике прилагательных со значением интенсификации представлены как значение интенсификации, так и различные эмоциональные оттенки; ср.: *Šrst heboučká jako nejjemnější samet*, Ahoj, 1943-A; *měl rád novostavby, novoučké domy, vyšňožené jako nevěsty*, Kříž. Den syna; *Maminka tě, zlatinký, za svět nedá celinký*, Rub. Dekl., 1842. Число подобных примеров можно существенно увеличить. Эмоциональная подоплека интенсификации отчетливо ощущается в следующем примере: *dojel na konec střešního svahu, k plechové římse, která byla široká dobrých třicet centimetrů, ale jemu se zdála hříšně uzoučká*, Kříž. Den syna — в данном случае в контексте акцентируется противоречие между реальным фактом действительности и субъективным восприятием человека, испытывающего чувство страха.

Ярко выраженную эмоциональную окрашенность име-

ют обычно цветовые обозначения — у прилагательных данной семантики эмоциональный момент обычно прева-лирует над значением интенсификации. Неслучайно эксцерпторы отдают в этих случаях предпочтение сочета-нию прилагательного с наречиями *mile, pěkně, krásně*; ср.: *A ten červeňoučký květ*, Kulda. *Písně a b.*, 1856-A (= *mile červený*); (*měla*) *oči modré, modré, modroučké*, K. M. Čapek. *Humoreska*, 1924-A (= *velmi pěkně modrý*) и пр. Аналогичным образом поступают и составители современных словарей [ср.: PS: *žluťoučký* expr. ‘*pěkně, příjemně žlutý*’; *zlaťoučký* expr. ‘(hezky) *zbarvený do zlatova*’].

Следует заметить, что в этом случае нередко оказы-вается невозможной субституция сочетания ‘*velmi* + при-лагательное’ на место соответствующего деривата со значением интенсификации, поскольку значение интен-сификации отсутствует: дериват и соответствующее про-изводящее слово имеют полностью идентичную семантику и отличаются лишь наличием (у деривата) и отсутствием (у производящего слова) соответствующей эмоциональ-ной окрашенности.

§ 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В ЧЕШСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

I. Общая часть

Функционирование прилагательных со значением ин-тенсификации в известной степени определяется харак-тером соотношения основных функций, выполняемых дан-ными прилагательными — функций количественной и качественной оценки.

Удельный вес функции качественной оценки с тече-нием времени может подвергаться изменениям, в резуль-тате чего экспрессивная окрашенность того или иного деривата со значением интенсификации может либо воз-растать, либо, напротив, уменьшаться. При этом очевид-ной является следующая зависимость: чем выше фреквен-ция лексики, образованной по данному словообразова-тельному типу, тем ниже ее экспрессивная окрашенность, и, наоборот, снижение фреквенции влечет за собой воз-

растание экспрессивной насыщенности деривата. Так, например, по мере снижения фреквенции прилагательных с префиксом *pře-*, наблюдаемого в современном чешском языке по сравнению с эпохой Возрождения, увеличивается экспрессивная насыщенность данной лексики — в частности, ныне использование указанных дериватов в разговорной речи является несомненной приметой ее аффиктации.

Способность прилагательных со значением интенсификации признака выполнять функцию количественной оценки является стабильным свойством указанных прилагательных. На протяжении периода, в течение которого велось наблюдение, практически не зафиксированы случаи утраты функции количественной оценки. Значение интенсификации признака, присущее данным прилагательным, отчетливо воспринимается носителями языка — как правило, оно не утрачивается вообще или же утрачивается окказионально, в определенных условиях. Подобное устойчивое сохранение значения интенсификации в немалой степени обусловлено низкой частотностью употребления исследуемых прилагательных как категории в целом. В ходе более активного словоупотребления указанное значение, несомненно, более быстро снашивалось бы и тускнело. Тем не менее и у прилагательных со значением интенсификации в некоторых случаях сказывается действие тенденции утраты словообразовательного значения.

Изучение этого явления представляется нам крайне важным, поскольку утрата словообразовательного значения нередко влечет за собой смещение словообразовательных типов, стимулирует возникновение новых, более выразительных в семантическом отношении дериватов, приходящих на смену лексемам с потускневшим, стершимся значением оценки. В рамках лексики, являющейся предметом настоящего исследования, сущность процесса утраты заключается в изменении соотношения между номинативной и оценочной функциями, выполняемыми словом. У прилагательных, сохраняющих полную семантическую и словообразовательную рельефность, функция оценки превалирует над функцией номинации. Однако в судьбе отдельных лексем и даже словообразовательных типов разрыв между обеими функциями в принципе может выравниваться таким образом, что функция оценки

постепенно редуцируется, сливаясь с функцией номинации. Ситуация, наиболее благоприятная для выравнивания зазора между обеими функциями и для ослабления функции оценки, возникает, на наш взгляд, в тех случаях, когда прилагательное со значением интенсификации начинает использоваться в целях номинации. Говоря это, мы имеем в виду, в частности, факты субстантивации прилагательных со значением интенсификации. Случаи субстантивации легче всего наблюдать у суффиксальных дериватов, причем важно подчеркнуть, что чаще всего субстантивируется прилагательное *maličký* (*á, é*) — обычно в единственном числе, — наиболее употребительное в современном чешском языке прилагательное со значением интенсификации. Приведем примеры: *ví, že čekáte maličkého*, VI, 18/63; *začíná již maličký rozumět základním slovům*, Ibid., 7/63; *i ty maličké toužebně hledí na dveře, zda přijde pro ně maminka*, Ibid., 16/62; *odjeli s maličkou na hory*, Ibid., 15/62; далее о взрослых людях: *ale proč by se nemohla tahle maličká od toho emancipovat*, Ibid., 18/63; *To jsem tě postrašil, maličká, co?* Ibid., 4/63; *To jest ta krásná maličká, která byla švadlenou*, Sobotka. Herloš. Svět, 1868-A. Ср. также случаи субстантивации прилагательных иной структуры: *Tenkrátě jsem plesal nad milítkou*, Hn. Děvín; *Tedy co tu hořekuješ, mladinká*, K. Sv. Pov. a r.; *již vdaná a již malinké*, Rozličnosti, 1830-A; *A než se miloučká nadála, ovinuly ji dlouhé ruce sochařovy*, K. M. Čapek. Rozkoč, 1923-A; *A víš, miloučký, co jsem ti řekla?* Medek. Anabase, 1927-A; *No co, malinkatá?* Benešová. Pozd. plameny, 1929-A. За пределами описанных ситуаций данные и им подобные прилагательные сохраняют присущее им значение интенсификации. Симптоматичными, на наш взгляд, являются и случаи вовлечения прилагательных со значением интенсификации в сферу дальнейшего словопроизводства: *Byla droboulínká* (blecha vyrobená v Anglii a darovaná ruskému carovi), *ale precizní, vlastně ta preciznost byla právě v té udivující droboulínkosti*, Rudé právo, 1959-A; *lék malinkosti zrna*, Pr. posel; *Malý malounkem se spokojí*, Rub. Dekl., 1842. Аналогичные образования зафиксированы словарями; ср.: *drobounkost* PS, *každíčkost* J, *hezoučkost* J, SSJČ*, *hezounkost* J, Tham, *sladounkost*, *sladíčkost* J, *tenoučkost*, *teníčkost*, *tenoučičkost*, *tenitkost*, *teníčičkost* J. Любопытна в этом отношении и попытка использования данных при-

лагательных в составе научных терминов, предпринимаемая главным образом в эпоху Возрождения. В этом случае семантическая специфичность прилагательного, являющегося компонентом устойчивой конструкции, в известной степени нивелируется. Вследствие большой эмоциональной насыщенности данных прилагательных, противоречащей стилистической норме научного повествования, подобная практика успеха не имела. Таким образом, номинативный «якорь» в семантике прилагательных со значением интенсификации оказывается гораздо слабее, чем их оценочная сущность. Отмеченные случаи утраты значения интенсификации носят нестабильный, ситуационный характер.

Сферы употребления префиксальных и суффиксальных дериватов со значением интенсификации существенно отличны. Первые используются преимущественно в книжной речи — за исключением образований с *prach-*; некоторые образования (с префиксами *vele-*, *arci-*) являются ныне архаичными. Вкрапление указанных прилагательных в разговорную речь противоречит господствующей в ней стилистической норме; оно придает высказыванию оттенок экзальтированности, претенциозности. Возможно, в эпоху чешского Возрождения, в период преобладания в литературном языке так называемого высокого стиля, употребление префиксальных дериватов, в частности образований с *pře-*, было более уместным, не диссонировало со стилистической нормой, поэтому экспрессивная броскость указанных прилагательных была несколько снижена.

Суффиксальные дериваты, напротив, функционируют главным образом в разговорной речи. Наличие в семантике данных прилагательных выразительных эмоциональных оттенков весьма конкретного характера ограничило рамки их употребления: суффиксальные прилагательные широко используются в устной и в тех стилях письменной речи, которые по своему строю и средствам выражения близки к устной речи. Примечательно, что нами было зарегистрировано увеличение количества случаев употребления суффиксальных дериватов в языке бытовых описаний, жанровых сценок. Обследование материалов, опубликованных в «Пражском послепе» Й. Тыла, имеющих ярко выраженную публицистическую направленность, показало, что данные прилагательные встре-

чаются здесь главным образом в подстрочных авторских комментариях, отражающих особенности разговорной речи. Практически полностью отсутствуют суффиксальные дериваты со значением интенсификации в языке научных сочинений (попытка использования их в этой сфере, как уже упоминалось, успеха не имела), административно-деловом стиле речи и пр. Прилагательные указанной структуры не представлены и в текстах произведений, относящихся к литературным жанрам «высокого» стиля. Следует учитывать, что в чешской художественной литературе первой половины XIX в. сохранились следы закрепления языковых стилей за отдельными литературными жанрами.

II. Функционирование префиксальных дериватов

Дериваты с *pře-*. В эпоху Возрождения указанные прилагательные относительно свободно функционировали в различных сферах применения письменного языка. Случаи использования данных дериватов были отмечены в различных литературных жанрах, однако наиболее часто они встречались в произведениях, характеризующихся подбором патетических, выпяченных средств выражения — это героические поэмы, оды, трагедии и т. д., т. е. произведения так называемого «высокого» стиля. Примечательно, что в языке одной лишь поэмы Ш. Гневковского «Девин» зафиксировано не менее 50 прилагательных с префиксом *pře-*, большинство из которых не отражено в словарях (*přepotupný, přeplápolný, přenevinný, převznešený, přežádaný*; ср., например, *V stavu pení přemoci přesilné muži*). Данный автор вообще проявляет особое пристрастие к лексике этого типа: *Mnozí černé přeslovútné pláště, Básně drobné, 1820-A; Brzy děvče modrooké řalo v srdci přehluboké rány trpké milosti, Alm. Puchm., II; Mezi cedry převysoké dál se kroutí hrdě běh: Tam jsou tůně přehluboké, skalí, víry přeširoké, Básně drobné*. Прилагательные с префиксом *pře-* являются практически обязательной принадлежностью языка произведений, использующих средства «высокого» стиля: Ср.: *On práva zástupce jest přehorlivý, Čechoslav, 1820, стих. к именинам; přemocným mne štítem zaeloniti, Alm. Puchm., ода; přináší přeúšlechtilé a předrahé poklady na oltář*

vlasti, Květy, 1869-A, торж. стих.; *nevěstu předrahou svatý řád ten pěstoval*, Vos. Meč., истор. поэма; *Z rumu klášteřa se valí přehustý mrak*, Ibid.; в стихотворениях философско-религиозного содержания: *Ač tvorů tvých tak přehojných*, Fr. Pap; *Bůh nám ale neskončené v nebesích dni přeblažené slibuje*, Ibid.; в балладах: *zří kance přehrozného*, Českoslav, 1820; *I Hron z Náchoda, rek slavný, Jablonský, pán přestatečný*, Besedy и пр. Реже встречается интересующая нас лексика в лирических стихотворениях, стихотворениях шутливого содержания, баснях, характеризующихся более простым языком: *Na pahorku u potoka strmí skála převysoká*, Jindy, I, 1833; *Sotvas že se dotkla, ušlas na přerýchlych nožkách svých*, Českoslav, 1821; *Květla jabloň krásně bíle, vonným květem červeně, ba červeně, o přešťastná kratochvíle!* Věnes, 35; *Proč mně tepeš, vrahu urputný? Tak mne zmítáš ve hrob přesmutný*, Mach. Chr., басня. В языке прозаических произведений также зафиксированы многочисленные случаи употребления прилагательных с префиксом *pře-*. Они встречаются в речи автора и персонажей в романах, рассказах, повестях: *Když se spolu rozžehnávali, byla to přesmutná chvíle*, Romant. pov, рассказ, р. п.; *V zahrádce kvetlo množství převzácných bylin*, K. Sv. Pov. a r., рассказ, а. р.; *Jako skála přetěžká přivalila se na srdce upomínka*, Ibid., роман, а. р.; *Na mém svědomí ležela přenesmírná tíha*, Bibl. Vlas., I, 1830, р. п.; *zdrávli můj předrahý manžel*, Ibid., р. п.; *za skrovný plat v přenádherném Rusů sídle provedl*, Vesna, записки путешественника. Отмечены эти прилагательные и в языке сказок, отличающихся простым, бесхитростным повествованием: *Na toho beránka se nehněvejte. Je to zvíře přechytré*, B. N. Bách, II, р. п.; *I vidouc tu přehozydnou tvář*, V. Zahradník. Bajky, 1832 и пр.

Особый интерес представляют драматургические произведения, отражающие нередко особенности устной речи. Было установлено, что в языке бытовых комедий, написанных простым, разговорным языком, дериваты с *pře-* встречаются реже, чем в трагедиях: *ty sis vymyslila přestrašlivou lež*, Klicpera, sp. 8, 1863-A; *chce ženskou outlost lovit do přehrube sítě*, Klicpera, 1821, II-A; *obdařil rukou své přemilé dcerušky*, Št. Div.; *O přesladké spaní*, Ibid. Установленные случаи тяготения к жанрам высокого стиля дают нам основания полагать, что дериваты с *pře-* не были полностью индифферентными в стилистическом

отношении, по-видимому, уже в этот период они содержали элемент книжности.

Прилагательные с префиксом *pře-* в изобилии встречались в языке периодических изданий эпохи Возрождения, обращенных к широкому кругу читателей. Наибольшее количество случаев употребления отмечено в тексте газетной и журнальной хроники: *přečkal přemnohé změny v ministerium*, KVN, 1820; *kořisti nabrali převeliké množství*, Ibid.; *Pán chemikus učinil přepodivný nález*, Ibid.; *Bitva v Palermo byla přeukrutná*, Ibid.; *Město bylo v převelikém nebezpečení*, Pražské noviny. Встречаются эти прилагательные и в языке других газетных и журнальных разделов — советы и консультации редакции: *Přežádoucí jest prostředek znáti k vyhlazení motýlů ovocným zahradám přeškodlivých*, Jindy, 1833; *v každém hospodářství předůležitý jetel*, Pražský posel, 1846-A; объявления от редакции о готовящихся изданиях: *Pomněte, že se spis chuti přerozdílné vyhověti musí*, Jindy, 1833; *rozjímání o přehořkém umučení Pána*, KVN, 1820; рецензии, литературные и театральные: *předodařeným hráním srdce posluchačů jímala*, KVN, 1820; *bylo viděti, an se přepilný herec vady své chvalitebně varoval*, Jindy, 1833; полит. очерк: *předůležitou věc, jakož je volení deputovaných na domácí sněm*, Tyl. Pr. posel; *bylo shromáždění studentů v Karolíně hlučné, ale ne přehojné*, Ibid. и пр. Случаи употребления данных прилагательных отмечаются и в языке произведений, имеющих острую публицистическую направленность (так называемые обраны, политические листовки и т. д.): *přeuschtilý jich spisy prachnivěji a červivěji!* Tham. Obrana; *lidé Čestíně nepoučení, přeuschtilých vlastností její neznajíce*, Ibid.; *bratr slovan-ský, věřen přesmutnému osudu národa polského*, Letáky; *český sněm se s tou předůležitou úlohou zanášet bude*, Ibid. Исследуемые нами прилагательные относительно часто встречаются в произведениях научной литературы (имеются в виду как очерки научного характера, опубликованные в периодической печати, так и специальные научные сочинения): *Předůležitou tuto pravdu* (о суфигу «n») *první poznal ostroumný Benfey*, ČČM, 1846-A; *v tomto předokonalém hexamtru*, Počátkové, 1818-A; *od mnohočetných a přelidnatých národův*, Šafařík. Slov. starož. 1837-A; *spis přeobširný o všech příhodách*, Pal. Děj. I, 1848-A; *kyselínami anobrž i přeslabými červená*, Presl. Lučba, II, 1835-

А; *Strom s kmenem přetlustým*, Presl. Všeob. rostl., 1846-A; *Z květů převonných včely sbírají med převýborný*, Presl. O přír. rostlin, 1835-A; *mořských jednorozců převelicí zástupové*, Čechoslav, 1820, геогр. очерк; *India jest země přeúrodná, a na vše přebohatá*, Bartolomeides. Geografia, 1798-A. Дериваты с *pře-* использовались и в эпистолярном жанре (ср.: *Ničeho tak přežádostiv nejsem, než,.. Dopisy Šaf. Pal.; zprávu dal p. Kopitar ale co se týče Bulharů, přenespravedlivou*, Ibid.).

Изучение конкретного материала, отраженного здесь и ниже лишь в самой незначительной степени, показало, что прилагательные с *pře-* характеризовались в чешском языке эпохи Возрождения широкой сферой употребления и высокой фреквенцией. В то же время бесспорным является факт наметившейся специализации указанных дериватов — преимущественное использование в языке произведений, относящихся к жанрам «высокого» стиля.

В современном литературном чешском языке наблюдается значительное снижение фреквенции, а также сужение сферы функционирования прилагательных данной структуры. Немалую роль здесь играет произошедшая в середине XIX в. демократизация литературного языка, повлекшая за собой изменение стилистической нормы книжного языка. Так, FS дает частотные характеристики всего лишь для девяти образований: *přebohatý*, *přečetný*, *předlouhý*, *předrahý*, *překrásný*, *přepečlivý*, *přesmutný*, *přetěžký*, *převeliký*. Среди 10000 слов с максимальной фреквенцией приводится лишь *překrásný*. Изучение экскерпций показало, что в современном литературном чешском языке эти прилагательные употребляются в меньших масштабах, однако в пределах одних и тех же сфер применения литературного языка. Чаще всего они встречаются в языке произведений художественной литературы, где дериваты с *pře-* представлены в произведениях, относящихся к различным жанрам, прозаическим и поэтическим (однако отмечены они преимущественно в речи автора). Не следует при этом упускать из виду эволюцию, постигшую сами литературные жанры: исчезли некоторые жанры, использовавшие элементы «высокого» стиля; по мере демократизации языка изменились и стилистические нормы, допустимые для тех или иных жанров. Примечательно, что FS фиксирует 72 случая употребления прилагательных с данным формантом, в 57 случаях речь идет

об использовании в языке произведений художественной литературы и всего лишь 2 случая приходится на долю устных выступлений. Присоединение префикса *pře-* существенно отражается на фреквенции производящего слова. Так, если FS отмечает 2791 случай употребления производящих слов, то после присоединения префикса частотность снижается до 72. Меняется и сфера функционирования: резко падает количество случаев употребления в устной речи (с 296 до 2), однако в целом пропорции распределения по различным функциональным сферам сохраняются.

Приведем примеры на употребление данных прилагательных в прозаических жанрах — повести, рассказе, романе, сказке и пр.: *Hospodský stůl skýtá přemnohé radosti*, Kříž, Den syna, роман, р. п.; *přestatečnou bojovnici uvěznili*, N. Fr. Tři, а. р.; *muž, navlečený do postroje přemnohých funkcí*, Ibid, а. р.; *měli hlad v přebohaté vlasti*, M. Pujmanová. Život proti smrti, 1955-A; *nad přetenkým mostem*, Ašk. Et. d. a nd., рассказ, а. р.; *Jana na mne pohlížela z převysokého trůnu*, M. Kund. Sm. I., рассказ, а. р.; *Byla prý předlouhého ocasu*, Kubula, сказка, а. р. В текстах пьес данные образования встречаются крайне редко.

Употребление дериватов с *pře-* отмечено и в поэтических произведениях: *v plání lásky přehoroucím*, O. Červinka. Pov. veršem, 1917-A; *čeří krásný přebohatý vlas*, S. Čech. Básně, 1874-A; *Pod dekretem podpis přebrovský: Vladimír Majakovský*, VI 31/63.

Проведенный анализ периодических изданий показал, что дериваты данной структуры употребляются лишь в текстах очерков, рецензий и, как правило, не встречаются в языке политической хроники, редакционной переписки и т. д.: *vnést světlo do přesložitých otázek džezové hudby*, Liter. nov., 1958-A; *ovce jsou vychovávány přestarostlivou ošetřovatelkou*, Zeměd. noviny, 1955-A; *musíme poukázati k přenutnému rozmnožení hereckých sil*, Čas. Neruda. Div. ref., 1861-A. В современном литературном чешском языке прилагательные с префиксом *pře-* нередко используются для намеренной архаизации повествования — ср., например, включение следующего романса в текст прозаического произведения: *V rumech dlívám starodávných častokrát v libém snění, na hrobech rekův přeslavných*, Mršt. Poh., m., а также для придания стилю высказывания

патетического, выпяченного тона; ср. в речи актера, живущего в ночлежке в пьесе Й. Восковца и Я. Вериха: *Toť pohled pro bojiště. Zde však přemutný*, V+W, I (описание ночлежки) или, например, в тексте репортажа со Всемирного конгресса женщин в Москве: *a také začal oním přeslavným dnem, kdy Valentina Těrešková vzlétla jako první žena do vesmíru*, VI. 27/63. Далее, отмечаются случаи употребления прилагательных с префиксом *pře-* в языке научной литературы. Здесь они встречаются в следующих ситуациях: а) в составе терминологических обозначений — *ostružník přeostnitý*, Domin. Klíč-A; *šlavnatka překrásná*, Velenovský, Č. houby, 1920-A; *perpusilla přemaličká*, Ibid.; *Ryzec přejemný*, Masků. Č. houbař, 1913-A; *překritický stav* — fys. PS; б) непосредственно в контексте: *Strychnin je překrutý jed*, V. Šafařík. Chemie, I, 1860-A; *Brucin málo se rozpouští, přehořký*, Ibid.; *soustava staticky přeurtitá*, Šolín. Stav mech., 1890-A; *Čechy jako přebohatá oblast těžby drahých kovů*, V. Husa. Dějiny Československa, 1961. Что касается устной речи, то здесь мы должны заметить следующее: опрос носителей языка, а также наши собственные наблюдения показали, что в устной речи дериваты с *pře-* употребляются редко, а если и употребляются, то, как правило, с выразительной экспрессивной нагрузкой, возрастающей постепенно по мере снижения фреквенции данных образований. Носители языка обычно воспринимают указанные прилагательные как книжные.

При изучении особенностей семантики и употребления немалое значение имеет установление контекстных окружений, характерных для данных прилагательных. Так, было установлено, что исследуемые нами образования с *pře-* чаще всего употребляются в контекстных окружениях, характеризующихся высокой эмоциональной напряженностью, а также подбором выпяченных, патетических средств выражения. В последнем случае имеются в виду контексты специального назначения — религиозные тексты, обращения и высказывания, адресованные королю и другим высоким персонам, родине; посвящения литературных произведений, риторические высказывания и т. д. Приведем примеры: *padouch přešeredný, který vykonal ten skutek přenezbedný*, Hn. Děvín, поэма, р. п.; *O hrozný a přebolestný pohled! přežalostné vzezření!* Čechoslav, 1820, рассказ, а. р.; *o já přešťastný člověk*, Rett.

Mař., рассказ, а. р.; *Můj živote, má přenejdražší, stůj!* E. A. Soudek. Shakespeare, Komédie, II, 1955-A; *Ó já bídný, přebídný! Ó to hoře přenáhlé!* Niederle. Sofokles. Aias, 1869-A; *Ta překrásná, přesladrká, rodná země*, Liter. nov., 1956-A; *Ó matko, přenešťastná bolestná! přesvatá v tom žalu velikém!* Nový život. Zeyer. Zahrada mar., 1897. Ср. также религиозные тексты, молитвы⁴⁶: *Matko boží přežádoucí!* Jirásek. Mezi proudy; *Buď pozdravena Maria, přesladrká a přežalostná*, Nový život. Zeyer. Zahrada mar., 1898-A; *s přeosvíceným patriarchem*, ČČM, 1837-A; *Předobrotivý jest, přemocný jest Bůh!* Štěpnička. Hlas líry, 1823-A.

Высказывания, обращенные к высоким персонам, к родине, патетические обращения: *O jak přesladrké to jméno vlast*, Běsedy, лир. стих.; *lásku k vlasti, tu převznešenou občanskou ctnost*, Čechoslav, 1820, нравоучительный рассказ; *naše předrahá Koruna Svatováclavská do Prahy přivezena bude*, KPN, 33-1791 (сообщение о коронации); *přemilého krále Františka Bůh vyvolil*, KVN 1/1820, торж. стих.; *Císař přeslavné paměti*, Tham. Obrana; *v přítomnosti předůstojných a převelebných Panů kanovníků*, Hlasatel, 1818; *přejasný hetmane*, J. V. Frič. Мазера; *přelaskavý kníže!* Hn. Jaromír, трагедия, р. п. В тексте торжественных посвящений: *vznikl ve mně cit přeradostné vděčnosti*, Rett. Růže; *Vida lásku k přemilé vlasti*, Tham. Obrana.

Наконец, следует упомянуть о таком типе контекстных окружений, как тексты научного содержания, где прилагательные с префиксом *pře-* более предпочтительны, чем дериваты иной словообразовательной структуры. В данных условиях эти прилагательные используются лишь в значении интенсификации (без экспрессивной окраски). Необходимо отметить, что набор контекстных окружений с течением времени подвергся значительным изменениям, прежде всего в сторону его сужения, обусловленного эволюцией как стилистических норм литературного чешского языка, так и реальных жизненных ситуаций, косвенно отраженных в языке.

⁴⁶ Тексты религиозного содержания настолько насыщены прилагательными с *pře-*, что можно говорить даже об известном автоматизме, традиционном следовании сложившимся образцам.

В заключение несколько слов об использовании прилагательных с *pře-* с ироническим оттенком. Обычно использование данных прилагательных созвучно их позитивной семантике. В справедливости сказанного нас убеждает и значение определяемых существительных⁴⁷, среди которых обычно отсутствует лексика негативного характера и, напротив, в большом количестве представлена лексика позитивной или нейтральной семантики, много отвлеченных и сугубо книжных слов. Использование прилагательных с *pře-* в контекстах негативного звучания ограничено. Появление иронического оттенка обычно обусловлено влиянием контекста: *Páchají, což jim možné přitom jsou přepobožné*, Нп. В. drob., баллада, а. р.; *jsou protkány přeúčenou vědeckostí jeho převděčného žáka*, Víd. deník, иронический ответ Ганки Миклопичу; *řekl přeosvícený mudrlant*, Sychra. Povídatel, 1815-A; *je přelákavým soustem pro sběr demagogů*, Čech. Kratochviln. h., 1890-A; *úředník, který ze strachu před návštěvou svého ředitele nutí ženu, aby ze sebe dělala převvědomělou*, Zeměd. noviny, 1955-A; *Rozhodně tady už nesmí hrát přeuctivého, přechoťného*, Hend. Fav., роман, р. п.

Несколько иначе обстоит дело у прилагательных типа *přehmataný*, *převyhlazený*, *přemozolovitý* и некоторых других, где элемент негативной оценки содержит уже само производящее слово (первые два случая), либо где существует противоречие между семантикой и стилистической окраской префикса и основы (третий случай): *Jsmе (mladí umělci) na výsost syti přehmataných sujetů*, Neumann. Ať žije, 1920-A; *O ty převyhlazený a sladkouchý panáčku!* ČČМ, 1830-A; *Zbývá přemozlovitá otázka o chronologii*, Sušil. Skutky, 1869-A.

Тенденция использования прилагательных с префиксом *pře-* в контекстах иронического звучания стала более явственной с середины XIX в.

⁴⁷ Ср. перечень определяемых существительных у некоторых случайно выбранных прилагательных с префиксом *pře-*: *přejemný* (*smyslnost, rys, cit, krasochuť, přehoz, výzbroj, nervy, vlakénko, vlna, vítr, látka, krása, práce, závoj, kruh, podání, dlaň, příze, prášek, odstín, pavučina*); *přesladký* (*hlásek, hrozen, vůně, pohled, políbení, píseň, okamžik, hlas, chvíle, šero, pocit, zrak, hudba, stín, zvuk, památka, mladost, potěšení, sebeobětování, blaženost, slza, tvář, trampoty, útěcha*); *přesvětlý* (*královna, věnec, Bůh, anděl, láska*).

Д е р и в а т ы с *pra-* (*prach-*). Характер функционирования данных прилагательных во многом отличен от предыдущих. Анализ фактического материала конца XVIII — первой половины XIX в. показал, что они использовались в относительно ограниченных сферах применения письменного языка. Наиболее широко образования с префиксом *pra-* используются в языке произведений художественной литературы, преимущественно прозаических жанров, в языке периодических изданий — главным образом в тексте очерков, имеющих полемическую, обычно политическую направленность. Наибольшее количество эксцерпций относится к прозе⁴⁸ — повесть, рассказ, роман и пр.: *před ní pražádných tajností neměla* K. Sv. Pov. а г., повесть, а. р.; *Ze nouze i železo přeláme, je prachpravdivé přísloví*, Květy, 1835-A; *čas (jest) svrchovaný, aby prachfalešné domnění lepšímu přesvědčení místa postoupilo*, Počátkové, 1818-A; *ten nynější svět je už prahbezbožný*, Rozličnosti, 1831-A; *ačkoli střílel do zvěře, pražádné předc netrefil*, Vlastim., I, sv. II, рассказ, а. р. и пр. В сказках, баснях: *je v pracizi krajině*, B. N. Bách, I, а. р.; *pražádné moci jim nenechala*, Ibid.; *odpoví šnek: nemysl sobě, že jsem já tak prahubohý*, Alm. Puchm, II, басня, р. п. Примечательно, что дериваты с *pra-*(*prach-*) употребляются обычно в литературных жанрах, характеризующихся простым, общедоступным стилем повествования (практически не представлены жанры так называемого высокого стиля), часто фиксируются они в речи персонажей; ср.: *vkrouzl jsem praneveselý a velmi mrzutý*, Tomsa. Klaurenovy pov., 1830-A; *to je prachpochtivý kus od Vaší Excellency, že své rodiče tak v uctivosti máte*, Rozličnosti, 1827-A; *já jsem tak praobyčejný, všedný člověk*, Vlastimil, 1840-A; *Tedy prach žádné pomoci není?* Dobroslav, 1822-A.

В этом отношении небезынтересны эксцерпции из произведений драматургии — как правило, это примеры из языка бытовых комедий Я. Штепанка, широко использующих элементы просторечья: *To ale prach holá lež*,

⁴⁸ Исключение составляют лишь немногочисленные эксцерпции из стихотворных произведений: *cobych posléz počal já, kdyby někdo, jenž mě zná, řekl, že má deklamace mizerná, až strach, je práce? Nyní řeknu, pyšně hlavou hodě: «Pane! teď jsou právě v módě na prach špatné deklamace!»* Rub. Dekl.

Štěpánek. Div. 9. Zahr. zeď, 1824-A; *je prach schytralá; ta je prohnaná!* Ibid.; *je prachmlaďounká*, Štěpánek. Div. 5, Tři otč., 1823-A.

Дериваты с данными префиксами используются в языке журналов, газет, где они встречаются преимущественно в текстах, насыщенных экспрессией (нередко это оттенок иронии): *před národní obranou jí pražádného práva, pražádné přednosti nepodávají*, Tyl. Pr. posel, диалог; *Zásluhy zemřelých předků, kteréž v potomcích již nepůsobí, pražádného oprávnění k jakému vyznamenání neposkytují*, Tyl. Pr. posel, полит. очерк.; *takovým způsobem zbavíme se mnohých prachybných nápisů veřejných*, Čes. včela, 1846-A; *Nad nimi by muselo i prakanibálské srdce trnouti*, Ibid., 1845-A. и т.д. Ср. также текст политической листовки: *Za to by tě málo pochválili tvoji prapociví otcové v hrobě*, Letáky.

Наконец, было зафиксировано несколько случаев употребления данных дериватов в языке научно-популярной литературы, рассчитанной на широкую (и в основном непросвещенную) читательскую аудиторию. Однако случаи использования прилагательных с *pra-*, *prach-* в составе терминологических обозначений не отмечены. Приведем примеры: *duše ryby vtělena ve vajíčko jest na začátku jen pramalou kuličkou*, Pr. posel; *I u cínu se dlouho nezdržíme, an praznámý jest*, Ibid.; *U věci (železo) této v životě našem pradůležitě a praznámé se nebudeme dlouho zdržovati*, Ibid.; *Vysvětlování procesů na oko prarozdílých*, ČČM, 1838-A. Поскольку дериваты с *pra-*, *prach-* проникали в литературный язык (по мере его демократизации) из народно-разговорной речи (сказанное в особенности относится к дериватам с *prach-*), лексика данной структуры отсутствует в произведениях высокого стиля и, напротив, представлена в сочинениях, характеризующихся простотой, доходчивостью средств выражения, допускающих привлечение элементов просторечья. Дериваты с префиксом *pra-* и в особенности с *prach-*, используемые ныне в литературном языке, сохранили в сознании носителей языка элемент разговорности и яркой экспрессивной окрашенности.

Начиная со второй половины XIX в., количество эццерпций, содержащих данные образования, значительно возрастает (увеличивается и объем лексики указанной структуры, отраженной в словарях). Однако, как и ра-

нее, указанные образования встречаются в произведениях художественной литературы преимущественно прозаических жанров: *která pak by chtěla takového mrzouta s červeným nosem? Prábídný nos*, Just. Humoresky, 1866-A; *proč tomu říkají tak vznešeně Intelligence Service, když je to prachsprostá tajná policie*, Tilschová. Gita, 1931-A; *dítě je prakomický obrázek dorostlého člověka*, Neruda. Mal. pov., 1878-A; *její příběh je pravědní*, Vl. 1/64, роман; *poezie, kterou slyším, je pramizerná*, M. Kund. Sm. 1., рассказ, а.р. и пр. В произведениях поэтических жанров образования с *pra-* представлены в значительно меньшем количестве; ср.: *Táhne mu myslí, že jsou to prachšpatné časy*, V. + W, I; *Ta hezčí zůstaň, druhou prabědnou ať venku přivítá děšť*, Vrchlický. Ariosto. Zuř. holand., 1893-A; *poslyš starou prazpátou písničku*, Šolc. Prvosenky, 1868-A. FS дает фреквенцию всего лишь трех прилагательных с *pra-*: *pradávný*, *prastarý*, *praobučejný* (первые два, в особенности *pradávný*, могут функционировать и без значения интенсификации). В целом фиксируется 30 случаев употребления прилагательных с *pra-*, из которых 20 приходится на произведения художественной литературы, прилагательное *praobučejný* отмечено лишь в беллетристике (3 случая) и в литературе для молодежи (1 случай). Среди 10 000 слов, имеющих максимальную фреквенцию, дано *prastarý*.

Относительно большим количеством примеров можно иллюстрировать употребление прилагательных с *pra-*, *prach-* в языке газет и журналов — здесь они представлены главным образом в тексте очерков, рецензий, фельетонов и т. д.; ср.: *na jevišti hraje komik prapitomě uřlohu*, Lumír, I, 1837-A; *soustruh prazastaralého tvaru*, Naše doba, 1899-A; *Z toho by byla mohla povstati vojna, ale ne velká, jenom tak pramalounká*, Humor, I. Neruda, 1862-A; *praliberalistická «neue freie Presse» má radost krokodilů*, Naše doba, 1894-A; *literární kritika u nás byla praslabá*, Zl. Praha, 1864-A; *Ale skutečně je prapodivně vratet se k domácí výrobě ponožek*, Vl. 3/62, письмо читателя. Данные прилагательные употребляются в контекстах, имеющих яркую экспрессивную окрашенность; ср., например, «бранные» контексты: *Kluk prazatracená!* Herrmann. Rodinu, 1909-A; *Ty lžeš, pranevědomá potvor!* Čelakovský. Shakespeare. Bouře, 1870-A; *láska mužských nestojí ani za utržený knoflík. Přetvářka, lež, prasprostý podvod*,

Mršt. Poh. m. В подавляющем большинстве случаев семантике данных прилагательных присущ оттенок иронии, пренебрежения, уничижения и т. д.: *je všechno z milosti, z praobyčejné protekce, Ž. strop; Svědčím, že je prachproský udavač*, Ibid.; *ze slupky «humanistů» se vyloupne prachobyčejný chamtivý měšťák*, R. pr., 5/XII-62; *Muž je půl roku bez práce, a tak těch jejích prachmizerných patnáct tisíc lir je jediným pevným příjmem*, VI. 52/62; *S těmito praindividuelními slečinkovskými soudy*, Smetana, 1921-A; *Toť je od tebe vtip praotřepaný*, Paleček, 1878-A; *filosofické prabanální kázání*, Čes. slovo, 1939-A.

Выразительная экспрессивная окраска, привносимая в контекст образованиями с префиксами *pra-* (*prach-*), бывает обусловлена как семантикой производящей основы, так и несоответствием стилистической окраски деривата (просторечность) и контекста в целом. Систематический контакт данных префиксов с основами, фиксирующими отрицательную эмоциональную реакцию субъекта, наложил отпечаток на характер функционирования морфем в языке: негативный экспрессивный оттенок становится устойчивой чертой словообразовательного форманта, обуславливая возможность его сочетания с основами негативного характера⁴⁹ и ограничивая в то же время комбинацию с основами позитивного характера (ср. практически неприемлемое *prasvatý* и т. д.). В современном литературном языке использование префиксов *pra-* (*prach-*) для образования лексики с позитивным значением практикуется редко. Видимо, здесь играет роль, с одной стороны, конкуренция с дериватами с *pře-*, с другой — наличие устойчивой пейоративной окраски у большинства образований с *pra-* (*prach-*). В разговорной речи образования с префиксом *pra-* встречаются относительно редко, чаще фиксируются дериваты с *prach-*, используемые почти исключительно с пейоративной нагрузкой; ср., в частности, следующие примеры из произведений, написанных литературным языком, но допускающих вкрапления из народно-разговорной речи: «*Šmarja, jakěj ten (ministr) byl!*» — «*Dědek, olezlej a prachškaredej*», Tilschová. U modr.

⁴⁹ В числе определяемых существительных у дериватов с *pra-* (*prach-*) представлены такие слова, как *darebáctví, lotr, kvítko, uličník, podvod, chlap*, практически недопустимые для прилагательных с *pře-*.

kohouta, 1937-A; *Poslouchají, voní jeden prachztracenej člověče*, Vrba. Zubřany, 1922-A; *nedokážou vyrobit dostatek prachobyčejných pánských šlů*, VI. 30/62, очерк, а.р.; *kdo to kdy viděl, aby i po prachobyčejném octu byla sháňka*, Ibid., 40/63.

Дериваты с *vele-*. Закономерности функционирования прилагательных с *vele-* в целом очень сходны с закономерностями, наблюдаемыми нами у дериватов с *pře-*. И те, и другие практически используются в одних и тех же сферах применения литературного языка. Так же, как и *pře-*, *vele-* проявил тяготение к литературным жанрам высокого стиля. Следует, впрочем, сразу же оговорить, что масштабы функционирования в литературном языке прилагательных с *vele-* по сравнению с дериватами с *pře-* настолько сужены, что мы с полной ответственностью можем утверждать, что в современном языке указанные образования относятся к некоторому пассивному запасу сугубо книжной лексики, который не обогащается новыми словами и используется исключительно в составе отдельных устойчивых обозначений в относительно строгом наборе контекстных окружений. Носителями современного чешского языка дериваты с *vele-* воспринимаются как архаичные образования. Есть основания полагать, что и в эпоху Возрождения эти прилагательные были архаичными. Случаи употребления прилагательных с *vele-* отмечены преимущественно в языке произведений художественной литературы XIX в. (случаи использования указанных дериватов в других функциональных сферах литературного языка несравненно более редки). Наиболее часто прилагательные с префиксом *vele-* встречаются в тексте произведений, принадлежащих к литературным жанрам высокого стиля — поэмах, торжественных стихотворениях, одах. Так, в поэмах Гневковского «Яромир» и «Девин», написанных архаичным даже для своего времени языком, было обнаружено более 20 прилагательных данной структуры. Приведем некоторые примеры: *Ten rek jest tak velelepý, veleslíčný*, Hn. Jaromír, р.п.; *Cítím v srdci veletrudný bol*, Ibid.; *Vaše krátké vládnutí neslo Vlasti velemilé blahodějně květy*, Ibid.; *Ohavné jest nazpět vojsko velestatné věsti*, Ibid.; *Přenešťastná, velelichá chvíle*, Ibid.; *Za nimi tu táhne lehká přechota, hejno obratné a velehbité*, Ibid. Указанные прилагательные нередко встречаются в стихотворениях

патетического, торжественного стиля: *Královno ty velejasná, chotě láskou převěhlasná*, Sušil. Hymny, 1846-A; *Velebystrou myslí chrabrých Čechů*, Čechoslav, 1820, торж. стих.; *Den se ze věčnosti slavně zas vyvinul nám, tvým dítkám velevěrným blahý*, Kouna, пьеса — именинная песня; *Rozhlašují trouby, zvoní ku turnaji na den třetí. Veleslavné podívání*, Besedy, баллада. Отмечены эти образования и в лирических стихотворениях, и в произведениях прозаических жанров — рассказ, повесть, и в драматургических произведениях. Однако, независимо от того, в каком жанре они используются, данные прилагательные зафиксированы в контекстах, характеризующихся выпендренностью, патетизмом; ср.: *křídla rozpíná labuť velecistá*, Čel.-PS; *Za to ale žil bych sladce, veledrahé, mezi vámi, růžemi a růžinkami*, Besedy, лир. стих.; *Pramen lásky k veleslavné vlasti*, Besedy, лир. стих.; *Veleznámá pohostinnost ruského národa*, Vesna, записки путешественника; *Moje děti zvadly jako zmrzne velestkvostný hyacint*, Ibid., 2/1833, рассказ, р.п.; *O jak velevážné bylo podívání na tichou zemi*, Ibid.; *K věci té velepłodonosné a předůležitě*, Presl. Vlastencům; *slunce veleslavného jména nad hlavou tvou vzešlo*, Přítel, 1806, рассказ, р.п.; *Věztež, zejtra jest den narození veledrahého otce*, Rett. Růže, пьеса; *otec můj jest veledobry*, Ibid. Случаи употребления отмечены и в прессе — преимущественно в тексте рецензий: *Velenamáhavé hlavní úlohy*, Ner.-PS; *onen velehorlivý vlastenec*, Jindy, 1833; *Z charakterů zvláště vynikají veleudatný Britvald*, Ibid.; *v tomto veledůležitém okamžení*, Vídeňský deník, 1850, полит. хроника. Прилагательные с *vele-* встречаются и в эпистолярном жанре. Случаи использования данных дериватов в составе терминологических обозначений крайне редки. Специфической сферой употребления прилагательных с *vele-* являются посвящения литературных произведений, написанные, как правило, выпендренным языком: *vítám dnešní veleslavný den*, Rett. Růže; *utěnění její velestědrý podporovatel*, Ibid.; *Velectěné paní Růženě Fričové věnuju v přátelství upřímném*, Ner.-PS; *Odpustí jistě Vaše dobrotu velectěná*, Kouna. Данная лексика часто фиксируется в текстах религиозного содержания: *Velemocný Božel* Klicp.-PS; *Bůh velehrozný*, Almanach, 1825, рассказ-сказка; *Veliký bůh — já hoch veleprostý!* Lang. Sel. лир. стих. — молитва. Наконец, указанные прилагательные являются частым компонентом таких

устойчивых сочетаний, как обозначения некоторых титулов, званий: *velejasný* (v titulech) — *Velejasný kníže*, Klicp.-PS; *velevážený* (dříve obyč. v titulech) — *důstojný a velevážený pane*, Jir.-PS, † *velešlechtný* (v titulech) — *Drahé památce Velešlechtné paní A. Hofmannové*, Štulc-PS; аналогично *veleslovutný*, *veleslavný*, *veledůstojný*. FS указывает фреквенцию всего лишь двух образований с *vele-*: *velectěný*, *velevážený* (оба используются, как правило, в составе отмеченных устойчивых сочетаний) — все восемь случаев употребления данных образований относятся к области художественной литературы. В современном языке прилагательные данной структуры встречаются относительно редко; они являются исключительно принадлежностью книжной лексики.

Стилистическая окраска книжности, выпренности, присущая указанным дериватам, диссонирует с общепринятой нормой современного литературного чешского языка. Это обстоятельство учитывается некоторыми авторами, намеренно включающими прилагательные с *vele-* в контексты иронического звучания.

Как правило, негативная оценка содержится в семантике всего высказывания в целом, а контраст между стилистической окраской деривата с *vele-* и стилем повествования данного отрывка усугубляет, нагнетает ее: *Není dnes času párat se se svým velectěným soukromým «já»*, Šal.-PS; *útrob svého veleobjemného těla nepřestoval*, Paleč.-PS; *Musím si pro něho vymyslet nějaký velemoudrý důvod*, Kříž. Den sy-na, р.п.; *Mezi nimi je také jeden takový človíček. Nezas-tává žádnou veledůležitou funkci, ale zase ne tak úplně bezvýznamnou*, VI. 20/63, редакционная статья; *«Vy tedy sloužíte u paní mistrové, převzácná a velevážená slečno?» tázal se posměšně*, Stroupežnický. Hum. čtení, 1875-A. В других случаях комический или иронический эффект достигается сознательным включением в контекстное окружение необычных для прилагательных с префиксом *vele-* определяемых существительных: *oblékal svůj promoklý, velectihodný kabát*, Pflég.-PS либо сочетанием *vele-* с лексикой иного стилистического плана; ср.: *Byla by-z toho velebřichatá kniha*, Šal.-PS; *Poznal jsem velmi mnoho ve-lenudných tvářů*, Pflég.,-PS.

Д е р и в а т ы с *roz-*(*rozto-*). Несмотря на их крайнюю немногочисленность, дериваты с *roz-* и *rozto-* относительно широко функционируют в литературном языке. Сказан-

ное в особенности относится к дериватам с *rozto-*, поскольку прилагательные с *roz-* в современном литературном чешском языке употребляются в очень ограниченной степени. FS приводит фреквенцию прилагательных *rozmilý*, *roztomilý*; зафиксировано 20 случаев употребления; за исключением одного, все они были отмечены в языке произведений художественной литературы. Характерно, что *rozmilý* зарегистрировано 4 случаями употребления, *roztomilý* — 16.

Сфера употребления дериватов данной структуры (в обоих случаях она очень сходна) с течением времени существенно не изменилась: они продолжают использоваться преимущественно в языке произведений художественной литературы. Большое количество прилагательных с *roz-* (в особенности) и *rozto-* было зафиксировано нами в лирических стихотворениях эпохи Возрождения: *moje rozmilá věrně slovo splnila*, Diblík, 1855-A; *Ach holoubka rozmilého na světě už není!* Hanka. Písně; *Ty Vltavinko spanilá vlastenci řeko rozmilá*, Chm. Kytka, 1838; *A hle! spatří vedle sebe rozmilého andělíčka*, Kamarýt. Básně; *Děvče české bývá hezké, utěšené, roztomilé*, Rub. Dekl., 1842; *Jako kdyby zrostla do poledne v máji za mírného slunce v roztomilém háji*, Hanka. Písně; *V sedmnáctém květnu prala, roztomilá holubinka*, Kamarýt. Básně. Прилагательные указанной словообразовательной структуры используются в произведениях прозаических жанров; однако и здесь имеющиеся эксцерпции относятся преимущественно к эпохе Возрождения: *Kdo zaopatří ty roztomilé panny?* Bibl. Jav., 1840, рассказ, р.п.; *Julie byla roztomilý diblíček*, Paleček, 1840/V; *Měla i holubičku bílou, roztomilou*, Mršt. Poh. m.; *jak jste otce i rozmilou máteř smrti ztratila*, Bibl. Vlas., I, рассказ, р.п.; *Co dělá rozmilá Agatka?* Kram. Polybius, повесть, р.п.; *držel krvavou hlavu rozmilé Marie*, Rett. Mař., рассказ, а.р. и пр. Зафиксированы случаи употребления данных прилагательных в языке произведений драматургии: *Tu jsme u mé roztomilé nevěsty*, Št. Div.; *Toť je roztomilý nápad*, Rett. Růže; *Bylo to roztomilé svolení!* Hn. Náml.; *Jste vždycky roztomilý!* V + W, I. Анализ показывает, что исследуемые прилагательные употребляются преимущественно в литературных жанрах, характеризующихся простым стилем повествования, близким к разговорной речи. В произведениях высокого стиля они встречаются относительно редко; ср.:

Roztomilý slouho všechněch slečen, Hn. Děvín, поэма, р.п. Нетрудно убедиться, что присущая данным прилагательным эмоциональная нагрузка, отражающая чувства любви, симпатии и т. д., обуславливает использование этих образований в текстах произведений лирических жанров и, напротив, препятствует их употреблению в языке научных сочинений, характеризующихся строгостью, бесстрастностью повествования. Отмечены факты использования дериватов с *roz-*, *rozto-* в контекстах, насыщенных иронией, уничижением и пр. — в этих случаях доля участия прилагательного в возникновении указанной эмоциональной окраски является минимальной: префиксальный дериват, контрастируя со смыслом высказывания в целом, может лишь оттенять, усиливать его ироническое звучание: *poskytuje roztomilé podívání, když mnohý na svět kouká jako někdo na nová vrata*, Tyl. Pr. posel, полит. очерк; *Byl to roztomilý pan kantor, ten pan Metternich*, Ibid.; *Jest to v skutku roztomilý hostinec! neboť oč k večeri požádá, ničeho neobdrží*, Paleček, 1843, рассказ, а.р.; *Vy snad žárlíte? Totě roztomilá vašeň*, Hn. Náml. Используются указанные прилагательные и в языке периодических изданий (мы уже наблюдали это выше на примере политических очерков): *činohra s rozmilou rytinou*, KVN, 1820 — сообщение о новых книгах; *panuje u nás nesmyslná móda navlékat chlapečkům dlouhé kalhoty jen proto, že to mamince připadá roztomilé*, VI. 22/63, очерк; *na hlavě šátky nebo roztodivné čepice*, VI. 41/62, письмо в редакцию; *přizdobí větvičkami, kterým příroda dala roztodivné podoby*, VI. 32/63, очерк; *šestileté dítě nosí na svatčinu ohromné balíky roztodivného jídla*, Ibid., письмо в редакцию; *dětskou konfekci roztomilou*, VI. 34/62, очерк. Здесь, как и в других случаях, отдается предпочтение прилагательным с *rozto-*.

Исследование фактического материала позволяет установить типы контекстных окружений, в которых относительно часто отмечаются данные прилагательные. К ним относятся: а) высказывания о детях, речь детей: *měla na klíně roztomilé děvčátko*, VI. 26/63, письмо в редакцию; *Maminka malého roztomilého chlapečka*, Ibid., очерк; *Když mne choť milá roztomilou dceruškou obdařila*, Almanach, 1825, повесть, р.п.; *Roztomilé zvířátko*, Ibid., речь ребенка; *Tys roztomilé dobré dítě*, Tyl. Pr. posel, рассказ, р.п. Отсюда и использование данных дериватов

в языке сказок: *porodila dva roztomilé chlapce*, B. N. Vách, II, а.р.; *Bohdanka byla dělátko rozmilé*, Ibid.; *Klučik byl tak roztomilý*, Ibid. Неслучайно, судя по данным FS, *rozmilý* в 3 случаях из 4, а *roztomilý* — в 4 из 16 зафиксировано именно в языке произведений, предназначенных для молодежи; б) обращения (вероятно, для усиления их эмоционального воздействия): *rozmilá máti*, Rett. Mař.; *rozmilý streyčku*, Грам. Polybius; *O rozmilý Ježíši! Nebeský budíček*, 1770-A; *rozmilý příteli*, Dopisy Šaf. Pal.; *Plač můj rozmilý slavíčku! plač můj rozmilý měsíčku!* Věnes, 1836, лир. песня; *Mlčte, roztomilá tinko!* Almanach, 1825, повесть и т. д.

Дериваты с *arci-*. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет судить лишь о характере использования данных образований в чешском языке XIX в., поскольку в XX в. эта лексика практически не используется; полностью она отсутствует и в FS. Количество экскерпций невелико, поэтому установить приверженность дериватов с *arci-* к тем или иным сферам употребления литературного чешского языка не удастся. Можно лишь предполагать, что данные образования чаще использовались в языке произведений художественной литературы, прессе (обычно рецензии): *dílo to bude pro evropskou literaturu arcidůležitě*, Lumír, 1851-A; *tenkrát se mi zdála býti dosti švarnou, teď ji mám za arciošklivou*, Rittersberg. Kock. Trojlístek, 1854-A; *Jest arcipoetické dílo hloubky ohromné*, Květy, 1869-A; *Jest to (zubr) arciřidká zvěř*, Lumír, 1852-A; *arcivěrnému psu mír přikázala*, Rittersberg. Kronika, 1855-A; *jméno Jana Kochanovského tohoto arcigeniálního tvůrce literatury polské*, Koubek. Sp., 1859-A. Зафиксированы случаи употребления деривата с *arci-* в научном сочинении из области истории: *uvedení Němcův a katolíkův do města již arcihusitského*, Pal, Děj, III, 1851-A; «*Arcihusitští*» *krajové*, Rezek. Děj. nábož., 1887-A. Использование прилагательных с *arci-* с ироническим оттенком обычно зависит не столько от семантики деривата, сколько от контекста; ср.: *jakás arcicudná majitelka dívčího ústavu zakryti usilovala urážlivou nestoudnost rozličných antických soch*, Štolba. Humor., 1875-A; *nelzeť v ohledu tom (v pěstění zásad rovnosti a bratrství) vyjmouti ani národa vyvoleného, arcisobeckých a proti jiným národům arciaristokratických židův*, Světozor, 1867-A.

В чешском литературном языке XIX в. прилагательные с префиксом *arci-* являлись принадлежностью лишь письменной речи; есть основания полагать, что носителями языка они воспринимались как архаичные образования — неслучайно данные прилагательные нередко встречаются в языке переводов с греческого, написанных архаичным языком; ср.: *První vystupoval Lejódes, Ojnopovec syn, jenž jim (záletníkům) žertovzorem byl, jemu byly rejdy hanebné arciprotivny*, Mejsnar. Hom. Odys., 1873-A; *chmurné noci on podobal se třímaje obnažený luk a šíp natěživě lučištné, děsno kolem hleděcí, jenjen střelil arcipodobny*, Ibid. и пр. Следует заметить, что префикс *arci-* может использоваться и при словопроизводстве имен существительных. Здесь он привлекается для образования обозначений различного рода высокопоставленных лиц (*arcivévoda, arcioučedník, arciděkan, arcibiskup, arcikněž*). Относительно большую словообразовательную активность он проявляет при словопроизводстве десубстантивных имен существительных со значением интенсификации; ср.: *arcichrám PS, arcířemeslník J., arcihudebník PS, arcimistr PS, arcioučitel PS*; ср.: *uvidíme kolonádu velebného královského arcipaláce*, Klostermann. Babel., 1907-A. Однако главным образом в сферу словопроизводства вовлекаются основы негативной семантики *arciblázen, arciodštěpenec, arciuřhač, arciprase, arcipadouch, arcipokrytec, arcipodvodník, arcidarebák, arcicopař, arcibludař, arcizloděj, arcizrádce, arcilump, arcilotr, arcikacíř*; ср.: *Za osla, za arciosla, jej považuji*, Vrchlický. K. král., 1908-A. В ряде случаев иронический оттенок появляется и у дериватов, образованных от основ с позитивной или нейтральной семантикой; ср.: *arciobčan PS iron.*

Д е р и в а т ы с *hyper-*, *ultra-*. Данные префиксы начали использоваться в чешском литературном языке главным образом с конца XIX — начала XX в. Частотность прилагательных указанной структуры невелика (в FS они полностью опущены), количество экскерпций ограничено. В результате того, что префикс вносит значение чрезмерности проявления некоторого признака, дериваты нередко приобретают негативную окраску. Основной сферой употребления прилагательных с префиксами *hyper-*, *ultra-* является, как правило, публицистика, пресса; ср.: *Naši mladí jsou někdy hyperkritičtí*, Práce, 1960-A; *byla by hudba prohlášena za dílo ultramodernistické*,

Smet. -PS; *Recitátor ultramoderních básní*, John.-PS; *ultra-komické karikatury*, Čap.-Ch.-PS; *obuv opouští ostrou špičku a ultraštlhlé podpatky*, Vl. 33/66; *Dokázali díky rafinované a ultratajné realizaci bleskového nápadu uniknout novinářům a fotografům*, Vl. 32/66.

Следует учитывать, что не все прилагательные с префиксом *ultra-* наделены значением интенсификации признака. Не представлено указанное значение у калькированных образований типа *ultrafialový*, *ultračervený*, используемых в сфере специальной терминологии. Префикс *ultra-* в этом случае привносит значение 'находящийся за пределами, сверх' — ср. русск. ультрафиолетовые лучи 'невидимые глазом короткие лучи, лежащие в спектре за фиолетовыми' («Словарь русского языка». М., 1953 — составитель С. И. Ожегов).

Рассмотрение семантики и функционирования префиксальных прилагательных позволяет нам сделать ряд обобщений. Представляется возможным расклассифицировать словообразовательные типы с учетом их специализации. Так, можно выделить: а) словообразовательные типы с префиксами *pře-*, *vele-*, *roz-*, *rozto-*, *arci-*. Образованная по ним лексика содержит преимущественно позитивную экспрессивную оценку (здесь и ниже имеется в виду преобладающая у данного словообразовательного типа экспрессивная нагрузка). Использование дериватов указанной структуры в контекстах негативного звучания допустимо, но, как правило, представляет собой факультативное, спорадическое явление; б) словообразовательные типы с префиксами *pra-* (*prach-*), *hyper-*, *ultra-*. Образованная по ним лексика нередко выражает негативную экспрессивную оценку, конституируемую вне контекста и обусловленную семантическим взаимодействием компонентов словообразовательной структуры слова.

Анализ характера функционирования префиксальных прилагательных позволяет установить, что наиболее универсальными являются дериваты с префиксом *pře-*. Данные прилагательные относительно свободно употребляются в различных сферах применения чешского литературного языка, в том числе в языке научных сочинений, где они могут использоваться не только в тексте научной прозы, но и в составе терминологических обозначений. Дериваты иной структуры имеют обычно достаточно четко отграниченную сферу употребления. Так, прилага-

тельные с *pra-* (*prach-*) используются преимущественно в языке произведений художественной литературы (прозаические жанры), прессы (жанр политического очерка, памфлета, полемически направленных публикаций). Прилагательные с *vele-*, *roz-*, *rozto-*, *arci-* обнаруживаются чаще всего в языке произведений художественной литературы, причем дериваты с *vele-* тяготеют к жанрам высокого стиля; дериваты с *roz-* (*rozto-*) чаще отмечены в лирических стихотворениях. Прилагательные с префиксами *hyper-*, *ultra-* встречаются преимущественно в прессе, публицистике. В связи с тем, что прилагательные с *pře-* наиболее универсальны, возникает возможность появления зон пересечения сфер их функционирования с дериватами иной структуры (например, в пределах произведений высокого стиля используются дериваты с *vele-* и *pře-* и т. д.). Идентичными могут оказываться и типы контекстных окружений.

III. Функционирование суффиксальных дериватов

Тип А. Выразительная эмоциональная насыщенность большинства суффиксальных дериватов, их способность передавать разнообразные, весьма конкретные эмоциональные оттенки накладывает определенные ограничения на сферу использования данных прилагательных. В чешском литературном языке прилагательные типа А наиболее широко отмечаются в произведениях художественной литературы. Неслучайно, из 204 случаев употребления, фиксируемых в FS, 186 приходится именно на долю произведений художественной литературы. Удастся установить наличие вполне определенной зависимости между жанром литературного произведения, с одной стороны, и характером и широтой использования в них данных прилагательных, — с другой. Особое пристрастие к прилагательным типа А отличает произведения лирических жанров (как прозаических, так и поэтических), выразительные в эмоциональном отношении, раскрывающие внутренний мир человека, его переживания, настроения. Напротив, реже они встречаются в языке произведений, относящихся к лирико-эпическим или эпическим жанрам. Почти не отмечаются данные прилагательные в текстах од, поэм, трагедий и других произведений так

называемого высокого стиля, написанных обычно сугубо книжным языком, проникнутых возвышенной патетикой. Особенно отчетливо жанровая обусловленность использования анализируемых нами имен прилагательных прослеживается в конце XVIII — начале XIX в., когда еще сохранялись следы присущего классицизму закрепления за теми или иными жанрами определенного стандарта, набора выразительных средств.

Период, в течение которого велось наблюдение, характеризовался сменой различных, нередко существенно отличавшихся одно от другого литературных направлений, каждое из которых выдвигало на первый план те или иные жанры. В связи с этим смена литературного направления оказывала косвенное влияние и на характер использования прилагательных со значением интенсификации. Так, наибольшего масштаба употребление указанных прилагательных достигало в первой половине XIX в., когда господствующим литературным направлением был сентиментализм, сменившийся затем романтизмом. Литературные произведения этого периода уделяли много (подчас гипертрофированно много) внимания освещению эмоциональной жизни человека, его переживаний преимущественно любовного плана. Широко культивировались лирические жанры: стихотворения, романсы, песни, идиллии, баллады. Активное вовлечение в сферу литературного обихода прилагательных со значением интенсификации (а также деминутивных существительных) как средства эмоционального воздействия в этих условиях представлялось вполне правомерным, однако нередко оно превышало допустимую грань, в результате чего язык произведений становился слащавым и сентиментальным⁵⁰. Явная перенасыщенность текста произведений такими прилагательными, так же, как и частые случаи их необоснованного, механического употребления,

⁵⁰ Ср., например: «Все должно было быть причесанным, приглаженным, сладким, сентиментальным... Со всей придирчивостью требовалось, чтобы все было самым маленьким, самым приглаженным, самым сладеньким, так, чтобы ни одно слово не проскользнуло в своем естественном облике, оскорбляющем слух и вкус бидермейеровского мещанина... Ничто не может быть настолько малым, чтобы его нельзя было бы еще более уменьшить, сделать удобоваримым для хилого духа мещанина» (Ю. Ф у ч и к. Божена Немцова борющаяся. М., 1951).

пагубно отразились на репутации данной лексики как выразительного средства⁵¹. В связи с этим впоследствии, в особенности после укрепления реализма как литературного направления, употребление прилагательных со значением интенсификации не только пошло на убыль, но и стало более строгим и целенаправленным. Несмотря на то, что по-прежнему использование данных прилагательных в известной степени зависит от жанровой принадлежности литературного произведения, тем не менее эта связь становится все менее прямолинейной и очевидной. На первый план выдвигается контекстуальная обусловленность, согласно которой употребление прилагательных со значением интенсификации диктуется характером объекта повествования, отношением к нему говорящего, а также настроением субъекта. Неудивительно поэтому, что в высказываниях о предметах или явлениях, импонирующих субъекту, вызывающих его положительную реакцию, он не скупится на прилагательные со значением интенсификации, позволяющие ему зафиксировать, обозначить свое эмоциональное «я»⁵². Показательно, например, что в стихотворениях философско-религиозного содержания, затрагивающих абстрактные темы, являющиеся скорее предметом разума, нежели чувств, данные прилагательные практически не употребляются, и, наоборот, в произведениях, посвященных обычной, житейской проблематике, эти дериваты встречаются широко.

Существует определенная зависимость и между использованием анализируемых имен прилагательных и

⁵¹ Негативное отношение к использованию лексики подобного рода отчетливо сквозит, например, в следующих отрывках: *Dítě se učí řeči od svého okolí. Je proto třeba, abychom se na ně v době, kdy už tvoří slova i věty, mluvili správně, nenapodobovali jeho «mazlivé» tvary a neužívali zbytečně zdobnělin*, VI. 7/63, очерк; *Ano, ale když se začnou cukrouškovat, tak se dělá jednomu nanic. «Papínkej, pejsánku», «Vezmi si rybičku v olejčku», «Ty máš ráda šunčičku, veveříčko. Hnus!»*, VI. 52/62, сатир. сценка.

⁵² Примечателен пример, демонстрирующий использование демиnutивного существительного и оценочного прилагательного для усиления эмоционального воздействия высказывания: *Tu se jim zjevila baba, tak škaredá, že se jí náramně ulekly. «Co tu hledáte?» křikla na ně, až se jim srdce strachem zatřáslо. «Ach, zlatá babičko», odpověděla Popelka, B. N. Bách.*, I. Далее: *Hop, hop, hop, hup, hup, hup, hup, poskakujte, dobroučké hodinky, nelenujte!* J. J. Ryba. *Kancionálek. 1808-A* (обращаются к часам дети, нетерпеливо ожидая, когда им будут вручены рождественские подарки. — Г. Н.).

адресатом, к которому обращено повествование. Особенно наглядно это прослеживается в произведениях, предназначенных для молодежи, в первую очередь для детей. Произведения этого рода, как и вообще высказывания о детях, обычно изобилуют прилагательными со значением интенсификации. В большом количестве представлены данные образования и в речи детей, фиксируемой в литературных произведениях⁵³. Приведем несколько примеров: *pokojně spal malinký chlapeček, jeho syn, Kříž. Den syna*; *Podívej se, jaké má prsty, jako člověk, jenže malinké, Ašk. Et. d. a nd., рассказ, р. п. (о новорожденном)*; *buclaté ručky s dolíčky, ty vlásky jako len měl by můj synek maličký, Vl. 10/63, лир. стих.*; *mne se stydět nemusíš, já tě již maličkou kourávala, holičkou, Holecěk. Naši, 1923-A*. Прилагательные типа А широко используются в таком преимущественно «детском» жанре, как сказка: ср.: *Truhla byla plničká zlata, B. N. Bách., II, а.р.*; *pohlížela jak jí bělounek mlíčko chutná, Ibid.*; *chudým dříví štípal za malinký peníz, Šum. M. čít., а.р.*; *byl na tom místě tenoučký jabloňový proutek, Erb. Č. poh., а.р. и пр.* Неслучайно FS фиксирует 61 случай употребления суффиксальных дериватов в литературных произведениях, предназначенных для молодежи (максимальное количество случаев употребления отмечено в беллетристике — 93).

Было установлено, что на протяжении исследуемого периода прилагательные со значением интенсификации⁵⁴ использовались в рамках примерно одних и тех же литературных жанров, как прозаических, так и поэтических. Важно отметить, что в отличие от префиксальных дериватов, использование которых довольно четко дифференцировано друг от друга, суффиксальные дериваты, образованные посредством наиболее продуктивных суффиксов *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*, употребляются в сходных условиях. В большинстве случаев не удается обнаружить

⁵³ Ср. следующее высказывание: *Děti jsou malé, a proto milují zdrobněliny. Každé dítě chce mít něco docela malého, připadá si pak větší, L. Ašk. Bedýnka. Приведем еще один пример: A co koničku? povídá ten kluk — и здесь же бесстрастный комментарий взрослого: On je totiž po koních celý divý. Vl. 1/63, рассказ.*

⁵⁴ Рассмотрение функционирования первичных и вторичных дериватов будет проводиться порознь. Вначале мы остановимся на дериватах, образованных посредством суффиксов *-oučk-* *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*.

факты приверженности тех или иных литературных жанров или определенных контекстных окружений к суффиксальным прилагательным какой-то одной словообразовательной структуры. Согласно имеющемуся у нас материалу, наибольшее количество случаев употребления приходится на долю прозаических произведений, где они встречаются в равной степени в речи как автора, так и персонажей. Ниже мы приведем лишь некоторые примеры, иллюстрирующие употребление прилагательных в языке произведений различных жанров.

Старый период: *pronikalo slabounké světlo*, Čechoslav, 1820, рассказ⁵⁵; *Na měkoučkých peřinách odpočíval*, Ibid.; *kratičkou vykonal modlitbu*, Ibid.; *čiši nápoje sladinkého*, Ibid.; *děvče třáslo se celinké na všech oudech*, Ibid.; *Malounké vlny nás kolíbaly*, Ibid., 1821; *spatřila v tichounkém háji konvalinky*, Jindy, рассказ; *každinké slovo poznamenal*, Ibid.; *každickou žádost její vyplnil*, Нв., 45/VIII, рассказ; *nohavice z tenoučké látky*, Ibid., роман; *v tom skrovničkém hospodářství*, Крам. Léto, повесть; *lehký sen ji přemohl*, Ibid., идиллия; *vece staříčky rybák*, Čechoslav, 1820; *drahninký čas*, Vesna, истор. повесть; *na bělinkém loži*, Ibid.; *západní malincí větřínkové*, Hanka. Gesner. Idyly, идиллия, 1819-A; *Poručili lékař jen slabounkou citronovou vodu*, Rett. Rada; *způsob tak lehounký*, Šumavský. Navedení ke čtení; *Ctěte každickou dítěti ctnost*, Bibl. Jav, 2, 1833, беседа о воспитании детей; *Vzdělanost maličkových národů malicherná bývá*, J. Kollár, Kázně, 1844; *Libý větýrek tichounkou hladinou dýchal*, Vesna, записки путешественника. Ср. также в речи персонажей: *chceš bych opustil sídlo to tichounké*, Jindy, 1833, рассказ; *Milek sám bude mi malinkým ukazovati palečkem*, Lang. Sel., рассказ; *To vám bylo, jakoby celičkový les obživoval*, Ibid.; *ty, chladná zimol jak jsi zbělila lehounkým sněhem*, Ibid.

Новый период: *ta paní je útlounká*, Ašk. Et. d. a nd., рассказ; *vyplnul slaboučkou hrud*, Ibid., рассказ; *našel malinkou tužičku*, Ibid.; *milounká tvář*, A. Mrštík. Rok na vsi, роман, 1904-A; *kde se vzalo v slaboučkém stvoření tolik síly*, A. Mrštík. Poh. m., роман; *Hlučné uvítání lichotilo stařícké duši*, Ibid.; *Bála se pohladiť něžnoučkou pleť syna*,

⁵⁵ Все приводимые ниже примеры заимствованы из речи автора.

N. Fr. Tři, роман; *jemný obličej s bleďoučkou pletí*, Čech. Povídky, 1879-A; *bledý lehýnký ruměněc*, F. X. Svoboda. Povídky, I, 1885-A; *zahrál jsem kratičký motivek*, M. Kund. Sm. I., рассказ; *Mladičká učitelka vstoupila do strany*, Vl. 27/62, рассказ. Ср. также путевые записки: *hebounké pláže*, K. Čapek. Angl. listy, 1924-A; *kratinká přestávka a znovu ten rej*, Neruda. Paříž. obr., 1864-A; *Je (víno)laciňoučké*, K. Čapek. It. listy, 1923-A. Ср. в речи персонажей: *Jsi na tu samostatnost příliš mladounká, hezounká*, Krásnohorská. Povídky, 1885-A; *Co jsem se nalítala v lehoučkých šatech*, Ibid.; *ten mozek tak malinké zaujímá místo v hlavě*, K. Sv. Pov., рассказ; *miláčku, Zdeninka nadělala malinký dloužky, musíš pro ni sehnat peníze*, Běl. V.k. (в данном случае прилагательное со значением интенсификации в совокупности с деминутивными существительными оттеняет слащавость речи отрицательного персонажа).

Суффиксальные дериваты являются неотъемлемой принадлежностью языка поэтических произведений, где они встречаются прежде всего в лирических стихотворениях, песнях, романах и пр. Особенно наглядно это прослеживается в языке лирических произведений эпохи Возрождения. Удастся, в частности, установить факт особой приверженности к произведениям данного жанра дериватов *c-ink-*: *Kanářeček já outlíkný teskním den po Vás celínký*, Prvotiny, 1813-A; *Já si dávala na řadra tuto lilii bělinkou*, O. J. Pícek. Písně, 1852-A; *Zaslechne v upění sladinký hlas*, Ibid.; *Spoj mne s jedinkou*, Puchm. Nov. bás. I, 1798-A; *Angelských citů utěšený proud Ctibojův každinký prolívá oud*, Čechoslav, 1820, баллада; *Myška byla jedna mladinká, jako sníh a křída bělinká*; Chmela. Bajky, 1818-A; *Byl tam také jeden z kritiků, který z každinkého kusu,...* Rub. Dekl. 1839/III. Ср. современные стихотворения: *Malý Kolumbe, Ludvíčku Beethoveně, malinký Einsteine*, L. Ašk. Bedýnka; *Tam budem' trhat hrozinky a mandle, fíky, počkej pane! A citron zlatý celínký*, Toman. Bás., 1918-A и т. д. Широко используются в стихотворных произведениях большого и малого формата дериваты иной структуры.

Старый период (лирические стихотворения, романсы, песни, колыбельные): *Tilko jak sníh bělounké, nemám děvče hezounké?* Rozmanitosti, 1816-A; *Hrobko tichounká! Na tvé kvítí lůna bleďounká jasně svítí*, Dobroslav, 1822-A;

Tu pászly se ovce bělouнкé, jehňátka vedouce tichounké, Česoslav, 1821; Sladounkou ti z malounkého kašičku dám hrnečku, Hn. B. drob.; A když ji mladičkou uvidělo slunce, Lang. Sel.; Neněli měkoučké to mechové lůžko, Ibid.; košilečka bílá, červeňoučké spodky, šátek vyšívaný, k tomu černé botky, Heyduk. Básně, 1859-A и пр. Философско-религиозные стихотворения: Tak též bude věčně stále každické z Tvých vyřčení, Fr. Pap; эпиграмма: Minka zákon splniti se snažuje, když hned každického miluje, na němž hlavu mužskou vidí, Alm. Puchm., II; баллада: Zefír celoval je tichounký, Krok, 2, 1828; Sladičké dala jsem lásce svést, Česoslav, 1821; Hlas tichounký větrem šumí, Vesna.; басня: Tílka svého outličkého břechtan do výsosti pnul, Česoslav, 1820; Jakž jsi pěkná, sestro zlatá, jakž si všeka. hezoučká! žlutá, modrá, kropenatá, červená i běloučká, Alm. Puchm. II; оперное либретто: Zacházení sladounké, to čáry jsou lehounké, Jungmann. Únos ze serrailu, 1830-A; kéž jsem hlemeyžd malounký, skryl bych se v domku svém, Chm. Kouz. fl.; поэма: Kouzlo slunce v tichounkém usmání zdobí kvítím milovanou zem, Voc. Meč.; Ach, já, slabounká dívka — to můj teskný žal, Vesna; Mé pak oko téměř se už strání postavy té, sice hezoučké, ale divně tak a lehouchké, že ji zovu českou Bílou paní, Kollár. Slávy dc., 1832-A; Neztratila bych ji pro celičký svět, Hn. Jaromír.

Новый период (лирические стихотворения): *A růže (jest) tak milounké vůně, Hálek. Več. pís., 1859-A; Přístup k oknu ty mé zlato zářící a ryzounké, štíhlá loďko, tílko sladké, k objetí tak milounké, Nebeský. Novoř. písně, 1864-A; jen hvězdká drobná, maličká, však vlídná, světla plničká, Sládek. Básně, 1875-A; A koho (anděl) dotkne se, ten celičký se změní, Ibid.; kamkoli sáhla, naskočil čistouchký ledový květ, Neruda. Prosté mot., 1883-A; O, dívčích tváří, taky vy hezoučké! ó, modré oči i zlaté kšticel! ó, lokty růžové, ó, šíje heboučké, Vrchlický. Skr. zdr., 1908-A; A sedne si ke klavíru, a zahraje jim staříčký rokenrol, L. Ašk. Bedýnka; fialka malá modroučkým okem dívat se jala, Šmilovský. Básně, 1874-A; философские стихотворения: Velký svět není jí (zemí) ještě znám, však hezounká, milounká panenka, Neruda. Písně kosmické, 1878-A; Dokola jeho (měsíce) dětičky, drobounké, smavé hvězdičky, Ibid.; баллада: Ten šat mi, matko, nachystej — ten šat bělouнкý z atlasu, Hálek. Ballady, 1862-A.*

Большое влияние на стихотворные произведения эпохи Возрождения имели народные песни с присущим им набором выразительных средств. В этот период появилось большое количество стилизаций под народные песни, переводов песен различных славянских народов. Ср. *Sen se zdál tu kozáčenku divný, divňoučký, zpod pravé mu ruky vzletěl sokol jasňoučký*, Vymazal. Slov. poezie, 1874-A; *Podej ty mně louček tuhý, tuhoučký*; Ibid.; *Oh, ty nešťěstí, ty nehodo zlál Do čeho že si ty uvedla mladičkého sirotečka*, Čelakovský. Slov. nár. písně, 1827-A; *A mladounký ty kozáčku! Což ty neženíš se?* Ibid., 1822-A; *korál jsi s perlou, krev s mlékem bělounkým, dívčino sličná! S očkem milounkým!* Ibid.; *Ai, slavíčku, roztomilý, ptáčku malinký*, Jindy, 1833, 2; *se mnou mladičkou rozvesel se*, Čelakovský. Ohlasy r. Все это не замедлило сказаться и на характере произведений, прежде всего лирических стихотворений, заимствовавших подчас ритмический строй, порядок слов и выразительные средства⁵⁶, в частности, постоянные эпитеты из народных песен: входящие в состав постоянных эпитетов прилагательные со значением интенсификации употребляются в значительной степени автоматически, традиционно — их эмоциональная окрашенность несколько нейтрализуется, сглаживается: *Ach, tu mi bylo měkoučké lůžko. Čistá jasná vodička*, Čelakovský. Lit. nár. písně, 1827-A; *U matičky já miloučké jedinká dceruška, k dílu jsem se nelenila*, Ibid.; *Kytku vonnou z bělounkých nader sňala*, Čechoslav, 1820, лир. стих.; *Na ruce košíček plno v něm růžiček, mělo děvče to bělounké*, Ibid.; *konečně přišla doba blaha tvého, lehounkých snů*, Dennice, 1825, идиллия; *Ti mladíka s bělounkého strhli koníka*, Rub. Dekl., 1839/III, лир. поэма.

Большой интерес для нас представляет изучение языка произведений драматургических жанров. Имеющийся у нас материал был почерпнут в основном из пьес Я. Штепанка, В. Клицперы (эпоха Возрождения); для современного периода нами использовались преимущественно пьесы «Освобожденного театра» Й. Восковца и Я. Вериха. Было установлено, что исследуемые нами прилагательные отмечаются как в авторских ремарках, так и в речи пер-

⁵⁶ Ср. использование рефрена, типичного для народной песни: «*Ach sestro milá! — přemilá sestřičko!*» «*Ach duše mladá! — mladinká dušičko*», Langer. Selanky, 1830-A.

сонажей. Приведем здесь некоторые примеры (старый период): *Hlavu má špičatou, prsa drobounká*, Klicpera, Div. 2, Hadrián, 1822-A; *Jsou skutečně křehounké* (koláče), Klicpera. Praž. tet., 1863-A; *vdova ubohá bledoučká, na sklonu svých krásných dnů*, Doucha. Shakespear. Richard III, 1855-A; *Tu mě nechali samotnického*, V. K. Klicpera, Div. 3, Vožena, 1820-A; *s lahodničkými slovy čte mi mou svobodu*, K. H. Tham. Schiller. Loupež., 1786-A; *celičký den nic jiného bys nedělala, než si pořád fintila*, Št. Div.; *Vepřová pečinka, pěkně křehounká*, Štěpánek. Div., 1830-A; *Višli pak, že se mně líbíš, sladounká rozinko? Krášounká Rózinko!*, Ibid.; *Ale hezounké děvčátko věř mi*, Štěpánek. Alína; *Toť do milounké služby přišel! Zemanka je plna oukladů, plna zlosti, divných nápadů*, Jindy, 1833,2.

Известны случаи, когда Я. Штепанек, В. Клицпера и некоторые другие авторы для достижения комического эффекта сознательно создавали неологизмы по образцу прилагательных со значением интенсификации — *maloudrninký, maloudrlinký, malinkrlinký, malinkrlinkynký*: *V Čechách roste víno, je tam maloudrnynký vršiček. Je tak maloudrnynký, jako bambule sněhu!* Klicpera. Dvojčata, 1825-A; *jak jsou maloudrnynké* (květiny)! Klicpera, Almanach, 1829-A; *a tak pintu po pintě prázdníme, tak sice, že jsem tak malinkrlinkynkou opičku dostal* (т. е. слегка опьянел. — Г. Н.) J. N. Štěpánek. Div. X, 1824-A; *Jen kousek, jen malinkrlinký kousek*, Ibid.; *To se ví, maloudrlinkou za korunku nemůže být nic velikého*, Herrmann. O živých, 1928-A.

Возникновение подобных неологизмов является актом авторского «произвола»; как правило, они не выходят за рамки произведения, в котором появились. Широко используют прилагательные со значением интенсификации Й. Восковец и Я. Верих, превращая их в эффективное средство выразительной характеристики персонажей пьес. В текстах пьес этих авторов указанные прилагательные функционируют с насыщенной смысловой нагрузкой. Приведем несколько примеров (в отрывке идет речь о памятнике, который будет воздвигнут в честь одного из персонажей пьесы. — Г. Н.): Hans (ukazuje nepatrnou výši): *No, asi takhle počítám. Elisabeth: Malinký! Ty budeš malinký! To není možné. Tak nic. Socha bude alespoň v životní velikosti, nebo... V + W, I* (уничтожение, возмущение); *Tady je to miloučké*, Ibid. (речь сюсюкающих

дам); *Teď zbělel řidounký můj vlas, obočí moje pelichá, mžourají oči, oheň zhas*, Ibid.; *Kde ohnivě oči mé, kterými když jsem zamanula si, já každického nabrkla si*, Ibid.; *Kde je to čelo běloučké*, Ibid. (сожаление об утраченной красоте). Встречаются данные прилагательные и в тексте авторских ремарок, например, *Za scénou ozve se z velké dálky slabounký trojhlasný zpěv písně*, Ibid.

Суффиксальные прилагательные типа А фиксируются и в прессе, особенно в газетных и журнальных материалах, которые не столько констатируют различные события культурно-политической жизни, сколько квалифицируют их, выражают своеобразное авторское «я». Сказанное относится в первую очередь к очеркам, фельетонам, политическим комментариям, театральным, литературным обзорам и рецензиям. Часто встречаются данные прилагательные в письмах читателей, поступающих в редакцию, в ответах на них. Напротив, редко отмечаются они в текстах промышленных обзоров, научных статей, очерков, где на первый план выдвигается документальная точность и, соответственно, личность автора отступает на задний план. Впрочем, в газетах и журналах эпохи Возрождения подобное разграничение не всегда соблюдалось, поскольку в тот период газетный стиль как таковой не вполне еще сформировался. См., например, употребление исследуемых нами прилагательных в международной хронике: *kromě skrovničkého povstání vojáků*, KVN, 1790; *král jen v kratičském psaníčku*, KVN, 1820; *Maličký zástup vrazil*, Ibid.; *zemřel po kratičké nemoci*, Ibid. Пресса того времени широко использует прилагательные со значением интенсификации в языке политических очерков; ср.: *býval článku skrovňoučký, jakžtakž přistřihnutý*, Tyl. Pr. posel; *všecko v kratičském návrhu vězí*, Ibid.; *zprovodili ze světa nejhanebnějším způsobem ministra války, muže staříčkého, věrného*, Ibid.

Нередко данные прилагательные функционируют здесь с ироническим оттенком: *Jakoby v zákonní horlivosti své ani neviděli, že nebohé svobodě na outlounký krk šlapou*, Tyl. Pr. posel. Встречаются они и в текстах очерков, рецензий: *nemělbych odkrývati, že dílo jejich (spisovatelů) bez jiskry a ohně zůstane, nezahříváli se při něm mistr na víně aneb alespoň na sladounkém kafičku*, Jindy, 1833; *každinký blesk se stane ocelí*, Ibid.; *jeho botanická cena skrovňoučká bula*. Puchmaier. Šternberk. Poj. o byl. v Č., 1819-A;

Chrustačku v nose propichují, a skrze ni bud tenoučkový kamének anebo dřívko provlíkají, Přítel, 1807-A; в хозяйственных наставлениях: *Stran odpadání outlounkého ovoce není se co strachovati*, Jindy, 1833; в редакционных комментариях и обращениях: *máme tu jenom jedinké noviny Pražské*, Pražské noviny, 1847-A; *Jen pro nedostatek předplatitelů v kratičském čase trojí České noviny zahynuly*, KVN, 1820; *Nechť tedy Páni Milovníci mají maličké strpení*, KPN, 1791.

В современной периодике прилагательные со значением интенсификации встречаются преимущественно лишь в языке очерков, репортажей, фельетонов, рецензий: *Na obrazovce maličkový svazek radarových paprsků*, VI. 2/63; *S pomocí metody Ericha Seiferta bojují o každickou minutu času*, Ibid. 25/62; *žena bere do rukou tu křehoučkou krásu*, Ibid. 35/63; *nové kavárny s lehounkými křesly*, Ibid. 34/62; *Aby se z tvrdé, nevzhledné kůže stala měkoučká kožešina*, Ibid. 49/62; *Inu, hezounká jako obrázek je naše kosmonautka*, Ibid. 28/63; *kratinká tragikomická komedie*, Lier. Feuille., 1885-A; *Má nožky v uzounkých střevíčkách*, Květy, 20/62; *rozježení vlci pronásledují maličká kůzlátka*, VI. 14/62; *Repraesentanti mladinkého našeho umění*, Hlas: Neruda. Feuille. 1864-A; *celá souhra byla tak dokonalá, že se událo jen jediné lehýnké přeřeknutí*, Ibid. Div. ref., 1863-A; *Jeho (filmu) fabula je prostinká*, R. pr. 1963. Указанные прилагательные отмечены в таких рубриках, как беседы о воспитании детей: *Je hrozně málo, dáváme-li dítěti jen oblečení, stravu, když jim neumíme dát kouzlo být kratinkého záblesku důvěry a přátelství*, VI. 30/63; кулинарные советы: *na malinké kostečky nakrájenou slaninu*, VI. 33/63; *Tyto malinké chlebičky srovnáme na misku*, Ibid. 52/62⁵⁷; комментарий к модам: *bikiny s kratičkými kalhotkami*, VI. 26/63. Нередко представлены они в письмах читателей и в ответах на них редакции: *nesmím zapomenout ani na mladickou ošetřovatelku*, VI. 30/62; *Myslím, že by pokladní potěšila kratičká slova*, Ibid. 28/62; *Ale když od ní někdo nepřijme maličkou oběť*, Ibid. 49/62; *kdyby se nedostala protekcí na místo sice tak říkajíc teploučké*, Ibid. 4/64.

⁵⁷ Кулинарная рецептура вообще изобилует прилагательными со значением интенсификации и деминутивными существительными; ср.: *dej aspoň jen maloučkou špetičku*, Rett. Rada; *Co by z toho hebounké těstíčko bylo*, Ibid.

В заключение рассмотрим случаи употребления первичных дериватов типа А в языке научной прозы. Выразительная экспрессивная насыщенность является существенным препятствием, мешающим использованию указанных дериватов в языке научных сочинений, строгом, четком и, как правило, бесстрастном. Тем не менее деятели чешского Возрождения, создавая национальную научную терминологию, предприняли попытку использовать для этой цели и прилагательные интенсификации: *Pryskůřník maličký*, Presl. O přir. rostlin, I, 1823-A; *Jalovec nizounký*, Ibid.; *Kapara ostrounká*, Ibid.; *lupeny ostrounké*, Ibid.; *Leknín maličký*, Ibid.; *listy kořenové tuhounké*, Ibid. и др. Аналогичные попытки, помимо Пресла, предпринимали и другие авторы; ср.: *kromě tenounké kůry zemské*, Jindy, 1833, 2; *Ať jest věc dosti drobounká, nikdy se nebude rovnati bodu*, A. Marek. Zák. fil., 1844-A; *paprsky světla velmi teničké jsou*, V. M. Kramerius. Nový kal. toler., 1795-A; *P. Hněvkovský se pokusil celičkou balládu v daktylich složiti*, Alm. Puchm. II; *skrovničká částka uhlanu strontičitého*, ČČМ, 1838-A и пр. Впрочем, стремление включить данные прилагательные в текст научной прозы успеха не имело, поскольку они выглядели чужеродными вкраплениями, противоречащими общему стилю повествования. Ныне использование указанных прилагательных в составе научной терминологии сведено до минимума; ср.: (helmovka) *slaboučká*, Velenovský. Č. houby, 1920-A; *Pýchavka maloučká*, Macků. Č. houbař, 1913-A; *Strnad malinký*, Janda. Brehm. Život zv., 1928-A.

Несколько слов об употреблении дериватов с суффиксом *-itk-*. Как сам способ словопроизводства, так и образованная по нему лексика, в чешском языке исследуемого периода были полностью архаичными. Имеющиеся у нас примеры иллюстрируют случаи употребления лишь двух дериватов: *malitký*, *militký* — почти все они относятся к первой половине XIX в. Современные словари отмечают значение интенсификации лишь у *malitký*; *militký*, помеченное в PS и SSJČ знаком †, интерпретируется как ‘milý, milovaný’⁵⁸ (лишь VT определяет как ‘velmi milý’, помечая его одновременно как устарелое; в словарях

⁵⁸ Аналогичный комментарий предлагает и эксперт: *Nebesá, ostříhejte bratra mého i (dívku) jeho militkou*, Třebízský. Mart., 1882-A (=milý).

Котта и Юнгмана оно определяется как 'velmi milý, roztomilý'). Если судить по характеру эксцерпций, то данные прилагательные употреблялись, как правило, в языке произведений научной и художественной литературы (многие из них по характеру используемых средств являлись архаичными): *Jazyky těchto malitkých kmenův*, Šafařík. Slov. národopis., 1842-A; *při malitkých vzdálenostech*, Osvěta, 1873-A; *jedna malitká (tečka) dvoutisícový díl čárky obnáší*, ČČM, 1837-A; *Tato částka, buď ona jakkoli malitká, nicméně zůstává časem*, A. Marek. Zák. fil., 1844-A; *Nostřek malitký*, Presl. O přir. rostlin, I, 1823-A. См. также в произведениях художественной литературы (многие из них по характеру используемых средств являются архаичными): «*militký synul*» *odvece matka*, Hyllos, I, 1821-A; *militká sestřičko!* Čechoslav, 1821, рассказ, р. п.; *dostihli do té chaloupky malité*, Sušil. Anthol. Ovid., 1861-A; *po malité chvíli lodí dostihla Achaiských*, Vlčkovský. Hom. Iliada, 1842-A⁵⁹; *Hus: «Ó, militký, na vítězství jsem věru nemyslel»*, Rokyta. Hus, 1919-A; *zaměřil přímo do domu na malitký domek*, Arbes. Mrav. rom., 1880-A; *chvílemi malitkými zatínala žena nehty v kámen*, Winter. Rak. Obr., 1888; (vlašovice) *z malitého sídla pod římsovým k pouti rozepjaly křídla*, Čech. Dagmar, 1885-A; *Opět militké pruhované chaty*, Čech-PS и пр.

Функционирование остальных первичных дериватов, зафиксированных единичными примерами, специально рассматриваться не будет.

Ниже мы рассмотрим употребление в литературном языке исследуемого периода вторичных дериватов со значением интенсификации. Данные образования, имеющие несколько громоздкую структуру, отличаются высокой экспрессивной насыщенностью и очень низкой фреквенцией. Неслучайно поэтому в PS образования этого типа несут ограничительные пометы, в ŠSJČ многие из них не представлены вообще. Полностью отсутствуют они в FS. Вторичные дериваты иллюстрированы небольшим количеством примеров как в наших собственных эксцерп-

⁵⁹ В этом же произведении встречается прилагательное *hladitký*: *Přes pravo přes rameno (Dolonovo) přeletěvši dřevce hladitké v zem se zabodlo.*

циях, так и в эксцерпциях архива ИЧЯ⁶⁰. Согласно комментариям грамматик XIX в. (например, Я. Неедлого, К. Страшкевича), указанные прилагательные использовались главным образом в шутливой, интимной речи, а также в высказываниях детей.

Аналогичные закономерности характерны и для современного чешского языка. По наблюдениям носителей языка вторичные дериваты нередко фиксируются в произведениях художественной литературы, особенно детской. Широко представлены они в разговорной речи, а также в речи детей — в частности, здесь активно используется прием многократной редупликации; ср. *malininký* и пр.

В нашем распоряжении имеются примеры, иллюстрирующие употребление вторичных дериватов в языке литературных произведений различных жанров. Наиболее часто они отмечены в прозе, реже — в поэзии (видимо, препятствовала громоздкость структуры слова, чрезмерно осложнявшая рисунок стиха). Приводимые ниже примеры заимствованы из произведений, принадлежащих к различным родам литературного творчества — прозе, поэзии, драматургии.

Старый период: *na malíku maloulinký černý proužek měla*, Pal. 43/IX, рассказ, а. п.; *držela malilinkou lahvičku*, Janda. Pod. Výš., 1809-A; *uprostřed rynku malininké krámky*, Čes. včela, 1847-A; *můžeme malininké věci zhotoviti*, Bibl. Jav, 3/1836, рассказ, р. п.; *Nu motýlku v krásném tílku, maloulinké ty zvířátko*, Štulc. Bajky, 1844-A; *tys (střízlíčku) hezoulinký, višňový, malilinký ptáček*, Chmela. Bajky, 1818-A; *Byla jich hned plničká zem*, Hn. Děvín, поэма, а. п.; *Vězela mi celičká v mozku*. Ibid., р. п.

Новый период: *malininká Etl se sladkýma očima*, Ed. Bass. Povídky, 1956-A; *blechy byly zapřaženy do malilinkých kočárků*, Čech. Humoresky, 1887-A; *Jedno jej (собаку. — Г. Н.) bolelo, že jej spráskla právě ta milá ruka*.

⁶⁰ Ср. следующие данные, отражающие иллюстрированность примерами суффиксальных дериватов первичного и вторичного типов в архиве ИЧЯ: *celinký* 60, *celilinký* 1, *celininký* 1, *celičký* 94, *celičičký* 1; *drobounký* 134, *droboulinký* 25, *drobouninký* 2; *hezounký* 119; *hezouninky* 2; *jedinký* 174, *jedininký* 3; *kratičký* 184, *kratičičký* 2; *maličký* 268, *maličičký* 12, *malilichký* 3, *malinký* 129, *malininký* 4, *malilinký* 44, *malilinkatý* 2, *malinkatý* 9.

Jenom jednoho, jedinynkého kohoutka jí zakous', Mršt. Poh. m., p. p.; Je slyšet křehoulinký zpěv ptáčka, T. Svato- pluk. Země, 1954-A; odpověděla hlasem náhle slaboulinkým, Ašk. Et. d. a nd., рассказ, a. p.; Malinká je naše růže, maloulinká ještě, Heyduk. Básně, 1865-A; Tam (na lu- činách) jest medu navařila (včelka), tam jest balzám při- pravila ve hrníčkách maloulinkých, v kotlíčkách droboulin- kých, palec by v ně nevešel se, na malík by velké byly, Ho- leček, Kalevala, 1894-A; tolik medu, tolik vůně a tak dro- boulinké kvítko, Neruda. Prosté mot., 1883-A; pot marně cedil oráč: mladoulinké, než vousy narostly mu, shnilo žito, E. A. Soudek. Shakespeare, Komédie, II, 1955-A.

Вторичные дериваты встречаются, как правило, в произведениях, характеризующихся простым, общедо- ступным стилем повествования; отмечаются они и в выс- казываниях, содержащих элементы народно-разговорной речи и диалектов; ср.: *navlík' na sebe zimník novičičkej, zrovna od krejčího*, Stašek. V tem. víru, 1900-A; *Jaj tu sú hezulilinkej panáček*, A. Mrštík. Rok na vsi, 1904-A.

Отдельные случаи употребления дериватов со встав- ными морфемами отмечаются в языке прессы; ср.: *co jsem dostal? I malounininký soránek* (из текста письма в редакцию) — ответ редакции: *ten jste nepochybně již měl, jen že jste to pro jeho malounininkost snad ani nezpozoro- val*, Tyl. Pr. posel; *vida, že kleje na soru* (на реакционеров, отсталых людей. — Г. Н.), *musím se pousmát, neboť maloun- ininký soránek má také*, Ibid., редакционный коммента- рий к политическому очерку; *sladoulinkým úsměvem*, Čes. slovo, 1942-A.

В эпоху Возрождения предпринималась попытка вве- сти данные прилагательные в текст научных сочинений, различного рода хозяйственных и других наставлений (в составе научных терминов эти образования обычно не фиксируются, исключение составляют, например, *krátulen- konožičkatý pryšec; krátulenkostopkatý květ* — Reuss. Května Slov., 1853-A). Ср.: *Podle Leuvenhocka potové dír- ky tak jsou malilinké, že jeden písek 25.000 jich přikrývá*, Tablic. Dietetika, 1819-A; *Semena drobničičké*, Rostl. III- J; *Lupeny pyskem vnitřním krátulenký*, Reuss. Května Slov., 1853-A; *mázdra teničičká semena zaobalující*, Presl. O přír. rostlin, 1820-A; *Plod (pryskyřníku litého) kratič- ičký*, Ibid., 1823-A; *Pyl (leknínu bělostného) drobničič- ký*, Ibid.; *Mouka jest drobničičká*, Ibid.; *zavírá síran váp-*

ničitý v maličičkém množství, Krok, 1831-A; (Semeno) *má podobu jako maličičká ledvinka*, Puchmajer. Hospodářství, 1817-A; *jen že se někdy malouličký pupen ukazuje*, Krav. pešt., 1801-A. Впрочем, яркая эмоциональная окрашенность прилагательных данной структуры (более насыщенная, чем у первичных дериватов) в языке научной прозы, чуждом эмоций, оказалась неуместной. Это обстоятельство и помешало указанным прилагательным укрепиться в данной сфере применения литературного языка.

Дериваты, образовавшиеся в результате нанизывания морфем, также характеризуются низкой фреквенцией и встречаются почти исключительно в произведениях художественной литературы; ср.: *chlácholivě broukaly: jen taková malinkatá operace to bude*, Šrámek. Osyka, 1912-A; *uchopila za obrubu malinkatého šátečku*, K. M. Čapek. V třetím dvoře, 1895-A; *přistoupíte-li blízko, hodně blízko, objevíte droboulinkatý nápis český*, Čech. Humoresky, 1887-A; *malinkaté vrtáky, z nichž mnohé lze vidět jen pod mikroskopem*, Práce, 1961-A; *řekla, od koho dostala to malinkaté plavé štěně*, Vl. 4/63, рассказ, а. р.; *dovedou zničit svými droboulinkatými nárazy lopatky turbíny během několika dnů*, Liter. pov., 1959-A и пр.

Тип Б. Ярко выраженная экспрессивная насыщенность данных прилагательных отчасти объясняется их стилистической чужеродностью в литературном языке. Неслучайно прилагательные типа Б относительно широко фиксируются в речи персонажей, встречаются в текстах, отражающих особенности разговорной речи: *Já mám hrozitánskou rýmu*, Paleček, 1878-A; *Mohl bych ti vypravovat dlouhatánskou historii*, Třebízský. Sp., 1885-A; *Mám před sebou dalekánskou cestu*, Holeček. Jun pís., 1874-A; *Stalo se mu hrozitánské neštěstí*, Světlá. Č. Petr, 1876-A; *Z takových námluv nic jiného nekouká než dlouhatánské průtahy*, Klostermann. Mlhy na Blatech, 1909-A; *A kluk pitomá takové ti dělal dlouhatánské kroky*, V. a B. Mrštíkoví. Anežka, 1912-A; *Led je takhle tlustánskej-PS; napsal jsem dlouhé, dlouhatánské psaní*, Mň. Rep., рассказ, р. п.; *a ten velikánský kopec to je Tanvaldovský špičák*, Vl. 9/63, очерк, р. п.; *já bych chtěla dát mamince takový dárek. Aby z něj měla velikánskou radost*, Květy, 51/63, рассказ, р. п.; *nedovedu si představit, že by ten kvartýr za těmi širokánskými okny nám říkal pane*, Vl. 15/63, рассказ, р. п.; *u trolejbusových a autobusových zastávek stojí dlouhatánské*

fronty, VI. 10/62, рассказ, а. р.; *zahoukal ze spaní jako lokomotiva, jaké máš asi sny? Někde za tvým čelem jezdí dlouhatánské vlaky*, VI. 40/64, статья — разговор с ребенком.

Факт стилистической чужеродности ⁶¹ дериватов с *-ánsk-* отмечают и словари — PS квалифицирует их как фамильярные, в Грамматике Травничка они определяются как разговорные образования.

Прилагательные типа Б встречаются обычно в составе экспрессивно насыщенных контекстов, отражающих эмоциональную реакцию субъекта — в одних случаях позитивную (восхищение, восторг, удивление): *V nádvoří roste klen mohutánský*, Heyduk. *Symbál a h.*, 1876-A; *velikánský sibiřský cedr hrdě k nebi se vypínal*, Posp. Pavel; *Toho dne podali si bratři jednoho velikánského plemena ruce*, Pr. posel, полит. очерк; *skví se už velikánská kytka před jejím oknem*, Jindy, 1833-2, повесть; *když Moranu Zpěvoš velebil odou velikánskou*, Kamarýt. Básně; *Tuť jen sochy velikánských mužů*, Bibl. Jav., 4/1838, дневник путешественника; в других случаях — негативную (неприязнь, гнев, ирония): *ozdoba mužská, velikánské parohy*, Jindy, 1833, стих; *v sukni obtahující jí širokánské boky a ve svetru, který jí visí na vpadlé hrudi*, O. Bojar. Čtvrt., роман, а. р.; *seděla asi čtyřicetiletá panna — na hlavě čepec s velikánskou mašlí*, Paleček, 1842/V; *Obrovitánské problémy! Ze stárnu. Ze jsem despota! Krucinál, co si ještě vymyslím*, O. Bojar. Čtvrt.; *Ve Vídni píchli v březnu také do hrozitánského hnízda vosího*, Pr. posel, редакционный комментарий; *z Pr. Posla udělal se říšský poslanec! — na mou věru! hrozitánský krok*, Ibid.; *Vyhrnuli se dva velikánské draci, měli oči jako ohnivá koule, a zuby dlouhé na půl lokte*, Jindy, 1833, 2, сказка, а. р.; (о невесте) *Ach, ona jest pravý poklad! — Jenom ať tě ten velikánský poklad nikdy neomrzí*, Hn. Náml, пьеса; следует заметить, что доля контекстов с негативной окраской в целом не очень велика, поэтому нам представляется не вполне правомерным квалифицировать прилагательные данной структуры как пейоративные. Пожалуй, с большим основанием их можно назвать аугментативными или

⁶¹ Ср. также комментарий эксцерптора: *Ale ty dlouhanánské lavice*, Hálek. Komed., 1861-A (= *velmi dlouhý*, vulg.).

«неласкательными» (в противовес «ласкательным» — группа А).

Еще большей экспрессией насыщены дериваты типа Б вторичного порядка, фреквенция этих прилагательных предельно низка: *Takové hezounké stavení je to, vypadá to jako velikananánský zámek*, Kronb.; *šel do velikananánského lesa*, Bass; *Měl velikananánské boty*, Kam. Bedn.-PS; *Až teprv po dlouhanánánské chvíli přiletěla (služka) červená, udýchaná*, Rais. Káča, 1906-A; *kluk v dlouhanáckém kabátě*, Gogol. Zábav. spisy, 1847-A; *Tak to byl tichý dvorec v širokanánánských polích a lukách*, F. X. Svoboda. Dědečk., 1897-A; *S dlouhanánskou dýmku v ústech*, Čech. Něk. pov., 1888-A; *někdy zatřepala se na stěně ruka jak obrovský hřeben, dlouhanácké nosy a nevídané obludy*, Lier. Magdalena, 1918-A. Яркую экспрессивную нагрузку несет и дериват *dlouhatánský*, образовавшийся в результате нанизывания морфем: *dlouhatánské řady suchých letopočtů*, Athenaeum, 1891-A; *silnice dělá dlouhatánské zákruty*, L. Kuba. Křížem, 1956-A; *Uvnitř našla dlouhatánské psaní, čtyři stránky*, N. Fr. Tři, роман, а. р.; *tento chaos učinil Rusko na dlouhou, dlouhatánskou dobu neškodným ústředním mocností*, Dyk. Můj př. Čehona, 1925-A и пр.

Изучение материала показало, что прилагательные типа Б имеют низкую фреквенцию (на протяжении исследуемого периода нам не удалось наблюдать заметных сдвигов в частотности употребления данных прилагательных). Чаще всего они употребляются в языке прозаических литературных произведений, а также в прессе (обычно в текстах очерков). В поэтических и драматургических произведениях они отмечаются реже. Не были зафиксированы эти прилагательные и в текстах научных описаний. Приведем некоторые примеры из прозаических произведений, дополняющие указанные выше: *stínové velikánští vystávali*, Almanach, 1825, рассказ; *Stařenka s tím přicházela jako s hrozitánskou událostí*, Rais. Za svět, 1896-A; *paruku s dlouhánánským copem*, Herrmann. Pátá přes d., 1895-A; *šel jsem k velikánskému oknu našeho malého hotelu*, Ašk. Vej., рассказ; *co prožil za tu dlouhatánskou dobu*, VI. 24/63, роман, а. р.; *panímáma se širokánánskou zástěrou*, K. M. Dobří nepláčou, а. р.; *přikryl svým ukrutánským kloboukem*, B. N. Bách, I, а. р.; *nesa si velikánskou flašku*, Št. Alína, пьеса, авторская ремарка; стихотворные произведения: *Najdeš všude takovánské zběřel!* Hn. Děvín,

поэма, р. п.; *Takto na břehu Mše velikánský padá dub*, Ibid.; *Stín se jeho velikánský míhá*, Ibid.; в прессе: *Hanačky měly velikánský koláč*, Tyl. Pr. posel (описание встречи императора); *když se pracuje na velikánském stavení*, Ibid., промышленный очерк; *velikánské čtverohraníky z tvrdého kamene do vejšky vytáhnout*, Ibid.; *I vyvinujet se tolik látky, žeby z ní množství rohů velikánských ztuhnouti mohlo*, Vlastim. I, 3, научный очерк; *Z dlouhánské hadice, naplněné šampónem, se vytlačují úhledné polštářky*, Vl. 31/63, очерк и пр. Заклучая, мы еще раз подчеркиваем, что сфера и масштабы употребления дериватов типа Б существенно уже, чем дериватов типа А.

Рассмотрение особенностей семантики и функционирования прилагательных со значением интенсификации позволяет нам сделать ряд обобщений, существа которых мы коснемся ниже.

Как префиксальные, так и суффиксальные прилагательные со значением интенсификации относятся к ряду экспрессивной лексики. Это означает, что, помимо значения интенсификации, они несут вполне определенный экспрессивный заряд. Характер указанной экспрессивной нагрузки у тех и других дериватов различен.

Суффиксальные дериваты типа А фиксируют эмоциональные оттенки, если так можно выразиться, интимного плана — они обозначают целую гамму конкретно направленных эмоций (чувства ласки, любви, нежности и пр.), адресованных вполне определенному объекту поведения. Неслучайно, как отмечалось выше, данные прилагательные более последовательно согласуются в структурно-семантическом плане с соответствующим существительным, чем, например, префиксальные дериваты.

Префиксальные и суффиксальные (типа Б) дериваты фиксируют настроения субъекта (восторг, радость, скорбь, негодование и пр.), обусловленные гипертрофированным проявлением некоторого признака; таким образом, непосредственная соотнесенность с конкретным предметом здесь ощущается не столь остро.

У суффиксальных прилагательных значение интенсификации и эмоциональная нагрузка сплетаются воедино, поэтому соответствующий аффикс одновременно является репрезентантом как того, так и другого значений (именно поэтому суффиксы типа А в сочетании с основа-

ми негативного звучания не усиливают, а смягчают негативную окраску). Отмеченная ярко выраженная эмоциональность суффиксальных дериватов ограничивает сферу их употребления контекстами, в которых наиболее выразительно обнаруживается эмоциональное «я» субъекта. Данные прилагательные широко используются в разговорной речи⁶², а также в тех стилистических пластах письменного языка, которые наиболее близки к устной речи (широко они отмечаются в речи персонажей литературных произведений). По той же причине данные образования неприемлемы в языке научных сочинений, где на первый план выдвигается бесстрастная констатация фактов действительности. У префиксальных прилагательных значение интенсификации признака является превалирующим (допустима градация степени интенсификации признака вплоть до его максимализации — у словообразовательного типа с *pře-*), в некоторых случаях оно является единственным (например, в научных сочинениях, в терминологическом употреблении). Однако, как правило, префиксальные дериваты являются принадлежностью контекстов, насыщенных экспрессией, характеризующихся экзальтацией, аффектацией. В отличие от суффиксальных префиксальные дериваты встречаются преимущественно в книжном языке (исключения из этого правила не столь многочисленны). Суффиксальные прилагательные типа Б в известной степени являются семантическими эквивалентами по отношению к префиксальным дериватам, однако стилистическая окраска, а отсюда и сфера употребления тех и других являются отличными; первые функционируют преимущественно в разговорной речи, вторые, как уже отмечалось, в книжной.

Экспрессивная выразительность словообразовательного средства находится в непосредственной зависимости от его фреквенции: в ходе активного употребления экспрессивная маркированность слова, а также компонентов его структуры быстрее снашивается. Несомненно и обратное: чем ниже фреквенция, тем выразительнее экспрессивная насыщенность. Ярким примером наличия указанной зависимости является судьба дериватов с префиксами интенсификации.

⁶² Ср. *V noci jsem se kapitálně potil, celinkej jsem byl mokřej, Mrštík. Zumři, 1912-A.*

Сфера функционирования суффиксальных дериватов довольно широка. В рамках письменного языка они наиболее последовательно употребляются в текстах произведений художественной литературы различных жанров (где они встречаются как в речи автора, так и в речи персонажей), однако особенно активно они используются в произведениях лирических жанров (как правило, они не встречаются в произведениях, написанных в высоком стиле — ода, трагедия и т. д.). Помимо жанровой, немаловажную роль играет контекстуальная обусловленность. Сфера употребления суффиксальных дериватов различной словообразовательной структуры не дифференцирована в такой степени, в какой это удается наблюдать у префиксальных образований. Прилагательные, образованные посредством преобладающих суффиксов *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*, фиксируются в идентичных условиях. Можно лишь отметить факт преимущественного использования образований с *-ink-* в лирических произведениях эпохи Возрождения. Более специфична сфера употребления вторичных дериватов: зона их использования более узка и ограничивается ярко насыщенными экспрессией контекстами. Прилагательные типа Б отмечены почти исключительно в произведениях прозы и в прессе. На протяжении исследуемого периода сфера использования суффиксальных прилагательных не подверглась существенным изменениям; значительный сдвиг наблюдается лишь в характере употребления данных прилагательных: оно становится более целенаправленным и обусловленным конкретной контекстной ситуацией.

§ 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТИПОВ И СРЕДСТВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

I. Префиксальные типы словообразования

Наиболее продуктивными в литературном чешском языке являются словообразовательные типы с префиксами *pře-* и *pra-* (*prach-*) и в особенности первый из них. По образцу данных типов в чешском литературном языке возникло большое количество новообразований — в первую очередь сказанное относится к типу с *pře-*. В этом

мы можем наглядно убедиться при сопоставлении статистических данных. В словаре Юнгмана зафиксировано 180 дериватов с *pře-*. Есть основания полагать, что действительная численность данных прилагательных, функционировавших в чешском литературном языке первой половины XIX в., значительно превышала названную цифру. Во всяком случае нами было обнаружено в эксерпциях, относящихся к эпохе Возрождения, не менее 200 образований, не зафиксированных словарем Юнгмана⁶³. Около 80 дериватов, приводимых Юнгманом, сопровождается ссылками на словари, грамматики, а также литературные произведения, вышедшие в период между XIV—XVII вв.⁶⁴ Разумеется, наличие у тех или иных образований отсылок и иллюстраций подобного рода еще не свидетельствует об их полной архаичности. В ряде случаев указанные комментарии приводились лишь в качестве некоторой апробации правомерности использования тех или иных прилагательных. Современные словари, в частности PS, указывают около 430 дериватов с *pře-*, в SSJČ их количество ограничивается 180. Далеко не все имеющиеся в современных словарях прилагательные равноценны в отношении их употребительности в языке. Так, всего лишь около 60 дериватов не несут в PS и SSJČ ограничительных помет (следует, впрочем, заметить, что PS менее строго квалифицирует степень употребительности лексики — без ограничительных помет приводится около 390 дериватов с *pře-*). Во всех остальных случаях ограничительные пометы имеются. Семь слов в PS и шесть слов в SSJČ снабжены пометой †. Наблюдение над прилагательными с *pře-* на протяжении относительно длительного времени позволяет заметить: а) значительную эволюцию лексического состава данных прилагательных, проявляющуюся прежде всего в отсеке архаичных образований типа *přepochotný*, *přelepý*, *přepsotný*, *přeliboucí*,

⁶³ Факт широкой употребительности дериватов с *pře-* в эпоху Возрождения подтверждают и многочисленные разговорники, рекомендуемые данные образования для употребления; ср. *Ona má přelibezný hlas* (об актрисе), Там. Gespräche; *tyto romány jsou plně přehrozných ukazů*, Ibid; *Jest pozdržení to přerozkošné*, Ibid.

⁶⁴ Так, дериваты *přemrzutý*, *přepěkný*, *přetěžký*, *přetlustý* сопровождаются ссылкой на Росу; дериваты *přehladký*, *přelitý*, *přeuličilý* содержат примеры из Троянских летописей XV в.; *přemocný*, *přepodobný*, *přeslavný* — из произведений Д. А. Велеславина; *přejistý*, *přenepokojný*, *přešiatný* — из произведений Я. Коменского.

přeblahotný, převěhlasný, převábný, přežalný, přeslovutný, přepozorlivý, přeluzný, přeladný, přelestný, přemužný, přechrabrý, přebolný, předrahný; б) сужение сферы функционирования указанных прилагательных в чешском литературном языке, повлекшее за собой возрастание их экспрессивного накала. Несмотря на отмеченные явления, мы не можем говорить о снижении продуктивности данного словообразовательного типа — он продолжает сохранять присущую ему словообразовательную активность при словопроизводстве прилагательных со значением интенсификации, функционирующих в книжной речи.

Утверждая это, мы ориентируемся на такие показатели, как: а) широта структурных связей данного префикса — в круг производящих основ вовлекаются прилагательные, как правило, безотносительно к их структурному и фонологическому оформлению; б) участие данного префикса в процессе создания новообразований, в частности, оформление заимствованных основ; следует, впрочем, учесть, что в данном лексическом разряде появление новообразований в целом осуществляется не столь быстрыми темпами; в) устойчивость позиций данного префикса в процессе конкуренции с другими формантами, например с префиксом *vele-*.

Нами было зафиксировано более 100 производящих основ, у которых отмечено присоединение как префикса *pře-*, так и префикса *vele-*. Приведем некоторые из них: *přežádoucí* PS, SSJČ, *veležádoucí* PS*; *přezdvořilý* PS, *velezdvořilý* PS*; *přezkušěný* PS, *velezkušěný* PS*; *přeznamenitý* PS, *veleznamenitý* PS*; *přeučěný* PS, SSJČ, *veleučěný* PS*; *přetěžký* PS, SSJČ, *veletěžký* PS*; *přechrabrý* PS, *velechrabrý* PS*. В 90 случаях образование с *pře-* оказалось более живучим, чем соответствующий дериват с *vele-*. Впрочем, как нам представляется, данные образования даже для эпохи Возрождения вряд ли были полностью дублетными: прилагательные с *vele-*, по-видимому, носили архаичный, книжный характер и имели более узкую сферу употребления. Необходимо отметить факт специализации префикса *pře-* на образовании прилагательных со значением интенсификации от основ, имплицитно выражающих позитивную или нейтральную оценку явлений действительности.

Словопроизводство прилагательных со значением интенсификации посредством префикса *pra-* (и в особенно-

сти его варианта *prach-*) не имеет столь длительной традиции в литературном чешском языке. Старые словари фиксируют ничтожное количество дериватов с данными префиксами. Юнгман приводит лишь восемь прилагательных (характерно, что префиксы *pra-* и *prach-* фиксируются у различных, а не у одних и тех же основ): *prachlení* J, K, Kon, Pal; *prachfalešný* J, K, Kon, Pal; *praslepý* J, Kon; *pramladý* J, Kon; *prachpolitý* J, K; *prastarý* J, K, Kon, Šum; *prachzlý* J, K, Kon, Šum; *prachneznámý* J, K, Kon, Šum — все эти образования в большинстве случаев даются без иллюстративного материала либо с отсылками на современные составителю словари и источники. Имеющиеся у нас эксерпции из произведений эпохи Возрождения немногочисленны — не более 30 примеров. На основе этого материала вряд ли можно делать вывод о какой бы то ни было семантической специализации этих префиксов. Напротив, было установлено, что в эпоху Возрождения префиксы *pra-* и *prach-* оформляли основы, выражающие как позитивную, так и негативную оценку. Однако поскольку сфера словопроизводства прилагательных с позитивным значением была узурпирована префиксом *pře-*, в этой зоне данные префиксы не укрепились и в дальнейшем в круг их производящих основ стали вовлекаться преимущественно основы с негативной семантикой. Указанное размежевание осуществлялось постепенно.

Было зафиксировано 97 случаев пересечения структурных связей префиксов *pře-* и *pra-*⁶⁵; как и следовало ожидать, дериват с *pře-* оказался более устойчивым и более продуктивным у основ с позитивным или нейтральным значением. Приведем примеры: *předobrotivý* J, K, Kon, Šum, Pal, PS, SSJČ řidč., *pradobrotivý* exc. 1868; *předůležitý* PS, SSJČ, *pradůležitý* PS*; *předobrný* PS, SSJČ, *pradobrný* PS*; *přehezounký* PS, *prahezounký* PS; *přehluboký* J, K, PS, SSJČ, *prahluboký* PS; *přejemný* K, PS, SSJČ, *prajemný* exc.; *přelehký* PS, SSJČ řidč., *pralehký* PS*; *přemohutný* PS, SSJČ řidč., *pramohutný* exc. 1897; *přemoudrý* PS, *pramoudrý* exc. 1852; *přepoctivý* PS, SSJČ řidč., *pra(ch)poctivý* PS; *přerozmanitý* PS, SSJČ,

⁶⁵ См. комментарий эксерптора: *ta nová prozodie tak prachsnadná jest*, Počátkové, 1818-A [= *pra-(pře-) snadný*]; ср. также комментарий составителя словаря: *přezvláštní* 'prazvláštní' K.

prarozmanitý PS; *přespanilý* J, K, Kon, PS, SSJČ pon. expr., *praspanilý* exc. 1863; *přesladký* J, K, Šum, PS, SSJČ, *prasladký* exc. 1864; *přesvatý* J, K, Kon, PS, SSJČ, *prasvatý* PS. Префикс *pra-*, напротив, занимает более сильную позицию у основ с негативной семантикой⁶⁶; ср.: *pramizerný* PS, SSJČ pon. expr., *přemizerný* J, K, PS, *praškaredý* PS, SSJČ pon. expr., *přeškaredý* PS, SSJČ řidč.; *prašibalský* PS, *přešibalský* exc. 1831; *prašeredný* PS, SSJČ pon. expr., *přešeredný* PS; *praničerný* PS, SSJČ pon. expr., *přeničerný* J, K, Kon; *prahloupý* PS, SSJČ pon. expr., *přehloupý* PS, SSJČ řidč. В некоторых случаях исход конкуренции не зависит от семантики основы; ср.: *přemalý* PS, SSJČ řidč., *pramalý* PS, SSJČ.

При параллельном употреблении дериватов с префиксами *pra-* и *pře-* первый всегда несет большую экспрессивную нагрузку; ср. *praošklivý* PS, SSJČ pon. expr., *přeošklivý* PS, SSJČ; *praubohý* PS, SSJČ pon. expr., *přeubohý* PS, SSJČ, J, Kon.

Анализ материала показал, что прилагательные с *prach-* и отчасти с *pra-* проникали в литературный язык из народно-разговорной речи. Об этом говорят, в частности, такие факты, как широкое использование данных образований в речи персонажей литературных произведений, в языке бытовых комедий. Дериваты данной структуры отмечаются в контекстах диалектного характера. Примечательным является и отсутствие образований с префиксами *pra-(prach-)* от целого ряда заимствованных основ, функционирующих в книжной речи. Стилистический оттенок просторечности, разговорности в особенности ощутим у образований с *prach-* — именно это обстоятельство и воспрепятствовало конкуренции дублетов с *pra-*, *prach-* друг с другом. По мере демократизации литературного чешского языка возможности образования прилагательных

⁶⁶ Характерно и сопоставление численности эксцерпций, имеющих в архиве ИЧЯ. Так, прилагательные с *pře-*, образованные от основ с позитивной семантикой, иллюстрированы большим количеством примеров, чем соответствующие образования с *pra-*: *předobrotivý* 33, *pradobrotivý* 1; *předobrný* 76, *pradobrný* 4; *přemoudrný* 51, *pramoudrný* 1; *přemohutný* 17, *pramohutný* 1; *přesmutný* 89, *prasmutný* 2; *přespanilý* 81, *praspanilý* 1; *přesladký* 106, *prasladký* 1; *přeslavný* 98, *praslavný* 3; напротив, от дериватов с негативной семантикой более репрезентативными являются прилагательные с *pra-(prach-)*; ср.: *pramizerný* 30, *přemizerný* 6; *praošklivý* 13, *přeošklivý* 4.

со значением интенсификации посредством префиксов *pra-*, *prach-* (в особенности) расширились, в частности, за счет притока эмоционально окрашенной просторечной лексики; постепенно в круг производящих основ была вовлечена и заимствованная лексика. В настоящее время, согласно PS, в языке функционирует около 190 прилагательных с префиксами *pra-*, *prach-*; SSJČ приводит около 60 образований с префиксом *pra-*. Согласно пометам PS, около 170 образований с *pra-* не имеют ограничительных помет (SSJČ приводит около 20 дериватов без ограничительных помет).

Данный словообразовательный тип является продуктивным способом словопроизводства прилагательных определенной семантики. По его образцу производятся дериваты преимущественно от основ с негативной семантикой. Узурпировав эту сферу словообразования, префиксы *pra-*, *prach-* оттеснили другие, менее продуктивные морфемы, например, *arci-*.

В современном чешском языке архаичными, непродуктивными, несомненно, являются типы с префиксами *arci-*, *vele-*, которые, впрочем, никогда не принадлежали к числу особо продуктивных способов словопроизводства. Основанием для подобного заключения служит ряд соображений: 1) в современном языке данные префиксы для создания новообразований не используются (образования типа *velebřichatý* не меняют общего вывода, поскольку они представляют собой спорадическое явление, своеобразный авторский эксперимент); 2) указанные морфемы характеризуются узостью круга производящих основ, особенно это относится к *arci-*.

Приведем статистические данные: Юнгман фиксирует лишь 8 слов с *arci-*, PS — 4 деривата (в SSJČ названы 3); в эксерпциях зафиксировано 19 образований, не отмеченных словарями. Численность производных с *vele-* больше: у Юнгмана — 19 дериватов (у Котта их около 40), PS указывает около 150 прилагательных, однако характер словарных помет отчетливо фиксирует направленные эволюции: всего лишь 9 слов не имеет ограничительных помет *velezasloužilý*, *velezáslužný*, *velevítaný*, *velevážený*, *velešťastný*, *veleraný* (многие из перечисленных прилагательных ныне, несомненно, воспринимаются носителями языка как архаичные). Все остальные образования имеют ограничительные пометы, в том числе пометы, оп-

ределяющие лексику с *vele-* как устаревшую. Некоторые образования с *vele-* квалифицированы как архаичные уже старыми словарями — например, *velebystrý* — в словаре Й. Палковича.

Качественный анализ производящих основ, к которым присоединяются данные префиксы, позволяет установить, что: а) в составе основ, оформленных *vele-*, относительно много устаревшей, сугубо книжной лексики; ср.: *vele-vnadný* ехс. Нп.; *veleudatný* ехс. 1833; *velemyslný* J, Том; *velelítý* J, К; *velelibý* ехс. Нп; *velepůsobný* К; *velelepý* К; б) в числе основ, отмеченных у *vele-*, практически не представлены основы заимствованного происхождения. Отсюда мы заключаем, что в период, когда чешский язык интенсивно обогащался заимствованной лексикой — вторая половина XIX — середина XX в., данный способ словопроизводства полностью утратил свою продуктивность.

Ныне в сознании носителей языка образования с данными префиксами существуют как некоторый пассивный запас слов, легко распознаваемых и рельефных в семантическом отношении, однако потребность в их использовании, а тем более в создании новых лексем возникает редко или же не возникает вообще.

Лексика, образованная посредством *vele-*, *arci-*, характеризуется низкой фреквенцией. Имеющиеся в нашем распоряжении эксерпции в большинстве случаев относятся к XIX в.; в XX в. случаи употребления данных прилагательных довольно редки.

Префикс *arci-* продуктивен при словопроизводстве существительных со значением интенсификации. При этом он проявил несомненное тяготение к основам с негативной семантикой. Это обстоятельство сказалось на «репутации» данного форманта, в результате чего возможность его сочетания с основами позитивной или нейтральной семантики (в рамках словопроизводства существительных и прилагательных) не получила развития. Не получила особого распространения указанная морфема и при словопроизводстве прилагательных с негативной семантикой, поскольку данная зона была полностью узурпирована префиксами *pra-*, *prach-*.

На судьбу словообразовательного типа с *vele-* оказал влияние целый комплекс причин. Немаловажную роль здесь играло пересечение сфер словопроизводства и функциони-

рования префиксов *pře-* и *vele-*, что создало благоприятную почву для их конкуренции друг с другом. В структурном отношении префикс *vele-* тяготеет к основам непроизводным и производным десубстантивного и deverбального образования — в отличие от *pře-* он редко сочетается с основами deadъективного образования. В семантическом отношении он преимущественно отмечается у основ, наделенных позитивным значением (так же, как и *pře-*). Следует учесть, что лексика, образованная посредством *vele-*, использовалась исключительно в литературных произведениях с преобладанием элементов «высокого» стиля. Принадлежность прилагательных с *vele-* к книжнориторическому стилю отчетливо ощущалась носителями языка. Происшедшая в середине XIX в. демократизация чешского литературного языка и его стилистической нормы повлекла за собой резкое сужение сферы использования прилагательных данной словообразовательной структуры, не встречающихся ныне, как правило, за пределами определенных контекстов (например, высокопарных обращений типа *velevážený*, *velectěný* и т. п.).

Непродуктивным является словообразовательный тип с префиксами *roz-*, *rozto-*. Численность дериватов с обоими формантами предельно ограничена: Юнгман — пять образований с префиксом *roz-* и четыре — с *rozto-*; PS и SSJČ отмечают по четыре деривата с данными формантами, из которых наиболее употребительными являются прилагательные *roztomilý* и *rozmilý*; последнее, впрочем, в меньшей степени (в SSJČ оно имеет помету *pon. zast.*).

На примере данного словообразовательного типа мы можем наблюдать отсутствие прямой и непосредственной зависимости между продуктивностью и употребительностью: так, указанный способ словопроизводства является непродуктивным, однако образованные по нему слова довольно активно используются в речевой практике. Есть основания полагать, что дериваты данной структуры провикали в литературный язык преимущественно из диалектов — это подтверждают и словарные комментарии; ср.: *roztodivný* PS *lid. pon. zast.*⁶⁷, SSJČ *lid. pon. zast.*; *rozdivný* PS *dial.*, SSJČ *náf.*; в этом же мы убеждаемся и при анализе помет, имеющих в старых словарях; приво-

⁶⁷ Как эквиваленты к нему приводятся *prapodivný*, *přepodivný*, являющиеся более употребительными, в особенности *prapodivný*.

димые у Котта *roztodivný*⁶⁸, *roztonejmilejší*, *roztokrásný*⁶⁹ квалифицируются как моравизмы. В некоторых случаях у Юнгмана имеется отсылка на словацкий язык: *rozbídný*, *rozčistý*, *rozdaleký*. Образования *rozmilý* и *roztomilý* являются дублетными; ср., например, словарную интерпретацию их семантики: *rozmilý* 'velmi příjemný, roztomilý' PS, *roztomilý* 'velmi milý, rozmilý; velmi příjemný' PS. Они не отличаются друг от друга ни семантически, ни функционально, употребляясь практически в идентичных контекстных условиях: *vidí roztomilou holubičku — Děkuji ti, rozmilá holubičko*, В. N. Bách. II. В ходе конкуренции *roztomilý* значительно потеснило *rozmilý* — в этом мы можем убедиться и при сопоставлении данных об их частоте: *rozmilý* 4-2-3 (С 3/2, D 1/1), *roztomilý* 16-4-11 (А 7/4, С 4/3, D 4/3, Н 1/1). В современном языке прилагательное *rozmilý* употребляется редко; дериват *roztomilý* встречается значительно чаще, он фиксируется в письменном языке (как правило, в языке литературных произведений лирического характера), а также в устной, эмоционально окрашенной речи.

Словообразовательные типы с префиксами *hyper-*, *ultra-*, появившиеся в литературном чешском языке относительно недавно, достаточно четко отграничены от других словообразовательных типов в структурном и семантическом отношении: данные префиксы присоединяются обычно к десубстантивным основам заимствованного происхождения. Дериваты указанной структуры наделены значением чрезмерности проявления признака, обозначенного производящей основой. Следует отметить, что это единственные среди формантов со значением интенсификации префиксы, присоединение которых к основе привносит иронический оттенок, независимо от семантики производящей основы. Таким образом, появление иронического, негативного оттенка в семантике слова является непосредственным следствием словообразовательной процедуры и в минимальной степени обусловлено значением основы и характером контекста. Численность образований с префиксами *hyper-* и *ultra-* невелика: PS приводит семь образований с *hyper-* и шесть — с *ultra-*, впрочем,

⁶⁸ Юнгман указывает дублет *předivný*.

⁶⁹ В качестве дублета Юнгман приводит *překrásný*, являющееся ныне не только более употребительным, но и единственно возможным образованием.

возможность появления новообразований легко реализуется. Отсюда мы заключаем, что данные типы словообразования в современном литературном чешском языке не утрачивают словообразовательной активности. Особенно продуктивны эти префиксы при словопроизводстве лексики, функционирующей в языке произведений публицистического характера, прессы.

Характер взаимоотношений обоих типов словообразования друг с другом пока что установить не удастся. Можно утверждать, что вклад обоих префиксов в семантику образованных при их помощи слов практически идентичен, однако лексический состав производящих основ, характерных для данных словообразовательных типов, в целом различен; ср.: *hyper-*: *ideální, nervosní, romantický, loajální, kritický*; *ultra-*: *levý, silný, komický, modernistický, revoluční* (лишь у *pokrokový, moderní* зафиксированы как *hyper-*, так и *ultra-*).

Малочисленность дериватов не позволяет нам сделать достаточно определенные выводы о специализации данных аффиксов, однако, как нам представляется, лексика с *ultra-* используется в подавляющем большинстве случаев в качестве обозначения политических, идеологических и других направлений; дериваты с *hyper-* чаще обозначают черты характера человека.

Как мы могли видеть, в течение исследуемого периода существования литературного чешского языка нам удастся наблюдать ряд сдвигов в системе словообразования префиксальных прилагательных со значением интенсификации.

Претерпели изменения степень продуктивности и лексический состав отдельных словообразовательных типов. В ходе эволюции определились наиболее продуктивные типы с префиксами *pře-, pra-, prach-*; появились новые словообразовательные типы с префиксами *hyper-, ultra-*; утратили словообразовательную активность типы с префиксами *arci-, vele-* (а также словопроизводство прилагательных со значением интенсификации посредством словосложения). В настоящее время префиксальные словообразовательные типы настолько четко отграничены друг от друга структурными связями формантов, семантикой и сферой функционирования дериватов, что процесс конкуренции синонимических словообразовательных формантов в современном чешском языке практически не

наблюдается. Так, типы с префиксами *pře-* и *pra-* используются преимущественно для словопроизводства семантически отличных прилагательных. И те, и другие дериваты являются экспрессивно окрашенными словообразовательными средствами. Прилагательные с *pře-*, впрочем, могут употребляться и без экспрессивной нагрузки — в языке научных сочинений и в составе терминологических обозначений. Дериваты с *prach-* отмечаются преимущественно в разговорной речи. Лексика, образованная посредством *hyper-* и *ultra-*, имеет специфическую семантическую и функциональную сферу использования. Словообразовательный тип с префиксами *roz-*, *rozto-* является непродуктивным, однако образованные по нему прилагательные *rozmilý* и *roztomilý*, в меньшей мере *roztodivný* активно используются в эмоционально окрашенных высказываниях, а также в разговорной речи. Словообразовательные типы с префиксами *arci-*, *vele-* являются непродуктивными; для создания новообразований они практически не привлекаются.

II. Суффиксальные типы словообразования

При установлении степени словообразовательной активности типов и средств словообразования суффиксальных прилагательных со значением интенсификации мы, как и ранее, будем рассматривать отдельно прилагательные типов А и Б.

Тип А. Отличительной особенностью словопроизводства данных прилагательных является наличие у них разветвленных словообразовательных гнезд, объединяющих синонимические дериваты различной структуры. Анализ показал, что указанные синонимы без ущерба для смысла высказывания, а нередко и для его эмоциональной нюансировки могут заменять друг друга в тексте (см. ниже).

Одним из таких центров, группирующих вокруг себя большое количество одноосновных дериватов со значением интенсификации, является прилагательное *malý* — на протяжении исследуемого периода у него было зарегистрировано около 40 дериватов данной семантики, у прилагательных *drobný*, *milý*, *bílý* отмечено около 16 синонимичных дериватов, от *mladý* — 14, *lehký* — 13, *tenký* — 11, *úzký* — 10 и пр. Подобная склонность к разветвленным

пучкам дериватов объясняется, на наш взгляд, рядом причин и в том числе: 1) экспрессивной природой и прежде всего яркой эмоциональной насыщенностью суффиксальных прилагательных. Наличие набора однотипных средств выражения расширяет возможности выбора, варьирования, облегчает поиски более ярких, выразительных лексических эквивалентов для фиксации эмоционального самовыражения субъекта ⁷⁰; 2) низкой фреквенцией прилагательных со значением интенсификации, затрудняющей отсев малопродуктивных дериватов, замедляющей темп развития процесса конкуренции дублетных образований. Как известно, существует несомненная зависимость между фреквенцией лексики и темпом протекания языковых процессов. Так, например, размежевание словообразовательных типов и средств по степени продуктивности, отсев малопродуктивных образований, конкуренция дублетов более быстро осуществляются у лексики, имеющей высокие частотные показатели и находящейся тем самым в активном языковом обращении. Соответственно более медленно развиваются указанные процессы у лексических категорий с низкими частотными характеристиками, к числу которых относятся и исследуемые нами прилагательные. Показательно, что FS фиксирует всего 204 случая употребления суффиксальных прилагательных со значением интенсификации (ср.: FS отмечает 122 случая употребления префиксальных прилагательных со значением интенсификации); в числе 10 000 слов, имеющих максимальную фреквенцию, указываются *malinký*, *malíčký*. Частотные характеристики родственной категории оценочных существительных являются несравненно более высокими. Достаточно сказать, что FS регистрирует не менее 7000 случаев употребления существительных, образованных посредством суффиксов оценки. Более интенсивно здесь осуществляется и процесс дифференциации словообразовательных средств и типов. В противоположность оценочным существительным, у которых словопроизводство узурпировано сравнительно ограниченным

⁷⁰ Поиски более выразительного в экспрессивном отношении деривата наглядно отражает следующий отрывок: *jakoby viděl něco bílého, běloučkého, bělitkého*, Holeček. *Naši*, 1902-A; благодаря использованию прилагательных различной структуры, экспрессивная напряженность высказывания возрастает.

кругом формантов⁷¹, словообразование суффиксальных прилагательных со значением интенсификации не отличается подобной консолидацией: так, в словопроизводстве прилагательных типа А в чешском языке одновременно принимают более или менее равноценное участие четыре суффикса *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*, практически не дифференцированные друг от друга.

Принимая во внимание разнообразие типов и средств словопроизводства прилагательных со значением интенсификации, мы предприняли попытку их размежевания. При этом нас особенно интересовали две взаимосвязанные проблемы: установление характера соотношения словообразовательных типов и средств между собой и определение степени их продуктивности.

На протяжении периода, в течение которого велось наблюдение, наибольшей пестротой словообразовательные средства отличались в эпоху Возрождения, когда процесс словотворчества во всех стилистических пластах чешского языка протекал особенно бурно. В ходе лингвистического экспериментирования, а также вследствие недостаточной стабильности инвентаря словообразовательных средств того периода в чешском литературном языке отмечены случаи использования прилагательных со значением интенсификации, имеющих крайне ограниченную сферу употребления. Многие из этих дериватов являлись архаизмами, заимствованными из словарного состава чешского языка предшествующих эпох; некоторые проникли в литературный язык из диалектов.

Ниже мы рассмотрим наиболее продуктивные словообразовательные типы с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*.

Как уже говорилось выше, выделение какого-то одного центрального словообразовательного типа, организующего словообразование суффиксальных прилагательных со значением интенсификации, в чешском литературном языке не представляется возможным. Сфера словопроизводства узурпирована названными четырьмя суффиксами. Данные словообразовательные форманты обнаруживаются в

⁷¹ См.: Г. П. Нещименко. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке. «Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики». М., 1963

структуре подавляющего большинства функционирующих в литературном чешском языке прилагательных со значением интенсификации. Названные суффиксы употребляются в практически сходных структурных условиях, поэтому от одних и тех же основ нередко оказываются возможными дериваты со всеми четырьмя морфемами. Несмотря на структурно-семантическую и функциональную идентичность словообразовательных типов, мы тем не менее попытаемся дифференцировать их один от другого, установить характер взаимоотношений между дублетными образованиями.

Рассмотрим ниже результаты применения критериев определения продуктивности к конкретному языковому материалу.

1. Структурная характеристика

Помещаемая ниже табл. 1 наглядно отражает широту структурных связей анализируемых суффиксов на протяжении всего исследуемого периода:

Таблица 1

Словообразовательный формант	Общее количество производящих основ	Количество изолированных основ *	Количество основ, отмеченных и у других суффиксов **
-oučk-	167	62 (48,2%)	105
-ounk-	121	28 (23,1%)	93
-ičk-	108	27 (25%)	81
-ink-	59	8 (13,5%)	51

* Под изолированными мы понимаем основы, оформленные каким-то одним суффиксом.

** Имеются в виду остальные три из четырех суффиксов.

Детальный анализ структурных связей суффиксов -oučk-, -ounk-, -ičk-, -ink- показал, что структурный состав производящих основ у всех четырех суффиксов является идентичным; более или менее обширным может быть лишь набор конкретных лексем. Состав производящих основ не является замкнутым, вполне реальна потенциальная возможность его пополнения. Как следует из табл. 1, наиболее разветвленными структурными связями

характеризуются морфемы с начальным *o*, наименее притягательные в фонологическом отношении. Более ограничены комбинаторные возможности суффиксов с начальным *i*, присоединение которых регламентируется рядом фонологических ограничений. Из табл. 1 также следует, что наибольшим количеством структурных связей на протяжении исследуемого периода характеризовался суффикс *-oučk-*, затем *-ounk-*, наименьшим, соответственно, *-ičk-*, а затем *-ink-*. Приводимые данные позволяют установить, что словообразовательные позиции суффикса *-oučk-* наиболее устойчивы, так как для 50% основ, с которыми он сочетается, суффикс *-oučk-* является незаменимой морфемой. Примерно равноценное положение у *-ounk-* и *-ičk-*. Значительно более уязвимой является позиция *-ink-* (около 90% основ, к которым он присоединяется, могут оформляться другими суффиксами). Следовательно, зона «соперничества», конкуренции указанного суффикса с другими формантами существенно возрастает.

2. Семантическая характеристика

Дериваты, образованные посредством суффиксов *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*, сохраняют полную семантическую рельефность, поэтому словообразовательные типы, в состав которых входят данные суффиксы, являются образцами, вполне пригодными для словопроизводства прилагательных со значением интенсификации.

Проведение тщательной семантической классификации прилагательных, образованных при помощи перечисленных четырех суффиксов, позволяет констатировать наличие между ними большой семантической близости, проявляющейся в идентичности значения как производящих основ, так и дериватов. Как уже отмечалось выше, в кругу основ преобладают обозначения позитивных признаков; представлены также члены антонимных пар, обозначающие малость размеров предмета. Можно наверное утверждать, что словообразовательные типы с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-* не имеют какой бы то ни было существенно различающей их семантической специализации. Удастся лишь установить, что среди основ, к которым присоединяется суффикс *-oučk-*, представлены основы негативной семантики, отсутствующие обычно у дериватов иного словообразовательного оформления; ср.:

podloučký, malicherňoučký, lenivoučký, hruboučký, pitoučký, mizerňoučký (исключение составляет *hloupý*, от которого зафиксированы дериваты *hloupoučký, hloupounký, hloupičký* — последнее, впрочем, в SSJČ несет ограничительную помету *).

Дериваты с суффиксом *-oučk-* преобладают и среди прилагательных, образованных от цветových обозначений: так, к 17 основам, обозначающим цветовую характеристику, отмечено 16 дериватов с *-oučk-*, 11 — с *-ounk-*, 6 — с *-ičk-*, 5 — с *-ink-* (многие образования, оформленные посредством суффикса с начальным *i*, имеют ограничительные словарные пометы либо являются полностью архаичными; ср., например, *světlinký* PS*, *bledinký* PS, SSJČ*, *bledičký* PS, SSJČ*, *černinký* J, K, *černičký* J, K, *Šum*, *červeničký* J, K и пр.). Большое сходство наблюдается и в сферах употребления прилагательных со значением интенсификации: они отмечаются в контекстах, выразительных в эмоциональном отношении и характеризующихся простотой, доступностью формы и стиля повествования. Широко представлены данные прилагательные в разговорной речи. В рамках литературного чешского языка они используются преимущественно в тексте произведений художественной литературы (ср. 186 случаев употребления из отмеченных в FS 204).

Изучение данных фреквенции имеет большое значение для уточнения семантической характеристики рассматриваемых нами словообразовательных аффиксов, а также для установления эволюции использования указанных морфем в чешском литературном языке конца XVIII—XX в. При анализе фреквенции мы исходим из положения, что в рамках экспрессивной лексики морфемы, имеющие наиболее высокие частотные показатели, образуют дериваты, наименее эмоционально насыщенные, поскольку в ходе активного употребления процесс стирания экспрессивной выразительности слова осуществляется более интенсивно. Отсюда следует несколько парадоксальный, на первый взгляд, вывод о том, что наиболее продуктивные в словообразовательной практике морфемы отнюдь не обязательно являются наиболее выразительными в эмоциональном отношении. В табл. 2 отражена частотность употребления суффиксов *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-* в чешском литературном языке исследуемого периода. Табл. 2 составлена на основе сплошного подсчета случаев упот-

ребления лексем в эксцерпциях, сделанных нами самостоятельно, а также извлеченных из архива ИЧЯ⁷².

Таблица 2

Суффиксы	-iěk-		-ink-		-ouěk-		-ounk-	
	Старый	Новый	Старый	Новый	Старый	Новый	Старый	Новый
Количество случаев употребления	317	218	187	94	116	430	402	354

Из данных табл. 2 следует: 1) в старый период (до середины XIX в.) наибольшее количество зафиксированных случаев употребления приходится на долю суффиксов *-ounk-*, *-iěk-*, *-ink-*, *-ouěk-*; 2) в новый период картина меняется: а) сокращается количество случаев употребления дериватов с суффиксом *-ink-*; б) возрастает фреквенция дериватов с суффиксом *-ouěk-*; в) отмечаются изменения в частотности дериватов с суффиксами *-iěk-*, *-ounk-*, однако эти изменения еще не носят характер некоторой устойчивой тенденции; общее количество случаев употребления дериватов с данными суффиксами продолжает оставаться высоким. Таким образом, для старого периода наиболее выразительными в эмоциональном отношении морфемами следует признать суффиксы *-ouěk-*, *-ink-*, для нового периода — *-ink-*, *-iěk-*. Справедливость сказанного подтверждается, на наш взгляд, и тем фактом, что в чешском языке в качестве вставной морфемы (при вторичном словопроизводстве), нагнетающей значение интенсификации, как правило, используются ядерные морфемы *-iě-*, *-in-* (а также *-li-* — выше о ней речь шла особо) и не используются *-ouě-*, *-oun-*.

Из табл. 3 следует, что количество дериватов, имеющих фреквенцию более 10, у суффикса *-ouěk-* с течением времени возрастает, у *-ink-* — снижается, у *-iěk-* и *-ounk-* —

⁷² Цифровые данные таблицы имеют, разумеется, не абсолютную, а относительную ценность — они помогают определить существующие в языке пропорции.

Рассмотрим табл. 3

Суффиксы	-ičk-	
	Старый	Новый
Дериват с максим. фреквенцией	<i>maličký</i> <i>celičký</i> 48	<i>maličký</i> 70
Количество лексем с фреквенцией более 10	8	7

тенденция еще не вполне ясна ⁷³. Справедливости ради следует заметить, что наблюдения, к которым мы приходим на основе изучения имеющегося в нашем распоряжении фактического материала ⁷⁴, почерпнутого из большого количества источников, разнообразных в жанровом отношении и отражающих относительно продолжительный этап существования чешского литературного языка, не вполне совпадают с обобщениями, которые строятся на материале FS. Ниже мы приводим табл. 4, отражающую данные FS.

Как следует из табл. 4, FS указывает 7 прилагательных с *-ičk-*, общей частотностью 123; 3 прилагательных с *-ink-*, общей частотностью 34; 4 прилагательных с *-oučk-*, общей частотностью 13; 7 прилагательных с *-ounk-*, общей частотностью 34. Таким образом, дериваты с *-ičk-* имеют максимальную фреквенцию и, следовательно, суффикс *-ičk-* является наименее эмоционально насыщенным слово-

⁷³ Небезынтересно отметить, что изучение экскерпций позволяет также установить эволюцию численности производящих основ. Так, тенденцию роста количества основ можно заметить у суффикса *-oučk-* (старый период 32, новый — 96); у остальных суффиксов обнаруживается тенденция спада (*-ičk-*: старый период 43, новый — 27; *-ink-*: старый — 29, новый — 24; *-ounk-*: старый — 60, новый — 58).

⁷⁴ Достаточно сказать, что мы располагаем материалом, отражающим 2200 случаев употребления (речь идет лишь о дериватах с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*); FS фиксирует 204 случая употребления тех же суффиксов.

Таблица 3

-ink-		-oučk-		-ounk-	
Старый	Новый	Старый	Новый	Старый	Новый
<i>malinký</i> <i>celinký</i> 27	<i>malinký</i> 67	<i>běloučský</i> 21	<i>běloučský</i> 34	<i>bělounký</i> 46	<i>lehounký</i> 36
8	1	2	15	11	9

образовательным средством. Соответственно, *-oučk-* наиболее выразителен в эмоциональном отношении. Подобный вывод представляется нам сомнительным.

Таблица 4

Дериваты с <i>-ičk-</i>	Фреквенция дериватов	7	<i>mladičský</i> 14, <i>kratičský</i> 6, <i>chudičský</i> 6, <i>maličský</i> 84, <i>každíčský</i> 3, <i>celičský</i> 4, <i>staříčský</i> 6
	Фреквенция основ	7	<i>mladý</i> 787, <i>krátký</i> 227, <i>chudý</i> 196, <i>malý</i> 1081, <i>každý</i> 2254, <i>celý</i> 2767, <i>starý</i> 232
Дериваты с <i>-ink-</i>	Фреквенция дериватов	3	<i>malinký</i> 25, <i>samotinký</i> 4, <i>prostin- ký</i> 5
	Фреквенция основ	3	<i>malý</i> 1081, <i>samotný</i> 75, <i>prostý</i> 232
Дериваты с <i>-oučk-</i>	Фреквенция дериватов	4	<i>křehoučský</i> 4, <i>droboučský</i> 3, <i>běloučský</i> 3, <i>slaboučský</i> 3
	Фреквенция основ	4	<i>křehký</i> 37, <i>drobný</i> 284, <i>bílý</i> 604, <i>slabý</i> 186
Дериваты с <i>-ounk-</i>	Фреквенция дериватов	7	<i>hebounký</i> 3, <i>drobounký</i> 6, <i>tenounký</i> 5, <i>slabounký</i> 3, <i>lehounký</i> 7, <i>čis- ťounký</i> 6, <i>tichounký</i> 4
	Фреквенция основ	7	<i>hebký</i> 22, <i>drobný</i> 284, <i>tenký</i> 83, <i>slabý</i> 186, <i>lehký</i> 180, <i>čistý</i> 282, <i>ti- chý</i> 289

По нашему мнению, данных, которые имеются в FS, недостаточно для того, чтобы на них базировать вывод о характере эмоциональной нюансировки дериватов с тем или иным словообразовательным суффиксом. Следует также принять во внимание то обстоятельство, что высокий уровень фреквенции дериватов с *-ičk-* во многом объясняется высокой частотностью не столько самого суффикса, сколько соответствующей производящей основы. К числу производящих основ, имеющих, согласно FS, максимальную фреквенцию, относятся 6 прилагательных: *celý* 2767, *každý* 2254, *starý* 1649, *malý* 1081, *mladý* 787, *bílý* 604. Характерно, что первые пять из них встречаются в FS лишь в сочетании с суффиксом *-ičk-* и лишь *bílý* оформлено суффиксом *-oučk-*. Таким образом, пять из семи основ, с которыми сочетается суффикс *-ičk-*, имеют максимальную для прилагательных со значением интенсификации фреквенцию. В силу ряда высказанных выше соображений мы продолжаем придерживаться той точки зрения, что наиболее выразительными в эмоциональном отношении дериватами являются образования с суффиксом *-ink-*, наименее выразительными — образования с суффиксом *-oučk-*. На протяжении исследуемого периода частотность употребления дериватов с суффиксами *-ičk-*, *-ink-* эволюционировала в сторону сужения, дериватов с суффиксом *-oučk-* — в сторону расширения.

3. Участие словообразовательных средств в процессе создания новых слов

Заранее заметим, что данный критерий определения степени продуктивности не может быть подкреплён на нашем материале красноречивыми примерами, поскольку лексический состав прилагательных со значением интенсификации по сравнению с некоторыми другими словообразовательными категориями эволюционирует несколько замедленно. Инвентарь производящих основ, от которых допустимо образование суффиксальных дериватов, характеризуется большой стабильностью; здесь, как правило, отсутствует архаичная, устаревшая лексика (в противоположность набору основ, отмечающемуся у префиксальных дериватов). Последнее обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что при-

лагательные данной структуры функционировали главным образом в тех стилях литературного языка, которые были близки по присущим им средствам выражения к разговорной речи. Состав основ, характерных для словопроизводства суффиксальных прилагательных со значением интенсификации, лишь в незначительной степени пополняется новыми лексемами. Важно также подчеркнуть, что суффиксы со значением интенсификации обычно не присоединяются к основам заимствованного происхождения. Исключение составляют лишь немногочисленные дериваты типа *mizerňoučký*, *naivňoučký* (оформленные, кстати, суффиксом *-oučk-*). В отличие от словарей, отражающих состояние чешского языка эпохи Возрождения, современные словари в числе производящих основ отмечают также и лексику негативной оценки: *podloučký* PS; *malicherňoučký* PS*, SSJČ*; *lenivoučký* PS*; *hruboučký* PS; *pitomoučký* PS, SSJČ; *mizerňoučký* PS, SSJČ; *blboučký* SSJČ; *mrzuťoučký* (современная экскерпция); *hloupoučký* PS, SSJČ; *hlouparoučký* SSJČ; *hloupičský* PS, SSJČ*. Как мы видим, эти прилагательные образованы преимущественно посредством суффикса *-oučk-*. По-видимому, в тот период, когда в сферу словопроизводства прилагательных со значением интенсификации была вовлечена указанная лексика, наибольшей словообразовательной активностью отличался суффикс *-oučk-* (фонологические условия в большинстве случаев допускают наличие и других суффиксов со значением интенсификации).

Изучение эволюции словарных помет, а также сопоставление данных разновременно издававшихся словарей позволяют установить, что лексический состав дериватов с суффиксами интенсификации с течением времени подвергся ряду изменений. Упомянем прежде всего случаи отсева архаической, устаревшей лексики (мы имеем в виду слова, зафиксированные лишь старыми и опущенные современными словарями⁷⁵), численность которой более велика у суффикса *-ičk-*, далее у суффиксов *-ink-*,

⁷⁵ Ср.: *rozkošnický* J, K, Pal; *spořičký* J, K; *studenický* J, K, Pal, Kon, Tom; *šťastnický* J, K; *takovičský* J, K, Šum; *příminký* J, Šum; *prázdninký* J; *něžninký* J, K; *hustínky* J, K; *celounký* J, K; *břížounký* J, K; *chlupařounký* K; *přímounký* J, Šum; *hušounký* J, K; *rovňounký* J, K, Šum; *přímoučský* J; *plihoučský* J, K, Šum; *mdloučský* J, K.

-ounk-; меньше всего ее у суффикса *-oučk-*, что также является свидетельством того, что словообразовательная активность суффикса *-oučk-* возросла в более позднее время, начиная со второй половины XIX в. О том, что процесс отсева малоупотребительной лексики продолжается и поныне, свидетельствует, в частности, характер словарных помет в PS (табл. 5).

Таблица 5

Дериваты с суффиксом	Количество дериватов	Количество основ	Без ограничит. помет (дериваты)	С ограничит. пометами (дериваты)
<i>-ičk-</i>	55	55	43 (78%)	12 (21%)
<i>-ink-</i>	41	41	33 (80%)	8 (19%)
<i>-oučk-</i>	140	137	123 (87%)	17 (10%)
<i>-ounk-</i>	97	93	83 (85%)	14 (14%)

Ориентируясь на данные PS (сопоставление с SSJČ невозможно, поскольку это издание не завершено), мы заключаем, что в современном литературном чешском языке наиболее широко представлены дериваты с суффиксом *-oučk-*, затем с *-ounk-*, меньше всего зафиксировано дериватов с суффиксами *-ičk-*, *-ink-*. Без ограничительных помет больше всего приводится дериватов с суффиксом *-oučk-*, далее *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-*.

4. Характер отношения одноосновных дериватов

Установлено, что суффиксы *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-* употребляются в сходных структурных условиях. Это означает, что каждая производящая основа (за исключением тех, которые по фонологическим причинам не сочетаются с суффиксами с начальным *i*) может иметь полный набор дериватов со всеми четырьмя аффиксами. Однако поскольку практически это наблюдается не всегда, мы попытались систематизировать основы в зависимости от характера реализации присущих им комбинаторных возможностей. В результате были выявлены следующие типы основ:

А. Основы, допускающие комбинацию со всеми четырьмя формантами, т. е. полная реализация комбинаторных возможностей. Указанное явление наблюдается у 36 основ, многие из которых характеризуются высокой фреквенцией в языке: *bledý, bílý, celý, černý, dobrý, drobný, drsný, hloupý, hladký, chudý, chladný, jasný, jemný, krásný, krátký, krotký, lehký, malý, mladý, něžný, prostý, přítmý, plný, pramladý, řídký, skromný, skrouný, sladký, snadný, sprostý, teplý, tenký, útlý, úzký, zlatý, zelený*.

Б. Основы, имеющие неполный набор аффиксов. Здесь отмечаются ситуации: 1) реализуется лишь одна из двух пар дериватов, образованных посредством формантов с начальным гласным *o* — 30 основ: *blízký, břitký, čerstvý, drahý, hebký, chutný, kulatý, klidný, měkký, mělký, modrý, nepatrný, nevinný, oblý, ostrý, pomalý, přesladký, roztomilý, rozmilý, sivý, slabý, snědý, suchý, štíhlý, těsný, tichý, tuhý, volný, vlahý, vlhký*; с начальным гласным *i* — 2 основы: *prázdný, samotný*. Как мы видим, возможность комбинации с формантами на *o* является более вероятной. В ряде случаев наличие пробела в составе словообразовательного гнезда может быть мотивировано фонологическими особенностями чешского языка. Так, в частности, суффиксы с начальным *i*, как правило, не сочетаются с основами на согласные *h* (вместо морфемы с *i*, в данной ситуации фиксируется его вариант с *y*), *r*, *k*, *ch* и некоторыми другими. Ср., например, *modrý — modroučkový, modrounký; měkký — měkkoúčkový, měkkounký; plochý — plochoúčkový, plochounký; tuhý — tuhoučkový, tuhounký* и т. д.; 2) частичный пробел в наборе аффиксов: отсутствует не вся пара, а лишь отдельное ее звено — в этом случае мотивировка наличия пробела затруднительна. Здесь наблюдаются следующие комбинации: а) полностью реализована пара формантов с начальным *o* и один из компонентов пары с начальным *i* (в 15 случаях это формант *-ičk-*: *brzký, čistý, hezký, holý, křehký, milý, mírný, mdlý, nahý, nízký, pěkný, rovný, vlašný, veselý, žlutý*; в 2 случаях — *-ink-*: *pramalý, světlý*); б) полностью реализована пара формантов с начальным *i* и один из компонентов пары с начальным *o* (в 5 случаях это *-ounk-*, *hustý, každý, přemalý, přeútlý, překrátký*; в 4 случаях это суффикс *-oučk-*: *jediný, přeskrouný, samý, starý*); в) реализуется по одному компоненту из каждой пары

[в 14 случаях суффиксы *-oučk-* и *-ičk-*: *bídný, hotový, hubený, chatrný, kyselý, nový, praskrovný, prachudý, stručný, studený, smutný, šťastný, švarný, ubohý*; по одному случаю с суффиксами *-oučk-* и *-ink-* (*okrouhlý*) и *-ounk-* и *-ičk-* (*špat-ný*)].

В. Наконец, основы с единственным дериватом из четырех — 125 основ; в виду их многочисленности мы не даем перечень основ. Заметим лишь, что 62 основам соответствует дериват с *-oučk-*, 28 — с *-ounk-*, 27 — с *-ičk-*, 8 — с *-ink-*. Рассмотрим перечисленные выше группы основ с учетом их фреквенции (цифровые данные извлекались из FS). Результаты обследования отражают табл. 6 и 7.

Таблица 6

	Общая фреквенция всех основ	Средняя фреквенция одной основы	Количество основ	Количество основ, имеющих в FS	Количество основ, опущенных в FS
A	11618	322 (322 *)	36	35	1
B ₁	2085	62 (66)	32	30	2
B ₂	10603	246 (302)	43	35	8
B	9194	72 (113)	125	81	44

* В скобках приводится средняя частотность основ, имеющих в FS.

Таблица 7

	Количество основ с фреквенцией						Количество дериватов от данных основ, имеющих в FS	
	Более 1000	Более 200	Более 100	Более 50	Более 20	Более 10		Менее 10
A	3	11	8	4	7	—	2	10
B ₁	—	3	6	7	5	5	3	4
B ₂	3	8	7	7	3	3	3	4
B	2	8	7	9	20	16	19	2

Из приведенных таблиц следует, что производящие основы, характеризующиеся максимальной фреквенцией (в рамках прилагательных со значением интенсификации),

обладают более разветвленными пучками дериватов ⁷⁶. Так, наивысшая общая и средняя фреквенции отмечаются именно у основ с четырьмя дериватами. Показательно, что фреквенция подавляющего большинства основ, относящихся к группе А, зарегистрирована в FS (за исключением одного случая). Заслуживает внимания и тот факт, что от данных основ образовано наибольшее количество прилагательных со значением интенсификации, фреквенция которых указывается в FS. Существенно ниже фреквенция основ с меньшим количеством производных, что особенно наглядно прослеживается на примере групп B₁ и B. Так, объединенные в группе B основы с изолированными связями меньше всего представлены в FS, поскольку они имеют минимальную фреквенцию.

Группирующиеся вокруг одной и той же основы дериваты с суффиксами *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-* являются не только синонимами, но и дублетами. Их семантическое или стилистическое разграничение на данном этапе существования чешского литературного языка в большинстве случаев не только затруднительно, но часто и невозможно осуществить. Опрос носителей языка также не позволяет установить некоторую стабильную грань между сопоставляемыми одноосновными дериватами; колеблются носители языка и в определении наиболее употребительных дериватов.

Факт дублетности анализируемых прилагательных наглядно подтверждают случаи, когда данные образования встречаются в полностью идентичных контекстных ситуациях. Ср.: *jako pavouk ze sítě pozoroval každické hnutí*, Herben. Do třetího, 1889-A; *jako pavouk jenž roztáhne svou síť a pozoruje každické hnutí*, Herben. Na dědině, 1893-A; *zahubil chudičkému Lubošovi celinké stádo jeho* и здесь же *třetinu z celičkého stáda dám Lubošovi*, Lang. Sel., рассказ. Эти и подобные им примеры свидетельствуют об известном безразличии автора к словообразовательному оформлению прилагательного. Ср. и другие примеры: *seznala slečinka mnoho sladických panáčků*, Čechoslav, 1821, рассказ; *Nikoli, můj sladounký panáčku!* Št. Octář, пьеса; *lehoučká jako pířko letěla stále dál*, Mršt. Poh. m.; *Ono bylo malinké*,

⁷⁶ Ср., в частности, прилагательное *malý*, входящее, по данным FS, в состав производящих основ с максимальной фреквенцией (1081) и имеющее большое количество производных.

jako pířko lehounké, Kamarýt. Básně; z běloučké ručky damské, Paleček. J. Arbes, 1878-A; rukou běličkou hladíc, J. Langer. Spisy 2, 1861-A; spínala ručičky bělounké, Jindy, 1833, 2, сказка; šátek bělounký jako křída, Jirásek. Psohlavci, 1886-A; Myška byla jedna mladinká, jako sněh a křída bělinká, Chmela. Bajky, 1818-A; mládež vedla dvanáctero beránek co labuť bělounkých, V. S. Novotný. Obět, 1824-A; Byl beránek tichounký, jako labuť bělounký, Chmela. Bajky; jaké je to krásné holoubátko! Bělounké jako padlý sněh, Šum. M. čít., рассказ; Oděv co sněh běloučký, Puchm. Nov. básně, I, 1758-A; holubičky, jako padlý sněh běličky, Lešetický. Pís. a bal., 1858-A; Ptáček malinký, co sněh bělinký, Marek. Básně, 1823-A.

Во многом тождествен и состав определяемых существительных. Так, в архиве ИЧЯ *celičký* и *celinký* фиксируются в сочетании с одними и теми же существительными *den, čas, svět, život, srdce, stádo, noc, duše; čistounký* и *čistoučký — dům, prádlo; droboučký* и *drobounký — prsa, tvář, zuby; hebounký* и *heboučký — pleť, ruка, tvář; hladičký* и *hladinčký — tvář, obličej, brada; hezounký* и *hezoučký — dítě, panenka, slečna, tvář, kočka, stavení*. Количество подобных совпадений очень велико, в особенности у прилагательных *malý, mladý, lehký, krátký* и многих других. Подстановка различно оформленных дериватов в контекст не меняет ни смысла высказывания, ни его эмоциональной окраски. Поэтому неслучайно эксцерпторы, комментируя те или иные примеры, нередко допускают взаимозамену прилагательных со значением интенсификации, имеющих различную словообразовательную структуру: *Bělounké ručky sklesly jí do klína*, Jirásek. Dvě pov., 1882-A (=бѐloučký, velice bílý); *V tom všimnul si Kačenky, jak z drahého bílounkým beránkem podšitého kožišku svléká...* Mrštík. Zumři, 1912-A (=бѐloučký); *jedné mladounké maminky otázal*, Kronbauer. Z posl. st., 1890-A (=mladičká, velice mladá); *Takto celinký den v sladké ouzkości umrtviv*, Doucha. Thomson. Počasy, 1842-A (=celičký, úplně celý); *Vyběhla bříza běličká, jak ze stáda ta kozička*, Hálek. V přírodě, 1872-A (=бѐlounká); *bradu sobě ohledáváje, byla hladička*, Žert. a prav., 1796-A (=hladoučký); *lehýčké zasmušení jeví se jí v obličejí*, Vetešník. Alžběta, 1830-A (=lehoučké); *Netrpělivě se derou mladounké růže z poupat svých*, Hanka. Gesner. Idyly, 1819-A (=mladičký). К подобного рода взаимозаменам охотно прибегают и составители словарей, например,

jemničký, jemninký expr. 'velmi jemný; mile, příjemně jemný; *jetňoučký, jetňounký*' SSJČ и пр.

Небезынтересно проследить характер словарных помет, сопровождающих одноосновные дериваты. В настоящей работе мы оперировали данными относительно 97 гнезд, являющихся точкой пересечения структурных связей суффиксов *-oučk-*, *-ounk-*, *-ičk-*, *-ink-* (остальные случаи не представляли интереса).

Анализ слдварных помет, а также опрос носителей языка позволили установить, что группирующиеся в одном и том же словообразовательном гнезде дериваты, как правило, находились или же находятся в состоянии конкуренции.

На имеющемся у нас материале можно наблюдать две фазы этого процесса: А. Конкуренция не завершена; внешний симптом — отсутствие дифференцирующих словарных помет у сопоставляемых дериватов. Б. Конкуренция завершается или завершена. Имеющиеся в наличии пометы сигнализируют, что сфера употребления того или иного деривата ограничена — следовательно, дублетность нарушается, конкуренция прекращается.

Изучение языковых фактов показало, что в 38 случаях не удастся установить направление этого процесса, поскольку входящие в состав одного и того же словообразовательного гнезда дериваты-конкуренты не имеют дифференцирующих словарных помет. Приведем несколько примеров: а) случаи с 2 конкурентами (25 примеров — здесь и ниже дается лишь часть примеров) - *drob(ný)*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, Kon, Pal, Tom; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K⁷⁷; *blíz(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon; *čerstvý*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT; *heb(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *měkký*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Tham, Tom, Pal, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, Šum, J, K; *mělký*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K Šum; *slabý*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Tham⁷⁸; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Tham; *tichý*: *-oučk-* PS, VT, J, K, Kon, Šum; *-ounk-* PS, VT, J, K, Kon, Šum; б) случаи с 3 конкурентами (3 примера) — *samý*: *-oučk-* PS, VT*, SSJČ; *-ičk-* PS,

⁷⁷ Фреквенция обоих дериватов приводится в FS.

⁷⁸ Фреквенция обоих дериватов также приводится в FS.

SSJČ, Šum, J, K, Pal; *-ink-* PS, SSJČ, Šum⁷⁹; *jediný*: *-oučk-* PS*, SSJČ*, VT*; *-ičk-* PS*, SSJČ*, VT*; *-ink-* PS*, SSJČ*, VT*; *brz(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K; *-ičk-* PS, SSJČ, J, K⁸⁰; в) случаи с 4 дериватами (10 примеров) — *hlad(ký)*: *-ičk-* PS, SSJČ, J, K, Kon, Tham, Pal; *-ink-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K; *chudý*: *-ičk-* PS, SSJČ, J, K, Šum; *-ink-* PS, SSJČ, J, K, Šum; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT; *prostý*: *-ičk-* PS, VT, SSJČ, J, K, Šum; *-ink-* PS, SSJČ, VT, Šum; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT; *ten(ký)*: *-ičk-* PS, VT, J, K, Tom, Tham, Kon, Pal, Šum; *-ink-* PS, VT, Šum, J, K; *-oučk-* PS, VT, Kon, J, K, Šum, Tom, Pal, Tham; *-ounk-* PS, Tham, K, VT; *mladý*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT, Kon, Tham, Tom, Pal, J, K; *-ink-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K; *zlatý*: *-ičk-* PS, VT, J, K, Šum; *-ink-* PS, VT, J, K, Šum; *-oučk-* PS, VT, J, K, Šum; *-ounk-* PS, VT, J, K, Šum; *drobný*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal, Kon; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal, Šum, Kon; *-ink-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *snadný*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-ink-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ.

Учитывая характер словарных помет, при оценке степени употребительности того или иного деривата, мы воспринимаем данные словаря как обобщение коллективного опыта, как некоторые вехи, намечающие ход, направленность процесса конкуренции. Вместе с тем очевидно, что словарь не во всех случаях является полностью адекватным отражением реально существующих языковых соотношений и что степень употребительности отдельных образований носителями языка может быть оценена иначе⁸¹. Так, например, есть основания полагать, что, вопреки характеру словарных помет, в составе словообразовательного гнезда *mladý* можно выделить как наиболее употребительный дериват *mladičký* (судя по FS, именно это прилагательное имеет в рамках указанного словооб-

⁷⁹ Есть основания полагать, что дериват с *-oučk-* является менее употребительным.

⁸⁰ Результаты опроса свидетельствуют о равноценности всех трех партнеров.

⁸¹ Например, дериват *prošounký* был определен носителем языка как малоупотребительный.

разовательного гнезда максимальную фреквенцию)⁸². Характерно также, что эксцерпторы, комментируя одноосновные дериваты, группирующиеся вокруг *mladý*, в качестве эквивалента приводят, как правило, *mladičký*, а не образования с другими суффиксами; ср.: *mlaďounké růže*, Hanka. Gesner. Idyly, 1819 (= *mladičký*); *mlaďounké taminky otázal*, Kronbauer. Z. posl. st., 1890 (= *mladička*, *velice mladá*). По-видимому, для эксцерптора прилагательное *mladičký* является наиболее полноправным репрезентантом данного словообразовательного гнезда.

Ниже мы рассмотрим случаи, когда направленность хода конкуренции является более или менее определенной и когда в силу характера словарных помет можно выявить дериваты, занимающие в процессе конкуренции более сильную позицию.

Изучение языковых фактов показало, что наиболее часто в сильной позиции⁸³ оказываются дериваты, образованные посредством формантов с начальным *o*. Так, в 45 случаях (из 57) прилагательные, содержащие в своей структуре суффиксы *-oučk-* или *-ounk-*, либо не имеют ограничительных помет вообще, либо являются более употребительными, чем соответствующие дериваты с *-ičk-*, *-ink-*: а) случаи с 3 одноосновными дериватами (11 примеров) — *hez(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, J, K, Pal, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, J, Pal, Šum, Tham; *-ičk-* PS*, VT*; *žlutý*: *-oučk-* PS, VT; *-ounk-* PS, VT, K; *-ičk-* PS*, K; *křeh(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, Pal, Tham, Tom; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, Kon; *-ičk-* (Возр.); *milý*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon; *-ičk-* J, K, Šum; *níz(ký)*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J; *-ounk-* PS, SSJČ; *-ičk-* J, Pal; *mírný*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT řidč.; *-ičk-* (exc. Возр.); *červený*: *-oučk-* PS, SSJČ*, VT, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ*, J, K, Šum; *-ičk-* J, K; *čistý*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT; *-ičk-* (exc. Возр.); *světlý*: *-ounk-* PS, SSJČ; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ink-* PS*, SSJČ řidč. Как мы видим, дериваты с суффиксом *-ičk-* (или *-ink-* в одном случае), входящие в состав словообразовательного гнезда, оказались неупотребительными и были оттеснены более «преуспевающими» конкурентами. В подавляющем боль-

⁸² FS дает также фреквенцию для *hebounký*, *tenounký*, *chudičký*.

⁸³ В сильной позиции находятся наиболее употребительные из конкурирующих дублетов, не имеющие обычно ограничительных помет.

пинстве случаев характер словарных помет полностью совпадает с данными, полученными при опросе носителей языка, которые, как правило, определяют дериваты с *-oučk-*, *-ounk-* как более употребительные. Сказанное распространяется и на такие случаи, когда процесс конкуренции не является завершённым; ср.: *pěkný*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, Kon, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, Šum, Kon; *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, Šum, Kon, Pal, где, согласно данным опроса, наиболее употребительными являются образования *pěčkoučký*, *pěčkounký*; б) случай с 4 дериватами (16 примеров) — *skromný*: *-ičk-* PS, SSJČ řidč.; *-ink-* PS, SSJČ řidč.; *-oučk-* PS, SSJČ; *-ounk-* PS, SSJČ; *skrovný*: *-ičk-* PS, SSJČ řidč., J, K, Pal; *-ink-* PS, SSJČ řidč., K; *-oučk-* PS, SSJČ, J, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K; *něžný*: *-ičk-* J, K; *-ink-* J, K; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *krásný*: *-ičk-* J, K, Šum; *-ink-* (exc. Возр.); *-oučk-* PS, SSJČ⁸⁴; *-ounk-* PS, SSJČ; *dobrý*: *-ičk-* PS, VT*, J, K, Kon, Tham; *-ink-* J, K; *-oučk-* PS, SSJČ, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K; *útlý*: *-ičk-* J, K, Tom, Pal, Šum; *-ink-* VT*, J, K, Šum, Pal; *-oučk-* PS, VT, Šum; *-ounk-* PS, VT, J, K, Šum; *úz(ký)*: *-ičk-* J, K, Šum; *-ink-* J; *-oučk-* PS, VT, J, K, Šum; *-ounk-* PS, VT, J, K; *slad(ký)*: *-ičk-* PS*, J, K, Kon; *-ink-* PS řidč., SSJČ, J, K, Kon; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon.; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon.; *bledý*: *-ičk-* PS, SSJČ*, VT, J; *-ink-* PS, SSJČ*, VT, J; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J; *-ounk-* PS, SSJČ, J; *jasný*: *-ičk-* PS, SSJČ*, VT, J, K; *-ink-* PS, SSJČ*, VT, J, K; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K; *leh(ký)*: *-ýčk-* PS*, SSJČf, J, K, Pal; *-ýnk-* PS, SSJČ řidč.; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Tom, Pal, Kon, Tham, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, J, K, Šum, Pal; *jemný*: *-ičk-* PS*, SSJČ, VT; *-ink-* PS*, SSJČ, VT; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* PS, SSJČ; *říd(ký)*: *-ičk-* J, K; *-ink-* PS*; *-oučk-* PS, VT, Kon, Šum, J, K, Pal, Tham; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, Šum.

Данные опроса, как правило, подтверждают факт большей употребительности суффиксов *-oučk-* и *-ounk-*. Равным образом квалифицируются и образования *běloučký* и *bělounký* в составе словообразовательного гнезда: *bílý*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT řidč., J, K, Šum; *-ink-* (exc. Возр.); *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon, Tom, Tham, Pal; *-ounk-* PS, SSJČ, Šum, Tham, Tom, Pal. В числе при-

⁸⁴ Согласно опросу, образование с *-oučk-* является более употребительным.

лагательных, фреквенция которых указывается в FS, приведены также дериваты с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*: *křehoučký*, *čistounký*, *lehounký*, *běloučký*.

Факт большей употребительности дериватов с данными суффиксами косвенным образом подтверждают и случаи нарушения структурного согласования рядом стоящих определений с суффиксами интенсификации: *ruce drže v kapsách kratičkého, lehoučkého kabátu*, Klostermann. Suplent, 1913-A; *sedělo malinké, jemňounké děvčátko*, Vrchlický. Andersen. Pohádky, 1902-A; *služka, maličká, běloučká Kačenka*, Svobodová. Na pís. půdě, 1895-A; *Beránek mladický a běloučký jako padlý sníh*, Kramer. Več. shrom., 1801-A; *Nad hlavami plují lehýnké mlhy, bělounké jako tylový šat*, Třebízský. Bludná duše, 1882-A. Можно допустить, что наблюдаемое расхождение в суффиксальном оформлении близко стоящих прилагательных обусловлено тем обстоятельством, что дериваты *lehýčký*, *jemnínký*, *běličký* оказались менее употребительными, чем их соответствующие дублиеты. Характерно, что именно прилагательные с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*, а не дериваты иной структуры используются эксерпторами в качестве эквивалентов в приводимых выше примерах: *bříza běličká*, Hálek. V přírodě, 1872-A (= *bělounká*); *Bělounké ručky sklesly do klína*, Jirásek. Dvě pov., 1882-A (= *běloučký*); *lehýčké zasmušení*, Vetešník. Alžběta (= *lehoučké*), 1830-A.

Сильную позицию дериватов, включающих суффиксы с начальным *i*, иллюстрируют следующие случаи: а) с 3 дериватами (1 пример) — *každý*: *-ičk-* PS, SSJČ, J, K, Kon, Pal; *-ink-* PS, SSJČ, J, K; *-oučk-* PS*, VT*; б) с 4 дериватами (2 примера) — *celý*: *-ičk-* PS, SSJČ, J, K, Šum; *-ink-* PS, SSJČ, J; *-oučk-* J, Šum; *-ounk-* J, K; *krot(ký)*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT; *-ink-* PS, SSJČ, VT; *-oučk-* PS*, SSJČ řidč., VT*; *-ounk-* PS*.

Особо следует сказать о дериватах, сгруппированных вокруг *malý*. Несмотря на то, что имеющиеся словарные пометы не дают возможности разграничить дублиетные образования (ср.: *malý*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Tham, Kon; *-ink-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Tham, Tom, Kon; *-oučk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum, Kon; *-ounk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon, Šum, Pal), результаты опроса носителей языка позволяют заключить, что сопоставляемые как дублиеты дериваты не вполне равноценны в отношении их употребительности в языке: *maloučký*, *malounký* употреб-

ляются крайне редко. FS дает фреквенцию (максимальную для прилагательных со значением интенсификации) лишь для *maličký, malinký*. Показательны и случаи нарушения структурного согласования прилагательных: *jsou Jehličky tenounké a malinké jako vlas*, Pr. posel; *ručky u ní jsou bělouňké a prstičky malinké*, Lumír, 1875-A; *on je takový slaboučký a malinký*, Ruská směs, 1845-A. В качестве эквивалента к *malounký* эксцерптор приводит дериваты *maličký* и *malinký*: *Byla to malounká stařenka*, Mrštík. Zumři, 1912 (= *maličký*); *Ty rozkošně, malounké chaloupky hor*, V. Mrštík. Kniha cest, 1901-A (= *hodně malinká*). Наконец, в двух случаях в сильной позиции оказываются дериваты либо с *-ink-*, *-oučk-*, либо с *-oučk-*, *-ičk-*: *hloupý: -ičk-* PS, SSJČ*, VT; *-ink-* PS, SSJČ; *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* VT, SSJČ⁸⁵; *holý: -oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ounk-* (exc. Возр.); *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, Pal, Tham, Kon.

Рассматривая приводимые выше словообразовательные гнезда, мы не можем не заметить, что процесс конкуренции в них осуществляется постепенно и в настоящее время завершен не полностью. Интенсивнее всего проходит дифференциация парных дублетов: дериваты, образованные посредством форманта с начальным *o*, обычно занимают сильную позицию и являются более употребительными, чем их партнеры с суффиксом с начальным *i*.

Дифференциация внутри парных дублетов с одинаковым начальным гласным аффикса протекает более медленно — сказанное в особенности относится к дериватам с начальным *o* в составе форманта. В связи с этим справедливо сказать, что в современном литературном чешском языке процесс конкуренции внутри дублетов с *o* не завершен; на материале словарных помет и данных опроса носителей языка не удастся установить, какой из двух дериватов занимает более сильную позицию. Хотя в ряде случаев и можно определить конкретного победителя конкуренции, однако установление некоторой стабильной тенденции здесь, как правило, не удастся.

Анализ характера словарных помет позволяет выявить факты победы деривата с *-oučk-* (15 примеров) в ходе кон-

⁸⁵ Согласно опросу, дериваты с *o* являются все же более употребительными. Любопытен следующий случай нарушения структурного согласования: *Opatřila děvče podle přání. Hezounké, mladounké, hloupoučké*. A. Zápotocký. Rok, 1950-A, где деривату с *-ounk-* (*hloupouňký*) предпочитается образование *hloupoučký*.

күреңции его с дублетами с *-ičk-*, реже *-ink-*, *-ounk-*. Приведем некоторые примеры: *nový*: *-oučk-* PS, SSJČ, J, Šum; *-ičk-* PS*, SSJČ*, J, K, Šum; *chatrný*: *-oučk-* PS, SSJČ; *-ičk-* PS*, J, K; *bídný*: *-oučk-* PS fam, SSJČ, VT*, J, K; *-ičk-* J, K, Kon; *okrouhlý*: *-oučk-* PS, SSJČ; *-ink-* J, K; *šťastný*: *-oučk-* PS; *-ičk-* J, K; *studený*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ičk-* J, K, Pal, Kon, Tom; *kyselý*: *-oučk-* PS, SSJČ; *-ičk-* J, K, Tom, Pal, Tham; *hubený*: *-oučk-* PS, SSJČ, VT; *-ičk-* J, K; *tuhý*: *-oučk-* PS, J, K, Kon; *-ounk-* J, K, Kon; *vlahý*: *-oučk-* PS; *-ounk-* (exc. Возр.); *vlažný*: *-oučk-* PS*; *-ounk-* (Возр.); *-ičk-* Tham; *veselý*: *-oučk-* PS; *-ounk-* PS*, VT*; *-ičk-* K. В 4 случаях удается зафиксировать победу деривата с *-ounk-*: *rovný*: *-oučk-* J, K, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ; *-ičk-* J, K, Šum; *vlhký*: *-oučk-* J, K, Šum; *-ounk-* PS*, J, K, Šum; *nahý*: *-oučk-* SSJČ, Šum, K; *-ounk-* PS, SSJČ, VT*, J, K, Šum; *-ičk-* J, K, Šum, Kon; *chlad(ný)*: *-oučk-* J, K, Kon, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ řidč., VT, K; *-ičk-* K, Kon, Šum; *-ink-* (exc. Возр.).

Дериваты с суффиксом *-ičk-* оказываются в роли победителя в 4 случаях: *špatný*: *-ounk-* (exc. Возр.); *-ičk-* PS*; *starý*: *-oučk-* PS*, VT; *-ičk-* PS, SSJČ, J, K, Tom, Pal, Kon; *-ink-* PS*, SSJČ*; *prázdný*: *-ičk-* PS, J; *-ink-* J; *plný*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT, J, K, Pal, Šum; *-ink-* PS, SSJČ*, VT; *-oučk-* PS, SSJČ*; *-ounk-* PS, SSJČ*. В нижеследующем случае на основе данных опроса и вопреки анализу словарных помет можно выделить образование с *-ičk-* как превалирующее: *krát(ký)*: *-ičk-* PS, SSJČ, VT, Tham, Tom, Pal, Šum, J, K; *-ink-* PS, SSJČ, J, K, Kon, Šum; *-oučk-* PS, SSJČ, J, Kon, Šum; *-ounk-* PS, SSJČ, J, Šum, Kon, Pal. Наконец, в единственном случае в сильной позиции оказывается дериват с *-ink-*: *samot(ný)*: *-ičk-* K; *-ink-* PS, J, K, Šum.

Исследование характера соотношения дублетов с суффиксами *-ičk-*, *-ink-* позволяет установить, что позиции *-ičk-* несколько более устойчивы, чем у *-ink-*, — сфера употребления дериватов последнего типа обычно является более узкой⁸⁶.

⁸⁶ В качестве эквивалентов к дериватам с суффиксом *-ink-* эсдерпторы обычно приводят образования с суффиксами *-ounk-*, *-oučk-*, *-ičk-*, например, *Chladinký věterek*, Tomsa. Krummacher. Podob., 1821 (=chladaoukú); *Paní sousedka celinkou ji prohlížeje*, Pichl. Cervantesovy nov., 1838-A (=celičký); *Libá ti ousta jsou, nad med sladinká*, Macháček. Don Juan, 1825-A (=sladaoukú); *ozval se*

Изучение хода конкуренции, а также учет опроса носителей языка позволяют заключить, что на современном этапе существования чешского языка дублетные образования, группирующиеся вокруг одной и той же словообразовательной основы, могут соотноситься одна с другой либо как равноценные партнеры, либо как разграниченные в своем употреблении синонимы.

В 40% случаев дериваты с суффиксами *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-*, входящие в состав одного и того же словообразовательного гнезда, являются недифференцированными дублетами. В указанной ситуации правомерно констатировать наличие отношения конкуренции между дублетными образованиями, однако установить направленность данного процесса не удастся. В остальных (60%) случаях мы можем уже фиксировать результаты процесса конкуренции, выражающиеся в сужении сферы употребления одних дериватов за счет других. Исследуемый материал не позволяет проследить полностью ход конкуренции и ее результаты, поскольку она завершается здесь лишь в одной своей фазе — разграничения дублетов с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-*, с одной стороны, от дублетов с *-ičk-*, *-ink-*, с другой. Можно определенно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев образования с формантами на *o* занимают более устойчивые позиции в процессе конкуренции. Более дробная дифференциация одноосновных дериватов обычно не удается — по-видимому, многие образования с суффиксами *-oučk-*, *-ounk-* ныне практически являются дублетами. Более ощутимы результаты дифференциации у дериватов с суффиксами *-ičk-*, *-ink-*, где образования с суффиксом *-ičk-* чаще оказываются в сильной позиции и являются более употребительными, чем прилагательные с суффиксом *-ink-*. Однако и здесь в большом количестве случаев процесс конкуренции является незавершенным⁸⁷.

Приложение критериев определения продуктивности к нашему материалу позволяет сделать ряд выводов:

bledinký hudec, Tyl. Pout. čes. uměl., 1844-A (=bledoučký); *na bělinkém loži*, Vesna, 1838-A (=běloučky, -bělounký).

⁸⁷ Характерно, что FS приводит иногда частотные характеристики дериватов с парными суффиксами: *droboučký* и *drobounký*; *slaboučký* и *slabounký*; *maličký* и *malinký*. В целом FS помещает частотные характеристики семи прилагательных с *-ounk-* и четырех — с *-oučk-*, а также семи прилагательных с *-ičk-* и трех с *-ink-*.

1. Наиболее продуктивными в современном литературном чешском языке являются словообразовательные типы с суффиксами с начальным *o*. Именно эти морфемы характеризуются наибольшей широтой структурных связей и наибольшей устойчивостью в процессе конкуренции.

2. Есть основания полагать, что в группе дериватов с *o* в начале форманта наибольшие словообразовательные возможности имеет суффикс *i*, следовательно, словообразовательный тип с *-oučk-*. Суффикс *-oučk-* характеризуется: а) наиболее широким кругом производящих основ и наибольшим количеством изолированных позиций, включающих в данной структурной ситуации наличие других морфем; б) наиболее высокими частотными показателями; в) участием в образовании новых слов.

3. В рамках прилагательных с *i* в начале форманта наиболее продуктивным является суффикс *-ičk-*. В противоположность ему степень продуктивности суффикса *-ink-* является более низкой — он сочетается с более узким кругом основ; в структурном отношении он часто дублируется другими формантами. Изучение данных фреквенции позволяет установить, что дериваты с *-ink-* в целом являются более насыщенными в эмоциональном отношении.

Дифференцируя словообразовательные типы по степени продуктивности, мы не должны упускать из виду, что все названные выше суффиксы являются продуктивными в современном чешском языке и что, стало быть, речь идет лишь об установлении некоторых оттенков, нюансов, отличающих характер употребления дериватов одной структуры от других. Следует заметить, что превалирующее положение суффиксов *-oučk-*, *-ouňk-*, *-ičk-*, *-ink-* характерно уже для начала исследуемого периода — к концу XVIII в. набор аффиксов, используемых для словопроизводства суффиксальных прилагательных со значением интенсификации, полностью сформировался. Сфера словопроизводства данных прилагательных была узурпирована упомянутыми четырьмя суффиксами, словообразовательная потенция остальных морфем была полностью или частично парализована.

Совершенно непродуктивен ныне, например, словообразовательный тип с суффиксом *-itk-*; образованная по нему лексика имеет ярко выраженный архаичный характер. Современные словари указывают всего лишь 2 деривата

malitký, miitký, причем, SSJČ оба образования помечает крестом †. Семантика *militký* в PS и SSJČ интерпретируется без указания значения интенсификации, что несомненно свидетельствует о разрушении структурной и семантической членимости слова. В словарях XIX в. зафиксировано еще 6 дериватов с данным суффиксом, однако имеющиеся у нас экскерпции иллюстрируют лишь случаи употребления прилагательных *malitký* и *militký* (примеры относятся к XIX в.). Есть основания полагать, что процесс разрушения данного словообразовательного типа как способа словопроизводства прилагательных со значением интенсификации начался задолго до исследуемого нами периода. Не будет преувеличением сказать, что к началу XIX в. словообразовательный тип с суффиксом *-itk-* был полностью непродуктивным. Образованная по нему лексика, являвшаяся несомненной приметой архаичного стиля повествования, в языковой практике употреблялась крайне редко. Неслучайно эти прилагательные иногда встречаются в текстах переводов из древнегреческой литературы (Гомера, Овидия). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в словаре Палковича образование *malitký* помечено как устарелое. Аналогично квалифицируют дериваты *malitký, militký* грамматики Я. Неедлого, Й. Добровского. Образования с *-itk-* ныне полностью исчезли из употребления, вытесненные более продуктивными «соперниками» — отражение процесса конкуренции можно иногда видеть в словарных комментариях: *hubenitký — hubeničský* Čel. Dod., K; *uzitký — uzoučký* Čel. Dod.; *novitký — novičký* Ibid.; *malitký s. maličký* Thom; *malí(i)tký — maličký* J и пр.; см. также комментарий экскерптора: *Počnouc vuchvalovat' malitký důlek*, Pichl. Cervantesovy nov., I, 1838 (= *malinký, velmi malý*).

Мертвым является и словообразовательный тип с *-outk-*. Современные словари воспроизводят лишь два образования: *maloutký* PS*; *lehoutký* SSJČ† (Котт приводит еще *suchoutký*). Данные дериваты в экскерпциях практически не отражены; ср. лишь *jen maloutkou chvílku*, Jirásek. Temno, 1915-A (показателен комментарий экскерптора = *malinká*).

Словообразовательный тип с суффиксом *-e(ě)nk-* в литературном языке непродуктивен; образованные по нему дериваты проникли в литературный язык из диа-

лектов⁸⁸ (не исключено и влияние русского языка). В литературном языке данным дериватам соответствуют производные иной структуры. Ср.: *s dítky malenkými s svou mladuchou i chotí*, Šír. Výbor ze spis. řeč., 1827-A (эксцерптор = *malinký*; ср. также словарный комментарий в PS: **malenký* 'malinký').

Диалектный и архаичный характер носят предлагаемые старыми словарями образования типа *malichný*, *mladuchný* и некоторые другие, несущие ограничительные пометы и не воспроизводимые, как правило, в эксцерпциях. Судьба рассмотренных выше дериватов, сложившаяся самым неблагоприятным образом, объясняется прежде всего тем, что в литературном языке сфера образования первичных прилагательных была полностью узурпирована четырьмя продуктивными словообразовательными типами.

Проблема нагнетания значения интенсификации в чешском языке нередко решается при помощи использования вторичных словообразовательных операций. Характерно, что если суффикс *-at-* как компонент первичной процедуры оказался непродуктивным словообразовательным средством, то его судьба в составе вторичной процедуры нанизывания оказалась несколько более удачной: он зафиксирован в составе пяти дериватов, обозначающих малость предмета: *malinkatý* PS, SSJČ, *maličkatý* PS, *droboulinkatý* PS, SSJČ*, *malilinkatý* PS, SSJČ, *droboulilinkatý*, ехс. Судя по имеющимся у нас статистическим данным (FS их фреквенцию не приводит), их частотность очень невелика — всего зафиксировано около 20 случаев употребления. Образования данной структуры отмечаются в разговорной речи, в эмоционально насыщенных литературных текстах. Несколько чаще, чем операция нанизывания, в литературном языке использовался прием «вкладывания» морфемы. Следует отметить, что и та, и другая словообразовательные процедуры использовались главным образом при словопроизводстве прилагательных со значением интенсификации, обозначающих малость предмета (лексика иной семантики встречается более редко).

⁸⁸ Ср.: *pros (orlík) studěnku maliněnku o krůpějku lásky*, Heyduk. Symbál a h., 1876-A.

В функции вставной морфемы чаще всего бывают представлены форманты *-li-* (на протяжении исследуемого периода зафиксировано не менее 20 дериватов), *-ič-* (около 20), *-in-* (16). Сфера употребления дериватов указанного словообразовательного вида ограничена насыщенными в эмоциональном отношении контекстами; встречаются они и в разговорной речи. Вторичные дериваты со вставными морфемами принадлежат к числу лексики с низкими фреквенционными характеристиками: ни один из них не приводится в FS. Сказанное в особенности относится к прилагательным, у которых вставная морфема подвергается дополнительной редукации; ср.: *maličičičký* J, Tham, Pal; *malounininký* PS, SSJĀ*; *malililinký* J, Tham, Pal. В имеющейся у нас картотеке большинство прилагательных указанной структуры представлено единичными примерами. Фреквенцию свыше 10 имеют лишь *droboulinký*, *maloulinký*, *malilinký* (заметим, что все они обозначают малость предмета и образованы посредством вставной морфемы *-li-*).

Заслуживает внимания тот факт, что количество случаев употребления вторичных дериватов в новый период по сравнению со старым (конец XVIII — первая половина XIX в.) существенно возрастает. Не исключено, что это обстоятельство вызвано снашиванием значения интенсификации у первичных дериватов⁸⁹. Согласно материалам архива ИЧЯ, максимальную фреквенцию, помимо названных выше прилагательных, имеют *maličičký*, *slabouninký*.

При изучении прилагательных типа Б наша задача несколько упрощается, поскольку набор формантов здесь менее пестр и разнообразен, более дифференцирован, чем в типе А. Исследование материала показало, что в составе лексики типа Б относительно легко выявляется единственный словообразовательный тип, узурпировавший сферу словопроизводства — тип с суффиксом *-ánsk-*⁹⁰. Помимо него, имеется тип с суффиксом *-itánsk-* (*-ytánsk-*)

⁸⁹ Так, например, дериват *malitky*, у которого значение интенсификации потускнело, является менее употребительным, чем его производное *malilitký* PS*, SSJĀ*.

⁹⁰ Данный суффикс может использоваться в роли компонента как первичной, так и вторичной процедуры; в последнем случае имеется в виду образование *dlohátánský*, более употребительное, чем *dlohánský*.

с крайне ограниченным числом репрезентантов. Структурное пересечение суффиксов *-ánsk-* и *-itánsk-* не происходит, поскольку они отмечаются у разнооформленных основ; исключение составляет лишь прилагательное *dlouhý*, от которого возможны образования с суффиксами как *-ánsk-*, так и *-ytánsk-*. Последнее, впрочем, является менее употребительным и в состоянии конкуренции с первым не находится. Остальные фиксируемые в составе типа Б дериваты, образованные посредством суффиксов *-ajzn-*, *-izn-*, *-áln-*, *-ern-* (три последние отмечаются словарями эпохи Возрождения), в рамках литературного чешского языка не используются.

Кроме названных, следует упомянуть еще о способе словопроизводства посредством суффикса *-at-*, зафиксированном у дериватов *dlouhatý* и отчасти *širokatý*; впрочем, семантика последнего недостаточно рельефна (в противовес более старым словарям PS значение интенсификации у данного прилагательного не указывает); отмечен еще дериват *nahatý*, однако он, как и *širokatý*, интерпретируется лишь как стилистический вариант по отношению к производящему слову. Таким образом, присоединение суффикса *-at-* может не менять словообразовательную характеристику производящего слова. Можно полагать, что отсутствие рельефного словообразовательного значения характерно не только для отдельных лексем, но и для самого способа словопроизводства с суффиксом *-at-* в целом. Дериваты с *-at-* могут входить как в тип А (*maličkatý*), так и в тип Б (*dlouhatý*). Мало того, есть дериваты, у которых присоединение суффикса *-at-* сопровождается появлением значения ослабленного признака. Сказанное является дополнительным аргументом, свидетельствующим об отсутствии четкой специализации в использовании суффикса.

Как уже говорилось, в рамках словопроизводства прилагательных со значением интенсификации типа Б можно признать продуктивным лишь словообразовательный тип с суффиксом *-ánsk-*. Неслучайно поэтому входящая в состав суффикса ядерная морфема *-an-* используется и при словопроизводстве вторичных дериватов (*dlouhanánský*, *dlouhatanánský*, *hrozitanánský* и пр.) — морфемы иной структуры для этой цели не привлекаются.

Говоря о продуктивности словообразовательного типа с *-ánsk-*, не следует забывать о том, что речь идет о про-

дуктивности локальной, т. е. ограниченной вполне определенным, четко очерченным кругом основ. На протяжении исследуемого периода словообразовательная активность суффикса *-ánsk-* не возростала, так как расширение репертуара основ не наблюдалось. Отмечены были лишь некоторые сдвиги в частотности употребления дериватов данной структуры — в новый период по сравнению со старым фреквенция дериватов с *-ánsk-*, по нашим наблюдениям, несколько возросла. Производящие основы, к которым присоединяется суффикс *-ánsk-*, могут быть оформлены и посредством синонимичного префикса *pře-*; ср.: *převeliký — velikánský*, *přehluboký — hlubokánský*, *předlouhý — dlouhánský*, *převysoký — vysokánský*⁹¹ — таким образом, в этой зоне данные форманты пересекаются как относительно равноценные партнеры. Мы сознательно подчеркиваем слово «относительно», поскольку, как уже отмечалось выше, данные дериваты отличаются один от другого стилистической окраской, сферами употребления и, следовательно, не являются конкурентами.

⁹¹ Ср., например, интерпретацию эксцерптора: *Proto dostal jenom čtyři měsíce. «Copak je to proti dlouhatánskému životu!» zubil se, když uslyšel rozsudek, Stašek. O ševci, 1932-A (= předlouhý).*

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОСЛАБЛЕННОГО ПРИЗНАКА

В кругу прилагательных со значением степени качества четко обособляется лексика, фиксирующая ослабленное или неполное проявление признака, обозначенного производящей основой. Ниже мы рассмотрим особенности ее словопроизводства, семантики, функционирования в чешском языке исследуемого периода.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

I. Общая часть

Словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака осуществляется посредством словообразовательных процедур трех видов: префиксации, суффиксации, а также двухстороннего окаймления основы префиксально-суффиксальной морфемой. Соответственно, модификатор — формант, трансформирующий исходное прилагательное в дериват со значением ослабленного признака, может занимать три позиции, расширяя основу: а) влево: П ← О; б) вправо: О → С (+Ф); в) в обе стороны: П ← О → С (+Ф). Ср.: *ná- ← zelený; zelen(ý) → -av(ý); na- ← zelen(ý) → -al(ý)*. В качестве модификатора используется разнообразный набор формантов — префиксов, суффиксов, префиксально-суффиксальных морфем.

Широта инвентаря аффиксов, представляющих тот или иной способ словопроизводства, неодинакова. Так, например, префиксально-суффиксальное словопроизводство рассредоточено между несколькими относительно равноценными по своей употребительности формантами. В некоторой степени сходную картину мы наблюдаем и при

префиксальном словообразовании (в особенности для эпохи Возрождения). Сфера суффиксального словопроизводства, напротив, полностью узурпирована единственной морфемой *-av*.

Удельный вес названных выше способов словопроизводства неидентичен: в современном языке наиболее широко привлекаются суффиксальная и префиксально-суффиксальная словообразовательные процедуры. Словопроизводство при помощи префиксов в значительной степени стало архаичным.

При словообразовании прилагательных со значением ослабленного признака процедура словопроизводства осуществляется в один прием; вторичные процедуры — характерная примета экспрессивной лексики — не отмечаются.

В большинстве случаев установление словопроизводственной соотнесенности осуществляется без особых затруднений, поскольку структурно-семантическая связь между производящим и производным словами, как правило, воспринимается отчетливо. Возможные в ходе словообразовательной процедуры фонетические модификации не затемняют структуру слова — она продолжает оставаться достаточно прозрачной. Обнаружение стыков морфем также не сопряжено с особыми трудностями. Сказанное в первую очередь относится к префиксальным дериватам. Несколько сложнее обстоит дело с суффиксальными производными, поскольку грань между основой и суффиксом не всегда бывает рельефной; ср., в частности, случаи образования новых формантов в результате переразложения структуры слова (так, суффикс *-kav-* образовался в результате контаминации конечного *k* основы и суффикса *-av-*).

Словообразовательный анализ практически всех префиксальных и суффиксальных, а также некоторой части префиксально-суффиксальных дериватов производится при учете единственной словопроизводственной мотивировки, позволяющей ассоциировать производное слово с какой-то одной основой. При анализе префиксально-суффиксальных дериватов мы, напротив, нередко должны учитывать возможность выделения у одного и того же слова параллельных словообразовательных структур.

Базой словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака, как правило, являются ка-

чественные прилагательные положительной степени твердой разновидности. В процессе словообразования участвуют обычно прилагательные чешского происхождения, взятые в полной форме. Случаи отдельных отклонений от этого правила будут проанализированы ниже. В качестве производящей основы, помимо собственно прилагательных, используются и адъективированные причастия. Ниже мы рассмотрим характеристику отдельных способов словопроизводства.

II. Префиксальный способ словопроизводства

Словообразование прилагательных со значением ослабленного признака при помощи префиксов в истории чешского языка подверглось существенной эволюции, выразившейся прежде всего в сужении круга производящих основ: к середине XIX в. префиксальное словопроизводство от собственно прилагательных практически полностью атрофировалось, а ранее образованные дериваты данной структуры постепенно были вытеснены из употребления. Иначе сложилась судьба префиксальных производных, образованных от адъективированных причастий — данный способ словопроизводства сохранил свою актуальность и в современном чешском языке. Ниже мы остановимся на особенностях префиксального словообразования от обоих типов основ.

А. Словопроизводство от собственно прилагательных

При характеристике данного способа словообразования мы в основном будем оперировать фактами языкового прошлого, поскольку, как уже упоминалось, прилагательные указанной структуры не встречаются ныне в письменных текстах и полностью отсутствуют в устной литературной речи; словари приводят лишь отдельные образования реликтового порядка.

Использование префиксов для словообразования прилагательных со значением ослабленного признака от основ собственно прилагательных относительно широко практиковалось лишь в чешском литературном языке первой половины XIX в., когда дериваты указанной структуры являлись достоянием не только словарей, фиксирующих статичную картину лексических богатств

языка, но и (если судить по материалам эксперций) отмечались в текстах произведений художественной литературы, научных сочинений, прессы; рекомендовались они и грамматическими пособиями.

Изучение словарей и непосредственно текстов позволило определить набор префиксов, участвовавших в образовании интересующей нас лексики. К их числу относятся: *ná-* (*na-*), *pří-* (*při-*), *po-*, *ob-*, *zá-* (*za-*). При интерпретации значения указанных прилагательных составители словарей обычно используют в качестве семантического эквивалента сочетание ограничительного наречия *trochu drobt, poněkud, něco, skoro, téměř* и т. д. и соответствующего производящего прилагательного.

Словарь Юнгмана, наиболее полно отражающий лексику чешского языка эпохи Возрождения, приводит относительно большое количество префиксальных дериватов с формантами *ná-* (50) и *pří-* (160), прилагательные иной структуры малочисленны: *po-* (10), *ob-* (9), *za-* (2). Исследование показало, что многие прилагательные, в особенности с префиксами *ná-* и *pří-*, помимо словаря Юнгмана, воспроизводятся словарями других составителей; ср.: *ná(a)kadeřavý* J, K, Pal, Tham, Kon, Pal; *náčerný* J, K, Tham, Pal, Šum, Kon; *příčervený* J, K, Kon, Pal, Tom; *příhořký* J, K, Tom, Tham, Šum, Pal; *přízelený* J, K, Pal, Kon, Tham.

Сведения, содержащиеся в словарных статьях, обычно позволяют установить, на какие источники ориентировался Юнгман при отборе лексики. Зачастую префиксальным дериватам сопутствуют отсылки к словарям¹, грамматикам, литературным и другим произведениям XVI—XVII вв. Поскольку в этих случаях нередко отсутствуют примеры, взятые из современных составителю словаря источников, мы сплошь и рядом затрудняемся с ответом на вопрос, действительно функционировали данные образования в чешском языке эпохи Возрождения или они являлись архаизмами, более характерными для словарного состава чешского языка предшествующих

¹ J. V o d ě a n s k ý (lat. Aquensis). Latinsko-český vokabulář 1511; V. J. R o s a. Thesaurus linguae Bohemicae (конец XVII в. рукопись); J. K. R o h n. Nomenclator, t. j. jmenovatel aneb rozličných jmen jak v české a latinské, tak i v německé řeči oznamitel Praha, 1764—1768; T. R e š e l. P. Dasipodium. Dictionarium latino bohemicum et bohemico-latinum, XVI в.

эпох. Впрочем, значительное количество префиксальных образований имеет ссылки на словари, грамматические пособия и литературные произведения эпохи Возрождения. Так, например, ссылка на Добровского сопровождает прилагательные *nášilhavý* J, K, Kon; *násedivý* J; *nátrpký* J, K, Šum, Pal; *ná(a)světlý* J, K, Kon, Pal, Tham; *náměkký* J, K, Šum; *ná(a)kadeřavý* J, K, Pal, Tham, Kon; *náhnědý* J, K, Šum, Pal; *nábledý* J, K, Pal; *přídlouhý* J; *přívlažný* J; *oblýsý* J, Kon, Tham, Pal; *občerný* J, K, Tham, Kon, Šum, Pal; *oblevný* J. Примерами из современных Юнгману произведений иллюстрированы образования *násnědý* K, Kon (*Násnědá jako můj střevíc. Omyl*); *naokrouhlý* K (*Parkan s věžmi naokrouhlými Čas. mus.*); *náfialový* K (*Náfialová zrníčka Puch. hosp.*); *náčervený* (*Barvy náčervené Hlas I*); *námokrý* (*Na místech mastných námokrých, Rostl IIIb*); *přičervený* (*přičervený plamen, Hlas. I*); *přištiplavý* (*Kořen hořký přištiplavý, Rostl. III*); *příbrázdnatý* (*Lodyha příbrázdnatá, Rostl. III*); *počerný* (*Barva, která není bílá, ani červená, ani počerná, Koll*).

Словообразовательные операции, в которых участвуют перечисленные выше форманты, в большинстве своем могут быть квалифицированы как словообразовательные типы:

<i>ná-(na-)</i> <i>při-(při-)</i> <i>po-</i> <i>ob-</i>	}	+ прилагательное
--	---	------------------

Ведущую роль играют первые два типа. Ниже мы рассмотрим их формальную характеристику.

Префиксы, функционирующие в качестве словообразовательного форманта, могут быть представлены как в долгом, так и в кратком вариантах; ср.: *ná-(na-)*, *při-(při-)*. Особенно большие колебания отмечались в эпоху чешского Возрождения², когда отсутствовала четкая кодификация графического отражения количества гласного.

² *na-* (J) *ná-*(K)-*bláznivý*; *ná-* (J, K), *na-* (экспершции) *brunátný*; *na-*(Tham), *ná-* (J, K, Pal, Kon) *-drsný*; *na-* (Tham, Pal), *ná-* (K, Kon) *-kadeřavý*; *na-* (Tham, Pal), *ná-* (J, K, Kon) *-světlý*, ср. также *duben trošku přívhlký*, Palkovič. Týdeník, 1818-A; *Podnebí něco přívhlké*, Ibid.; *Květ příružový*, Reuss *Května Slov.*, 1853-A; *lupen příružový*, Ibid.

В целом предпочтение отдавалось долгому написанию префикса ³:

Комбинаторные возможности префиксов со значением ослабленного признака, как правило, ограничены основами на согласный (реже представлено сочетание с основами на гласный). Не все морфемы равным образом реализуют имеющиеся у них комбинаторные возможности: наиболее широкий и разнообразный диапазон производящих основ отмечается у префиксов *ná-*, *pří-*. Присоединение форманта обычно не сопровождается фонетическими модификациями основы.

Производящие основы представлены качественными прилагательными; использование относительных прилагательных (как правило, в окачественном значении) практикуется редко.; ср.: *nákrvavý* J, Kon; аналогично: *příkrvavý* J, K, Šum; ср. *semeno bělost mlčnou v červenost nákrvavou proměňuje*, Wolk-J; *přídřevnatý*; ср.: *Plod jest bobule vyschlá s pupem hořením, s skořepkou přídřevnatou*, Rostl., IIIb -J. Лингвистами эпохи Возрождения была предпринята попытка образовать дериваты с *pří-*, предназначенные для использования в специальной научной литературе, от ряда относительных прилагательных; ср.: *příbrázdнатý*, *příbobulovitý*, *příbezlistý*, *příblánitý*, *příbežežilý*. В подавляющем большинстве случаев указанные образования, являющиеся плодом лингвистического эксперимента, не закрепились даже в этой специальной сфере употребления.

Префиксы со значением ослабленного признака оформляют, как правило, основы собственно чешского происхождения.

Анализ словообразовательной структуры показал, что данные префиксы сочетаются в подавляющем большинстве случаев с непроизводными (в синхронном плане) основами: *nabilý* J, K, Šum; *nákyselý* J, K; *násladký* J, K, Pal, Tham, Kon, Šum; *náhrubý* J, K, Pal, Tham; *nálýsý* J, K, Kon, Šum, Tom, Tham, Pal; *náčerný* J, K, Pal, Šum, Kon, PS†, SSJČ†; *náměkký* J, K, Šum; *nábledý* J, K, Pal; *náčervený* J, K, Tham, Pal, PS†, SSJČ†; *příčervený* J, K, Kon, Pal, Tom; *příhluchý* J, K, Pal, Tom, Tham; *příhořký* J, K, Tom, Tham, Šum, Pal; *přítrpký*

³ Впоследствии для краткости будет указываться преимущественно долгий вариант префикса.

J, K, Tham, Kon; *přízelený* J, K, Pal, Kon, Tham, Šum, Pal; *příbledý* J, Kon; *poryšavý* J; *počerný* J, K, Šum; *pooblý* J, K, Kon; *pochatrný* K; *oblýsý* J, Kon, Tham, Pal; *občerný* J, K, Tham, Kon, Šum, Pal. В числе производных основ наиболее широко представлены десубстантивные образования *nábláznivý* J, K; *nákadeřavý* J, K, Pal, Tham, Kon; *nášpinavý* J, K; *návzteklý* J, K, Šum; *nákulatý* J, K; *nápíhavý* J, K; *přivlasatý* J; *přišpičatý* J; *příbrázdnatý* J; *příkadeřavý* J; *poobtěžný* J, K; *pookrouhlý* J; *pochladný* PS*, SSJČ; *polenošný* PS*, SSJČ; *obhloubný* J, K, Tham, Kon; *obžalostný* Čel.

Производящие основы иной словообразовательной характеристики зафиксированы значительно меньшим количеством производных; ср.: деадъективные основы: *nábělavý* J, PS*, SSJČ*; *náčervenavý* J; *nazelenavý* PS, SSJČ*; *příbělavý* J; *přízelenavý* J; *pozelenatý* J, K, Kon, Šum; *pozelenavý* J, K; *pobledavý* J, K, Kon, Šum; *požlutavý* J, K. Крайне малочисленны основы deverбативного образования: *nášilhavý* J, K, Kon; *příchtivý* Šum, Kon; *příštiplavý* J; *přístydlivý* J.

Основы префиксальных дериватов имеют простую структуру; редким исключением являются образования типа *příbezlistý* J; *příbezežebrý* exc., 1825 и т. д., отмечающиеся, как правило, у префикса *pří-*; все они имеют локально ограниченную сферу употребления и используются в научной терминологии.

Исходным пунктом словообразовательной операции, как правило, является положительная степень качественных прилагательных. Зарегистрированы и случаи сочетания префиксов *pří-*, *po-*, *ob-* со сравнительной степенью — впрочем, эта тенденция в литературном языке развития не получила. Прилагательные подобной структуры в незначительном количестве отражены в словаре Юнгмана; в других словарях эпохи чешского Возрождения, а также в современном литературном чешском языке они исчисляются единицами. Сказанное в особенности справедливо для дериватов с *pří-*. В словаре Юнгмана фиксируются, например, такие прилагательные, как *přítvrďší*, *přítemnější*, *přívětší*, *příkratší*, *přínejcejší* (единственный случай сочетания с превосходной степенью).

Семантика дериватов, образованных от сравнительной и положительной степеней одного и того же производящего прилагательного, раскрывается идентично, всегда с ука-

занием значения ослабленного признака; ср.: *příkrátký*, *příkratší* 'trochu krátký', *příslabý*, *příslabší* 'ein wenig schwach'. К сожалению, в словаре обычно не приводятся примеры ⁴, отсутствуют и отсылки к источнику, из которого были извлечены данные образования. Впрочем, в двух случаях Юнгман ссылается на Словарь польского языка Линде ⁵: *příslabý*, *příslabší* 'ein wenig schwach' (Котт передает значение *příslabší* как 'drobet slabší'). Факт подобной отсылки симптоматичен: по-видимому, некоторые дериваты от сравнительной степени прилагательного были включены Юнгманом под влиянием польского языка. Полонисты утверждают, что конструкции *przy* + + сравнительная степень были широко распространены в польском языке XVI—XVIII вв. По подсчетам Г. Курковской ⁶, в словаре Линде имеется около 70 слов подобной структуры. В чешском языке данные дериваты не укрепились. В эскерпциях отмечено всего лишь два примера, относящихся к раннему Возрождению: *rtý nětco příhrubší měl*, Semian. Krat. hist., 1786-A (эскерптор интерпретирует как 'dost velký' ⁷); *kalich zárkletů přidelší*, Presl. O přir. rostlin, 1823-A.

Не получило в литературном языке развития и сочетание префикса *po-* со сравнительной степенью. Современные словари приводят лишь пять образований подобного вида (все они отсутствуют у Юнгмана): *postarší* PS lid., SSJČ, VT; *pomenší* PS lid., SSJČ, VT; *posilnější* PS, SSJČ; *poslabší* PS, SSJČ řidč.; *pověšší* PS, SSJČ řidč. Зафиксирована также и комбинация с *ob-*: *obstarší* PS, SSJČ řidč. Все приводимые образования имеют низкую фреквенцию и опущены в FS. Большинство указанных дериватов подверглось лексикализации; в семантике *postarší* отчетливо ощущается значение 'немолодой, пожилой'; *pomenší* — 'маленький, небольшой' и т. д. Из сказанного следует, что вовлечение в сферу словообразования сравнительной сте-

⁴ Примеры даны лишь в двух случаях: *Nožky listů příkratší*, Rostl., III-J; *přinejcelejší* 'subintegerrimus': *listy laloků*, Ibid. В обоих случаях речь идет о специфическом использовании в языке научной, в частности ботанической литературы.

⁵ M. S. B. L i n d e. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807—1814.

⁶ H. K u r k o w s k a. Budowa słowotwórcza przymiotników polskich, Wrocław, 1954.

⁷ Эскерптор ощущает значение интенсификации; ср. также *přiosřejší* 'etwas zu scharf' — таким образом, и здесь представлено значение чрезмерности.

пени исходного прилагательного в чешском литературном языке не актуально.

Словопроизводство при помощи префиксов *zá-(za-)* и *pod-* (исконно предлога) не оформилось в чешском языке в словообразовательные типы, поскольку, как правило, здесь идет речь о единичных образованиях архаичного порядка, лишенных подчас семантической рельефности. Так, дериваты с *zá-(za-)* фиксируются лишь некоторыми старыми словарями; ср. *zátrpký* 'zatrpečlý, etwas bitter, bitterlich' Us. Tč., K; *zátěmný*, *melior zateměnlý*, *zatemělý* 'temný, dunkel, verdunkelt' J, K; *zášťastný* 'velmi šťastný' J, K — примеры везде отсутствуют. PS приводит три деривата **zaruměný*, **zazelenavý*, **zabělavý*, извлеченные из произведений писателей XIX в. Характер семантического вклада префикса в двух последних случаях установить затруднительно, поскольку в структуре слова находится суффикс *-av-*, регулярно приносящий значение ослабленного признака. Прилагательные с *pod-* очень многочисленны (ср., например, *podnapilý* 'trochu opilý' — в структурном отношении оно может быть также соотносено в качестве адъективированного причастия с глаголом *podnapíti se* 'trochu se opít'). Практически полностью лексикализованы образования *podbělný* 'ne zcela bílý, poněkud tmavý' PS† (*Jestliže by někdo chléb podbělný, prodával za bílý*); *podmladší* PS* семантически равноценно, по замечанию составителя словаря, с *mladší* (*Obludám se chtěl v čelo postavití syn podmladší*, Holecěk). Переосмыслено и образование *podstarší*, обозначающее, по данным SSJČ, служащего на пивоваренном заводе, подчиненного старшему пивовару. Некоторые приводимые PS образования с *pod-* имеют исключительно терминологическое употребление: *podbílý* PS zool. — *pisík podbílý*, pták z čeledi Scolopacidae; *podmalý*, rybař., PS — *podmalý plůdek* 'nedostatečně vyvinutý, mající při přesazení rybníka váhy jen pod 0,15 kg na 100 kusů'.

С дериватами со значением ослабленного признака в некоторых случаях тесно соприкасаются прилагательные с компонентом *polo-* (старые словари фиксируют и написание *polu-*, *polou-*), являющиеся по сути дела сложными словами с хорошо сохранившимся исконным лексическим значением компонента *polo-* 'половина, наполовину'. Тем не менее иногда наблюдаются случаи дестимологизации *polo-*, в результате чего у отдельных прилагатель-

ных этот компонент привносит несомненное значение ослабленного признака; ср. словарную интерпретацию *polobarbarský* 'téměř barbarský' PS, SSJČ; *polobázlivý* 'téměř bázlivý' PS, SSJČ; *poloblíbý* 'téměř blbý' PS, SSJČ; *polobolestný* 'téměř bolestný' PS, SSJČ; *pololesklý* 'slabě lesklý' PS, SSJČ; *poloironický* 'poněkud ironický' PS, SSJČ; *polomlhavý* 'trochu, poněkud mlhavý' PS, SSJČ; *polojasný* 'částečně jasný, ne docela jasný' PS, SSJČ; *polobilý* 'na polo bílý, bělavý' J. Однако в целом, на наш взгляд, вряд ли правомерно относить словообразовательный тип с компонентом *polo-* к числу способов словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака. Образования с *polo-* принципиально сходны с рассматриваемыми выше прилагательными со значением интенсификации, в состав которых входят полнознаменательные слова.

Б. Словопроизводство от адъективированных причастий

В современном языке данный способ словопроизводства оказался более жизнеспособным, чем чисто деадъективное словообразование.

Способность сочетаться с адъективированными причастиями обнаруживают префиксы *po-*, *pří-*. В качестве производящей основы фиксируются причастия действительного и страдательного залога прошедшего времени (в виде исключения представлено действительное причастие настоящего времени: *přiodstávající* из ботанической терминологии Пресла). Назовем некоторые прилагательные указанной структуры: *přiošumělý* PS, SSJČ; *přiohnutý* PS, SSJČ; *přísehnutý* SSJČ řidč.; *přisražený* PS, SSJČ; *přiopilý* PS, SSJČ; *přizardělý* PS, SSJČ; *přízativrdlý* J, K; *přínachýlený* J, K; *přiodstalý* J и т. д. Семантика приводимых дериватов раскрывается при помощи эквивалентов 'trochu, poněkud + адъективированное причастие'. Несколько чаще для этой цели используется префикс *po-*: *ponáhnutý* PS, SSJČ; *poošumělý* PS, SSJČ; *poomšely* PS, SSJČ; *porozrytý* PS, SSJČ řidč.; *posešlý* PS†, SSJČ†; *posvraskalý* J; *povydutý* J и пр. Заметим, что, наряду с адъективированным причастием, в функции производящей основы может рассматриваться также и глагол: *poutuchlý* 'poněkud utuchlý' PS, 'takový, který poutuchl' SSJČ řidč.;

pouvadlý 'понěkуд, trochu uvadlý, zvadlý' PS, 'такový, který povadl' SSJČ řidč; *popylezlý* 'понěkуд, trochu vylezlý' PS, 'такový, který povylezl' SSJČ; *pozarostlý* 'понěkуд zarostlý' PS, 'такový, který pozarostl' SSJČ.

III. Суффиксальный способ словопроизводства

Главенствующее положение здесь занимает суффикс *-av-*. Механизм словообразовательной процедуры в этом случае предельно прост: присоединение суффикса обычно не сопровождается фонетическими модификациями основы. В виде исключения отмечается чередование *í/ě* внутри основы; ср.: *bílý* — *bělavý*; нерегулярными являются случаи усечения конечного согласного основы: *blankyt(ný)* — *blankytavý*, *vlh(ký)* — *vlhavý* (в PS последнее помечено как малоупотребительное в противовес *vlhkavý*, не имеющему ограничительной пометы), но: *sladkavý*, *řidkavý*, *hořkavý*. Формант не подвержен фонетическим модификациям.

Суффикс *-av-* присоединяется к основам непроизводных качественных прилагательных собственно чешского происхождения (не оканчивающихся на *v*): *bělavý* PS, SSJČ, J, K, Šum, Kon, Pal, Tom; *bledavý* PS, SSJČ, J, K, Šum, Kon; *červenavý* PS, SSJČ, J, Šum, Kon; *vlhkavý* PS; *snědavý* PS, SSJČ; *kyselavý* PS, SSJČ; *sladkavý* PS*; *modravý* PS, SSJČ, J, Šum, Kon (от производной основы образован лишь дериват *zlatavý* PS, VT*). По указанной выше причине отсутствуют дериваты от прилагательных с основой на *v*: *růžový*, *fialový*, *nachový*, *oranžový*, *popelavý* и пр. В большинстве случаев исходная производящая основа состоит из двух, реже — трех слогов.

В словопроизводстве прилагательных со значением ослабленного признака принимает участие и суффикс *-kav-* — расширенный вариант ядерной морфемы *-av-*, образовавшийся в результате отвлечения конечного *k* основы в дериватах типа *sladk-avý*, *vlhk-avý*. Суффикс *-kav-* был использован при образовании прилагательных *kyselkavý* SSJČ nář.; *zelenkavý* PS dial., VT, K; *žlutkavý* PS dial. В словарях и эксцерпциях эпохи Возрождения эти дериваты отсутствуют.

PS помещает также прилагательное *modřivý* с суффиксом *-iv-*, семантически равноценное деривату *modravý*. Суффикс *-iv-* представлен и в структуре прилагательного *šedivý*, являющегося стилистическим вариантом для *šedý*.

В числе прилагательных со значением ослабленного признака Юнгман приводит также дериваты, образованные посредством суффиксов *-ovat-* (иногда в виде варианта *-ovit-*), *-at-* и некоторые другие. Операции, в которых участвуют данные аффиксы, не сформировались в словообразовательные типы в силу их низкой воспроизводимости, а также нерельефности значения дериватов. Многие прилагательные данной структуры являются архаичными, некоторые из них пришли в литературный язык из диалектов или из близкородственных языков, сохранив при этом элемент чужеродности.

Использование суффикса *-ovat-* для образования прилагательных со значением ослабленного признака не представляет собой явления, абсолютно чуждого словопроизводству чешского языка. Неслучайно, прилагательные *bělovatý* (Das.), *dlouhovatý* (Kan. Lom.) и другие Юнгман сопровождает ссылками на старые словарные источники. Некоторые рекомендуемые Юнгманом дериваты являются заимствованиями или кальками из родственных славянских языков в частности, польского (отсылка к Линде): *bílovatý* 'bělovatý', pol.; *hluchovatý* 'náhluchlý' pol. et rus. (характерен комментарий, имеющийся в словаре Фр. Шумавского: *hluchovatý*, besser *náhluchlý*, *příhluchlý*); *hrubovatý*, *lysovatý*, *rusovatý*. Современные словари указывают лишь *hloupovatý* VT, PS* — в PS оно помечено как экспрессивное. Анализируя приводимые выше образования, мы видим, что суффикс *-ovat-* присоединяется к производящей основе качественных непроизводных прилагательных (за исключением *okrouhlý*). Фонетические модификации основы не отмечены (за исключением *bílý* — *bělovatý*). Примечательно отсутствие в словарях примеров к указанным дериватам (за исключением *hloupovatý*).

Использование суффикса *-at-* для словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака является нетипичным, не зафиксировано оно и в эксцерпциях. Юнгман приводит ограниченное количество дериватов с *-at-*, которые, согласно интерпретации составителя словаря, наделены значением ослабленного признака (примеры не приводятся): *bělnatý*⁸ 'bělavý' J, Kon; *bělatý*

⁸ В качестве основы могут рассматриваться прилагательные либо *bílý* (выделение суффикса *-nat-*, чередование *i/ě*), либо *bělný* 'bílý', отмечаемое словарями эпохи Возрождения (выделение суффикса *-at-*).

'nábělavý' (имеется ссылка на Добровского), Jordan; *modratý* 'modravý' (ссылка на А. Пухмайера), K; *-suchatý* 'etwas trocken' J (Us.), K; *plavatý* 'gelblich' (ссылка на Добровского); в словаре Котта приводятся образования *hněvatý* 'poněkud hněvivý', *šedivatý* 'graulich' Us. Противоречивую трактовку получает прилагательное *dlouhatý* — в старых словарях оно подается как образование, имеющее значение ослабленного признака; ср.: *dlubhatý* 'länglich' (ссылка на Добровского), K, Šum, Kon; в современных словарях его семантика раскрывается иначе — 'velmi dlouhý' PS, SSJČ, т. е. со значением интенсификации. В эксерпциях эпохи Возрождения данное прилагательное также функционирует со значением интенсификации: *O jel ti (nepřátelé) mají dlouhaté píky*, Št. Alína.

Поскольку прилагательные с суффиксом *-at-*, имеющие значение ослабленного признака, очень малочисленны, не подтверждены эксерпциями, а также отсутствуют в современных словарях, мы можем предположить, что либо это факт случайный, незакономерный (находящийся на грани лексикографической неточности), либо это проявление сознательного намерения составителя словаря привить новый способ словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака. Если справедливо последнее, то приходится констатировать, что данная рекомендация в языковой практике не закрепились. В современном языке дериваты с *-at-* имеют отчетливое значение интенсификации признака, сопровождаемое выразительной экспрессивной окраской.

IV. Префиксально-суффиксальный способ словопроизводства

В настоящем разделе работы рассматриваются случаи использования сложных префиксально-суффиксальных морфем при словопроизводстве прилагательных со значением ослабленного признака в чешском литературном языке. Заметим, что данный способ словообразования исследуемой нами лексики в лингвистической литературе освещен совершенно недостаточно; не существует сложившейся концепции по данному вопросу и в чешской лингвистике. Сознвая дискуссионный характер проблемы, мы заранее предвидим возможные нарекания или возражения по поводу высказываемых ниже соображений или же

в связи с интерпретацией словообразовательной структуры тех или иных дериватов.

Изучение большого фактического материала дает нам основание утверждать, что использование префиксально-суффиксальных морфем для словообразования прилагательных со значением ослабленного признака в современном литературном чешском языке является вполне самостоятельным, сложившимся способом словопроизводства. Наличие в структуре прилагательных сложного форманта не носит спорадического характера, напротив, оно довольно последовательно прослеживается у большой группы лексики. При этом важно подчеркнуть, что префиксально-суффиксальные морфемы не только являются компонентами словообразовательной структуры уже существующих лексем, но и, как будет показано ниже, активно используются при создании новообразований.

Основным материалом при рассмотрении префиксально-суффиксального способа словопроизводства будут служить так называемые адъективированные причастия (в чешской лингвистической терминологии — это отглагольные прилагательные со значением действия) типа *nasládlý*, *přihluchlý*, *pobledlý*, *obtloustlý* и другие, наделенные значением неполного проявления признака. Исконно указанные образования были произведены от глаголов, словопроизводственная связь с которыми в большинстве случаев сохранилась и поныне. Так, при словообразовательной интерпретации деривата *pomodralý* в качестве производящей основы могут рассматриваться глаголы *modrati* 'синеть' и *pomodрати* 'становиться синим, слегка синеть'. В первом случае *pomodralý* квалифицируется как префиксально-суффиксальное отглагольное производное, во втором — как адъективированное причастие. Не считая необходимым аргументировать здесь, какая из двух глагольных мотивировок является более актуальной, заметим лишь, что мы в настоящем исследовании оказывали все же предпочтение мотивировке второй как более реальной в структурном и семантическом отношениях.

Наличие словопроизводственной связи с глаголами, обозначающими неполную степень проявления действия, позволяет ассоциировать образования типа *načernalý*, *nahluchlý* непосредственно с глаголами *načernati*, *nahluchnouti* и пр. В этом случае в семантике деривата акцентируется оттенок процессуальности; значение неполноты

признака является не словообразовательным — оно «унаследовано» от соответствующего производящего глагола⁹; ср.: *načernati* ‘poněkud zčernati’, *nahluchnouti* ‘ztrátit částečně sluch’ (аналогично *pošednouti* ‘trochu, mírně zešednout’, *pohnědnouti* ‘trochu zhnědnouti’).

Находящиеся в поле нашего зрения адъективированные причастия являются гибридной категорией, сочетающей в себе, наряду с некоторыми особенностями, унаследованными ими от глаголов, черты, приобретенные по мере адъективации.

Процесс развития качественных значений проявился не только в усвоении причастиями ряда формальных примет, присущих именам прилагательным (здесь имеется в виду, в частности, согласование в роде, числе, падеже с определяемым именем существительным, факультативная способность служить базой для образования наречий). Он отразился также на интерпретации семантики, а в конечном итоге и словообразовательной структуры данных образований. Адъективированные причастия одновременно могут квалифицироваться как результат не только внутриглагольного, но и внутриадъективного словопроизводства.

Включение адъективированных причастий в русло деадъективного словопроизводства, выражающееся в установлении структурно-семантической связи дериватов типа *načernalý*, *nahluchlý* и других непосредственно с прилагательными *černý*, *hluchý*, позволяет осмыслить значение ослабленного признака как самостоятельное словообразовательное значение, возникающее в результате структурного преобразования производящего прилагательного. Значение процессуальности, результативности в этом случае отходит на второй план или же не ощущается вообще, уступая место значению статичного признака.

По сравнению с глагольной адъективная мотивировка в сущности является вторичной, однако это не помешало ей в определенной части адъективированных причастий занять главенствующее положение, которое подтверждается рядом аргументов: а) наличием тесной структурно-семантической связи прилагательных со сложными морфемами с предполагаемыми производящими прилагательными; б) более высокой фреквенцией и стилистической нейтраль-

⁹ Данные глаголы можно трактовать и как вторичные производные от соответствующих адъективированных причастий: *nahluchnouti* ‘stát se nahluchlým’ PS.

ностью производящих прилагательных по сравнению с глаголами, наделенными значением неполноты действия; в) наличием прилагательных со значением ослабленного признака, в частности новообразований со сложными формантами, у которых адъективная мотивировка словообразовательной структуры является не одной из возможных, а единственной мотивировкой.

В этой связи уместно напомнить о так называемых ложных адъективированных причастиях, которые в отличие от истинных адъективированных причастий (объединенных с ними чисто внешним структурным сходством) являются результатом исключительно внутриадъективного словопроизводства. Приведем здесь лишь некоторые из имеющихся у нас примеров:

podlouhlý PS, SSJČ; přidrzlý PS; přidrsnělý PS, SSJČ řidč.; přichromlý PS, SSJČ; přisprostlý PS, SSJČ; přimrzutělý PS*, SSJČ; přiřlacatělý PS*, SSJČ řidč.; obkrátklý PS*, SSJČ*; narusalý PS*, J; naruslý PS*; nakřivlý J; nadrsnělý J; nahrdlý PS*; nasprostlý PS, SSJČ řidč.; nachořelý PS*, SSJČ* básn.; nakřivlý PS*, SSJČ*; nabodřelý PS*; nacizelý SSJČ*, PS** (семантика приводимых и им подобных прилагательных раскрывается, как правило, при помощи эквивалента '*poněkud, trochu* + соответствующее прилагательное'). Некоторые дериваты этого типа представляют собой новообразования; нередко они являются плодом индивидуального авторского словотворчества — многие из них в языке не укрепились, оставаясь достоянием того или иного автора. Последнее относится, например, к следующим дериватам: *nakomičtělý PS*: Měl hlavu s nakomičtělým slohem nosu, O. Scheinpflugová; připlešatělý PS*: První milovník, přistárlý a připlešatělý, J. Štolba; přisvětačelý PS*, přisvětáčtělý PS*: (Marie) se nikdy žádnému muži nelíbila než jakému ševci, kterého však odmítla, poněvadž byl přisvětačelý; Karel (byl) trošku přisvětáčtělý* — оба деривата заимствованы из произведения одного и того же автора — Э. Красногорской. Далее: *řivousatělý PS*: Spatřila dvoje řivousatělé tváře, Rais*¹⁰.

Наличие лексики указанного типа, не допускающей, помимо адъективной (с выделением префиксально-суффик-

¹⁰ Любопытен дериват *řitroublý* '*řihlouplý*' SSJČ об. expr., образованный от имени существительного посредством использования префиксально-суффиксальной морфемы (соотносимые прилагательное и глагол отсутствуют).

сальной морфемы), никакой другой, в частности глагольной, мотивировки словообразовательной структуры, является наиболее красноречивым аргументом в пользу правомерности вычленения в составе слова сложной морфемы.

Важно подчеркнуть, что возникновение качественных значений особенно интенсивно происходит у образований, имеющих ярко выраженную адъективную семантику: обозначения признаков, воспринимаемых органами чувств (цвет, вкус и пр.).

Немалую роль играет и словообразовательное оформление деривата. Так, процесс окачества более выражен у лексем, образованных при помощи морфем *na-*, *při-*, *ob-* в составе сложного форманта, поскольку данные префиксы принимают менее активное участие в глагольном словопроизводстве, в частности в образовании глаголов со значением неполноты действия. Напротив, несколько возрастает удельный вес глагольной мотивировки у дериватов с компонентами *po-*, *za-* в префиксальной части морфемы, поскольку указанные форманты более активно участвуют во внутривлагольном словообразовании. Сравнительно отчетливо воспринимается процессуальное значение в семантике дериватов типа *pošedlý* 'takový, který pošedl' SSJČ; *pohnědlý* 'takový, který pohnědl' SSJČ (но: 'poněkud šedý, našedlý' PS, 'poněkud hnědý, zahrnědlý' PS). Впрочем, и здесь второстепенность глагольной мотивировки нередко бывает обусловлена низкими частотными показателями соответствующих глаголов. Приведем примеры: *pomodralý* PS, SSJČ řidč.: 1) *modrý* (198-8-45); 2) *pomodrati* PS, SSJČ*; *pobledlý* PS, SSJČ: 1) *bledý* (118-7-30); 2) *poblednouti* PS, SSJČ (4-2-4); *počervenálý* PS, SSJČ řidč.: 1) *červený* (198-8-39); 2) *počervenati* SSJČ řidč.; *zasládlý* PS: 1) *sladký* (120-6-36); 2) *zasládnouti* PS; *zabledlý* PS*: 1) *bledý* (118-7-30); 2) *zablednouti* PS*; *zafialovělý* PS: 1) *fialový* (116-7-11); 2) *zafialověti*; *zahnědlý* PS: 1) *hnědý* (60-5-26); 2) *zahnědnouti* (за исключением *poblednouti*, ни один глагол не указывается в FS).

Грамматики современного чешского языка обычно предусматривают возможность использования адъективной мотивировки при словообразовательной интерпретации адъективированных причастий; ср.: «Префиксы *na-*, *po-*, *při-* (*b-* и т. д. совместно с суффиксами ограничивают или ослабляют значение основного прилагательного (ср. *kyse-*

lý — nakyslý, modrý — namodralý)»¹¹. В то же время Фр. Травничек, раскрывая структуру образований типа *načernalý, nahlučhlý* и им подобных, лишь вскользь отмечает наличие семантической связи последних с прилагательными — большой акцент он делает на соотнесенности данных дериватов с глаголами: «*načernalý, nahlučhlý* это прилагательные со значением действия, значение же ослабленного признака привносится префиксом *na-*»¹².

Случаи пополнения состава прилагательных со значением ослабленного признака за счет исконно глагольных конструкций не столь редки. Известно, например, что многие прилагательные с суффиксом *-av-*, имеющие указанную семантику, генетически соотносились с глаголами; ср. *bělavý — bělati (se)*; *černavý — černati se*; *modravý — modrati*. Интересна в этом отношении и семантическая интерпретация прилагательного *zelenavý* 'který se zelená' J. Впоследствии связь с глагольными конструкциями была полностью нарушена и носителями языка практически не ощущается¹³.

Отчетливые симптомы вовлечения адъективированных причастий в сферу адъективного словообразования (с соответствующим переосмыслением их семантики) наблюдаются уже в эпоху Возрождения; ср. словарную интерпретацию *náfialový, nafialovělý* 'skoro fialový' J; *začervenalý* 'trochu červený' J; *připopelavělý* 'barva mezi šedým a popelavým prostřední' J; *náryšavý, naryšavělý* 'bledší odstín rušavého' Presl. Poč. rostl. Slovník, 1848-A, где семантика одноосновных префиксального и префиксально-суффиксального дериватов последовательно раскрывается с помощью соответствующих производящих прилагательных. По-видимому, и в этот период существования чешского языка адъективная мотивировка интересующих нас прилагательных была вполне очевидной. Немаловажную роль играло и наличие в чешском языке эпохи Возрождения префиксальных прилагательных со значением ослабленного признака. Возможно, по аналогии факт прямой словопроизводственной соотнесенности с прилагательным ока-

¹¹ В. Наврѓáнек, А. Једлїчка. Česká mluvnice. Praha, 1963, стр. 182.

¹² Фр. Тѓáвнїчек. Mluvnice spisovné češtiny. I. Praha, 1951, стр. 367.

¹³ Суффикс *-av-* может участвовать также в словопроизводстве отглагольных прилагательных типа *kulhavý, breptavý*.

зывает влияние и на интерпретацию словообразовательной структуры других, близких в семантическом отношении образований.

Изучение особенностей функционирования адъективированных причастий также подтверждает, что в эпоху Возрождения носители языка нередко не ощущали в их семантике специфически глагольного значения процессуальности; ср.: *sloupcové rozmanitých barev: žluté, počervenalé, červené, Vetešník. Alžběta, 1830-A* (в данном случае адъективированное причастие используется в функции однородного члена по отношению к другим определениям-прилагательным); *spadla počervenalá mlha, С. k. Pražské pošt. Noviny, 1806-A; mají vlasy počervenalé, Přítel, 1806*, антропологический очерк, а. р.; *Má pomodralé oči, KVN, 1791*, текст объявления; *Jsou tu lidé barvy načernalé, Přítel, геогр. очерк, а. р., 1806; hlíny rozličných barev... zažlutlé, Čechoslav, геогр. очерк, 1821; muž s noseм barvami začernalou a pomodralou, Ibid., рассказ, а. р., 1821; se zdravými, začervenálými ještě tvářemi, Jindy, рассказ, а. р., 1833; Chtělabych zamodralý papír, Thom. Gespräche; Ten balsam jest barvy bílé, pak pozelenalé, Крам.- PS.; Rukavička přihnědlé barvy, Rub.-PS.*

Одним из характерных последствий адъективации являются случаи образования степеней сравнения от соответствующих префиксально-суффиксальных прилагательных: (sluha) *musí být přísného, škaredého vzezření, snědý, čím přičernalej tím líp, Rozličnosti, 1830-A; Nedal jí (milence Mary) více života než muž, byl jenom nasladlejší, Svobodová. Plameny, 1905; ср. также: přítlostlejší, přihroublejší, nejohroublejší, ohroublejší.*

В результате поставленных нами опытов с носителями языка было установлено, что в современном литературном чешском языке адъективированные причастия воспринимаются преимущественно как deadъективные производные со значением ослабленного признака. Об этом же свидетельствуют и следующие комментарии эксцерпторов: *Měl (domek) střechu načernalou, Šmilovský. Rozpt. kap., 1886-A (= понěkud černý); Obličej její byl nabledlý, Neděle. Václ. a Dorota, 1812-A (= понěkud bledý); Pleť byla přihnědlá, Rittersberg. Kock. Voják a k., 1854-A (= понěkud hnědý); Hlavu přihranatělou, Šlejhar. Pov. z vých. (= понěkud hranatý). В окачественном значении функционируют префиксально-суффиксальные прилагательные в ниже-*

следующих контекстах: *Byly (lučiny) plny bodláků přizelenalých a růžových*, Rais-PS; *krácel za přihluchlou matronou*, Čech-PS; *má chuť nahořklou*, V. Šaf.-PS; *oči plály zazelenalým ohněm*, Arb.-PS.

Следует учитывать, что процесс окачества, превративший исконные причастия в прилагательные, не охватывает семантику слова в полном объеме, а развивается постепенно. Нередко составители словарей указывают в семантике адъективированных причастий значение процессуальности — со временем оно иногда может исчезать. Небезынтересно сопоставить семантическую интерпретацию ряда образований в словаре Юнгмана и в современных словарях: *poryšavělý* 'kdo poryšavěl, ryšavý' J (ср.: 'poněkud ryšavý' PS); *natvrdlý* 'který natvrdnul' J ('trochu tvrdý, zatvrdlý' PS, SSJČ); *přitvrdlý* 'který přitvrdl' J ('trochu tvrdý' PS). Расхождения в трактовке семантики отмечаются и ныне: *pošedlý* 'poněkud šedý, našedlý' PS; 'takový, který pošedl'¹⁴ SSJČ; *pohnědlý* 'poněkud hnědý, zahrnědlý' PS; 'takový, který pohnědl' SSJČ; *pohublý* 'poněkud, trochu, dosti vyhublý' PS; 'takový, který pohubl' SSJČ; *pošedivělý* 'poněkud, trochu šedivý' PS; 'takový, který pošedivěl' SSJČ. Наличие подобных колебаний в семантической трактовке обусловлено не только различным уровнем лексикографической обработки материала, но и сложностью и противоречивостью самого явления. Иногда составители словарей устанавливают иерархию глагольного и адъективного значений в семантике адъективированных причастий; ср.: *zazelenalý* 'takový, který se zazelenal; D. trochu zelený, nazelenalý, zelenavý' PS; *počervenalý* 'poněkud, trochu zčervenalý; D. arch. červenavý' и т. д.

Следует заметить, что нередко контекстные данные помогают выявить наличие в том или ином деривате глагольного либо, напротив, чисто адъективного значений. Сравним следующие отрывки:

1) *bledá ruka se zarůžovělými nehty* Kar.-PS;

2) *(Tahle slova) vyrojila se rtíky mladíka v zašedivělém kožíšku*, Třeb.-PS;

1) *Lehce zarůžovělá mlha*, A. Mrš.-PS;

2) *Při uších ušetruje břitva dvou proužků zašedivělého vousu*, Čech-PS;

¹⁴ Глаголы *pošedivět*, *pohubnout* и другие имеют значение неполноты действия.

3) (Tvář) byla hubenější, barvy zažloutlé, Jir.-PS;

4) víno, bílé neb narůžovělé, Ašk. Vaj.;

5) Podivil se jejím pomodralým očím, Nor.-PS;

6) Navlhla svěžest vzduchu, Mach.-PS;

7) začervenale oko, J.

3) Prsty zažloutlé od cigaret, Č. Jeř.-PS;

4) V narůžovělém od krve bifteku, Ašk. Vaj.;

5) šeptaly jeho pomodralé rty, Šum.-PS;

6) Potem navlhle ruce, Vrch.-PS;

7) Studem, hanbou začervenaly, J.

Фиксируемые в левой рубрике образования *zarůžovělý, narůžovělý, zašedivělý, zažloutlý, pomodralý, navlhlý* сигнализируют наличие некоторого статичного признака; в структурно-семантическом плане они соотносятся с прилагательными *růžový, šedivý, žlutý, modrý, vlhký*. Между компонентами словообразовательной структуры устанавливается семантическая взаимосвязь: основа обозначает признак, словообразовательный формант как бы градуирует меру его наличия. В русском языке указанным дериватам соответствует при переводе эквивалент: 'нежно, чуть-чуть, слегка розовый, розоватый' (1, 4), 'светлосерый, сероватый' (2), 'желтоватый' (3), 'синеватый' (5), 'чуть-чуть, слегка влажный' (6), 'красноватый' (7). Аналогичные образования, представленные в правой рубрике, сохраняют семантическую связь с глаголами и обозначают признак, возникший в результате действия некоторого процесса. В их семантике отчетливо ощущается значение процессуальности, усугубляемое включением в контекст дополнительных, поясняющих слов¹⁵. В русском переводе им соответствуют эквиваленты 'слегка порозовевший' (1, 4), 'поседевший' (2), 'пожелтевший' (3), 'посиневший' (5), 'увлажненный' (6), 'покрасневший' (7). Значение неполноты действия, если оно ощущается в семантике адъективированного причастия, воспринимается как полученное «по наследству» от соответствующего глагола.

На наш взгляд, дериваты, входящие в состав контекстов левой (значение адъективности), а также правой (значение глагольности) рубрик, различаются, помимо семантических, также и дистрибутивными признаками (адъективированные причастия правой рубрики допуска-

¹⁵ Аналогично: *Když vyběhla pobledlá mrazem*, Jir.-PS; *Dřevěná ložnice, ač věkem značně již pohnědlá*, Jir.-PS.

ют расширение синтагмы за счет дополнительных обстоятельственных и других слов; ср.: *narůžovělý od krve, potem navlhlé ruce*).

Внешне однородная масса адъективированных причастий может быть расчленена на два типа лексики. Первый, близко примыкающий к так называемым ложным адъективированным причастиям, объединяет образования, у которых глагольная мотивировка является лишь потенциально возможной. Словари не фиксируют приставочных глаголов, наделенных значением неполноты действия, которые могли бы квалифицироваться по отношению к исследуемым нами прилагательным как их производящие основы. Однако, поскольку соответствующие приставочные глаголы были в языке раньше либо по мере надобности могут быть образованы носителями языка, существуя в их языковом сознании как некоторый пассивный фонд, в ряде случаев появление глагольной мотивировки является потенциально возможным. Так, ни PS, ни SSJČ, фиксируя дериваты *přibledlý, nabledlý, nahlouplý*, не указывают к ним глагольных соответствий типа *přiblednouti, nablednouti, nahloupnouti*, хотя принципиально эти глаголы легко могут быть образованы. Словообразовательный анализ указанной лексики осуществляется лишь при учете единственной — адъективной — мотивировки. Соответственно, структура дериватов типа *přibledlý, nabledlý, pobledlý* (различающихся лишь префиксальной частью), может быть раскрыта для первых двух прилагательных однозначно, с привлечением адъективной мотивировки — *bledý*; для последнего — неоднозначно — с учетом как глагольной, так и адъективной мотивировки (*poblednouti* 'trochu zblednouti' — *bledý*).

Адъективная мотивировка является единственно возможной и в том случае, если соответствующие в структурном отношении приставочные глаголы семантически отличаются от прилагательных со значением ослабленного признака. Так, например, отсутствует значение неполноты проявления действия в семантике такого глагола, как *načervenati se* 'častokrát nebo mnohokrát se začervenati' PS (SSJČ данный глагол вообще опускает); ср.: *načervenálý* 'zbarvený do červena, s nádechem do červena'.

Ко второму типу относятся адъективированные причастия, словообразовательный анализ которых принципиально можно проводить при учете параллельных мотивиро-

вок их структуры — адъективной и глагольной. Приведем примеры: *nahluchlý* PS, SSJČ: 1) *hluchý* (43-6-28)¹⁶; 2) *nahluchnouti*¹⁷ PS, SSJČ řidč.; *namodralý* PS, SSJČ: 1) *modrý* (198-8-45); 2) *namodrati* PS, SSJČ*; *narudlý* PS, SSJČ: 1) *rudý* (218-8-40); 2) *narudnouti*¹⁸ PS, SSJČ; *navlhlý* PS, SSJČ: 1) *vlhký* (54-6-25); 2) *navlhnouti* PS, SSJČ; *přižloutlý* J, K, Kon, Šum, VT, PS, SSJČ: 1) *žlutý* (96-6-26); 2) *přižloutnouti* PS*; *přisleplý* PS, SSJČ: 1) *slepý* (91-8-37); 2) *přislepnouti* PS*, SSJČ*; *přičervenálý* PS, SSJČ řidč.: 1) *červený* (198-8-39); 2) *přičervenati* J (PS и SSJČ опускают данный глагол); *obtloustlý* PS, SSJČ: 1) *tlustý* (96-4-26); 2) *obtloustnouti* PS*, SSJČ*; *obhroublý* PS, SSJČ: 1) *hrubý* (130-8-44); 2) *obhroubnouti* PS, SSJČ* и пр. Соотнося анализируемые нами прилагательные с глаголами, мы квалифицируем их как адъективированные причастия и, следовательно, включаем в сферу внутривлагольного словопроизводства; соотнося с прилагательными, воспринимаем как результат внутриадъективного словообразования. Значение ослабленного признака является словообразовательным лишь во втором случае, так как оно возникает в результате совершения соответствующей словообразовательной процедуры; в этом случае в структуре прилагательного выделяется сложная префиксально-суффиксальная морфема. В некоторых случаях структура префиксально-суффиксальных дериватов может быть раскрыта при помощи дополнительных мотивировок: допустимо предположить, например, альтернацию префиксов у причастий *na-/při-hluchlý*; при проведении словообразовательного анализа дериватов *načervenálý*, *našladlý* и пр. (для эпохи Возрождения) следует принять во

¹⁶ В скобках даются сведения о фреквенции по FS. У производящих прилагательных словарные пометы не указываются: как правило, они употребляются без ограничений.

¹⁷ Приводимые глаголы последовательно фиксируют значение неполного проявления действия.

¹⁸ В архиве ИЧЯ (первый материал) *narudnouti* встречается два раза, адъективированное причастие *narudlý* — 73 раза. Подобные контрасты не всегда столь красноречивы, однако в целом они подтверждают тезис о том, что производные адъективированные причастия «ведут» в языке самостоятельную и подчас более активную жизнь, чем соответствующие производящие глаголы. Тем самым прочность словопроизводственной связи адъективированного причастия и производящих глаголов в известном смысле ослабляется.

внимание также мотивировку через причастие *červenalý šum* 'röthlich', *sladlý* 'süßlich' K. Šum.

Разграничивая рассмотренные выше два типа лексики, мы установили, что четкого водораздела между обеими группами не существует. Отдельные прилагательные на разных этапах существования чешского языка могут переходить из одной группы в другую в зависимости от того, имеются в языке соответствующие глагол или прилагательное, мотивирующие структуру данного прилагательного, или нет.

В настоящей работе из общего числа адъективированных причастий мы отобрали лишь те образования, которые в структурно-семантическом плане могут быть ассоциированы с соответствующими производящими прилагательными как их адъективные производные, наделенные значением ослабленного признака. Так, по условию были опущены образования типа *podřimlý*, которое хотя и обозначает слабую степень проявления признака 'mírně ospalý', однако это значение «унаследовано» от соответствующего глагола *podřimnouti (si)* 'trochu si zdřimnouti' и поэтому не является в строгом смысле слова словообразовательным для данного адъективированного причастия; адъективированному причастию *podřimlý* в структурно-семантическом плане прилагательное не соответствует.

При проведении словообразовательного анализа в дальнейшем принималась во внимание лишь адъективная мотивировка, глагольная же мотивировка по условию была опущена.

Ниже мы рассмотрим формальную характеристику префиксально-суффиксальных словообразовательных типов.

Словообразование данных прилагательных осуществляется по следующим словообразовательным типам:

$\left. \begin{array}{l} na- \\ p\check{r}i- \\ ro- \\ ob- \\ za- \end{array} \right\}$	+ прилагательное + -l-, -e(ě)l-, -al-.
---	--

Словообразовательный формант состоит из двух компонентов — префикса и суффикса. В префиксальной части форманта отмечены морфемы *na-*, *př-*, *ob-*, *ro-*, *za-*, полностью идентичные префиксам, рассмотренным нами выше. Однако в отличие от последних вид префиксального ком-

понента сложного форманта относительно стабилен: колебания в количестве гласного практически не представлены. Единичные исключения были обнаружены лишь в словарях первой половины XIX в.; ср.: *náhnědlý* J, Kon, Šum; *nárusalý* J; *náhořklý* J; *nátvrdlý* Pal; *přírudlý* Šum; *přízelenalý* Šum; *přístárlý* Šum и др. (эксцерции фиксируют лишь краткий вариант префикса).

Суффиксальная часть морфемы чаще всего бывает представлена морфемой *-l-*; отмечаются также морфемы *-e(ě)l-*, реже *-al-*. Практически каждый из названных выше префиксов обладает способностью сочетаться со всеми тремя суффиксами. Приведем примеры. Словообразовательный формант II + *-l-*: *nahnědlý* PS, SSJČ, VT, J; *nahořklý* PS, SSJČ, VT, J; *nahrđlý* PS*; *nahlouplý* PS, SSJČ, VT, Šum; *nasláblý* PS*; *nabledlý* PS, SSJČ*, VT*; *natloustlý* PS, SSJČ řidč., VT, Kon; *naruslý* PS*; *přitloustlý* PS, SSJČ; *přitřpklý* PS, SSJČ; *přihlouplý* PS, SSJČ; *přihluchlý* PS, SSJČ; *přiblblý* PS, SSJČ, VT; *přisnědlý* PS, SSJČ; *přisprostlý* PS, SSJČ; *přivlhlý* PS, SSJČ řidč. knižn.; *oblyslý* PS*; *obstárlý* PS, SSJČ; *obkrátlý* PS*, SSJČ*; *obří(i)dlý* PS, SSJČ*; *obdlouhlý* PS, SSJČ pon. zast. řidč.; *obtloustlý* PS, SSJČ, Šum; *obhroublý* PS, SSJČ, J, K; *pochromlý* PS*, SSJČ*; *pokřivlý* PS*, SSJČ*; *postárlý* PS, SSJČ; *posuchlý* PS dial, SSJČ nář.; *pohlouplý* PS*, SSJČ nář.; *pochudlý* PS, SSJČ; *posleplý* PS*; *zažloutlý* PS; *zašedlý* PS; *zasládlý* PS, J, K, Šum, Kon; *zahnědlý* PS, J, K, Šum.

Формант II + *-e(ě)l-*: *naolivovělý* PS; *nařůžovělý* PS, SSJČ, VT, J; *naryšavělý* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon; *našedivělý* PS, SSJČ, VT, J, K, Kon; *našikmělý* PS, SSJČ, Šum; *našpinavělý* PS, SSJČ; *nazrzavělý* PS, SSJČ*, J, K, Šum; *nafialovělý* PS, SSJČ, VT, K; *přihrbatělý* PS, SSJČ řidč.; *přichraptělý* PS, SSJČ řidč.; *přimrzutělý* PS*, SSJČ*; *přirůžovělý* PS, SSJČ řidč.; *přisivělý* PS*, SSJČ*; *přisurovělý* SSJČ*; *přiřlacatělý* PS*, SSJČ řidč.; *přismutnělý* PS, SSJČ; *obtučnělý* Čel. Dod.; *pohrbatělý* PS; *potesklivělý* PS*, SSJČ; *pojasnělý* PS*, SSJČ*; *pomdlelý* PS*; *poplesnivělý* PS; *pochatrnělý* PS*, SSJČ*; *porůžovělý* PS*, SSJČ řidč.; *poryšavělý* PS; *zašedivělý* PS, J, Šum; *zafialovělý* PS, J, K, Šum; *zarůžovělý* PS, K; *zazrzavělý* PS, K, Šum.

Формант II + *-al-* представлен в ограниченном количестве случаев: *načernalý* PS, SSJČ, VT; *narusalý* PS*, J; *nazelenalý* PS, SSJČ, VT, J, K, Šum; *nabělalý* PS, SSJČ*; *namodralý* PS, SSJČ, VT; *přimodralý* J, K, PS, SSJČ řidč.;

přibělalý PS; *přizelenalý* PS, SSJČ řidč., Šum; *pozelenalý* PS; *posinalý* PS*; *obstaralý* PS arch., SSJČ*; *začervenalý* J, K, Tham, Kon, PS; *zamodralý* PS; *zažlutaý* PS*; *zabělalý* PS*; *začernalý* PS, Kon.

Морфема *ob-* + *-n-* выделяется, как правило, у архаичных образований: *hluboký* — *obhloubný* J; *hustý* — *obhous-(š)tný* J, K, Šum; *tlustý* — *obtloustný* J, Šum; *dlouhý* — *obdloužný* J, K, Tham; *řidký* — *obřidný* J.

Распределение суффиксальных морфем¹⁹ обычно позиционно обусловлено. Так, например, суффикс *-e(ě)l-* чаще всего фиксируется у основ, заканчивающихся плавным или губным согласным, однако нередко одни и те же суффиксы могут встречаться у одних и тех же основ (см. ниже).

К характеристике словообразовательного форманта относится и описание фонетических модификаций основы. Здесь отмечаются, в частности: а) чередования гласных в корне (количественные — преимущественно продление, качественные, количественно-качественные): *a/á* — *slabý* — *nasláblý* PS*; *posláblý* PS, SSJČ řidč.; *přisláblý* PS, SSJČ*; *starý* — *postárlý* PS, SSJČ řidč.; *obstárlý* PS, SSJČ; *sladký* — *nasládlý* PS, SSJČ; *zasládlý* PS; *přisládlý* PS, SSJČ; *mladý* — *přimládlý* PS* (но: *obstaralý* PS arch., SSJČ*; *zasládlý* J, K, Šum, Kon); *u/ou*: *tlustý* — *natloustlý* PS, SSJČ řidč., Kon; *přitloustlý* PS, SSJČ; *obtloustlý* PS, SSJČ, Šum; *zatloustlý* PS, K; *žlutý* — *nažloutlý* PS, SSJČ, J, Kon, Pal; *přižloutlý* PS, SSJČ, J, K, Kon, Šum; *zažloutlý* PS; *požloutlý* J, Šum, Kon, PS, SSJČ pon. zast.; *hrubý* — *přihroublý* PS, SSJČ; *nahroublý* PS, SSJČ; *obhroubný* PS †, *obhroublý* PS, SSJČ, J (но: *přitlustlý* PS*, SSJČ*; *nažlutlý* J, Kon, Pal; *přižlutlý* PS řidč., SSJČ*; *zažlutlý* PS*; *požlutlý* K, Šum, Kon; *přihrublý* PS, SSJČ; *nahrublý* PS, SSJČ; *obhrubný* PS †, K; *obhrublý* PS řidč., J, K).

В целом дериваты, фиксирующие продление количества корневого гласного, являются более употребительными. Далее: *i/i*: *řidký* — *obřidlý* PS; SSJČ*; *pořidlý* SSJČ řidč.; *přiřidlý* PS (но: *pořidlý* PS, SSJČ); *í/ě*: *bílý* — *přibělalý* PS; *přibělelý* PS; *nabělalý* PS, SSJČ*; *zabělalý* PS*; б) чередования согласных — палатализация — отмечается при присоединении *-ěl-*: *n, t > ň, ě* — *dřevěný* — *přidřevěnělý* PS*; *bolestný* — *přibolestnělý* PS*; *mrzutý* —

¹⁹ По справедливому замечанию М. Докулила, выбор суффиксальной части сложного форманта определяется видом соответствующего инхоативного глагола: *narůžovět* — *narůžovělý*.

přimrzutělý PS, SSJČ**; *plešatý — připlešatělý PS**; *šiřatý — zašiřatělý PS**; *smutný — posmutně ý PS, SSJČ*; *teskný — potesknělý SSJČ**; *jasný — pojasnělý PS*, SSJČ**; *špatný — pošpatnělý PS, SSJČ hov.*; *chatrný — pochatrnělý PS*, SSJČ**; *hrbatý — pohrbatělý PS*; *nahrbatělý PS, SSJČ*; *r/ř — ostrý — přiostrělý PS**, *chorý — nachořelý PS**, *SSJČ* bás.*; *bodry — nabodřelý PS**; *s/š — hustý — obhouš(s)tný J, K, Šum*; *tlustý — obtlouš(s)tný J, K, Šum* (но: *obhoustlý, obtloustlý*) — как мы видим, данное чередование не является обязательным. Чередование *k/č*: *trpký — přitrpčelý PS*, SSJČ**; *zatrpečelý* (ср.: *zatrpkalý J, K; zatrpklý PS*); *ck/čř*: *světácký — přisvětáčtělý PS**; *komický — nakomičtělý PS**; *h/ž*: *dlouhý — obdloužný PS*, SSJČ †* (единичный случай); в) редукция суффиксальных элементов основы (обычно отмечается с присоединением *-l-*) — усечение *-k-*: *krátký — obkrátlý PS*, SSJČ**; *vlhký — navlhlý PS, SSJČ*; *přivlhlý PS, SSJČ řidč. knižn.*; *zavlhlý PS; povlhlý PS*; *sladký — přisládlý, nasládlý* (но: *trpký — přitrpklý PS, SSJČ*; *natrpklý PS, SSJČ²⁰; zatrpklý PS; hořký — přihořklý PS, SSJČ, J, K*); усечение *-n-*: *stříbrný — nastříbřelý SSJČ**; усечение *-iv-*: *chraptivý — přichraptělý PS, SSJČ řidč.*; *nachraptělý SSJČ řidč.*; *přichraplý PS*, SSJČ**; *marnivý — přimarnělý PS**; усечение *-av-*: *zrzavý — přizrzlý* (но: *nazrzavělý PS, SSJČ*, J, K, Šum; přizrzavělý SSJČ řidč.*); *rezavý — přirezlý PS*, SSJČ** (но: *přirezavělý PS, SSJČ*); усечение *-at-*: *hrbatý — nahrblý PS, SSJČ* (*nahrbatělý PS, SSJČ*).

Итак, редукция суффиксальной части основы не всегда проводится последовательно. Наличие фонетических модификаций несколько осложняет словообразовательную процедуру. Справедливости ради следует сказать, что при интерпретации словообразовательной структуры при помощи глагольной мотивировки, как правило, нет необходимости учитывать фонетические модификации основы. Тем не менее комплекс объективных причин, изложенных нами выше, вынуждает нас предпочесть упрощенной мотивировке более сложную.

Префиксально-суффиксальные форманты отмечаются у широкого круга основ (как правило, начинающихся с согласного) качественных прилагательных собственно чешского происхождения; некоторые производящие прилага-

²⁰ Впрочем, Юнгман приводит и *natrplý* с редукцией *-k-*.

тельные, впрочем, образованы от исконно заимствованных, но ныне уже освоенных корней; ср.: *nafialovělý, naoranžovělý*. В целом репертуар основ здесь идентичен репертуару основ префиксальных дериватов со значением ослабленного признака. Так же как и там, тут преобладают прилагательные твердой разновидности. В сферу словопроизводства вовлекаются прилагательные положительной степени, имеющие простую структуру. В подавляющем большинстве случаев здесь представлены неприводные основы; численность производных [обычно десубстантивного образования; исключение составляет отглагольное *na-(při)chraptělý*] основ невелика, многие из них ныне уже подверглись лексикализации. Назовем некоторые из них: *růžový, jizlivý, špinavý, ježatý, krvavý, tučný, hranatý, vousatý, světácký, plešatý, bolestný, plesnivý, hrbatý* и т. д. Многие дериваты, образованные от производных основ, имеют ограниченную сферу употребления, некоторые являются несомненными архаизмами, использовавшимися некогда в специальной терминологии; ср.: *Dužnina jest naprprnělá*, Rostl. III b-J; *Listy nakožnatělé*, Ibid.; *přidužnělá tobolice plodu*, Ibid.; *Štětiny nadřevnatělé*, Ibid.; *Hlava veliká nakulovatělá*, Ssav.- J; *Jsou (jehlice) velmi ouzké, přišpičatělé*, Um. les. I-J.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ

I. Характеристика семантики дериватов

Исследуемые нами прилагательные не фиксируют субъективного отношения говорящего к объекту повествования, поэтому в отличие от других прилагательных со значением степени качества они не служат целям экспрессивного выражения. Выполняемая ими функция количественной оценки заключается в констатации неполной, ослабленной степени проявления некоторого признака; никакой дополнительной информации они обычно не несут. Семантика производящего слова, как правило, равна совокупности значения компонентов словообразовательной структуры слова. Значение неполноты признака является основным значением, не зависящим от контекста. Контекст помогает лишь отчетливее выявить семантическое наполнение слова; ср.: *nebe červenavé, ne jako při požáru, ale jako od krbu*, Ašk. Et. d. a nd., рассказ, а. р.; *listí jako oheň červenavé*, V. Závada. Polní kvítí, 1955-A; *Třešně*

jsou náčervené, dozrají za několik dní, Holeček. Naši, 1898-A; byli Budinové vlasů světlohnědých neboli náhnědých, Kvíčala. Herodot. Děj, 1863-A; O Germanech již Prokop poznamenal, že mají vlasy rusé neboli náčervené, Šafařík. Slov. starož., 1837-A. Наличие в контексте, наряду с производным прилагательным, исходного производящего слова делает семантику деривата со значением ослабленного признака более рельефной; ср.: *Lépe jest náhluchým býti, než hluchým*, Com. jan-J; *nosejí nohavice z černého anebo náčerného sukna*, Kollár. Cestopis, 1843-A; *všeliké barvy, modré, černé neb náčerné*, F. A. Pabst. Český lidomil, 1816-A; *Tímto úmyslem spisovatelovým omlouvají se také přihroublé ba i hrubé výrazy*, Lit. listy, 1887-A; *asi třicet chromých, přichromlých žebráků*, Arbes. Mrav. rom., 1880-A.

Отсутствие в семантике прилагательных со значением ослабленного признака эмоционального момента снимает необходимость в согласовании в «настроении» прилагательного с существительным, к которому оно относится, либо прилагательного с рядом стоящими однородными определениями; ср., например, *mrak, dlouhý a široký, řásný a červenavý*, Klášterský. Tmavé R., 1898-A; *zelenavé a modré pruhy se plazí po záclonách*, Vl. 26/63.

В подавляющем большинстве случаев семантический вклад аффикса в семантику слова является очевидным. Анализ семантической интерпретации, имеющейся в словарях, грамматиках, комментариях эксцерпторов убеждает нас в том, что семантика исследуемых прилагательных не дает повода для разноречивых толкований. Впрочем, при изучении материала, относящегося к эпохе Возрождения, нами было обнаружено несколько случаев, когда прилагательные со значением ослабленного признака употреблялись в несколько нетипичном для данной категории лексики значении интенсивного и даже чрезмерного проявления качества, обозначенного основой; ср.: *obveliký, obvelký* 'dobře velký' J, 'ziemlich gross' (с пометой Us.) Šum; *přimalý* 'etwas klein, allzu klein' Kon (Юнгман и Котт отмечают лишь значение 'trochu malý'). Заметим, что в словарях обычно отсутствуют примеры, иллюстрирующие данное значение прилагательных.

Оттенок чрезмерности ощущается и в семантике дериватов *přídouhý, příměký, přibujný, přitrpký* в следующих контекстах: *člověku mnohokrátě žiti jeho rodičů aneb opatrovníků zdá se přídouhé býti*, Zmeškal. Škola Jobova, 1770-A

(= *poněkud příliš dlouhý*); *Zdá se sice mnohému v kříži a zármutku upějícímu předlouhé očekávání býti na pomoc Boží*, Ibid.; *Přiměká matka k ní měla se krotce*, Tablic. Poezie, 1807-A; *Oves bývá na skrže hrablicovou kosou kosený, kromě jestliby někdy přibůjný a hustý byl*, Wiegand. Hosp. ruční knížka, 1773-A; *Voda v Márach byla Izraelským přitrpká, tak že ji píti nemohli*, Pongrác. Kreutzberga Pobož. přemýšlování, 1783-A; *Když tobě ten boj, který s ďáblem, světem a tělem svým v tomto životě vésti musíš předlouhý se zdá*, Ibid. Заметим, что возникновение оттенка чрезмерности проявления признака в семантике прилагательных, образованных при помощи префиксов со значением ослабленного признака, в чешском языке носит характер спорадического явления, обычно обусловленного контекстом. Широкого распространения указанные случаи не получили (приводимые выше примеры относятся преимущественно к концу XVIII в.).

Иначе обстояло дело в польском языке, где «произошло известное изменение в семантике данных прилагательных (речь идет о прилагательных со значением ослабленного признака, образованных посредством префикса *przy-*... Г. Н.). В текстах XVI—XVIII вв. они по преимуществу эквивалентны формациям, образованным от прилагательных посредством суффикса *-awy*, напротив, в современном польском языке им присуще почти во всех случаях значение, удачно охарактеризованное Гертнером как значение чрезмерности (*przygruby* означает не 'grubawy', а 'za gruby', *przykrótki* 'zbyt krótki', *przykwaśny* 'za kwaśny')²¹. Следовательно, факт наличия у прилагательных со значением ослабленного признака значения чрезмерности не представляет собой нечто из ряда вон выходящее. По всей вероятности, аналогичная тенденция проявилась и в чешском языке, однако впоследствии она не закрепились.

Не получил широкого развития у данных прилагательных процесс утраты, тускнения словообразовательного значения, тормозившийся низкой фреквенцией этой лексемы в языке. Тем не менее все же удается наблюдать проявления этого процесса как у некоторых лексем, так и у отдельных словообразовательных типов. Ощутимая тенденция утраты значения ослабленного признака обнаруживается в семантике дериватов, образованных при помо-

²¹ Г. Курковска. Указ. соч., стр. 103.

щи префикса *po-* от сравнительной степени прилагательных: *postarší*, *pomenší* становятся эквивалентами для *starší*, *nemladý*; *menší*.

Иногда, напротив, наблюдается контекстное восстановление утраченного значения ослабленного признака. Так, дериват *zlatistý* восстанавливает значение ослабленного признака, находясь в соседстве с прилагательными, наделенными этим значением: *Paštičko ve stříbře*, *klobásko moravská*, *kávičko pražená*, *čaji zlatistý*, *nazlátlý a zlatý* (описание витрины), *Ašk. Et. d. a nd.*

Факультативная нейтрализация значения ослабленного признака наблюдается при сочетании прилагательного с наречиями контрастной семантики типа *velmi*, *hodně*, *silně*, *úplně*. В отмеченных условиях происходит как бы наложение двух противоположных значений, в результате чего значение ослабленного признака нейтрализуется: *hodně přiblblý*, *Šlejhar. Vražďení*, 1901-A; *Posluhovačka byla hodně přihlouplá*, *Jahoda. Duše domu*, 1924-A; *Zdá se mi, že jste silně přihluchlý*, *Paleček*, 1878-A; *její pleť byla úplně nazlátlá*, *Nedělní list*, 1938-A; *měl pod očima velmi přimodralé pruhy*, *J. J. Kollár. Pekla zploz.*, 1938-A; *silně obtloustlá paní*, *V. Havlasa. O druž. dobrodr.* 1874-A.

Язык располагает и средствами «нагнетания» значения, в их числе можно назвать: а) комбинацию нескольких синонимичных аффиксов²² в пределах одного и того же слова — этот прием нередко упоминается в грамматиках чешского языка. К числу дериватов подобного рода относятся, например, *přibobtnutý* J; *přibobtnutý* J; *Květy nazloutlozelenaté*, *Reuss. Května Slov.*, 1853-A. Чаще всего комбинируются префикс и суффикс — *nábělavý* PS*; *pobělavý: jest (list muškátu) zespod drobet pobělavý*, *Prvotiny*, 1815-A.; б) присоединение дополнительных ограничительных наречий *trochu*, *trošku*, *drobet*, *poněkud*, *málo*, *malounko*, *něco* и т. д. (в комплексе с прилагательными, лишенными значения ослабленного признака, они являются семантическими дублетами по отношению к прилагательным, наделенным значением ослабленного признака).

Наречия усиливают специфическую семантику, присутствующую данным прилагательным (происходит как бы наложение двух идентичных значений): *tvář, trochu přitloustlou*, *Čech. Dr. Kv.*, 1893-A; *Účes trochu naryšavělý*, *Lidové*

²² Редупликация здесь не используется.

noviny, 1938-A; *trochu obhroublý humorista*, Šlejhar. Malom. id., 1911-A; *duben trošku přivlhký*, Palkovič. Týdeník, 1818-A; *Kůra jest trochu pobělavá*, J. Hýbl. Nový toler. posel, 1817-A; *pijí vodu nětco přichořkou*, Jan Prokopius. Tyssot. Zpráva o zdr., 1788-A; *Veliké oči tónu poněkud nazelenavého*. Kronbauer. Z posl., 1890-A; *Sklo má barvu poněkud nažloutlou neb našedivělou*, V. Šafařík. Chemie, 1860-A; в) образование сравнительной степени: (řemeslníci) *mají obhroublejší obyčeje a mravy*, Literní přílohy, 1816-A; *vydávání knih plných co nejobhroublejší ideologie*, Přítomnost, 1936-A; *jeho dětský svět byl přihroublejší*, Bass. Cirkus, 1941-A; (o sochářství) *dospívá zdaru v různých Venuších, s počátku přitloustlejších matron*, Švanda, 1928-A; *byla osvětlena modravějším světlem*, K. Čapek. Obrázky z domova, 1953-A; *odstín se stává modravějším*, Stárek. Katech. úpravy, 1912-A.

II. Характеристика семантики производящей основы

Исследование показало, что в сферу словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака вовлекаются прилагательные вполне определенной семантики — преимущественно это обозначения физических свойств предметов, воспринимаемых нашими органами чувств. Наиболее многочисленны обозначения цветовой характеристики — на образовании данных прилагательных специализируются морфемы *ná-*, *na- + C*, *po- + C*, *za- + C*, *-av-*. Лексика указанной семантики превалирует и в составе дериватов с формантами *pří-*, *při- + C*. Приведем примеры: *nábílý, nábledý, nábrunátný, náfialový, námodrá, náryšavý, násivý, násnědý, nástrakatý, násvětlý, nážlutý, názelený; nafialovělý, nahnědlý, narůžovělý, nasnědlý, našedivělý, nazelenalý, nazlátý, nabrunátnělý, načervenalý, naplávlý, nabledlý; poryšavělý, porůžovělý, počernalý, pobledlý, pomodralý, požloutlý, pohnědlý; zarůžovělý, zašedivělý, zafialovělý, začernalý, začervenalý, zamodralý; modravý, černavý, červenavý, bělavý, bledavý, šedavý, šeravý; přibledlý, přisnědlý, přihnědlý, přirudlý, přimodralý. Ср.: přibrunátný, přičerný, přičervený, přimodrá, připopelavý.*

В составе производящих основ относительно широко представлены обозначения различного рода физических свойств (вкус, температура, и т. п.): *náhořký, nákyslý,*

náměkký, námokrý, násladký, nátrpký, nátvrdý, náteplý; P řírychlý, příchladný, přihořký, přívlhký, příslaný, přítenký, přítřpký, přítvrdý, přívlažný; navlhlý, naplesnivělý, nahoustlý, nahořklý, natrpký, nasládlý; připlesnivělý, přivlhlý, přítřpký, přikyslý, přísládlý, přihořklý; zasládlý, zatřpký; hořkavý, kyselavý, sladkavý, slanavý, teplavý; внешнего облика предмета: příkudlatý, příkosmatý, přílylý, přínahý; oblylý; přichlupatělý, přihublý, přítlostlý, připlešatělý, příkudrnatělý; oblylý; черт характера: přichtivý, přichytrý, přihrubý, příkrutý, přípyšný, přískoupý, přížárlivý; nahlouplý, nahrdlý, naněžnělý, nablblý, nasurovělý; přiblblý, přihrou(u)blý, přihrdlý, přimrzutělý. В числе других представлены также обозначения физического состояния, в частности недостатков, живых существ: *náhluchý, násleplý, nášilhavý; nachuravělý, nachořelý, nasláblý, nahluchlý, nasleplý; při hluchlý, přisleplý, přihrbatělý.* Основы иной семантики представлены незначительным количеством репрезентантов. Сказанное относится и к основам, обозначающим пространственную характеристику, широко распространенным у прилагательных со значением интенсификации. Не представлены в современном литературном чешском языке дериваты от антонимов *velký — malý, vysoký — nízký, široký — úzký.* Исключением являются производные от *dlouhý — krátký*, например, *obkrátký, obdlouhý, poddlouhý, přidlouhý;* впрочем, в семантике последних трех образований значение ослабленного признака в известной степени стерлось; ср.: интерпретацию *obdlouhý* в SSJČ: '1) *poddlouhý, oválný* (овальный, продолговатый. — Г. Н.); 2) *poněkud dlouhý*'. Примечательно, что PS значение 2 вообще опускает. Лексикализованы и однокоренные прилагательные *poddlouhý, přidlouhý* (последнее в PS помечено знаком †, в SSJČ оно вообще отсутствует). Отмечающиеся в истории языка нарушения указанного семантического ограничения единичны: *příveliký* J, K; *náveliký* J, K; *přímalý* Kon; *přidlouhý* J; *příúzký* J.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Отсутствие какой бы то ни было экспрессивной окрашенности в семантике прилагательных со значением ослабленного признака обуславливает свободное обращение

лексики указанного типа в различных функциональных стилях литературного языка. Случаи использования данных прилагательных зарегистрированы в языке произведений художественной литературы, публицистики, научной литературы. Наибольшее количество случаев употребления было зафиксировано в текстах художественной литературы, принадлежащих к различным жанрам, прозаическим и поэтическим. FS регистрирует в целом 154 случая употребления прилагательных со значением ослабленного признака, из них 93 приходится на произведения художественной литературы: А (беллетристика) 62, В (поэзия) 4, С (литература, предназначенная для молодежи) 24, D (драматургия) 3.

1. Функционирование префиксально-суффиксальных и суффиксальных дериватов

Исследование показало, что данные прилагательные отмечены в произведениях, принадлежащих к различным литературным жанрам. Зависимости между характером использования указанных дериватов и жанром произведения не существует. В равной степени они могут фиксироваться как в речи автора, так и в речи персонажа. Проиллюстрируем на примерах употребление префиксально-суффиксальных и суффиксальных прилагательных.

Старый период — наиболее распространены дериваты с *na-* + C, *při-* + C, *-av-*:

z očí nazelenalých sršely jiskry, Lang. Sel., рассказ, а. р.; *Obličej byl nabledlý*, Neděle. Václ. a Dorota, 1812-A; *narusalé vlasy*, Pichl. Cervantesovy nov., 1838-A; *dřevo bud načervenalé, nažloutlé jest*, Ibid., роман, р. п.; *Vidili nažloutlého ptáčka*, Hýbl. 7 povídek, р. п.; *dej ty nasládlé jablíčka*, Lang. Sel.; *Byly jednou v jednom rybníku tři ryby, jedna chytrá, druhá ještě chytřejší a třetí přihlouplá*, Klacel. Bájky, Bid., 1846-A; *chlap trochu přihlouplý*, J. z Hvězdy, Mastičkář, 1845-A; *I kterak se to jmenuje: «me, me i toto zde bělopřižloutlé — mámi to na jazyku*, Tomsa. Klaurenovy povídky, 1828-A; *Za přihlouplou dívkou pálit, to se nedá nijak chválit*, Rub. Dekl., 1842 — шутливое стихотворение, а. р.; диалог: *Vážná paní: Spravedlnost musí obět mít, Tu se může co chce díť! Krasotinka: Tomuby se vyhovělo lehce: Ať jí dají přistárlého* (речь идет о предстоящей казни молодого человека), Rub. Dekl., 1839/III, поэма; *ukazoval na malý*,

přimodralý proužek, J. J. Kollár. Sebr. rom., 1854-A; *Mně, mně ty krásné zamodralé hedvábné šaty!* Rett. Věn, расказ, р. п.; *zamodralá brukev bujně roste*, Šum. M. čít., расказ, а. р.; *začervenalé třešně zeleným listím prohlídají*, Ibid., расказ, а. р.; *krásný začervenálý květ spatřila*, Erb. Č. poh., а. р.; *Zažloutlé plameny*, B. N. Bách. I, а.р.; *Zbíraje jabka zasládlá*, Lang. Sel., сказка, р. п.; *Zamodralé oko tvé plné živosti*, Hanka. Písně, а. р.; *měsíc slzu v modravém oku osvětloval*, F. B. Tomsa. Rom. pov, расказ, а. р.; *bělavé vlasy*, Bibl. Vlas. I, расказ, а. р.; *usadili se okolo zelenavého paláce*, Posp. Pavl., повесть, а.р.; *v trávičce, co zelenavými kvítky protkané*, Rett. Věn., расказ, а. р.; *Proč se před mládcem rdí děvinka, když patří v oko modravé*, Chm. Kytka, 1838, лир. стих., а. р.; *Vidět je v půlnoci bělavý stín*, Hn. B. drob., баллада, а. р.; *Černavý hrčí potok*, Palác. Básně, 1817-A; *bělavý měsíčku*, Lang. Sel., идиллия в стихах, р. п.

Значительно реже встречаются дериваты с формантами *ob- + C*, *po- + C*: (řemeslníci) *mají obhroublejší obyčeje*, Literní přílohy, 1816-A; *Obtloustlý pán*, J. Tomsa, а. р.; *Lvice má místo hřívý spredu chomáč obdlouhlé srsti*, Nej. Hlas., 1806-A²³; *Obstaralý muž*, Tyl-PS; *vítr v požloutlém listí fučí*, Bibl. Jav., 1830, расказ, а. р.; *vrcholky požloutlých stromů*, Rett. Kvítí, расказ, а. р.; *Ten balsam jest barvy pozelenalé*, Kram.-PS.

Новый период: *má nazrzelé vlasy*, V. Erben, Srdce, роман, а. р.; *rozsvěcovalo obličej a proměňovalo je v nazlátlé portréty*, Šk. Emöke, повесть, а. р.; *výklad byl ozářen nafialovělým světlem*, Ašk. Et. d. a nd., расказ, а. р.; *víno bílé neb narůžovělé*, Ašk. Vaj., расказ, а. р.; *Břízy měly nabledlou zeleň*, Merhaut. Výb. feuil. 1890-A; *měl pleť trochu nahnědlou*, Stašek. Blouz. n. hor., 1895-A; *Blikavé naranžovělé světýlko*, Plamen, 9/66, расказ, а. р.; *z bílého, trochu přimodralého mramoru*, Zeyer. Novely, II, 1902-A; *v přiblblém obličejí*, *Vrchlický*, Pov. iron., 1886-A; *přiošumělý muž*, Neruda. Obrazy z ciziny, 1872-A; *tma přivlhlá*, Stašek. Na rozhr., 1908-A; *Bradu měl přizrzlou*, N. Fr. Tři, роман, а. р.; *měl zahnědlou pleť*, Kříž. Den syna, роман, а. р.; *v zarudlé napjaté kůži hladkého čela*, Ibid.; *Viděl ženu se zarudlýma očima*, N. Fr. Tři, роман, а. р.; *máma za ní křičela do zarudlé návsí*, Ašk. Et. d. a nd., расказ, а. р.;

²³ Комментарий эсксептора 'poněkud delší'.

trochu obhroublý humorista, Šlejhar. Malom. id., 1911-A; *obloustlá postava*, Hladík. Z praž. ovzd.; *oblýslý muž*, Holeček-PS; (*dívky*) *v obkrátlých sukénkách*, Čap.-Ch.-PS; *podivil se jejím pomodralým očím*, Nor.-PS; (*slunce*) *pečlivá matička kol sebe drží nás mladší, ale i postárlé propouští*, Ner.-PS; *závoje přehozené šeravou rouškou*, Mršt. Poh. m., роман, а. р.; *Kostky silnice byly šedavé*, V. Erben. Srdce, роман, р. п.; *byla bledá, až modravá pod kůží*, N. Fr. Tři, роман, а. р.; *Jen aby to nebyla nějaká slabavá ženská*, Jahoda. Bez srdce, 1927-A; *Pod zlatavými vlasy jí svítily černé oči*, Ašk. Et. d. a nd., рассказ, а. р.; *bylo nebe červenavé*, Ibid; *Nech ti letí nad hlavou mraky s nocí černavou*, Klášterský. Písňe, 1891-A; *listí jako oheň červenavé*, V. Závada. Polní kvítí, 1955-A.

Префиксально-суффиксальные и суффиксальные прилагательные со значением ослабленного признака широко используются в языке периодических изданий — газетах и журналах. Эксцерпция текстов, опубликованных в литературно-художественных, общественно-политических, научных журналах, а также газетах эпохи Возрождения и современности, показала, что употребление указанных дериватов не лимитируется какими бы то ни было стилистическими или эмоциональными критериями. Прилагательные со значением ослабленного признака встречаются в материалах самых разнообразных рубрик и разделов — от политической хроники до редакционных объявлений и консультаций, представлены они и в литературных произведениях, публикуемых в журналах и газетах, и в письмах читателей, язык которых отражает подчас живую разговорную стихию. Приведем примеры.

Старый период: *perutě (kolibříka) jsou namodralohnědé*, Rozličnosti, 1828-A; *Klobouk trochu nažloutlý*, Paleček, 1846-A; *pod čepěčkem již našedivělé vlasy vykukovaly*, Tyl. Pr. posel, рассказ, а. р.; *pán s našedivělou hlavou*, Ibid., полит. очерк; *chuť je nakyslá*, KPN, 1791/26 (от редакции — описание лекарства); *Nakyslá jablka*, Ibid., 1791/27 (от редакции — кулинарный совет); *V té luštině nachází se načernalá štáva*, Nár. kal., 1817 (описание кофейного дерева), геогр. очерк; *Jsou tu lidé barvy načernalé*, Přítel, 1806, геогр. очерк, а. р.; *Jeť to přistárlý muž*, Čechoslav, 1821, рассказ, а. р.; *má přičernalý obličej*, Pražské noviny, 1829-A; *Byl přibledlých tváří*, Praž. posel, 1846-A;

ministr Kraus je již přistárlý pán, Ibid., полит. очерк; *Žitné pivo jest přizelenalé*, ČČM, 1833-A; *O jak krásný a přičervenalý*, Čechoslav, 1821, анекдот; *visely přičervenalé kníry*, Vlastim., I, sv. I, истор. повесть, а. р.; *Drží se v pomodralých puchejřích*, Přítel, 1806, р. п.; *po celém těle počervenalé chlupy*, Ibid., 1807; *spadla počervenalá mlha*, Pražské pošt. Nov., 1806-A; *Má tvář hladkou, pomodralé oči, nosí požloutlou kamizolu*, KPN, 1791/6 (текст объявления); *jilovatina hrnčířská, málo počervenalá*, Čechoslav, 1821, геогр. очерк; *mají vlasy počernalé*, Přítel, 1806, антропол. очерк; *požloutlá porculánová jilovatka*, Čechoslav, геогр. очерк; *v zamodralé mlze*, Vesna, записки путешественника; *Mezi okny zamodralé květy košatých hortensii*, Jindy, 1833, рассказ, а. р.; *Čeština zvučí jako šplouchání malého potůčka po zažloutlém oblásku*, Ibid., патриотическое стихотворение; *muž s nosem barvami začernalou a pomodralou hrajícím*, Čechoslav, 1821, рассказ, а. р.; *dívčice se zbledlými obličejí*, Ibid.; *hlíny rozličných barev zažlutlé*, Ibid., геогр. очерк; *Bělavý se mech s ní dívá*, Jindy a nupí, 1835, лир. стих; *Autlý zrůst, bělavé vlasy*, Čechoslav, 1821; *za modravý les*, Ibid, баллада; *bělavou vlasenku rektorovu již zdaleka uzřel*, Ibid., рассказ; *Modravým kvítkem i vláknem tě hostí*, Ibid., шарада; *množství plachet vystupovalo jako bělaví mráčekové z jezera vzhůru*, Ibid., 1821, геогр. очерк; *jeví se na krátce bělavé pruhy*, Jindy a nupí, 1833, театр. рецензия.

Новый период: *Půda měla nahnědlou barvu*, VI. 33/63, рассказ, а. р.; *narůžovělé ranní svítání*, VI. 22/63, роман, а. р.; *její pleť byla úplně nazlátlá*, Nedělní list, 1938-A; *Tímto úmyslem spisovatelovým omlouvají se také přihroublé, ba i hrubé výrazy*, Lit. listy, 1887-A; *příchuť slabě přiořklou*. Venkov, 1936; *poněkud přihnědlá pleť*, Lumír, 1874-A; *otočil k ní přihlouplý obličej*, VI. 17/63, рассказ а. р.; *nevychováváte z nich zakyslé staropanenské typy*, VI. 4/64, письмо редакции; *Televizor má zašedlou obrazovku*, Ibid., очерк; *Obtloustlá paní v modravém šátku*, VI. 2/64, рассказ, а. р.; *díval se ven do bělavé tury*, VI. 43/62, очерк, а. р.; *astronom zjistil, že tato moře, která se zdála původně nazelenalá, mají také červenavý odstín*, Ibid., 51/62, очерк, а. р.; *zelenavé pruhy se plazí po záclonách*, Ibid., 26/63, рассказ, а. р.; *Líbezným tichým kouzlem září modravá krása pramenů*, Ibid., лир. стих., а. р. Количество примеров может быть существенно увеличено.

Отсутствие в семантике прилагательных со значением ослабленного признака эмоциональной окрашенности расширяет сферу их функционирования, в частности, данные дериваты могут широко использоваться в тексте научной прозы, различного рода хозяйственных и прочих наставлениях, имеющих практическое назначение. Особенно часто указанные прилагательные встречаются в ботанической литературе, где они используются для передачи гаммы разнообразных цветовых оттенков: *bílonazelenalý kalich* (močníku lékařského), Presl. O přír. rostlin, 1835-A; *Listy* (javoru českého) *zasivělobělavozelené*, Ibid., 1825; *květy plstí bělavopřirezavělou*, Ibid.; *na líci nasivělobílá, vně nahnědlá*, Presl. Všeob. rostl., 1846-A; *Větve a smítky černavohnědé*, Ibid.; *klásky přizelenalé aneb zelené*, Sloboda. Rostl, 1852-A; *Běльмо — natvrdlé zhuštění*, Krok, 1833; *hruščák* (je) *více přisládlý*, Ibid.; *míchanina pálí se v peci pokud z ní modravé plamínky vyšlehují*, V. Šafařík. Chemie, 1860; *Sklo má barvu nažloutlou neb našedivělou*, Ibid.; *roztok jest narusalý*, Presl. Lučba, 1835; *shoří* (kysličník uhelnatý) *plamenem modravým*, Votoček. Anorg. chemie, 1925-A; *kdežto ji (vodu) brzo bělavou, opět žlutavou, zas pozelenalou spatříš*, Gostko, O živlech., 1776-A; *řidčeji nazývá Anglicko Albion, prý od bělavých břehů*, Tomíček. Děje Angl., 1849-A; *Aby se mluvící vyjádřil expresivně, užívá brzy slov přihroublých*, Dvořák. Dem. v jaz. rom., a. p.; *hodně přihroublého jest i ve výsměšné písničce*, J. Vlček. Děj. čes. lit., 1897-A; *s malýma předlouhlýma očima*, Čelakovský. Čtení o vzdělání, 1877-A; *nalej trochu přikyslé smetany*, Rett. Rada; *zapař polívku řidkou přižloutlou jištičkou*, Ibid.

Прилагательные со значением ослабленного признака используются также в составе устойчивых терминологических обозначений — в этом случае оценочная функция редуцируется, уступая место номинативной: *Dvouplaz nažloutlý*, Krátký. Brehm. Život zvířat, 1930-A; *bledavý prutník*, Opiz. Seznam rostlin kv. čes., 1852-A; *černobyl přičervenalý*, Ibid.; *ražovka běložlutavá*, Ibid.; *svlačec modravý*, Presl. O přír. rostlin, 1825-A; *kručinka bělavá*, Ibid.; *jetel narusalý*, Ibid.; *ostřice hnědavá* (PS); *žraloun modravý* (PS); *velbloudník šedavý*, Domin. Klíč, 1928-A; *máčka namodralá*, Ibid.; *namodralozelenatý puk*, Reuss. Května Slov., 1853-A; *Muchomůrka načervenalá*, Macků. Č. houbař, 1913; *Třepenitka nažloutlá*, Ibid.

Как мы могли убедиться, обследование собранного фактического материала показало, что префиксально-суффиксальные и суффиксальные прилагательные со значением ослабленного признака активно используются в различных функциональных стилях литературного чешского языка, однако наиболее широко они зафиксированы в языке произведений художественной литературы. Употребление данных прилагательных не зависит от жанра литературного произведения, не влияют на него и такие субъективные факторы, как, например, эмоциональная настроенность повествующего лица. На протяжении исследуемого периода сфера употребления этих прилагательных не подвергалась существенным изменениям.

Изучение эксцерпций показало, что наиболее высокой фреквенцией отличаются дериваты, обозначающие цветовую характеристику. В этом же нас убеждают и данные FS — словарь фиксирует фреквенцию 23 дериватов (общая фреквенция 154), из них 17 обозначает цвет предмета (общая фреквенция 126). Прилагательные указанной структуры используются в письменной и в устной речи — как категория в целом они не имеют стилистических ограничений. Сказанное не исключает возможности функционирования отдельных лексем и даже словообразовательных типов в каких-то определенных стилистических пластах чешского языка. Последнее относится, в частности, к некоторым прилагательным, образованным посредством морфемы *po-* + *S*, встречающимся преимущественно в диалектной речи.

II. Функционирование префиксальных дериватов

Характер функционирования префиксальных дериватов со значением ослабленного признака существенно отличен. Как уже отмечалось, словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака посредством префиксации в значительной степени является фактом языкового прошлого, поскольку с середины XIX в. дериваты подобной структуры не только не образовывались, но и не употреблялись. В связи с этим наблюдения над характером функционирования данной лексики могут проводиться лишь на материале письменной речи. Поскольку на базе одних лишь словарных материалов невозможно

получить цельное представление о закономерностях использования префиксальных дериватов в чешском языке эпохи Возрождения, мы оперировали обширными excerpciemi.

На основе комплексного учета многих факторов мы заключили, что данные дериваты в эпоху чешского Возрождения являлись достоянием не только словарей и грамматик, но и непосредственно языковой практики. Прилагательные, образованные посредством основного ядра префиксов *ná-*, *pří-*, были зафиксированы в различных функциональных стилях письменного языка: встречаются они в текстах произведений художественной литературы, в прессе, в научных и религиозных трактатах и пр. Однако в целом фреквенция префиксальных дериватов (для эпохи Возрождения) существенно ниже фреквенции прилагательных иного структурного оформления. Примечателен факт преимущественного использования данной лексики в авторской речи, более книжной, чем речь персонажей (исключения типа *Mám za to, že máš hlas přibhroubný* — пересказ басни Эзопа о лисице и сыре, помещенной в хрестоматийной части грамматики Тама — крайне редки). В языке произведений художественной литературы наиболее широко употребляются дериваты с префиксом *ná-*, отмеченные как в прозаических, так и в поэтических жанрах: *Měl kůži náčernou*, V. M. Kramerius. Ml. Robinson, 1808-A; *Nášedivá mlha rozplývá se po obrubě lesní*, Čelakovský, Smíš. básně, 1822-A; *nášedivý oděv na zimu*, Jenovefa, 1818-A; *víno jest barvy nážluté*, Kollár. Cestopis, 1843-A; *Moudrosti když znějí hlasy*, (nedbalá mládež) *zacpává si náhluché již uši*, Tablic. Poezie, 1812-A; *náčerné krve proud až k pupku a nadržům z stehna syčí*, Počátkové, 1818-A.

Прилагательные с префиксом *ná-* отмечаются и в языке прессы (многие периодические издания того времени по своему характеру приближались к литературным альманахам): *Bylo to víc námodré než bílé světlo*, Palkovič. Týdeník, 1812-A; *na zdejších vinicích hrozno nákysele jest*, Ibid.; *má náhnědé poskvrny*, Hlasatel, 1806-A; *Vyhlíží jako nážlutá smetana*, Krok, 1828-A; *má květ nazelený*, Krameriusovy vlast. nov., 1819-A; *spatřila hada s nazelenýma očima*, Pražské noviny, 1832-A; *poprsí s nálysou hlavou*, ČČM, 1837-A; *byl nátruchlý*, Rozličnosti, 1826-A.

Анализируемые нами образования относительно широко используются в различного рода специальной литературе — сочинениях по истории, литературе, географии, медицине, зоологии, ботанике: *odstíny mezi náčervenou a nážlutou barvou*, Kvíčala. Herodot. Děj, II-A; *mají vlasy rusé neboli náčervené*, Šafařík. Slov. starož., 1837-A; *psaný ingoustem názeleným*, Jungmann. Historie lit. čes., 1825-A; *Květ náčervený jest*, A. J. Jungmann. Úv. k babení; *mramor s náčervenými fleky*, Palkovič. Známost vlasti zeměpisní, 1804-A; (nosorožec) *má náčernou kůži*, Hýbl. Popsání zvířat, 1811-A; *květ šeřika bledě fialový nábilý*, Presl. Poč. rostl., Slovník, 1848-A; *Podle barvy jest nášerý*, Ibid.; *listy (kosmatce srpatého) nábrunátné*, Presl. Všeob. rostl., 1846-A; *chmýr náryšavý*, Ibid.; *herynky, salát, nákyselé ovoce*, Tablic. Dietetika, 1819-A. Заметим, что речь идет преимущественно об использовании в тексте научной прозы, а не в составе терминологических обозначений.

Несколько отлична сфера функционирования дериватов с *při-*. По нашим наблюдениям, наиболее широко они использовались в языке специальной литературы, где встречались как в тексте научной прозы, так и в составе терминологических обозначений. Лингвисты эпохи чешского Возрождения, принимавшие деятельное участие в создании национальной научной терминологии, сознательно активизировали словообразовательные потенции ряда формантов, к числу которых относится и префикс *při-*. Практиковалась, в частности, модификация словообразовательного типа с *při-* путем вовлечения в состав производящих основ относительных прилагательных. Нередко дериваты данной структуры образовывались непосредственно в соответствии с латинским или немецким прототипом; ср.: *přicelý* 'subinteger' (*Listy přivejčité, přicelé*, Rostl.-J); *příblánitý* 'submembranaceus' (*Listy tupé, příblánité*, Rostl.-J); *přibobulovitý* 'subbaccatus' [*Plod řešetláka přibobulovitý*, Rostl.; *Tobolka* (u byliny) *jest přibobulovitá*, Ibid.-J]; *příbezlistý* 'fast blattlos' [*Lodyha* (pryskyřníku stolistého) *příbezlistá přímá*, Rostl.-J]. Ниже будут приведены примеры, иллюстрирующие употребление данных прилагательных в ботанической литературе: *listy přibezežebřé*, Presl. O přir. rostlin, 1825-A; *listy přítučné a nakyslé jedí s masem*, Ibid.; *plodnice přípupečnatá*, Ibid.; *býlem přišedohuňatým*, Reuss. Května Slov., 1853-A; *Květ bílý a příružový*, Ibid.; *jest hmota*

přimastná, Presl. Poč. gostl.-A и т. д. Фиксируемые в данных эксцерпциях дериваты не отражены словарями чешского языка; за пределами научной литературы указанные и им подобные образования практически не употребляются. Прилагательные с *pří-* используются и в текстах различного рода наставлений, руководств, философских и религиозных трактатов: *k tomu německý hyprogryf přítěžký*, Počátkové, 1818-A; *přiokrouhlé valy opatřené okrouhlou jamou*, Šafařík. Slov. starož., 1837-A; *pijí vodu nětco přichořkou*, Jan Prokopius Tyssot. Zpráva o zdr., 1788-A; *z lehkého gruntu bývá víno nechutné, z toho pak přitvrděho trpké*, Wiegand. Hosp. ruční knížka, 1773-A; *Oves bývá hrablicovou kosou kosený, kromě jestliby někdy přibůjný byl*, Ibid.; *Voda byla přitřpká*, Pongrás. Kreutzberga. Pobož. přemýšlování, 1783-A; *Jeho ovoce (lesních pláňat) předce zůstává přitřpké*, Skřivánek. Nauč. o Štěp., 1798-A.

Употребление прилагательных с *pří-* в произведениях художественной литературы, прессы является более ограниченным, чем дериватов с *ná-*: *v půlnoční temno zahostím tam toho háječku, přichladným jenž plyne hou štím!* Doucha. Thomson. Počasy, 1842-A; *kořeníčko přitřpké uvázal*, Vlčkovský. Hom. Iliada, 1842-A; *přizelená jablěčka*, V. M. Kramerius. Ml. Robinson, 1808-A; *myška bílá jako padlý sníh, srstku měla atlasovou; měkou, rovnou, přiblísknavou*, Javornický. Paní Mil., 1818-A; *Je cítit přisladkou vůni*, F. J. Tomsa. Měsíční spis, 1787-A; *měsíc bylo v páře přičervené viděti*, Hlasatel, 1806-A; *Tukovina z slanin jest přizluté barvy*, Ibid., 1818-A; *Nese květ přitřšavý*, Palkovič. Týdeník, 1812-A; *cítil, že je trochu přítěžký*, Nár. pov., 1849-A.

В современном литературном языке дериваты с префиксами *ná-*, *pří-* не употребляются (имеются в виду образования от собственно прилагательных), полностью опущены они и в FS. Примечательно, что PS иллюстрирует употребление прилагательных с данными формантами единичными примерами, заимствованными лишь из произведений писателей XIX в. Для носителей современного языка семантика дериватов указанной структуры уже не является достаточно рельефной. Сказанное правомерно и для дериватов с *ro-*. В нашем распоряжении находится лишь незначительное количество примеров, иллюстрирующих использование прилагательных с префиксом *ro-* (все они относятся к концу XVIII — первой половине

XIX в.): *vyhazování počernavé vodnatosti*, J. Prokopius. Tysot. Zpráva o zdr., 1788-A; *na některých keřích byl přičervený a pobělavý květ*, V. M. Kramerius. Ml. Robinson, 1808-A; *Barvu těla počernou mají*, Bartolom. Geogr.; *pookrouhlá díra*, A. J. Jungmann. Úv. k babení, 1804-A; *Vizte jen mé krásné děvče se zlatými kadeřkami, s počernými očkami*, Tablic. Poezie, 1812-A; *Barva počerná*, Koll. Čit. В некоторых случаях контексты, в которых встречаются дериваты с *po-*, содержат элементы разговорного стиля, диалектизмы: *Usnul, chuděra, je přeukrutně poslabej*, Nováková-PS; *Ševcová vařila ze štavu vomáčku ha z. pobílej mouky rozpíčky*, Ваар. Naše poh.

Более употребительными являются дериваты с *při-* и *po-*, образованные от адъективированных причастий; ср., например, *Listí posvraskalé*, Krok, I; *Terč povydutý*, Rostl., IIa-J; *Poošumělý šat*, Neruda-PS; *Dub bleskem porozrytý*, Čech-PS; *Vyndá dýmčici z poscvrklých rtů*, V, K, Jeř.-PS; *přiokoralá bobule*, Rostl.-J; *Lupeny kalichové předstálé*, Ibid.

Дериваты с префиксами *ob-* и *za-* в чешском языке эпохи Возрождения встречаются крайне редко; в современном литературном языке они не представлены вообще. Прилагательные, образованные посредством префикса *pod-*, используются почти исключительно в терминологическом употреблении; ср.: *pisík podbílý, plůdek podmalý* (PS помещает достаточно пространную интерпретацию семантики данных терминологических обозначений: 'nedostatečně vyvinutý, mající při přesazení rybníka váhu jen pod 0,15 kg na 100 kusů').

§ 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТИПОВ И СРЕДСТВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Как мы могли видеть, чешский язык располагает разнообразным репертуаром словообразовательных формантов, пригодных для воплощения значения ослабленного признака. Синонимичные форманты нередко могут группироваться вокруг одной и той же производящей основы, образуя пучок одноосновных дериватов. Так, *bílý* могло трансформироваться в прилагательное со значе-

нием ослабленного признака посредством присоединения десяти аффиксов; у четырех прилагательных (*černý, hrubý, dlouhý, trpký*) отмечено по девяти словообразовательных формантов²⁴ и т. д. Склонность к концентрированию более или менее разветвленного пучка дериватов обнаруживает не менее 90 производящих основ. Табл. 8 позволяет проследить зависимость между численностью одноосновных дериватов и количеством производящих основ:

Таблица 8

Количество одноосновных дериватов	10	9	8	7	6	5	4	3	2
Количество производящих основ	1	4	3	4	11	11	14	15	30

Как мы видим, чем разветвленнее пучок дериватов, тем более ограниченным является количество соотносимых с ними основ. Показательно, что в составе основ, концентрирующих вокруг себя синонимичные дериваты, наиболее широко представлены цветковые обозначения (29 лексем, или 31%), объединяющие 153 деривата (из 227). Наличие набора разнообразных аффиксов, характеризующихся сходной функциональной сущностью, является предпосылкой для возникновения состояния конкуренции между дублетными образованиями. Исследование материала показало, что встречающиеся в составе одного и того же словообразовательного гнезда прилагательные со значением ослабленного признака в большинстве случаев являются дублетами, т. е. более или менее равноправными партнерами в процессе конкуренции. Следует заметить, что конкурирующие лексемы рассматриваются в работе не как изолированные языковые явления, а как репрезентанты тех или иных словообразовательных типов. Рассмотрение конкурирующих образований ведется в двух аспектах: А. Между различными способами словопроизводства. Б. Внутри одного и того же способа словопроизводства.

²⁴ Стремясь к максимальному охвату дериватов соответствующего семантического профиля, мы сознательно, игнорируя фактор времени, учитывали здесь как архаичные, так и актуальные для современного языка образования.

А. Случаи конкуренции словообразовательных типов, принадлежащих к различным способам словопроизводства

А1. Конкуренция в рамках префиксального и префиксально-суффиксального словопроизводства

Словари, отражающие состояние чешского языка эпохи Возрождения, обычно отмечают семантическую идентичность одноосновных префиксальных и префиксально-суффиксальных дериватов. Так, нередко они включают указанные образования в состав одной и той же словарной статьи; ср.: *přístaralý, přístarý* J, K, Kon; *přihluchlý, přihluchý* J, K; *náhluchý, nahluchlý* Šum; *náměkký, naměklý* J, Šum; *nážlutý, nážlutlý* Pal; *přišedivý, přišedivělý* Šum; *našedivý, našedivělý* J, K и многие другие. В исключительных случаях подобные факты отмечаются и современными словарями: **nateplý, *nateplalý* PS, SSJČ; *našikmělý, *nášikmý* PS, SSJČ. В старых словарях префиксальные дериваты нередко используются в качестве семантических эквивалентов для соответствующих одноосновных префиксально-суффиксальных образований: *nahnědlý* 'náhnědý' J; *naryšavělý* 'naryšavý' J; *načervenalý* 'náčervený' J; *načernalý* 'náčerný' J; *naměklý* 'náměkký' J; *nahnědlý* 'náhnědý, trochu hnědý'.

Конкуренция префиксально-суффиксальных и префиксальных дериватов завершилась угасанием словообразовательной активности чисто префиксального способа словопроизводства. Процесс конкуренции указанных образований развивался очень динамично. К середине XIX в. полностью исчерпанными оказались словообразовательные возможности данного способа словопроизводства; наметилось существенное сужение сферы употребления ранее образованных дериватов. Правомерно утверждать, что уже в первой половине XIX в. префиксальные прилагательные являлись принадлежностью книжной, в достаточной степени архаизованной речи — неслучайно они были зафиксированы исключительно в речи автора и практически не встретились в речи литературных персонажей.

Анализ словаря Юнгмана позволяет заключить, что в период чешского Возрождения префиксально-суффиксальный способ образования прилагательных со значением ослабленного признака переживал пору своего становле-

ния — примечательно, что грамматики конца XVIII — первой половины XIX в., как правило, не обособляют префиксально-суффиксальное словообразование как самостоятельный способ словопроизводства. Сказанное подтверждают и такие факты, как: а) численность дериватов²⁵: префиксальных — 230, префиксально-суффиксальных — 120; б) характер отсылочного аппарата и иллюстративного материала. В то время как префиксальные дериваты нередко сопровождаются отсылками к словарям XVI—XVII вв., иллюстрируются примерами, относящимися к тому же периоду, у префиксально-суффиксальных образований подобные отсылки и примеры встречаются лишь в исключительных случаях — как правило, они иллюстрируются примерами, заимствованными из современной Юнгману литературы, зачастую специального характера. Примечательно отсутствие в составе производящих основ префиксально-суффиксальных образований архаичных лексем. Важно отметить, что многие префиксально-суффиксальные дериваты сопровождаются в словарях пометой *Us.*, обычно отсутствующей у префиксальных производных.

Современные словари приводят около 35 префиксальных дериватов и более 260 префиксально-суффиксальных. В архиве ИЧЯ префиксальные образования несравненно беднее, чем префиксально-суффиксальные, снабжены примерами (при этом в новейших эксцерпциях префиксальные прилагательные полностью отсутствуют); ср.: *pří(i)červený* — 6 примеров — *příčervenalý* 37; *náhnědý* 5 — *nahnědlý* 39; *příhnědý* 1 — *přihnědlý* 39; *námodrý* 4 — *namodralý* 58; *příšedivý* 1 — *přišedivělý* 30 и т. д. В архиве ИЧЯ префиксальные образования почти исключительно представлены эксцерпциями из литературных произведений и научных сочинений первой половины XIX в.; эксцерптор обычно комментирует их при помощи соответствующих префиксально-суффиксальных эквивалентов: *Jeho ovoce zůstává přitřpké*, Skřivánek. *Nauč. o Štěp.*, 1798 (= *přitřpklý, zatřpklý*); *Barvu těla počernou mají*, Bartolom. *Geogr.*, 1798 (= *načernalý*); *náčernou vrásku měl*, Semian. *Mésároš. Příp. kart.*, 1790 (= *načernalý*); *Země jest náhnědé barvy*, Prvotiny, 1813 (= *nahnědlý*); *Šči nejoblíbenější ruské nákysele jídlo*, J. Kollár. *Sl va*

²⁵ Цифры округлены.

boh., 1839 (=nakyslý); *náčervení oblakové*, F. J. Tomsa. Měs. spis, 1787 (=načervenalý).

Имеющийся в нашем распоряжении материал с достаточной наглядностью отражает процесс конкуренции. Нами было зарегистрировано 49 основ, у которых префиксальные дериваты с течением времени были заменены соответствующими префиксально-суффиксальными образованиями, имеющими идентичный префикс и разнящимися лишь наличием суффиксальной части. В 28 случаях это были дериваты с префиксом *ná-*, в 32 — с *při-*, в 8 — с *po-*, в 2 — с *ob-*, в 2 — с *za-*. В абсолютном большинстве случаев префиксально-суффиксальный дериват сменил префиксальный. Обратное явление не наблюдается вообще. Лишь иногда префиксальные образования сосуществуют с префиксально-суффиксальными, однако, как правило, префиксальный дериват имеет узкую, более специфичную сферу употребления; ср.: *načervenalý* PS, SSJČ — *náčervený* PS†, SSJČ†; *počernalý* PS, SSJČ — *počerný* PS dial., SSJČ nář. a sloven.; *nahnědlý* PS, SSJČ — *náhnědlý* PS†. Одинаковыми ограничительными пометами сопровождаются слова *nateplalý*, *nateplý* PS*, SSJČ*; *pochladlý*, *pochladný* SSJČ* (PS* *pochladný*; *pochladlý* н/у).

В большинстве случаев (29) у одной и той же основы отмечалась одна пара конкурировавших друг с другом образований: *náfialový*²⁶, *náfialovělý* PS, SSJČ; *nášikmý* PS dial., SSJČ*, *našikmělý* PS, SSJČ; *nášpinavý*, *našpinavělý* PS, SSJČ; *náhluchý*, *nahluchlý* PS, SSJČ; *pošpatný* PS dial., *pošpatnělý* PS, SSJČ hovor.; *pochatrný* VT*, *pochatrnělý* PS*, SSJČ*; *přimladý*, *přimládělý* PS*; *přisurový*, *přisurovělý* SSJČ; *přivlhký*, *přivhlhlý* PS, SSJČ kniž. řidč.

В 15 случаях у одной и той же основы отмечаются по две пары конкурировавших образований: *přihluchý*, *přihluchlý*, PS, SSJČ; *náhluchý*, *nahluchlý* PS, SSJČ; *přislepý*, *přisleplý* PS, SSJČ; *náslepý*, *nasleplý* PS, SSJČ*; *přitvrďý*, *přitvrďlý* PS, SSJČ; *nátvrďý*, *natvrďlý* PS, SSJČ.

Значительно реже встречаются случаи с тремя парами дублетных образований; ср., например, *příčerný*, *příčernalý* PS, SSJČ řidč.; *náčerný* PS†, SSJČ†, *načernalý* PS,

²⁶ Отсутствие словарных отсылок подтверждает, что данное образование представлено лишь в старых и опущено в современных словарях.

SSJČ; *počerný* PS dial., SSJČ nář. a sloven., *počernalý* PS, SSJČ, VT* (всего отмечено четыре случая). Впрочем, далеко не всегда префиксально-суффиксальному образованию предшествует обязательное наличие префиксального деривата. В современном литературном чешском языке префиксально-суффиксальные прилагательные возникают безотносительно к уже исчезнувшим префиксальным образованиям (сказанное правомерно уже и для эпохи Возрождения).

А 2. Конкуренция в рамках префиксально-суффиксального и суффиксального словопроизводства

Ниже мы коротко остановимся на характере взаимоотношений, существующих между продуктивными в современном литературном чешском языке способами словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака: между префиксально-суффиксальным и суффиксальным способами словопроизводства. Стоящая перед нами задача еще более сузится, если мы примем во внимание, что в рамках суффиксального словообразования единственно продуктивным является тип с суффиксом *-av-*. Поскольку последний преимущественно используется для образования цветowych обозначений, постольку и ниже речь будет идти о взаимоотношениях словообразовательного типа с *-av-* с аналогичным образом специализированными словообразовательными типами, прежде всего это тип с морфемой *na-* + С. Как показал материал, префиксально-суффиксальные морфемы характеризуются более широкими возможностями словопроизводства. Они могут присоединяться не только к тем основам, у которых отмечается суффикс *-av-*, но и к целому ряду других прилагательных, обозначающих цветовую характеристику, но не сочетающихся с *-av-* — мы имеем в виду прежде всего прилагательные с основой на *v* (ср. *ružový*, *nachový* и др.), а также прилагательные, образованные от исконно заимствованных основ (*fialový*, *oranžový*).

Изучая словарные данные, мы устанавливаем, что дериваты с *-av-* во многих случаях квалифицируются как семантические дублиеты по отношению к соответствующим префиксально-суффиксальным образованиям; ср. словарную интерпретацию *modravý* 'zamodralý' J, 'namod-

ralý' PS, SSJČ, VT; *černavý* 'načernalý, začernalý' PS, SSJČ, VT; *žlutavý* 'nažloutlý' PS, VT; *zelenavý* 'nazele-
nalý' PS, VT; *šedavý* 'našedlý' PS; *hnědavý* 'nahnědlý,
zahnědlý' PS, SSJČ, VT.

Подтверждение отмеченной семантической близости мы находим и в эксцерпциях *černavý*, *náčerný*, *počernalý* 'k černému se blížíci', Presl. Poč. rostl., Slovník; *modravá*, *zamodralá*, *namodralá* 'do modra se nachylující', Presl. O přír. Sr. также следующие комментарии эксцерпторов: *široký pruh červenavé záře*, Jirásek. Temno, 1915-A (= načervenálý); *ukazoval na přimodralý proužek*, J, J. Kollár. Sebr. rom., 1854-A (= modravý); *vychrstnul louži hnědavých slin*, Šlejhar. Vraždění, 1910 (= nahnědlý). Из приведенных примеров следует, что возможна взаимная подстановка в контекст прилагательных с *-av-* и соответствующих префиксально-суффиксальных дериватов.

В целом, как нам представляется, процесс конкуренции между образованиями с суффиксом *-av-* и префиксально-суффиксальными морфемами не развивается или же развивается крайне медленно. Чаще всего эти дериваты сосуществуют, не вытесняя друг друга. Решающую роль здесь играет семантический фактор: в семантике префиксально-суффиксальных образований — у одних больше, у других меньше — ощущается элемент процессуальности, полностью стершийся в семантике деадъективных образований с *-av-*. Наличие отмеченного семантического оттенка, хотя и не является достаточным основанием для разграничения сфер употребления прилагательных данной словообразовательной структуры, однако служит препятствием, мешающим развитию процесса конкуренции. Согласно FS, фреквенция дериватов с *-av-* в целом выше, чем фреквенция прилагательных с морфемой *na-* + С: *na-* + С отмечается у 8 основ, обозначающих цветовую характеристику (фреквенция 26), *-av-* — у 5 основ той же семантики (фреквенция 58).

Б. Случаи конкуренции словообразовательных типов внутри одного и того же способа словопроизводства

Во многих случаях процесс конкуренции здесь не является завершенным. Ниже мы попытаемся, насколько это возможно, наметить некоторые общие тенденции развития процесса.

*Б1. Конкуренция в рамках префиксальных типов
словообразования прилагательных
со значением ослабленного признака*

Наблюдение над ходом конкуренции в этом случае сопряжено со значительными трудностями, поскольку этот процесс развивался преимущественно на более ранних этапах существования чешского языка. В большинстве случаев мы не располагаем надежными данными, квалифицирующими степень и масштабы употребления тех или иных сопоставляемых образований. Словари, грамматические пособия эпохи Возрождения обычно указывают относительно разветвленные и недифференцированные пучки одноосновных дериватов со значением ослабленного признака²⁷, поэтому нередко мы можем лишь констатировать факт наличия синонимичных, а возможно, и дублетных образований, в то время как направленность процесса не всегда является рельефной. Отсутствие данных дериватов в современных эксцерпциях и словарях лишает нас возможности наблюдать некоторую конечную фазу процесса.

Структурная и семантическая близость дериватов с префиксами *ná-* и *při-* создает в ряде случаев благоприятную почву для переименования структурных связей данных морфем (зафиксировано 28 случаев переименования, сверх того, *ná-* имеет 20, а *při-* — 130 изолированных связей). Оба префикса преимущественно оформляют лексику, обозначающую цветовые оттенки; в 13 случаях именно эти основы служат базой для переименования структурных связей данных морфем: *světlý* — *při-* J, K, Kon; *ná-* J, K, Kon, Pal, Tham; *bledý* — *při-* J, K, Kon; *ná-* J, K, Pal; *trpký*²⁸ — *při-* J, K, Tham, Kon; *ná-* J, K, Šum, Pal; *vzteklý* — *při-* J; *ná-* J, K, Šum; *hrubý* — *při-* J, K (у Юнгмана отсылка к Бернолаку); *ná-* J, K, Pal, Tham²⁹; *snědý*: *při-* J, PS*; *ná-* J, K, Kon; *červený*: *při-* J, K, Kon,

²⁷ Ср. *nažloutlý, nažlutlý, nažlutavý, nážlutý* 'drobet žlutý' J, K, Šum; *přízelený, přízelenalý, přízelenatý, přízelenavý* J. Отсутствие дифференцирующих помет обусловлено прежде всего действительной неразграниченностью сфер употребления данных образований.

²⁸ *zátrpký* 'zatrpčelý, etwas bitter, bitterlich' K (судя по словарным пометам, это диалектизм).

²⁹ От данной основы фиксируется образование с префиксом *po-* (современными словарями оно квалифицируется как диалектное).

Pal, Tom; *ná-* J, K, Tham, Pal, PS†, SSJČ†; *zelený*: *při-* J, K, Pal; *ná-* J, K, Tham, PS†.

Помимо *při-* и *ná-*, могут перекрещиваться структурные связи других префиксов. Несколько чаще других отмечаются случаи пересечения префиксов *při-* и *po-* (около 15 случаев), например, *oblý*: *při(i)-* J, K, PS; *po-* J, K, Kon; *obtížný*: *při-* J; *po-* J, K; *tlustý*: *při-* J, K, PS řidč., SSJČ*; *po-* PS dial.; *chladný*: *při-* J, K, Šum, Kon; *po-* PS*, SSJČ*; *slabý*: *při-* J, K (ссылка на Линде), *po-* PS dial. Ср. также случаи перекрещивания *při-* и *za-*; *ná-* и *po-*: *ruměný*: *při-* J, K; *za-* PS*; *bílý*: *na-* J; *po-* J, K.

Иногда одни и те же производящие основы могут служить точкой пересечения структурных связей трех или даже четырех префиксов со значением ослабленного признака; ср.: *zelenavý*: *na-* PS, SSJČ*; *při-* J, K; *po-* J, K, VT, SSJČ; *za-* J, K, PS*; *bělavý*: *při-* J; *ná-* PS*, SSJČ*; *po-* J, K, PS*, SSJČ*; *za-* PS*; *černý*: *při-* J; *ná-* J, K, Tham, Šum, Pal, Kon, PS†, SSJČ†; *ob-* J, K, Tham, Kon, Šum, Pal⁸⁰; *po-* J, K, Šum, PS dial., SSJČ nář. a sloven; *okrouhlý*: *při-* PS, SSJČ řidč.; *na-* J, K; *po-* J; *lysý*: *při-* J; *ob-* J, Kon, Tham, Pal; *ná-* J, K, Šum, Kon, Tham, Tom, Pal.

Несмотря на то, что в каждом конкретном случае нам затруднительно установить, какой из одноосновных дериватов занимал господствующее положение, тем не менее, принимая во внимание ряд факторов, мы можем сделать некоторые общие выводы. Есть основания полагать, что в эпоху Возрождения не все разнооформленные префиксальные дериваты были в строгом смысле слова дублетами: по-видимому, уже тогда наметилась относительно четкая специализация, разграничившая сферы их употребления и воспрепятствовавшая тем самым их конкуренции друг с другом.

В рамках литературного чешского языка наиболее продуктивным, несомненно, являлся префикс *ná-*. В семантическом отношении эта морфема специализируется на образовании дериватов, обозначающих цвет предмета. Любопытно, что в словарях эпохи Возрождения именно прилагательные с *ná-* наиболее часто привлекаются в качестве эквивалентов при семантической интерпретации других дериватов со значением ослабленного признака,

⁸⁰ Палкович отдает предпочтение *náčerný* перед *občerný* (ср.: *občerný*, besser *náčerný*).

обозначающих цветовую характеристику: *přízelený*, *přízelenalý*, *přízelenatý*, *přízelenavý* 'назеленý, назеленалý' J; *příčervený* 'наčervený, počervenalý' J, K; *počerný* 'начернý' J, K, Šum; *poryšavý* 'нарыšavý' J; *zahnědlý* 'наhnědlý, trochu hnědlý' J. Примечательно, что в числе префиксальных дериватов, обозначающих цветовую характеристику, в современных словарях также преобладают прилагательные с *ná-* (*na-*); ср.: *nazelenavý* PS, SSJČ*; *nábělavý* PS*, SSJČ* (исключение составляет лишь *přísnědlý* PS*). В остальных случаях прилагательные с префиксом *ná-* помечены знаком †, в то время как другие возможные дублиеты опущены вообще: *náčervený* PS†, SSJČ†; *názele- ný* PS†; *náčerný* PS†, SSJČ†.

В составе префиксальных прилагательных, фиксируемых в словаре Юнгмана, дериваты с *pří-* отличаются несомненным численным превосходством. Однако один лишь этот факт не может служить достаточным основанием для квалификации данного словообразовательного типа как наиболее продуктивного. Анализ материала свидетельствует о том, что, находясь под влиянием близкородственных славянских языков и, в частности, словацкого, польского, Юнгман в ряде случаев искусственно стимулировал словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака посредством префикса *pří-*. Так, некоторые дериваты с *pří-*, включенные Юнгманом, были заимствованы им из словаря словацкого языка А. Бернолака³¹: *příjasný*, *příhrubý*, *přiveselý*, *přížlutý*. Словакизмом, по видимому, является и *příkrutý* (Юнгман не сопровождает его соответствующими отсылками, однако Котт квалифицирует как словакизм). Ряд образований был заимствован из Словаря польского языка Линде: *příblánkytný* K; *příhladný* K, Kon; *příplaskonosý*; *přípyšný* K, Šum; *přiruměný* K, Kon; *přírychlý* K, Kon; *příslabý* K; *přiteskný* K; *přítrudný* K, Šum; *přížárlivý* K, Šum; *příbázlivý* (в последнем случае Юнгман приводит и польский эквивалент *przyboiazliwy*³²). В отношении значительного количества дериватов с *pří-*, имеющих в словаре Юнгмана, можно

³¹ A. B e r n o l á k. Slowár slovenski, česko-latinsko-německouherski. Budín, 1825—1827. Отдельные прилагательные заимствованы из словаря Й. Палковича, изобиловавшего словакизмами и диалектизмами.

³² В данном случае сохранен даже внешний облик польского слова.

предположить, что они были образованы самим составителем словаря (данные слова либо не имеют сопроводительных помет, иллюстраций, либо имеют помету J, фиксирующую авторство Юнгмана; примечательно, что Котт многие из приводимых образований сопровождает отсылкой к словарю Юнгмана): *přizimný*, *přítenský*, *přisměšný*, *příperný*, *přikvasný* Šum, Kon; *přimalý* Kon; *příkrvavý* Šum; *přitěsný*, *přisurový*, *přisuchý*, *přisvětlý* K, Kon; *přismutný* K; *přislepý* K; *připochlebný*, *přihustý* K, Kon; *příbledý* Kon; *přítlustý* K; *příveliký*, *přípříkrý* K.

Критерии, которыми пользовался Юнгман при включении в свой словарь большого ряда дериватов с *při-*, отражают проводимую им языковую политику, допускающую обогащение чешского языка за счет использования наследия прошлого, заимствования из родственных языков, создания новообразований и т. д. Поэтому неслучайно в составе прилагательных с префиксом *při-*, наряду с архаичной лексикой, представлены и заимствования из польского и словацкого языков, новообразования и т. д. В связи с этим очевидна невозможность установления тождества между репертуаром прилагательных с префиксом *při-*, фиксируемых словарем Юнгмана, и составом прилагательных, действительно функционировавших в литературном чешском языке эпохи Возрождения. Не все рекомендации Юнгмана были восприняты носителями языка, многие из них не были реализованы в языковой практике.

Префикс *při-* не принадлежит к числу словообразовательных формантов с ярко выраженной семантической специализацией — он относительно равномерно присоединялся к основам разнообразного семантического профиля. Более оправданно в этом случае говорить о функциональной специализации морфемы. Так, многочисленные дериваты с префиксом *při-* предназначались для использования в сфере специальных терминологических обозначений (ср. хотя бы приводимые в PS образования *přidrsný*, *přiolblý*, *přislizký*, *přiookrouhlý*, входящие в состав терминологических обозначений: *zvonovka přidrsná*, *ostřice přiolblá*, *mazavec přislizký*, *list přiookrouhlý* — значение последнего раскрывается следующим образом: 'list celý, s šepelí obrysu jen přibližně kruhovitého').

Аналогично использовались и многочисленные новообразования, фиксируемые в словаре Юнгмана и в экс-

церпциях. В составе терминологических обозначений употреблялись и прилагательные, образованные посредством присоединения *při-* к основе относительных прилагательных; ср.: *příbrázdnatý*, *příblánitý*, *příbrvítý*, *příbezlistý* и пр. Некоторые новообразования терминологического характера, предложенные Юнгманом и его современниками, в частности Преслом, возникли по образцам, заимствованным из других языков, например латыни: *přícely* 'subinteger'; *příblánitý* 'submembranaceus', *příbobulovitý* 'subbaccatus', где префикс *při-* соответствует латинской приставке *sub-*. Все образования этого типа не вышли за пределы специфической научной терминологии, оставшись чуждыми языку художественной литературы, прессы. При образовании лексики специального назначения префикс *při-* занимал сравнительно устойчивые позиции — об этом можно судить не только по количеству новообразований с данной морфемой, но и по случаям конкуренции с дублетными образованиями, завершающимися победой префикса *při-*; ср. приводимые выше *příokrouhlý*, *pří(i)oblý*, когда были вытеснены образования с префиксами *na-*, *po-* (в первом случае) и *po-* (во втором). В обоих случаях семантика *pookrouhlý* и *pooblý* передается эквивалентом с префиксом *při-* ('*příokrouhlý*' J, '*příoblý*' J). Следует, впрочем, учесть, что образования терминологического характера лишь условно могут быть определены как прилагательные со значением ослабленного признака в связи с тем, что они выполняют не столько оценочную, сколько номинативную функцию.

Префикс *po-*, привлекаемый для образования прилагательных со значением ослабленного признака от собственно прилагательных, не относится к числу продуктивных словообразовательных формантов: численность дериватов данной структуры очень невелика; кроме того, все они характеризуются ограниченной сферой употребления. Многие из прилагательных с *po-* не являются принадлежностью литературного языка, а употребляются главным образом в диалектах. Так, судя по пометам, имеющимся в словарях современного литературного чешского языка, 6 из 11 образований с префиксом *po-* квалифицируются как диалектные: *počerný* PS dial., SSJČ nář. a sloven.; *potlustý* PS dial.; *poslabý* PS dial.; *pochabý* SSJČ nář.; *pobílý* PS dial., SSJČ nář.; *pošpatný* PS dial. SSJČ nář. В силу этого данные образования не могли конку-

ривать с такими дериватами, как *náčerný* PS†, SSJČ†, *přítlustý* PS řidč., SSJČ* и пр. Явилась ли отмеченная специализация образований с префиксом *po-* результатом прошедшего процесса конкуренции с дублетными образованиями или нет, мы в настоящее время установить не можем, так как в словаре Юнгмана, как и в других словарях эпохи Возрождения, указанные только что образования с префиксом *po-* не приводятся вообще. Численность дериватов с *po-*, наделенных значением ослабленного признака, судя по материалам словарей эпохи Возрождения, исчислялась единицами — Юнгман указывает несколько более 10 образований, многие из которых помещены с отсылками к источникам XVI—XVII вв. Впрочем, некоторые из дериватов иллюстрируются примерами из произведений современников Юнгмана, прежде всего из пособий по ботанике, зоологии Пресла.

Полностью непродуктивным является словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака посредством префиксов *ob-* и *za-* — дериваты подобной структуры практически не представлены в эксцерпциях. Случаи присоединения префикса *ob-* отмечаются лишь некоторыми грамматиками (в частности, Добровского), однако количество приводимых там образований ничтожно. Показательно, что дериваты с *ob-* отмечаются, как правило, словарями Юнгмана и Котта и лишь в виде исключения фиксируются некоторыми другими словарями чешского языка. В современных словарях дериваты данной структуры опущены.

Прилагательные с префиксом *zá-* (*za-*) представлены изолированными образованиями — в эксцерпциях они не отмечены. В ряде случаев семантическая нагрузка префиксов *po-*, *ob-*, *zá-* не является достаточно рельефной; ср., например, *pochlubný* 'chlubný' К; *pořídský* 'řídský' J и т. д. — данный факт правомерно рассматривать как один из симптомов разрушения словообразовательного типа.

Вовлечение в сферу словообразования прилагательных со значением ослабленного признака сравнительной, а тем более превосходной степени практикуется в чешском языке в очень незначительных масштабах. В истории языка для этой цели использовались префиксы *po-* (главным образом), *při-* (старый период) и отчасти *ob-*; ср.: *slabší*: *při-* J, *po-* PS, SSJČ řidč.; *starší*: *po-* PS, SSJČ, *ob-* PS,

SSJČ řidč.; *větší*: *při-* J, *po-* PS, SSJČ řidč. В целом эта структурная зона была узурпирована префиксом *po-*; ср.: *postarší*, *pomenší*, *posilnější*, *poslabší*, *povětší*. Помещенные Юнгманом дериваты с *při-* (он указывает шесть слов; в эксерпциях нам встретились еще два: *přidelší*, *příhrubší*) используются лишь в языке научной литературы, кроме того, практически все они возникли по образцу, заимствованному из польского языка.

Если словопроизводство дериватов со значением ослабленного признака от собственно прилагательных в современном чешском языке себя полностью изжило, то иначе сложилось словопроизводство аналогичных прилагательных от адъективированных причастий.

Дериваты указанной структуры образуются посредством продуктивных морфем *po-* и *při-*. Структурные связи обоих префиксов в целом четко разграничены, хотя иногда наблюдаются случаи их пересечения; ср.: *ošumělý*: *při-* PS*, SSJČ*, *po-* PS, SSJČ*. В семантике дериватов с *po-* сравнительно отчетливо ощущается специфически глагольное значение, у образований с *při-* связь с глагольными конструкциями является менее непосредственной.

Б2. Конкуренция в рамках суффиксальных типов словообразования

Суффиксальное словопроизводство почти исключительно осуществляется при помощи суффикса *-av-*. Это, несомненно, продуктивная морфема, активно участвующая в образовании прилагательных данного семантического профиля на протяжении исследуемого периода существования литературного чешского языка. Состав дериватов с *-av-* подвергся очень незначительным изменениям. Юнгман отмечает около 20 прилагательных с *-av-*, современные словари приводят около 30 образований, примерно половина которых не имеет ограничительных помет и функционирует в различных стилях и жанрах литературного языка. Устойчивость круга производящих основ — характерная особенность данного суффикса. Он относится к числу словообразовательных средств с ярко выраженной локальной продуктивностью, т. е. он продуктивен в пределах определенной замкнутой семантической зоны — цветовых обозначений, лексический состав которых отличается известной стабильностью. Дериваты с данным пре-

фиксом, имеющие иную семантику, характеризуются ограниченной сферой употребления (они используются преимущественно в диалектах); ср.: *hořkavý* PS*, SSJČ řidč; *slanavý* (arch.); *slabavý* PS dial.; *sladkavý* PS*, VT*; *teplavý* PS*; *křivavý* PS*, SSJČ†. В числе прилагательных, приводимых Юнгманом, есть несколько слов, квалифицируемых как полонизмы; ср. *temnavý*, *měkkavý*, *ruměnavý* — некоторые из этих образований с течением времени отсеялись.

В эпоху Возрождения была предпринята попытка расширить репертуар суффиксальных морфем, участвующих в образовании прилагательных со значением ослабленного признака. Для этой цели были использованы словообразовательные морфемы, либо уже существовавшие в чешском языке, либо заимствованные из родственных славянских языков.

Так, в словаре Юнгмана приводятся дериваты указанной семантики, образованные при помощи суффиксов *-ova(i)t-* и *-at-*. Факт слабой документированности экцерпциями, характер словарных отсылок — все это убеждает нас в том, что словообразовательная активность данных суффиксов была крайне низкой. Грамматики чешского языка не указывают подобных морфем в кругу словообразовательных средств прилагательных со значением ослабленного признака. В словаре Юнгмана приводятся восемь дериватов с *-ovat-*, пять из них сопровождаются отсылками к словарю польского языка Линде, остальные иллюстрированы примерами из литературных произведений XVI—XVII вв. Носителями языка данные суффиксы воспринимались как непродуктивные; ср. комментарий Шумавского: *hluchovatý*, *besser nahluchlý*, *příhluchlý*, где составитель словаря отдает предпочтение образованию со сложной морфемой. Современные словари отмечают лишь единственное *hloupovatý* PS expr., VT* (в архиве ИЧЯ *hloupovatý* иллюстрировано 2 примерами, *příhlouplý* — 75). Не укрепился в чешском языке и суффикс *-at-* — данный формант используется исключительно для словообразования прилагательных со значением интенсификации [ср., например, комментарий Шумавского *pří(i)zelenalý* — *nicht gut přízelenatý*].

Суффикс *-kav-*, принимающий участие в образовании прилагательных со значением ослабленного признака, представлен единичными образованиями, получившими

распространение в диалектной и разговорной речи: В связи с этим члены синонимических пар *kyselavý* PS, SSJČ — *kyselkavý* SSJČ nář.; *zelenavý* PS — *zelenkavý* PS dial.; *žlutavý* PS — *žlutkavý* PS dial. не конкурируют один с другим: они употребляются в различных функциональных стилях.

Б3. Конкуренция в рамках префиксально-суффиксального словопроизводства

В современном чешском языке префиксально-суффиксальные морфемы распределяются таким образом, что одна и та же производящая основа может сочетаться либо с каким-то одним аффиксом (ср.: *špatný* — *pošpatnělý* PS, SSJČ hov.; *lenivý* — *polenivělý* PS*; *kudrnatý* — *příkudrnatělý* PS*; *mrzutý* — *přimrzutělý* PS*, SSJČ*; *olivový* — *naolivovělý* PS; *stříbrný* — *nastříbělý* PS, SSJČ*), либо с двумя и более морфемами, разнящимися одна от другой: а) префиксальной частью; б) суффиксальной частью. Оба последние случая ниже будут рассмотрены отдельно. Факты подобного пересечения структурных связей различных словообразовательных аффиксов в языке относительно часты, отмечаются они и словарями эпохи Возрождения, например словарем Юнгмана: *přízerzavělý* 'nazerzavělý'; *zasnědlý* 'nasnědlý'; *pohrublý* 'obhrublý, přihrublý'; *počervenalý* 'načervenalý'; *zamoďralý* 'namoďralý, moďravý'; *přiryšavělý* 'naryšavělý'; *přikyslý* 'nákyslý'; *přižloutlý* 'požloutlý, nažloutlý'. Нередко мы имеем здесь дело с процессом конкуренции либо с его последствиями.

Конкуренция образований, различающихся префиксальными компонентами сложной морфемы³³. Были выделены 56 основ, у которых пересекаются структурные связи различных префиксально-суффиксальных морфем. Чаще всего к одной и той же основе присоединяются по два, три, реже — по четыре различных аффикса. Приведем примеры: *přiblblý* PS, SSJČ; *nablblý* PS, SSJČ*, *přiblblělý* PS*; *narudlý* PS, SSJČ, *zarudlý* PS, *přirudlý* PS, SSJČ řidč; *přisleplý* PS, SSJČ, *nasleplý* PS, SSJČ*, *poslep-*

³³ Условимся считать несущественным различие в суффиксальной части морфемы, поэтому ниже мы будем говорить о различиях префиксального компонента.

lý PS*; *nazrzlý PS, SSJČ, přizrzlý PS, SSJČ, nazrzavělý PS, zazrzavělý PS, přizrzavělý PS, SSJČ řidč., zazrzlý PS**; *načervenalý PS, SSJČ, začervenalý PS, přičervenalý PS, SSJČ řidč., počervenalý PS, SSJČ řidč.; namodralý PS, SSJČ, zamodralý PS, přimodralý PS, SSJČ, pomodralý PS, SSJČ řidč.* Иногда конкуренции префиксально-суффиксальных морфем предшествует конкуренция префиксальных аффиксов. Так, у основ *slepý, tvrdý, ryšavý* и других первоначально конкурировали дериваты *přislepý, náslepý, přitvrdý, nátvrdý; náryšavý, poryšavý*, а затем и дублиеты со сложными аффиксами *přisleplý, nasleplý; přitvrdlý, natvrdlý; přiryšavělý, naryšavělý, poryšavělý*. Число примеров подобного рода может быть увеличено.

Наиболее часто перекрещиваются одна с другой структурные связи морфем *na- + C* и *při- + C* (в общей сложности 42 случая), затем *na- + C* и *za- + C* (23 случая) и, наконец, *při- + C* и *po- + C* (25 случаев). В целом морфема *na- + C*, как и *při- + C*, зафиксирована в качестве конкурента в 49 случаях. Морфема с префиксом *na-* занимает сильную позицию в 34 случаях конкуренции, с префиксом *při-* — в 24 случаях, с *po-* — в 9 из 30, с *za-* — в 11 из 25, с *ob-* — в 4 из 8 случаев.

Среди основ, к которым присоединяется морфема *na- + C*, 20 из 49 (здесь и далее имеется в виду не полный комплект производящих основ, а лишь основы, служащие зоной пересечения структурных связей различных формантов) представляют собой цветные обозначения, в 18 случаях морфема *na- + C* здесь находится в сильной позиции.

Помимо форманта *na- + C*, в образовании прилагательных, обозначающих цветовую характеристику, принимает участие и морфема *za- + C*. Согласно нашим материалам, дериваты с *za- + C* отмечались в пучке с другими дублиетами 25 раз, из них в 15 случаях морфема сочеталась с цветовыми обозначениями, где в 8 случаях *za- + C* занимает сильную позицию.

Исследуя характер словарных помет, нетрудно заметить, что в рамках цветных обозначений в равноценном положении находятся главным образом образования с *na- + C* и *za- + C*, занимающие сильную позицию. Дериваты с *při- + C* и *po- + C*, как правило, имеют ограниченную сферу употребления; ср.: *narůžovělý PS, SSJČ, zarůžovělý PS, přirůžovělý PS, SSJČ řidč., porů-*

žov ělý PS*, SSJČ řidč.; *načervenalý* PS, SSJČ, *začervenalý* PS, *přičervenalý* PS, SSJČ řidč., *počervenalý* PS-SSJČ; *narudlý* PS, SSJČ, *zarudlý* PS, *přirudlý* PS, SSJČ řidč. (*narudlý* 4-3-4, *zarudlý* 19-2-6); *nafialovělý* PS, SSJČČ *zafialovělý* PS, *nazelenalý* PS, SSJČ, *zazelenalý* PS, *přízelenalý* PS, SSJČ řidč., *pozelenalý* PS*; *namodralý* PS, SSJČ, *zamodralý* PS, *přimodralý* PS, SSJČ řidč., *pomodralý* PS, SSJČ řidč. (*namodralý* 3-3-3); *nažloutlý* PS, SSJČ, *zažloutlý* PS, *přižloutlý* PS, SSJČ, *požloutlý* PS, SSJČ pon. zast., *zažlutalý* PS* (*nažloutlý* 3-2-3, *zažloutlý* 5-2-5); *načernalý* PS, SSJČ, *začernalý* PS, *počernalý* PS, SSJČ, VT*, *přičernalý* PS, SSJČ řidč.

Сопоставление позиций формантов *na- + C* и *za- + C* в ряде случаев является затруднительным, поскольку в SSJČ дериваты с *za- + C* не отражены (издание словаря не завершено).

Судя по FS, образования с *na- + C* являются более употребительными: отражена фреквенция 8 прилагательных с *na- + C* и 3 — с *za- + C* (впрочем, фреквенция отдельных дериватов с формантом *za- + C* может превышать фреквенцию дериватов с *na- + C*; ср.: *narudlý* 4-3-4, *zarudlý* 19-2-6).

Важно подчеркнуть, что семантическая дублетность сопоставляемых образований в значительной мере является относительной, поскольку в семантике дериватов с *za- + C* (а также *po- + C*) нередко отчетливо ощущается оттенок процессуальности. Отсюда правомерно говорить о дериватах с формантом *na- + C* как наиболее типичных представителях цветовых обозначений в кругу прилагательных со значением ослабленного признака, образованных при помощи сложных морфем.

В нижеследующих случаях отсутствует дифференциация по степени употребительности: *našedlý* PS, SSJČ, *zašedlý* PS, *přišedlý* PS, SSJČ, *pošedlý* PS; *našedivělý* PS, SSJČ, *zašedivělý* PS, *přišedivělý* PS, SSJČ, *pošedivělý* PS; *nasnědlý* PS, SSJČ, *přisnědlý* PS, SSJČ, *zasnědlý* PS. В пучке дериватов: *nabledlý* PS, SSJČ*, *pobledlý* PS, SSJČ, *zabledlý* PS, *přibledlý* PS, SSJČ наиболее высокую фреквенцию имеет прилагательное *pobledlý* (14-3-9).

Прилагательные с морфемой *na- + C* могут находиться в сильной позиции и в составе конкурирующих образований иной семантики: *naplesnivělý* PS, SSJČ, *připlesnivělý* PS, *poplesnivělý* PS dial.; *navhlý* PS, SSJČ,

zavlhlý PS, *přivlhlý* PS, SSJČ řidč. knižn., *povlhlý* PS, SSJČ řidč.; *nasládlý* PS, SSJČ, *přisládlý* PS, SSJČ, *zasládlý* PS (*nasládlý* 8-4-7); ср. комментарий эксцерптора: *hruš-čák* (je) *přisládlý*, V. Šafařík. Chemie, II, 1860 (= *nasládlý*, *slabě sladký*).

Определяя характер использования аффикса *při-* + С, мы должны отметить, что данная морфема не проявляет тяготения к основам определенного семантического профиля; она занимает сильную позицию в ряде случаев; ср. приводимые выше *přišedivělý*, *přišnědlý* — по имеющимся у нас материалам, морфема *při-* + С занимает сильную позицию в 24 случаях конкуренции (из них лишь в 5 речь идет о цветовых обозначениях). Дериват с *při-* + С побеждает, например, в следующих случаях: *přiblblý* PS, SSJČ, *nablblý* PS, SSJČ*, *přiblblělý* PS*; *přisleplý* PS, SSJČ, *nasleplý* PS, SSJČ*, *posleplý* PS*; *přihlouplý* PS, SSJČ, *nahlouplý* PS, SSJČ, *pohlouplý* PS*, SSJČ nář., VT* и т. д.

Количество случаев конкуренции, в которую вовлечены прилагательные с морфемой *ob-* + С, невелико, в ряде из них образования с данным формантом бывают вытесненными, иногда, напротив, дериват с *ob-* + С побеждает: *obtloustlý* PS, SSJČ (6-1-5), *přitlous(š)tlý* PS, SSJČ, *natloustlý* PS, SSJČ řidč., *zatloustlý* PS; *obstárlý* PS, SSJČ (4-1-3), *přistárlý* PS, SSJČ řidč., *postárlý* PS, SSJČ řidč., VT*, *obstaralý* PS arch., SSJČ*, *obstární* PS†, *přistaralý* J, Šum; *obhroublý* PS, SSJČ (4-3-4), *přihrou(u)blý* PS, SSJČ, *přihrubělý* PS*, SSJČ*, *obhrubný* PS†, *pohrublý* SSJČ nář., *pohrubný* SSJČ†.

Ниже мы охарактеризуем префиксально-суффиксальные типы словообразования в отношении их продуктивности в языке.

Продуктивными являются словообразовательные типы с аффиксами *na-* + С (прежде всего) и *při-* + С, особенно активизировавшиеся со второй половины XIX в., когда они полностью вытеснили из словопроизводственной практики соответствующие префиксальные типы. Примечателен прирост лексики данной структуры, количество которой удвоилось (по сравнению со словарем Юнгмана). Большинство прилагательных с формантами *na-* + С и *při-* + С находится в активном употреблении и не имеет ограничительных помет. Указанные прилагательные иллюстрируются, как правило, примерами, заимст-

вованными из современных составителям словарей литературных произведений, грамматических пособий.

О продуктивности данных словообразовательных типов свидетельствует не только факт значительного расширения круга производящих основ (комбинаторные возможности обеих морфем очень широки), но также и их активное участие в процессе создания новообразований. Назовем лишь некоторые из них: *nahrdlý* PS*, *naněžnělý* PS*, *naolivovělý* PS, SSJČ*, *nablblý* PS, SSJČ*, *nachuravělý* PS*, SSJČ*, *nakomičtělý* PS*, SSJČ*, *nasmutnělý* PS, SSJČ*, *nabodřelý* PS*, *nacizelý* PS*, SSJČ*, *přiblblý* PS, SSJČ, *přidrzlý* PS* и пр.

Прилагательные, образованные посредством упомянутых морфем, нередко занимают сильную позицию в конкуренции. Морфема *na-* + С особенно продуктивна при образовании цветowych обозначений — из 10 прилагательных со сложными морфемами, зафиксированных в FS, 8 представляют собой цветowych обозначения. Важно подчеркнуть, что дериваты с формантом *na-* + С характеризуются наиболее высокой фреквенцией (по сравнению с префиксально-суффиксальными образованиями иной структуры).

Морфема *při-* + С участвует в образовании лексики различного семантического профиля, нередко используется она для создания специальной научной терминологии.

Словообразовательные типы с формантами *za-* + С, *ro-* + С менее актуальны при словопроизводстве прилагательных со значением ослабленного признака, чем рассмотренные выше словообразовательные типы. Процесс адъективации не затронул семантику прилагательных данной структуры в полном объеме, поэтому некоторые образования с этими морфемами не являются в строгом смысле слова прилагательными со значением ослабленного признака.

Количество прилагательных с *ro-* + С в современном языке более чем удвоилось, однако всего лишь шесть дериватов не имеют ограничительных помет; сфера употребления остальных прилагательных с течением времени все более сужается. Прилагательные указанной структуры в словарях нередко иллюстрируются примерами, извлеченными из литературных произведений, появившихся в предшествующие эпохи.

В кругу лексики с формантом *po- + C* представлены и диалектные образования; ср.: *posuchlý* PS dial., SSJČ nář.; *pohlouplý* PS*, SSJČ nář.; *pohrublý* SSJČ nář. (в этом отношении сохраняется преемственность с префиксом *po-*).

Прилагательные с морфемой *za- + C* в большинстве случаев находятся в активном языковом употреблении. Как морфема *po- + C*, так и *za- + C* являются специализированными словообразовательными средствами: чаще всего они привлекаются для образования прилагательных, обозначающих цветовые оттенки. В FS дана фреквенция четырех дериватов с аффиксом *za- + C* (из них три являются цветовыми обозначениями) и двух с *po- + C*. Доля участия рассматриваемых формантов в создании новообразований относительно невелика.

Непродуктивным является словообразовательный тип с морфемой *ob- + C*. Численность дериватов, образованных при посредстве данной морфемы, очень невелика, соответственно узок и круг производящих основ. Судя по сопоставлению помет, имеющихся в PS и SSJČ, многие образования этого типа постепенно выходят из употребления: ограничительные пометы отсутствуют всего лишь у трех слов (*obhroublý, obstarlý, obtloustlý* — фреквенция двух последних образований приведена в частотном словаре). Остальные лексемы являются или архаичными, или малоупотребительными. Имеющийся в словаре иллюстративный материал очень скуден, нередко он заимствуется из старых словарей и литературных источников. Морфема *ob- + C* не используется для создания новообразований; случаи победы данных дериватов в процессе конкуренции немногочисленны.

Подытоживая изложенное, мы хотим еще раз подчеркнуть, что определение степени продуктивности словообразовательных типов с формантами *na- + C, při- + C, po- + C, za- + C* может быть осуществлено лишь приблизительно, поскольку мы имеем дело с активно функционирующими в современном литературном чешском языке способами словопроизводства.

Конкуренция образований, различающихся суффиксальными компонентами префиксально-суффиксальной морфемы. Нами было зафиксировано 26 случаев конкуренции друг с другом дублетов, отличающихся

суффиксальными компонентами; процессом конкуренции охвачено 17 основ — это означает, что у некоторых основ фиксируется несколько параллельных конкурирующих пар. И действительно: у 4 основ отмечено по 3 конкурирующих пары (*bílý, trpký, zrzavý, rezavý*), у 1 — по 2 (*starý*), у 12 — по 1 паре конкурирующих образований (*chorý, blbý, chraptivý, hubený, ostrý, zlatý, tupý, šerý, žlutý, hrubý, dlouhý, rusý*).

Как правило, нам приходится иметь дело с процессом конкуренции, развертывающимся в одной хронологической плоскости, однако для полноты картины мы включаем и случаи, где одно из образований, отмеченное словарями эпохи Возрождения, исчезло и было заменено другим образованием. Суффиксальная часть сложной морфемы бывает представлена компонентами *-l-* (в рамках конкурирующих образований встретился 21 раз), *-e(ě)l-* (21 раз), *-al-* (9 раз). В подавляющем большинстве случаев компонент *-l-* занимает сильную позицию в процессе конкуренции (в 14 случаях), в 6 побеждает *-e(ě)l-*, в 2 — *-al-*, в 4 случаях направленность процесса установить не удается.

Наиболее часто отмечаются дублиеты с компонентами *-l-*, *-ěl-* (зафиксировано 15 случаев их перекрещивания), при этом в 9 случаях побеждает дериват с *-l-*, в 4 — с *-ěl-*, в 2 случаях результат неясен.

Распределение данных морфем нередко бывает предопределено фонологической характеристикой конечного согласного основы. Так, суффикс *-ěl-* отмечается у основ, заканчивающихся на губной, плавный: *přiblblělý, přitupělý, přirezavělý*, а также на согласные, склонные к чередованию, смягчению: *přichraptělý, nazlatělý, přihubenělý, nachořelý, přiošťelý, přitřčelý*. Одним из факторов, обусловивших, на наш взгляд, сужение сферы употребления дериватов с *-e(ě)l-*, является стремление языка избежать чередования согласных и, следовательно, тех словообразовательных морфем, присоединение которых сопровождается чередованием конечных согласных основы. Приведем примеры, иллюстрирующие сильную позицию деривата с *-l-*: *přiblblý PS, SSJČ, přiblblělý PS**; *přihublý PS, SSJČ, přihubenělý PS, SSJČ**; *nazlátlý PS, SSJČ, nazlatělý PS*, SSJČ**; *přizrzlý PS, SSJČ, přizrzavělý PS, SSJČ řidč.*; *nazrzlý PS, SSJČ, nazrzavělý PS, SSJČ** (но: *zazrzlý PS*, zazrzavělý PS*); *přihrou (u)blý PS,*

SSJČ, *přihrubělý* PS*. В архиве ИЧЯ дериваты с *-l-*, как правило, иллюстрируются бóльшим количеством примеров; ср.: *přiblblý* 20, *přibibělý* 2; *přihrou(u)blý* 28, *přihrubělý* 1 и пр. Факт семантической дублетности данных образований подтверждают, в частности, случаи их использования в идентичном или сходном контекстном окружении; ср., например, *Děti byly bledé a přihublé*, Sušil; *Potkal mlynáře přihubenělého*, Jir.-PS; *Mělať přizrzavělé vlasy*, Květy; *Jindy se mi ty jeho přizerzavělé vlasy nelíbily*, Kosmák; *vrstva přizrzlého vlasu zakrývala úplně čelo*, Herrmann-PS; *Nazrzavělé vlasy*, Don.; *Nazrzlý knírek*, Poláč.; *panská lehýnce nazrzlá*, Tilsch.-PS. Заслуживает внимания и комментарий эксцерптора: *kryje se přihrubělým zevnějškem*, Šmilovský. Star. fil., 1883-A (= *přihrublý*). Примечательно, что продуктивный суффикс *-l-* воспроизводит и другие дублеты, имеющиеся в приводимых выше словообразовательных гнездах; ср.: *nablblý* PS, SSJČ*, *obhrou(u)blý* PS, SSJČ, *nahrou(u)blý* PS, SSJČ.

Сильную позицию деривата с *-ěl-* демонстрируют следующие случаи: *zazrzlý* PS*, *zazrzavělý* PS, *přirezlý* PS*, SSJČ*, *přirezavělý* PS, SSJČ, *porezavělý* PS, SSJČ, *prezlý* SSJČ* и пр. Неясна направленность конкуренции в случае: *narezlý* PS, SSJČ, *narezavělý* PS, SSJČ. Ср. идентичное контекстное окружение: *Nakláníla svou narezavělou hlavu*, R. Svob.; *Komorná našla narezlou hlavu své paní již studenou*, Ibid.-PS. В словаре Травничка *narezlý* охарактеризовано как диалектизм.

В восьми случаях отмечена конкуренция образований с суффиксами *-l-* и *-al-* (пять случаев) и *-ěl-* и *-al-* (три случая). Дериват с *-al-* лишь в двух случаях оказывается в сильной позиции (впрочем, оба образования являются малоупотребительными): *zabělelý* J, *zabělalý* PS*, *nabělelý* J, *nabělalý* PS, SSJČ*. В остальных случаях образование с *-al-* вытесняется либо исход конкуренции неопределен; ср.: *našeralý* J, *našeřelý* PS; *přistaralý* J, *přistárlý* PS, SSJČ řidč., *obstárlý* PS, SSJČ, *obstaralý* PS arch., SSJČ*; *zažloutlý* PS, *zažlotalý* PS*. Остальные дублеты, имеющиеся в данном гнезде, воспроизводят суффикс *-l-*; ср.: *nažloutlý* PS, SSJČ, *přižloutlý* PS, SSJČ, *požloutlý* PS, SSJČ pop. zast. Нет ясности в исходе конкуренции между дериватами *naruslý*, *narusalý* — PS оба прилагательные помечает как малоупотребительные, SSJČ их вообще опускает; оба деривата иллюстрированы ничтож-

ным количеством примеров в архиве ИЧЯ. Ср. также сходство контекстного окружения у обоих образований: *Narusalé vlasy*, J. Pichl — *nosil na bradě naruslou kozičku*, Hol.-PS.

* * *

Подводя итог рассмотрению типов и средств словообразования прилагательных со значением ослабленного признака, мы считаем необходимым отметить, что, вопреки периферийному положению данной лексической категории, она подверглась на протяжении исследуемого периода значительным изменениям.

Указанные изменения касаются как способов словопроизводства, так и выделяемых внутри них типов словообразования интересующей нас лексики. В ходе процесса конкуренции укрепился префиксально-суффиксальный способ словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака. Можно смело утверждать, что ныне образование данных прилагательных посредством сложных префиксально-суффиксальных морфем является наиболее перспективным. Подвергся эволюции состав производящих основ. Так, существенно сузился круг производящих основ при префиксальном словопроизводстве. Ныне словообразование при помощи префиксов возможно лишь от адъективированных причастий; собственно прилагательные могут быть трансформированы в дериваты со значением ослабленного признака посредством присоединения префиксально-суффиксальных и суффиксальных морфем. Попытка вовлечения в сферу производящих основ относительных прилагательных, предпринятая в эпоху Возрождения, не увенчалась успехом.

Активная словотворческая деятельность эпохи Возрождения проявилась в возникновении большого количества новообразований и в кругу прилагательных со значением ослабленного признака. В большинстве своем указанные новообразования относились к сфере специальной научной терминологии.

Лингвисты эпохи Возрождения стремились также обогатить словарный состав литературного чешского языка рядом заимствований из родственных славянских языков. При этом объектом заимствования служили не только готовые лексемы, но и элементы словообразовательной структуры слова. По примеру продуктивных типов сло-

вопроизводства в близкородственных языках деятели чешского Возрождения пытались активизировать уже имеющиеся в чешском языке типы словообразования.

Произошли изменения в распределении словообразовательных средств внутри самих способов словопроизводства. Процесс конкуренции позволил выявить наиболее продуктивные типы словообразования, разграничить функциональные сферы аффиксов. В настоящее время наиболее продуктивным является словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака посредством суффикса *-av-* и сложных морфем *na- + C*, *rži- + C*, отчасти *za- + C*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительном разделе работы будут рассмотрены некоторые выводы общего порядка, вытекающие из анализа фактического материала.

Детальное изучение дериватов со значением интенсификации и ослабленного признака позволяет сделать ряд обобщений, касающихся ономаσιологической категории прилагательных со значением степени качества в целом.

Исследование показало, что данная лексика может быть образована, как правило, от качественных прилагательных. Случаи вовлечения в сферу словообразования некачественных прилагательных, а также местоимений и числительных, имеющих внешние приметы прилагательных и функционирующих в окачествленном значении, относительно редки.

В кругу производящих основ находятся полные прилагательные преимущественно твердой разновидности, имеющие простую структуру (сложные слова практически не представлены). В подавляющем большинстве случаев здесь отмечены непроеизводные основы, существенно реже фиксируются основы десубстантивного образования; прилагательные иной структуры в качестве производящих основ используются редко. Помимо прилагательных в собственном смысле слова, исходной базой словопроизводственного процесса могут быть адъективированные причастия.

Словообразовательные форманты, представленные у исследуемой нами лексики, могут использоваться при словопроизводстве некоторых других частей речи, например оценочных существительных, наречий, междометий, местоимений, глаголов. Ср.: *arciloupežník*, *arcilhář*, *pramistr*, *pradarebák*, *prachlap*, *přemudrlant* (*Přehrozně prý*

mozek matou přemudrlantové, Dobroslav, 1820-A), *velmistr*, *přebřzy*, *pradočista*. Редко встречаются образования *přežel*, *pravšudy*, *prasám* и т. д. Характер лингвистического эксперимента имеют дериваты *praproti* (*praproti vůli jejich*, Mejsnar. Hom. Odys., 1873-A); *pranelíbit se* (*Pakli se vám tato řeč pranelíbí?* Ibid.); *praneslyšet* (D. Juan, 1825-A); *pranamoutě* («*I pranamoutě*» — *a zůstala ústa otevřena*, Rais. Na lepším, 1902-A). В большой степени совпадают и суффиксальные морфемы прилагательных со значением интенсификации и оценочных существительных, ср.: *-ičk-*, *-ink-* (*maličký*, *bělínký*, *vodička*, *ručinka*).

Значение степени качества, присущее данным прилагательным, является следствием определенной словообразовательной процедуры; в подавляющем большинстве случаев оно формируется в результате взаимодействия компонентов словообразовательной структуры слова и в меньшей степени зависит от контекста. Роль последнего несколько возрастает при семантической интерпретации экспрессивно окрашенных дериватов, в особенности суффиксальных прилагательных со значением интенсификации. Однако и в этом случае контекст нередко выполняет функцию пассивного иллюстратора, поясняющего информацию, уже заложенную в слове.

Отличительной особенностью словопроизводства прилагательных со значением степени качества является наличие у них разветвленных синонимических пучков, группирующихся вокруг одной и той же производящей основы.

Микроцентрами, фокусирующими словообразовательную деятельность, в первую очередь являются прилагательные высокой фреквенции. Одним из таких центров у прилагательных со значением интенсификации является *malý* (фреквенция — 1081), у которого было зарегистрировано около 40 дериватов (учитываются и образования архаичные). У прилагательных со значением ослабленного признака наибольшее (10) количество синонимических дериватов отмечено у *malý*.

На протяжении исследуемого периода у прилагательных со значением ослабленного признака было зафиксировано 90 микроцентров деривации; у прилагательных со значением интенсификации типа А их число равняется 100.

Систематизация микроцентров деривации позволяет выявить семантические типы основ, наиболее харак-

терные для данной словообразовательной категории. Так, например, у прилагательных со значением ослабленного признака в составе основ, концентрирующих вокруг себя синонимичные дериваты, наиболее широко представлены цветковые обозначения: у прилагательных типа А — обозначения позитивной, а также пространственной характеристики предметов и явлений.

При вторичных словообразовательных процедурах у прилагательных типа А наибольшее количество одноосновных дериватов отмечается у пространственных обозначений (малость размеров предмета): *malý* 21, *drobný* 8; *krátký* и *tenký* — по 4; *úzký* — 3.

Наиболее разветвленные синонимические пучки отмечаются у прилагательных со значением интенсификации, характеризующихся яркой экспрессивной окрашенностью. Наличие набора разнообразных средств выражения расширяет возможности выбора, варьирования, облегчает поиски более выразительных лексических эквивалентов.

Низкая фреквенция исследуемой нами категории обуславливает известную заторможенность протекания языковых процессов — так, замедляется размежевание синонимичных дериватов по степени их употребительности; несколько снижается темп развития конкуренции, процесса утраты словообразовательного значения. Неслучайно на протяжении исследуемого периода характер семантической интерпретации данной лексики не претерпел существенных изменений. Тем не менее и на материале лексики, являющейся предметом настоящего исследования, можно наблюдать действие ряда закономерностей как общего, так и частного характера, затрагивающих различные уровни системы словопроизводства. Изучение эволюции языковых явлений, как правило, возможно лишь в рамках некоторого относительно продолжительного периода — в нашем случае это двухвековой период существования чешского языка. Новейший период (т. е. в основном XX в.) мы условились считать в известном смысле конечной фазой единого языкового процесса, развивающегося во времени.

Ниже мы рассмотрим некоторые тенденции, которые пронизывают систему словообразования данных прилагательных на протяжении всего периода, в течение которого велось наблюдение.

І. Общие тенденции

1. Тенденция окачествления

Действие данной тенденции отчетливо обнаруживается у прилагательных со значением ослабленного признака. Сущность ее заключается в развитии адъективного значения у исконно девербативных образований — адъективированных причастий. В этом случае глагольное значение процессуальности несколько ослабевает, вытесняемое значением статичного признака, сами же дериваты втягиваются в русло внутриадъективного словопроизводства.

Процесс окачествления активнее всего развивается у лексики определенной семантики — обозначения цвета, вкуса и т. д., т. е. лексики, наделенной типично адъективной семантикой. Значение ослабленного признака в этом случае воспринимается как словообразовательное, возникающее вследствие структурной трансформации производящего прилагательного.

На протяжении исследуемого периода мы можем наблюдать постепенное укрепление префиксально-суффиксального способа словопроизводства рассматриваемых прилагательных — окончательное превращение его в самостоятельный способ словообразования происходит с появлением новообразований, исключаяющих первичную глагольную мотивировку.

Другой пример пополнения лексического состава прилагательных со значением ослабленного признака за счет исконно глагольных конструкций — это дериваты с *-av-* (*bělavý, modravý* и т. д.). Впрочем, девербативное происхождение данных прилагательных нередко может быть установлено лишь этимологически. Следует учитывать, что процесс адъективации развивается постепенно, поэтому в составе префиксально-суффиксальных образований, наряду с лексикой, подвергшейся полному окачествлению, мы встречаем дериваты, сочетающие в своей семантике значения как статичного признака, так и процессуальности.

Вовлечение в сферу словопроизводства исследуемой лексики некачественных прилагательных, ряда числительных и местоимений также представляет собой, на наш взгляд, одно из проявлений действия тенденции окачествления.

2. Тенденция агглютинации¹

Приметы агглютинативности можно видеть во вторичных процедурах нанизывания и редупликации. В этом случае сочетание морфем друг с другом не сопровождается модификацией их фонематической структуры, сохраняется и полная отчетливость морфематического шва: *dlouhatý > dlouhatánský*, *malinký > mali-li-li-nký*.

Действие данной тенденции можно видеть и в случаях упрощения словообразовательной процедуры. К их числу относятся, в частности, снижение продуктивности тех формантов, присоединение которых сопряжено с фонетической модификацией основы. Яркими примерами этого служат, в частности, постепенное снижение продуктивности морфем с начальным *i*: *-ink-*, *-ičk-* и, соответственно, возрастание продуктивности морфем с *o*: *-oučk-*, *-ounk-*. Аналогично объясняются и факты победы в конкуренции дериватов с префиксально-суффиксальной морфемой *Π + -l-* над дериватами с морфемой *Π + -ěl-*; последняя более прихотлива в фонологическом отношении.

К явлениям, связанным с упрощением словообразовательной процедуры, по-видимому, относится и устранение вариативности словообразовательных аффиксов. К числу вариантных мы относим парные морфемы, встречающиеся в идентичных фонетических условиях, например, *pře-*, *přes-*, *pra-*, *prach-*, *vel-*, *vele-*, *roz-*, *rozto-*, *-av-*, *-kav-*, *-ounk-*, *-onk-*, *-oučk-*, *-ičk-* и др. Все эти и им подобные аффиксы подверглись со временем дифференциации по сфере или по степени употребления. Так, стали архаичными и практически вышли из употребления морфемы *přes-*, *vel-*. Существенно сузилась сфера употребления префиксов *pra-*, *roz-*, также потесненных более продуктивными соперниками. Разграничена сфера употребления морфем *-av-*, *-oučk-*, *-ounk-*, и их вариантов, употребляющихся в диалектной речи.

¹ Обе упомянутые тенденции рассматриваются на материале русского языка Е. А. Земской в ее диссертации. Следует, впрочем, заметить, что в русском языке эти тенденции нередко получают иное воплощение, чем в чешском.

3. Тенденция инкорпорации²

Некоторые приметы инкорпорации, на наш взгляд, присущи процедуре вкладывания морфемы. Вкладываемая внутрь структуры слова морфема имеет выразительную семантическую нагрузку, она является носительницей значения интенсификации. В отличие от обычных аффиксов вставная морфема не имеет строго фиксированного места в структуре деривата — позиция, занимаемая ею в слове, может быть различной: а) между ядерной морфемой и структуральной (преимущественно); б) между основой и ядерной морфемой; в) внутри ядерной морфемы (между гласным или дифтонгом, с одной стороны, и согласным — с другой). Указанное явление типично лишь для экспрессивной лексики.

II. Частные тенденции

Рассматриваемые ниже тенденции носят более частный характер, тем не менее и они имеют важное значение для характеристики закономерностей словообразования прилагательных со значением степени признака. Действие этих тенденций также сказывается на протяжении всего исследуемого периода.

I. Тенденция устойчивости по отношению к инновациям, в частности к влиянию других языков

Данная лексическая категория характеризуется устойчивостью традиций образования и употребления. Нововведения той или иной эпохи, не вполне соответствовавшие этим традициям, как правило, не приживались в языковой практике. Не увенчались, например, успехом некоторые попытки расширения словопроизводственной базы и сферы функционирования прилагательных со значением степени качества, предпринимавшиеся, в частности, лингвистами эпохи Возрождения. Тогда же, в ходе экспериментов по созданию национальной научной терминологии, была предпринята попытка ввести в состав терминологических обозначений прилагательные со

² См.: Дж. Г р и н б е р г. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963.

значением степени качества. Для этой цели оказалось необходимым расширить их словопроизводственную базу за счет включения, например, относительных прилагательных, а также прилагательных со сложной структурой. В большинстве своем указанные рекомендации в языке не закрепились. Подобный исход имело и стремление расширить сферу употребления данных прилагательных путем введения в текст научной прозы и в состав терминологических обозначений, например, суффиксальных дериватов со значением интенсификации. Безуспешным оказался и эксперимент, связанный с расширением сферы использования некоторых морфем, в частности, суффикса со значением интенсификации *-at-*. Юнгман пытался использовать его для образования прилагательных со значением ослабленного признака.

В некоторых случаях введение тех или иных новшеств было обусловлено влиянием других языков, в первую очередь славянских. Так, судя по характеру словарных помет, Юнгман сознательно стимулировал некоторые явления чешской деривации под влиянием фактов польского языка. Сюда относится, например, попытка ввести в языковой обиход дериваты с *pří-* от сравнительной степени прилагательных, дериваты с суффиксом *-ovat-* (из восьми слов с *-ovat-*, приводимых в словаре, пять имеют отсылки к Словарю польского языка Линде). Бросается в глаза и рекомендация для употребления ряда словакизмов, например, некоторых образований с префиксом *roz-* (из пяти указываемых дериватов три имеют отсылки к словацкому языку).

Некоторые терминологические новообразования, используемые в специальной литературе эпохи Возрождения, были созданы по прототипам латинского и немецкого языков. Жизнь в языке указанных образований обычно была очень кратковременной. Невосприимчивость к иностранным заимствованиям сохраняется и поныне. Присоединение аффиксов со значением степени качества, как правило, отмечается лишь у основ собственно чешского происхождения. Исключение обычно делается лишь для некоторых освоенных заимствований, вовлеченных в сферу словопроизводства чешского языка; ср., например, наличие в кругу цветковых обозначений дериватов со значением ослабленного признака от *brunátný*, *fialový*, *oranžový*. Отсутствуют производные со значением степе-

ни качества у таких прилагательных, как, например, *akvatarinový, alabastrový, azurový, ebenový, lazurový* и т. д. (а тем более от обозначений типа *bordó, béž, lila, marengo* и пр.). Предельно ограничено число суффиксальных дериватов со значением интенсификации, образованных от исконно заимствованных основ — к ним принадлежат малочисленные образования типа *mizerňoučký, naiuňoučký*, возникшие в новый период при помощи наиболее продуктивного суффикса *-oučk-*. Более широко заимствованная лексика представлена в составе основ у префиксальных морфем со значением интенсификации. Так, состав производящих основ префиксов *pře-* (в особенности), *pra-* во второй половине XIX в. пополнился значительным количеством заимствованных прилагательных. Префиксы *vele-* и *arci-*, утратившие к этому времени словообразовательную активность, с заимствованными основами не сочетаются.

Репертуар словообразовательных средств, используемых при словопроизводстве прилагательных со значением степени качества, представлен преимущественно аффиксами собственно чешского происхождения. Лишь в составе префиксов со значением интенсификации фиксируются исконно заимствованные форманты типа *arci-* и позднее *hyper-*, *ultra-* (последние в современном языке отмечаются преимущественно у заимствованных основ; по-видимому, данные префиксы еще недостаточно освоены чешским языком).

2. Тенденция пополнения словарного состава
и инвентаря словообразовательных средств
за счет включения компонентов

других стилистических пластов чешского языка

Наиболее ощутимо действие этой тенденции проявляется у прилагательных со значением интенсификации. Так, из народно-разговорной речи в литературный язык проникли, например, дериваты с префиксами *prach-*, *rozto-*, с суффиксом *-ánsk-*. Дериваты с *prach-*, *-ánsk-* сохранили элемент стилистической чужеродности и поныне, что налагает определенные ограничения на сферу их употребления. Ряд диалектизмов, например, с суффиксами *-ajzn-*, *-izn-*, *-uchn-*, *-e(ě)nk-* и другие Юнгман включил в свой словарь, однако все эти образования в литературном языке не укрепились.

В тесном взаимодействии находятся и функциональные стили внутри литературного языка. Так, в художественной, публицистической речи нового времени возможности деривации прилагательных со значением интенсификации были расширены путем использования префиксов *hyper-*, *ultra-* — ранее образования данной структуры функционировали главным образом в терминологической сфере (политическая или техническая терминология).

3. Тенденция специализации компонентов словообразовательной системы прилагательных со значением степени качества

Действие данной тенденции проявляется на всех уровнях системы словообразования исследуемых прилагательных. Сущность ее заключается в устранении многозначности и недифференцированности словообразовательных средств и типов. Процесс специализации развивается во времени, поэтому наблюдение над его ходом возможно лишь при сопоставлении языковых фактов, относящихся к различным этапам существования чешского языка. Последнее в особенности справедливо для изучаемой нами лексики, где процесс словообразовательной дифференциации осуществляется замедленно. Рассмотрим действие тенденции специализации на различных уровнях словообразовательной системы.

А. Уровень словообразовательной категории

В составе прилагательных со значением степени качества выделяются две четко обособленные словообразовательные категории: прилагательные со значением интенсификации и прилагательные со значением ослабленного, неполного проявления признака. Обе категории отличаются одна от другой в функциональном, структурном и семантическом отношениях; специфична и сфера использования соответствующих дериватов.

Основное назначение тех и других прилагательных — оценочная характеристика признака, называемого производящей основой, однако конкретная реализация функции оценки в обоих случаях различна.

Прилагательные со значением интенсификации могут характеризовать признак как с количественной, так и с

качественной стороны. Прилагательные со значением ослабленного признака содержат лишь количественную характеристику признака. Функция количественной оценки реализуется в виде двух диаметрально противоположных значений: интенсификация признака — ослабленный признак. Функция качественной оценки заключается в фиксации экспрессивной реакции субъекта. Причастность прилагательных со значением интенсификации к разряду экспрессивной лексики накладывает отпечаток на особенности их словопроизводства и функционирования.

Репертуар словообразовательных средств, участвующих в образовании обеих категорий, четко дифференцирован (у прилагательных со значением интенсификации он значительно богаче); случаи взаимопроникновения морфем из одной категории в другую исключаются. В силу этого уже сам факт наличия в структуре слова того или иного аффикса позволяет с известной гарантией точности говорить о принадлежности данного образования к определенной словообразовательной категории. В табл. 9 отражены некоторые особенности словопроизводства обеих категорий.

Таблица 9

Способ словопроизводства	Первичные процедуры			Вторичные процедуры
	Суффиксация	Префиксация	Суффикс.-префикс. способ	
Категория интенсификации	+	+	—	+
Категория ослабленного признака	+	+	+	—

В пояснение к табл. 9 заметим, что удельный вес идентичных словообразовательных процедур в обеих категориях различен. Так, суффиксальный способ у прилагательных со значением интенсификации является более продуктивным; он объединяет пять продуктивных словообразовательных типов. У прилагательных со значением ослабленного признака этот способ словопроизводства представлен единственным продуктивным словообразовательным типом. Любопытны и статистические данные, выполненные на основе PS: при помощи продуктивных суффиксов интенсификации образовано более 340 deriva-

тов, суффиксов ослабленного признака — 30. Более репрезентативен у прилагательных со значением интенсификации и префиксальный способ словообразования — он представлен семью словообразовательными типами; у прилагательных со значением ослабленного признака в настоящее время можно реально говорить лишь о двух словообразовательных типах — с префиксами *při-* и *ro-* в сочетании с адъективированными причастиями. В кругу прилагательных со значением ослабленного признака наиболее многочисленными являются дериваты, образованные посредством префиксально-суффиксальных морфем (5 словообразовательных типов) — 260 слов. У прилагательных со значением интенсификации этот способ вообще отсутствует.

Существенно отличается и характер производящих основ: аффиксы интенсификации отмечаются лишь у собственно прилагательных, аффиксы ослабленного признака оформляют основы как собственно прилагательных, так и адъективированных причастий.

Изучение семантики производящих основ позволяет установить факт рельефной семантической специализации обеих словообразовательных категорий. Характеристика семантики основы с учетом денотата позволяет установить, что прилагательные со значением ослабленного признака наиболее широко образуются от цветовых обозначений. Отмечено также наличие основ, обозначающих некоторые другие свойства, воспринимаемые органами чувств человека, характеристику внешнего облика и пр. Семантика прилагательных со значением интенсификации более разнообразна — здесь преобладают обозначения общей оценки; многочисленными являются прилагательные, характеризующие умственные и нравственные свойства живых существ; физические свойства (вкус, температура; цветовые обозначения относительно малочисленны); размеры предмета. Семантическая интерпретация прилагательных со значением ослабленного признака не зависит от контекстных данных. На интерпретацию дериватов противоположной семантики данные контекста оказывают подчас немаловажное влияние.

Сфера функционирования дериватов, принадлежащих к обеим словообразовательным категориям, также имеет ряд специфических отличий. Отсутствие экспрессивной окрашенности в семантике прилагательных со значением

ослабленного признака обуславливает им свободное обращение в различных функциональных стилях литературного языка — в языке художественной литературы, прессы, научной литературы (где они, в частности, широко используются в составе терминологических обозначений).

Употребление данных прилагательных не зависит от жанра литературного произведения, не влияют на него и такие субъективные факторы, как, например, эмоциональная настроенность говорящего. На протяжении исследуемого периода сфера употребления этих прилагательных не подверглась существенным изменениям. Прилагательные указанной структуры используются как в устной, так и в письменной речи. Как категория в целом они не имеют стилистических ограничений. Наиболее высокой фреквенцией отличаются цветové обозначения. Так, из 23 дериватов, имеющихсЯ в FS, 17 обозначают цвет предмета.

Экспрессивная насыщенность прилагательных со значением интенсификации, закреплённая в ряде формальных признаков (использование вторичных процедур; факты структурно-семантического согласования прилагательных друг с другом и с определяемым существительным), накладывает ряд ограничений на сферы их употребления: они широко используются в разговорной речи; в литературном языке зафиксированы случаи их преимущественного использования в языке художественной литературы. Использование данных дериватов находится в зависимости от жанровой принадлежности произведения, от ряда субъективных факторов и, в частности, например, от эмоциональной настроенности субъекта. Существенно ограничены возможности их использования в языке научной прозы, а также в составе терминологических обозначений.

Функционирование прилагательных со значением интенсификации подтверждает наличие зависимости между фреквенцией слова и его семантикой: чем выше фреквенция лексики, тем ниже её экспрессивный накал.

Б. Уровень способа словопроизводства

Тенденция постепенной, но неуклонной специализации отчетливо обнаруживается при изучении эволюции способов словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака (табл. 10)

Способ словопроизводства	Старый период			Новый период		
	Префикс.-суффикс.	Префикс.	Суффикс.	Префикс.-суффикс.	Префикс.-	Суффикс.
Вид основы	Прилагат.	Прилагат.; адъектив. причастие	Прилагат.	Прилагат.	Адъектив. причастие	Прилагат.

Процесс размежевания префиксального и префиксально-суффиксального способов словопроизводства протекал в ходе динамично развивающейся конкуренции, в результате которой сфера деадъективного словопроизводства перешла в рамки «компетенции» префиксально-суффиксального словообразования.

Примечательны статистические данные, отражающие характер взаимоотношения обоих способов словопроизводства в чешском языке старого и нового периода: префиксальный способ словопроизводства — J 230, PS 35; префиксально-суффиксальный способ — J 120, PS 260 дериватов. Показательно, что нами было зарегистрировано 49 основ, у которых префиксальные дериваты с течением времени были заменены образованиями префиксально-суффиксальными. В рамках словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака в современном языке доминирующую роль, несомненно, играет префиксально-суффиксальная деривация, поскольку возможности суффиксального словообразования ограничены относительно узким кругом основ, имеющих четкую семантическую специализацию (PS фиксирует 30 дериватов с *-av-*). Суффиксальные дериваты образуются лишь от непроемных основ собственно чешского происхождения; сфера словообразования префиксально-суффиксальных дериватов является более широкой.

Способы словопроизводства прилагательных со значением интенсификации разграничены друг от друга очень четко. Образование данных прилагательных может осуществляться при помощи как первичных, так и вторичных морфем (в целом первичные дериваты зарегистрированы у 260 основ, вторичные — у 21 основы). В процессе словопроизводства участвуют три типа морфем: пре-

фиксы, суффиксы, в ограниченной степени — вставные морфемы.

Префиксальный способ словопроизводства прилагательных со значением интенсификации превосходит суффиксальный по численности состава производящих основ. Комбинаторные возможности ряда префиксальных морфем практически не ограничены — здесь представлены основы заимствованные и собственно чешского происхождения, прилагательные твердой и мягкой разновидности склонения, простой и сложной структуры. Сказанное в особенности относится к префиксу *pře-*. Примечательно, что PS в целом отмечает 800 префиксальных дериватов и 340 суффиксальных³. Удельный вес вторичных процедур при префиксальном словопроизводстве несравненно меньше.

Рельефной является семантическая специализация способов словопроизводства, характерных для словообразования прилагательных со значением интенсификации. Экспрессивная нагрузка большинства суффиксальных образований сводится к фиксации весьма конкретных эмоциональных оттенков; префиксальные дериваты, строго говоря, не являются эмоциональными. Тем не менее и они могут быть использованы и используются для фиксации экспрессии. Экспрессивная окраска префиксальных дериватов имеет, если так можно выразиться, контекстную подоплеку.

Контексты, в которых встречаются данные образования, насыщены экспрессией, поскольку, с одной стороны, фиксируемая этими прилагательными гипертрофированность признака провоцирует экспрессивную реакцию субъекта, с другой стороны, именно находясь в состоянии экзальтации, возбуждения, субъект гипертрофирует те или иные обозначаемые им признаки. Мало того, в современном чешском языке префиксальные прилагательные являются носителями выразительной экспрессивной нагрузки также вследствие того, что по большей части они имеют стилистическую окраску, несколько отличающуюся от стилистической нормы, господствующей в литературном чешском языке.

Так, некоторые префиксальные дериваты принадлежат к разряду сугубо книжной лексики; другие, напротив,

³ В обоих случаях учитываются лишь первичные процедуры.

имеют налет просторечности. Отличной является и семантика основ, отмечаемых у тех и других дериватов: префиксы чаще присоединяются к обозначениям, относящимся к интеллектуальной сфере (многочисленными являются обозначения общей оценки, а также умственных и нравственных свойств человека; в составе производящих основ относительно широко представлены архаичные лексемы, используемые нередко в церковном обиходе). Суффиксальные дериваты включают большое количество прилагательных, обозначающих физические свойства предметов — вес, цвет (в большей степени, чем префиксальные дериваты), их пространственную характеристику. Последние, в частности, широко представлены в составе микроцентров деривации.

Дериваты со значением ослабленного признака, образованные при помощи различных способов словопроизводства, идентичны в семантическом отношении: они обозначают ослабленную степень проявления признака без малейшего налета экспрессивности. Некоторую дифференциацию можно наблюдать лишь в специфике семантики производящей основы. Так, основы, отмечаемые у префиксально-суффиксальных морфем, характеризуются более разнообразной семантикой, чем основы суффиксальных дериватов. Последние объединяют почти исключительно цветковые обозначения; у префиксально-суффиксальных прилагательных, помимо цветковых обозначений, также преобладающих, многочисленными являются дериваты, характеризующие иные физические свойства (вкус, температуру и пр.), внешний облик, черты характера, физическое состояние и др. Следует также учитывать, что в семантике префиксально-суффиксальных образований нередко сохраняется остаточное значение процессуальности, полностью отсутствующее у суффиксальных прилагательных.

Ниже мы рассмотрим дифференциацию сфер употребления прилагательных со значением степени качества.

Дериваты со значением ослабленного признака, независимо от способа словопроизводства, по которому они образованы, в современном языке отмечаются в идентичных условиях употребления. О наличии функциональной специализации можно говорить лишь в применении к префиксальным производным, образованным от собственно прилагательных; уже для эпохи Возрождения явля-

ется очевидной их принадлежность к книжной лексике; практически не встречаются указанные дериваты в речи литературных персонажей.

Сопоставляя сферу употребления префиксальных и суффиксальных дериватов со значением интенсификации, мы можем отметить, что первые используются преимущественно в книжной речи; за исключением образований с *prach-*, все остальные префиксы имеют отчетливый оттенок книжности, а некоторые даже и архаичности. Суффиксальные дериваты, напротив, функционируют главным образом в разговорной речи. Наличие в семантике данных прилагательных целой гаммы выразительных эмоциональных оттенков весьма конкретного характера ограничило рамки их употребления: суффиксальные прилагательные широко используются в устной и в тех стилях письменной речи, которые по своему строю и средствам выражения близки к устной. Соответственно почти полностью они отсутствуют в языке научных сочинений (попытка использования их в этой сфере, предпринимавшаяся в эпоху Возрождения, успеха не имела), административно-деловом стиле речи и пр.

В. Уровень словообразовательного типа

Исследуемый нами материал наглядно показывает, что на темп протекания процесса дифференциации словообразовательных типов большое влияние оказывает ряд факторов, в том числе частотность употребления и удельный вес экспрессивной функции, выполняемой лексикой, образованной по тому или иному словообразовательному типу. Потребности экспрессивного выражения порождают разрастание набора синонимичных средств; низкая частота замедляет темпы процесса их размежевания. У прилагательных со значением ослабленного признака, лишенных экспрессивной окрашенности, процесс специализации словообразовательных средств выражен более четко, чем у прилагательных со значением интенсификации, в особенности у суффиксальных дериватов. Сфера словопроизводства последних узурпирована четырьмя дублетными морфемами, намечающаяся дифференциация которых может быть лишь «нащупана» при помощи статистических данных. Стадии размежевания словообразовательных типов обычно предшествует этап перекрещивания

сфер их употребления — об этом свидетельствует, в частности, табл. 11 (цифровые данные отражают весь исследуемый нами период):

Т а б л и ц а 11

Численность основ, допускающих пересечение структурных связей	Пересекающиеся морфемы
28	<i>při-/ná-</i>
15	<i>při-/po-</i>
42	<i>na-↯ C/při-↯ C</i>
23	<i>na-↯ C/za-↯ C</i>
25	<i>při-↯ C/po-↯ C</i>
100	<i>pře-/vele-</i>
97	<i>pře-/pra-(prach-)</i>
105	<i>-ičk-/ink-/oučk-/ounk-*</i>

* В различных комбинациях морфем (по 4, по 3, по 2).

Словообразовательные типы прилагательных со значением интенсификации. В рамках словопроизводства прилагательных указанной семантики наиболее четкую специализацию словообразовательных типов можно наблюдать главным образом у префиксальных дериватов. Выделенные здесь словообразовательные типы неравноценны по своим словопроизводственным возможностям, поскольку одни из них (с *pře-* и отчасти с *pra-*, *prach-*) приближаются по численности дериватов и по потенциальным словообразовательным возможностям к типам открытого ряда; другие, например, словообразовательный тип с *roz-*, *rozto-*, практически уже не являются образцом (в литературном языке) для создания новых слов. Четко обособляются в структурном отношении типы с морфемами *hyper-*, *ultra-*, в составе которых представлены преимущественно основы заимствованного происхождения. Следует отметить факт эволюции словообразовательных типов в современном чешском языке по сравнению с эпохой Возрождения. Так, в новый период укрепился словообразовательный тип с префиксами *pra-*, *prach-* (в особенности с последним); сформировались словообразовательные типы с префиксами *hyper-*, *ultra-*. Стало неактуальным словопроиз-

водство прилагательных со значением интенсификации посредством префиксов *arci-*, *vele-* (именно поэтому не отмечены случаи их присоединения к заимствованным основам, приток которых усилился, начиная со второй половины XIX в.).

Рельефным является семантическое разграничение дериватов. Так, например, при помощи префикса *pře-* могут образовываться прилагательные со значением максимализации признака, с префиксами *hyper-*, *ultra-* — со значением чрезмерного проявления признака (последние обычно приносят в семантику слова оттенок иронии, независимо от характера значения производящей основы).

Исследование показало, что префиксальные морфемы обнаруживают несомненное тяготение к основам определенной семантики: префиксы *pře-*, *vele-*, *roz-*, *rozto-* чаще отмечаются у основ с имплицитно выраженной позитивной характеристикой признака; напротив, префиксы *pra-*, *prach-* обнаруживаются у основ с имплицитно выраженной негативной характеристикой признака. Отмеченная специализация отражается и в семантике определяемых существительных, с которыми сочетаются данные прилагательные; накладывает она ограничения и на комбинаторные возможности префиксов. Префиксы *arci-*, *hyper-*, *ultra-* подобной специализацией не отличаются. В составе основ префиксальных прилагательных со значением интенсификации встречаются антонимные пары, количественно характеризующие признак, например *velký—malý*, *dlouhý—krátký* и пр. Наиболее продуктивные словообразовательные типы с префиксами *pře-*, *pra-*, *prach-* включают образования от обоих членов противопоставления; префикс *vele-* отмечается лишь у члена противопоставления, обозначающего интенсивное проявление признака.

Ценные сведения дает нам анализ сферы употребления префиксальных дериватов. Как отмечалось выше, префиксальные образования используются главным образом в книжном языке (за исключением дериватов с *prach-*). При этом удается установить, что отдельные морфемы проявляют тяготение к определенным языковым стилям. Так, например, дериваты с *vele-*, отчасти с *arci-*, *pře-*, преимущественно встречаются в контекстах, характеризующихся использованием средств «высокого» стиля; дериваты с *prach-*, отчасти с *roz-* и *rozto-* — в контекстах с элементами просторечья.

Эволюция использования исследуемых прилагательных находится в зависимости от эволюции господствующей стилистической нормы литературного языка. Так, например, языковая норма эпохи Возрождения допускала относительно широкое привлечение средств «высокого» стиля, поэтому и употребление соответствующих дериватов было более активным. Демократизация нормы литературного языка, напротив, ограничивала возможности функционирования тех же самых образований, что делало их более броскими в экспрессивном отношении. Вследствие этого вкрапление префиксальных дериватов «высокого» стиля в литературную, а тем более разговорную речь ныне производит обычно впечатление экзальтированности, претенциозности.

Наиболее широкой сферой употребления в литературном чешском языке старого и нового периода характеризуются дериваты с *pře-*. В эпоху Возрождения они встречаются в произведениях различных жанров (особенно часто в жанрах, допускающих использование средств «высокого» стиля — ода, трагедия, поэма) как в речи автора, так и в речи персонажей. Несколько реже они фиксируются в произведениях, использующих средства просторечья (бытовая комедия). Прилагательные данной структуры обычно отмечены в контекстных окружениях, отличающихся повышенной экспрессивностью и подбором патетических, выпяченных средств выражения. Широко используются прилагательные с *pře-* в прессе (в текстах различных рубрик), в языке научной прозы (в том числе в составе терминов). Новый период характеризуется сужением масштабов употребления указанных дериватов при общем сохранении специфических сфер использования. Важно отметить, что ныне эти прилагательные представлены преимущественно в речи автора; в прессе они используются лишь в языке очерков и рецензий и не встречаются в таких материалах, как политическая, экономическая хроника и пр. Характерно, что FS фиксирует фреквенцию всего лишь девяти прилагательных данной структуры. Наглядна и эволюция стилистических помет к дериватам с *pře-* в современных словарях: PS — 430 дериватов (390 б/п), SSJČ — 180 (60 б/п). Сужение сферы употребления прилагательных данной структуры, как и других префиксальных дериватов, во многом обусловлено вытеснением их сходными в семантическом отношении син-

таксическими конструкциями «наречие + прилагательное», более нейтральными в стилистическом плане.

Дериваты с *vele-* характеризовались сходными тенденциями употребления, однако, если судить по ряду фактов, уже в эпоху Возрождения указанные образования принадлежали к пассивному запасу сугубо книжной лексики с относительно строгим набором контекстных окружений. Дериваты с *vele-* еще в большей степени, чем дериваты с *pře-*, тяготели к жанрам «высокого» стиля. В произведениях прессы эти прилагательные использовались преимущественно в текстах рецензий. В современном чешском языке частота употребления прилагательных с *vele-* является ничтожной; немаловажную роль в этом отношении сыграла конкуренция с дериватами с префиксом *pře-*.

Полностью архаичными являются прилагательные с *arci-* — случаи их употребления фиксируются лишь в языке произведений художественной литературы XIX в.

Прилагательные со значением интенсификации с префиксами *pra-*, *prach-* проникли в литературный язык (главным образом нового периода) из просторечья. Специфика стилистической окраски обусловила возможность преимущественного употребления данных дериватов в литературных жанрах, характеризующихся простым, общедоступным стилем повествования (как в прозе, так и в драматургии). Широко отмечены они в речи персонажей. Прилагательные с *pra-*, *prach-*, численность которых в современном языке по сравнению с данными словаря Юнгмана существенно возросла (J 8, PS 190, SSJČ 80), используются в языке художественной литературы (преимущественно проза), прессе (очерки, рецензии, фельетоны). В языке научной прозы они практически не представлены.

Дериваты с *roz-*, *rozto-* используются главным образом в языке художественной литературы (проза, поэзия). Особенностью нового периода являются образования с префиксами *hyper-*, *ultra-*, пришедшие в литературный язык из специальных стилей, — данные образования используются главным образом в языке произведений публицистики, прессы.

Словообразовательные типы суффиксальных прилагательных со значением интенсификации. Характерной особенностью данных дериватов является наличие у них

целой группы высокопродуктивных, недифференцированных словообразовательных типов, резко обособленных от непродуктивных способов словопроизводства. Мы имеем в виду словообразовательные типы с суффиксами *-oučk-*, *-ouňk-*, *-ičk-*, *-ink-* (тип А). Локальной продуктивностью отличается словообразовательный тип с *-ánsk-* (тип В), сформировавшийся в новое время под влиянием просторечья. Говоря о суффиксах типа А, следует отметить, что единственно реальным является их структурное разграничение, заключающееся в обособлении типов с начальными *o* и *i* в составе форманта — присоединение последних лимитируется рядом фонологических ограничений. В семантическом и стилистическом отношении все четыре типа полностью идентичны. Важно отметить, что статистические подсчеты позволяют все же установить факт большей эмоциональной насыщенности дериватов с *i*.

Четкую дифференциацию удастся наблюдать лишь у образований типов А и В; последние характеризуются узостью структурных связей.

Чрезвычайно показателен и семантический анализ дериватов: дериваты типа А отличаются высокой эмоциональной насыщенностью, наличием весьма конкретных эмоциональных нюансов; дериваты типа В характеризуются выразительной экспрессивностью, не имеющей эмоциональной окраски.

Сфера употребления дериватов типа В ограничена главным образом языком произведений художественной литературы (проза), где они зачастую встречаются в речи персонажей. Используются данные образования и в разговорной речи. Прилагательные типа А характеризуются широкой сферой употребления. Выразительная эмоциональная насыщенность большинства суффиксальных дериватов, их способность передавать разнообразные эмоциональные оттенки накладывают определенные ограничения на сферу использования данных прилагательных. В чешском литературном языке прилагательные типа А наиболее широко отмечаются в произведениях художественной литературы. Характерно, что из 204 случаев употребления, фиксируемых в FS, 186 приходится именно на долю произведений художественной литературы. Удастся установить наличие вполне очевидной зависимости между жанром литературного произведения, с одной стороны, и характером и шириной использования в нем данных прила-

гательных — с другой. Особым пристрастием к прилагательным типа А отличаются произведения лирических жанров. Впрочем, в современном языке подобная жанровая обусловленность использования прилагательных типа А не является столь прямолинейной. Употребление исследуемых прилагательных стало ныне более целенаправленным; оно определяется конкретной ситуацией (зависит от характера объекта повествования, отношения к нему говорящего лица, настроения субъекта и т. д.).

В целом сферы функционирования суффиксальных дериватов в чешском языке старого и нового периода в принципе сохранились прежними: они встречаются главным образом в языке произведений художественной литературы, в прессе (очерки, репортажи и пр.); попытка введения их в состав научной терминологии не увенчалась успехом. Следует отметить, что суффиксы типа А тяготеют к производящим основам с позитивной характеристикой признака, а также к основам, обозначающим малость размеров предмета (последние особенно преобладают у вторичных дериватов). Суффиксы типа Б отмечены у основ, фиксирующих интенсивно выраженный пространственный признак; ср.: *malinký* — *velikánský* и пр. (тяготение к основам с определенной имплицитно выраженной эмоциональной оценкой признака здесь не выражено). Отмеченная тенденция рельефно прослеживается на материале обоих периодов развития чешского языка.

Словообразовательные типы прилагательных со значением ослабленного признака. Несмотря на трудности, сопряженные с изучением особенностей словопроизводства прилагательных, образованных при помощи префиксов (в словарях и грамматиках эпохи Возрождения указаны пучки недифференцированных одноосновных дериватов; в современных энциклопедиях и словарях данные образования вообще отсутствуют), анализ языкового материала позволяет установить факты несомненной семантической и функциональной специализации словообразовательных типов, разграничившей сферы их употребления.

Посредством наиболее продуктивного типа с префиксом *ná-* образовывались исключительно цветные обозначения, функционировавшие в различных сферах литературного языка, в том числе в языке произведений художественной литературы.

Словообразовательный тип с префиксом *pří-* характеризовался не столько семантической (хотя цветовые обозначения здесь тоже довольно многочисленны), сколько функциональной специализацией: дериваты данной структуры широко использовались для создания специальной научной терминологии.

Непродуктивными являются префиксы *po-*, *pod-*, *ob-*, *za-* (в особенности два последних). Малочисленность дериватов не позволяет установить специализацию формантов; в отношении прилагательных с *pod-* можно заметить, что они чаще обнаруживались в рамках специальной терминологии, однако в этом случае значение ослабленного признака является недостаточно рельефным.

На современном этапе существования чешского языка префиксальные морфемы используются лишь при словопроизводстве прилагательных со значением ослабленного признака от адъективированных причастий. Указанную структурную специализацию приобрели лишь две морфемы *po-* и *pří-*; первая может сочетаться также со сравнительной степенью прилагательных. Способ словопроизводства от собственно прилагательных полностью атрофировался. В табл. 12 отражена численность дериватов.

Т а б л и ц а 12

Словарь / Формант	J	PS	SSJČ
<i>ná-</i>	50	9 (5†, 1 б/п)	6 (2†, 4 б/п *)
<i>pří-</i>	160	12 (4 б/п)	2
<i>po-</i>	10	10 (2†)**	5
<i>ob-</i>	9	—	—

* Сохранились главным образом в составе терминологических обозначений.

** Морфема *po-* в шести случаях представлена диалектными образованиями.

Суффиксальный способ словопроизводства представлен единственным продуктивным словообразовательным типом с суффиксом *-av-*, имеющим четкую структурную и семантическую специализацию. Посредством данного суффикса образуются дериваты от непроемных основ (не оканчивающихся на *v*) собственно чешского происхожде-

ния. Семантика дериватов — почти исключительно цветные обозначения. Численность дериватов на протяжении исследуемого периода не подверглась существенным изменениям (J 20, PS 30 слов), половина дериватов не имеет ограничительных помет.

Остальные суффиксальные морфемы со значением ослабленного признака, фиксируемые в составе лексики словаря Юнгмана, в языке не закрепились; в частности, суффикс *-ovat-* представлен в современном языке единственным образованием *hloupovatý*.

Наиболее продуктивным способом словопроизводства является префиксально-суффиксальный; его активизация — одна из характерных примет нового периода. Словообразовательные возможности префиксально-суффиксальных типов, инвентарь которых на протяжении исследуемого периода не менялся, как правило, идентичны.

Наиболее полно реализованы комбинаторные возможности морфем *na-* + C, *při-* + C. Материал позволяет наблюдать факты несомненной специализации типа с морфемой *na-* + C на образовании цветных обозначений. В рамках образования лексики указанной семантики формант *na-* + C отличается более широкими словообразовательными возможностями, чем, например, суффикс *-av-*, присоединение которого лимитируется рядом ограничений. Однако в целом частота прилагательных с *-av-* вдвое превышает частоту цветных обозначений с *na-* + C. Конкуренции дериватов с префиксально-суффиксальными и суффиксальной морфемами, на наш взгляд, препятствует наличие в семантике первых остаточного процессуального значения.

Словообразовательный тип с морфемой *při-* + C не имеет ярко выраженной специализации; в составе основ, к которым присоединяется данная морфема, также представлены обозначения цвета (дублиеты с *při-* + C, если судить по характеру словарных помет, являются менее употребительными, чем дублиеты с *na-* + C), вкуса, внешнего облика, свойств характера.

Словообразовательные типы с морфемами *za-* + C, *po-* + C специализируются на образовании цветных обозначений, однако в семантике дериватов, произведенных при помощи данных морфем, нередко отчетливо ощущается значение процессуальности, присущее девербативным конструкциям.

Словообразовательный тип с морфемой *ob-* + С является непродуктивным.

Эволюцию префиксально-суффиксальных словообразовательных типов ⁴ на протяжении исследуемого периода отражает табл. 13.

Т а б л и ц а 13

Словарь / Формант	J	PS	SSJČ
<i>na-</i> + С	40	80 (50 б/п)	60 (36 б/п)
<i>při-</i> + С	25	80 (60 б/п)	60 (22 б/п)
<i>po-</i> + С	15	30 (18 б/п)	30 (5 б/п)
<i>za-</i> + С	30	40 (20 б/п)	— словарь не закончен
<i>ob-</i> + С	13	14 (3†; 5 б/п)	10 (2†; 3 б/п)

Мы закончили рассмотрение основных закономерностей словообразования прилагательных со значением степени качества в литературном чешском языке конца XVIII—XX в.

* * *

Тенденции образования указанных прилагательных в чешском языке небезынтересно сопоставить с особенностями словопроизводства аналогичной лексической категории в других славянских языках. Именно этой цели и служит прилагаемый ниже справочный материал о словообразовании прилагательных со значением степени качества в ряде родственных славянских языков ⁵.

⁴ Приводимые в таблице цифровые данные округлены.

⁵ Были использованы следующие работы:

Русский язык: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947; Современный русский язык. Морфология. М., 1952; Е. А. Земская. История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени.— Сб. «Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху». М., 1964; Л. Г. Титова. Имена прилагательные со значением оценки и степени качества в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1964.

Белорусский язык: Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1951; Е. Ф. Карский. Белорусы. Вып. 2—3. М., 1956; И. А. Карабабь. Суффиксальное образование имен прилагательных со значением степени качества и эмоциональной оценки. Минск, 1962.

Украинский язык: М. Н. Жовтобрюх, Б. М. Кулик.

Заранее заметим, что мы не производили самостоятельных поисков и в основном учитывали результаты исследований, проводившихся в области интересующей нас проблематики различными лингвистами.

Ономасиологическая категория прилагательных со значением степени качества существует во всех славянских языках, однако языковые средства, используемые для ее воплощения, в различных славянских языках имеют ряд отличительных особенностей, касающихся как репертуара словообразовательных средств и типов, так и присущей им степени продуктивности⁶.

I. Прилагательные со значением интенсификации

А. Префиксальное словопроизводство

Так же, как и в чешском языке, для словообразования прилагательных со значением интенсификации активно используются префиксальные морфемы. Их инвентарь может: 1) совпадать с чешским (с присущей тому или иному языку фонетической огласовкой); ср. словацк.: *pre-*

Курс сучасної української літературної мови. Ч. I. Київ, 1965.

Словацкий язык: E. Paulíny, J. Stolc, J. Ružička. Slovenská gramatika. Martin, 1955; J. Horecký. Slovtovorná sústava slovenčiny. Bratislava, 1959; B. Letz. Gramatika slovenského jazyka. V Bratislave, 1950.

Польский язык: H. Kurkowska. Budowa słowotwórcza przymiotników polskich. Wrocław, 1954; A. Sieczkowski. Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Wrocław, 1957.

Болгарский язык: Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944; А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940; Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Словенский язык: A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel. Slovenská slovnica. Ljubljana, 1956; A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika, II. Izpeljava slovenskih pridevnikov. Ljubljana, 1952, Ibid., IV, Predlogi in predpone. Ljubljana, 1959.

Македонский язык: Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, дел II. Скопје, 1954.

Сербохорватский язык: V. Frančić. Gramatyka opisowa języka serbochorwackiego. Warszawa, 1956; T. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963; M. S. Babić. Sufiksalna tvorba pridjeva u suvremenom hrvatskom ili srpskom književnom jeziku. Zagreb, 1966; M. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964.

⁶ Учитывались лишь литературные языки; диалекты во внимание не принимались.

(*prekrásny, premilý*); *pra-* (*prastarý*); польск.: *prze-* (*prze-riekny, przestawný*); *pra-* (*prawieczny*); *arcy-* (*arcywesoły, arcyzabawný*); русск.: *пре-* (*прегрубый, премилый*); *раз-* (*разудалый, развеселый*); *ультра-* (*ультралевый, ультрамодный*); *архи-* (*архиглупый*); болг.: *пре-* (*преголям, предобър*); словенское: *pre-* (*preljubi, prelepa*); укр.: *пре-* (*прегарний, предобрый*); с.-х.: *пре-* (*прѣдобар, прѣслав*); *архи-* (*архизад*); *ультра-* (*ультраумерен*); макед.: *пре-* (*премил, пресладок*) и пр. Разумеется, степень употребительности приводимых морфем в чешском языке и в других славянских языках не всегда одинакова. Так, например, польское *pra-* менее употребительно, чем соответствующее чешское; напротив, польское *arcy-* отличается большей продуктивностью, чем соответствующий чешский префикс; дериваты с префиксом *пре-* в русском языке используются преимущественно в разговорной речи, в то время как в чешском они несут несомненный налет книжности. Не имеют эквивалентов чешские префиксы *vele-*, *rozto-*, *prach-*; 2) включать морфемы, отсутствующие в чешском или употребляющиеся в нем с иной семантической нагрузкой; ср.: *przy-* (польск.) и *pri-* (словацк.) — *przysłaby, prikrutý* — используется в этих языках со значением «чрезмерности». Как упоминалось, в чешском языке указанное значение у префикса *při-* отмечалось лишь спорадически — в основном же данный префикс вносил значение ослабленного признака; ныне в сочетании с собственно прилагательными он не употребляется.

Б. Суффиксальное словопроизводство

Различие инвентаря словообразовательных средств здесь является более существенным. Наибольшей близостью к чешскому языку отличается словацкий язык; ср.: *-ičký, -učký, -inký, -unký, -ušký, -ký* (*maličký, staručký, slabučký, malinký, drobunký, drobušký, stárký*); польский язык: ¹*-utki, -en'ki* ⁷, *-uteňki, ²uški, ²usi, -uchny* (*arch.*), ²*usieňki* (*malutki, golutki, maleňki, stareňki, maluteňki, słodziuteňki, maluški, słodziuški, malusi, drobniusi, miluchny, drobniuchny, malusieňki, milusieňki*). Как в польском, так и словацком языке у дериватов типа А широко

⁷ Этот же суффикс представлен и в восточнославянских языках.

используются вторичные процедуры: словацк. *malilinký, drobnulinký*; польск. *malusieniecki, maluteniecki*.

Репертуар соответствующих суффиксов в восточнославянских языках значительно отличается. Ср. русский: *-еньк-(-оньк-)*, наиболее продуктивный; *-ешеньк-(-ошеньк-)*, *-ехоньк-(-охоньк-)*, *-юсеньк-* (*маленький, плохонький, бледнешенький, легошенький, легохонький, светлехонький, малюсенький*). В отличие от современного чешского языка в русском возможно образование кратких форм от некоторых указанных выше дериватов (*близехонек, легохонек, желтешенек* и пр.). Белорусский: *-еньк-*, наиболее продуктивный (*-эньк-, -аньк-*), *-юсеньк-(-усеньк-)*, *-ютк-(-утк-)*, *-ютэньк-*, *-юпасеньк-*, *-юпатк-*, *-енечек-*, *-юсенечек-(-усенечек-)*, *-юпасенечек-* (*легенькі, большанькі, старэнькі, драбнюсенькі, макрусенькі, бялуткі, драбнюткі, маленечкі, малюсенечкі* и пр.). Украинский: *-ісіньк-, -юсіньк-* (*чистісінький, тонюсінький*); *-есеньк-, -еньк-* (*чистесенький, біленький*). В подавляющем большинстве случаев суффиксы типа А базируются на наиболее продуктивном суффиксе *-еньк-*. В составе вторичных процедур в восточнославянских языках обычно не бывает представлена редупликация.

Южнославянские языки: болгарский *-ичък-(-ичк-)*, *-инк-, -иничък-(-иничк-)* — *хубавичък, хубавичка, хубавинка* и пр. В отличие от чешского языка здесь возможно присоединение суффикса типа А к прилагательным с интенсивно проявляющимся признаком: *големичък, дебеличък, дългичък*. Аналогичная картина наблюдается и в македонском языке: *-ичок-, -ечок-, -очок-* (*големичок, сладичок, малечок, далечок, височок, широчок*). Отмечается также использование суффиксов *-ка, -ко, -елка, -елек* (*малка, малко, хубавелка, хубавелек*). Следует отметить, что в южнославянских языках репертуар суффиксов типа А очень беден; в сербохорватском и словенском эти морфемы вообще отсутствуют.

В отношении суффиксов типа Б можно заметить следующее: наибольшим сходством с чешским отличается инвентарь морфем словацкого языка; ср.: *-ánsky, -izný* (*velikánsky, ukrutánsky, hrubizný, širočizný*). Соответственно в польском имеются морфемы: *-asty, -aśny* (*ogromniasty, grubaśny, długaśny*).

В восточнославянских языках репертуар морфем типа Б отличен; ср. русский: *-уц-(-юц-)*, *-енн-* (*жаднующий, толстующий, высоченный, тяжеленный*); белорусский — разно-

образный набор — *-зн*⁸, *-озн*-, *-эзн*-, *-зарн*-, *-зман*-, *-енн*-, *-ушч*- (*-юшч*-) — *вялізны*, *высозны*, *шырачэзны*, *цяжэрны*, *страшэнны*, *здаравенны*, *проклятушчы*; укр. *-езн*-, *-ецьк*-, *-енн*-, *-анн*-, *-уч*- (*-юч*-), *-ач*- (*-яч*-), *-уц*- (*-юц*-), *-ац*- (*-яц*-) — *старезний*, *величезний*, *здоровецький*, *страшэнный*, *небла-ганний*, *злючий*, *скупуций*, *добрячий*, *важнюций*, *кислючий*.

В южнославянских языках суффиксы типа Б отсутствуют.

II. Прилагательные со значением ослабленного признака

В восточнославянских языках для словопроизводства прилагательных данной семантики используются суффиксы. Единственно продуктивной морфемой здесь является суффикс *-оват*- (*-еват*-), имеющий в различных языках различное фонетическое оформление; ср. *-оват*- (*-еват*-) — для русского (*красноватый*, *синеватый*); *-ават*- (*-яват*-) — для белорусского (*белаваты*, *драбнаваты*, *сіняваты*); *-оват*- (*-юват*-, *-уват*-) — для украинского (*білуватий*, *синюватий*). В русском, украинском и белорусском языках отмечается использование суффикса *-ав*- (*-яв*-) — *моложавый*, *чернявый*, русск.; *бляднявы*, *гаркавы*, белор.; *білявий*, *чорнявий*, укр. По-видимому, ранее словообразовательные возможности данного суффикса были более широкими (ср. материал, извлеченный из Даля: *белавый*, *пестравый*, *рыжавый* и пр.). Как мы видим, данный суффикс так же, как и в чешском языке, использовался преимущественно для образования цветовых обозначений. В современном литературном русском языке суффикс *-ав*- практически полностью вытеснен суффиксом *-оват*-, в белорусском языке сфера употребления обеих морфем разграничена: *-ав*- участвует в образовании прилагательных, обозначающих зрительно воспринимаемые свойства. Некоторые исследователи, в частности Карабань, указывают в числе словообразовательных средств, образующих в русском языке прилагательные данной семантики, и суффикс *-ат*- (*дубоватый*, *коричневатый*), однако, на наш взгляд, более права Е. А. Земская, не отграничивающая данный суффикс от суффикса *-оват*- и полагающая, что здесь имеет место наложение двух тождественных слогов на морфемном шве: *розов(ый) + -оват*-.

⁸ Ср. со словацким.

Таким образом, в восточнославянских языках репертуар словообразовательных средств, участвующих в словопроизводстве прилагательных со значением ослабленного признака, достаточно ограничен — здесь не используются ни префиксальные, ни префиксально-суффиксальные морфемы. Префиксальный способ словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака в восточнославянских языках развития не получил, хотя в истории русского языка использование префиксов для этой цели отмечалось; ср. приводимые академическими словарями конца XVIII — первой половины XIX в. образования *примрачный, приярый, приголоден, припьян, прикосый* или же ср. также образование с *под-* (*подслеповатый*)⁹. Как правило, в русском языке средства префиксального словопроизводства используются для образования прилагательных со значением интенсификации.

В польском языке в отличие от чешского практически не представлено префиксально-суффиксальное словопроизводство. Наибольшей продуктивностью отличается суффиксальное словопроизводство данных прилагательных, причем, как в истории языка, так и в современном литературном польском языке, господствующим является суффикс *-aw-* (спорадически представленный в виде вариантов *-iw-, -liw-, -kaw-, -law-, -erlaw-*): *białawy, bladawy, błękitnawy*. Образования с суффиксом *-as-* носят архаичный характер (или диалектный). В результате конкуренции с суффиксом *-aw-* не превратился в продуктивное словообразовательное средство суффикс *-awat-* (ср. с восточнославянскими языками). В противоположность восточнославянским языкам в польском языке получило развитие префиксальное словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака. Наибольшую продуктивность приобрел префикс *przy-*, сочетавшийся в XVI—XVIII вв. преимущественно со сравнительной степенью прилагательных; в современном литературном языке доминирует сочетание с положительной степенью; ср.: *przygłupszy, przysłoński, przytłustszy, przytwardszy — przygłupi, przysłony, przytłusty, przytwardy*.

Явления, наблюдаемые в словацком языке, в целом сходны с явлениями чешского языка. Здесь используются

⁹ Примеры заимствованы из указанной работы Е. А. Земской.

аналогичные способы словопроизводства. В составе суффиксов представлены *-av-* (*belavý, černavý, červenavý, žltavý*), *-kav-* (*zelenkavý, červenkavý*); последний в литературном языке встречается редко. Сюда же относятся суффиксы *-as-*, *-ast-*, *-ist-* (*belasý, černastý, svetlastý, mladistý*). Из числа префиксов, принимающих участие в образовании прилагательных со значением ослабленного признака, можно назвать *pô-* (*počerný, pomenší*); используются и префиксально-суффиксальные форманты; ср.: *nahluchlý, nasladlý, pobledlý*.

В южнославянских языках словопроизводство прилагательных со значением ослабленного признака осуществляется посредством префиксального и суффиксального способов словообразования; префиксально-суффиксальное словопроизводство здесь не представлено. К числу продуктивных средств словообразования данных прилагательных в болгарском языке относится суффикс *-жав-* (с вариантом *-икав-*, *-еникав-* и др.): *синжав, зеленикав, червеникав, сладникав, жълтеникав, белезникав* и пр. (все цветовые обозначения). Продуктивным является и суффикс *-оват-* (*-еват-*): *слабоват, глуповат, синеват*. Суффикс *-ав-* непродуктивен. Довольно широко используется префикс *въз-*: *възжълт, въззелен* и др. — круг производящих основ данного префикса широк и разнообразен.

В македонском отмечаются суффиксы *-жав-*, *-икав-* (не только цветовые обозначения): *жолтикав, црвеникав, големжав, малечжав; -узлав-, -узликав-* (*црвенузлав, белузликав*).

В сербохорватском языке к числу продуктивных словообразовательных морфем относятся прежде всего суффиксы *-каст-*, *-икаст-*, *-ичаст-*: *мџдрикаст, плаветникаст, зеленкаст, беличаст*; *-аст-*, *-ушаст-*: *мрџкаст, плавушаст*; *-ан-*: *блџан, сџлудан*. Непродуктивен суффикс *-ав-* (*млакав*); *-ачак-*: *слабачак, великачак*. Активно используются префиксы *на-*, *о-*, *по-*, *при-*, *про-*, *су-*: *наглух, најут, дрџтак, пџдобар, пџвелик, приглуп, пџсед*.

В литературном словенском языке исследователи не отмечают случаев префиксального словообразования прилагательных со значением ослабленного признака. А. Байец указывает лишь дериваты с *na-* в диалектах: *nabel, nabled, načrn*. В числе продуктивных морфем упоминаются суффиксы *-каст-*, *-лјаст-*: *belkast, črnkast, kiselkast, rumenkast, črnkljast, rumenkljast*.

Как редкие, малопродуктивные охарактеризованы суффиксы *-av-* (*belav, črnav*); *-ljat-* (*grenkljat, rumenkljat, zelenkljat*); *-ast-* (*kislav*).

Как мы могли убедиться, словопроизводство прилагательных со значением степени качества в литературных славянских языках осуществляется посредством сходных способов словообразования; черты сходства обнаруживает и репертуар аффиксов. Однако численность типов и средств словообразования, а также степень их продуктивности в различных языках может быть различной. Так, например, суффикс *-av-* (*-jav-*) продуктивен в чешском, словацком, польском языках и непродуктивен во всех остальных славянских языках. Соответственно суффикс *-ovat-* (*-evav-*) продуктивен в восточнославянских языках и непродуктивен в западно- и южнославянских языках. Число подобных примеров может быть увеличено. Заслуживают внимания и факты модификации словообразовательных типов; ср., например, случаи сочетания суффиксов типа А с основами, обозначающими интенсивный признак (болгарский язык). Примечательны факты расхождения инвентаря морфем, особенно сильного у суффиксальных дериватов со значением интенсификации. Даже беглое сопоставление языкового материала дает возможность выявить различия в наборе способов словопроизводства, используемых для словообразования исследуемой лексики. Так, например, кроме чешского и словацкого, нигде не представлено префиксально-суффиксальное словообразование прилагательных со значением ослабленного признака. Примечательно отсутствие в южнославянских языках суффиксальных дериватов со значением интенсификации. Заслуживает внимания и «география» распространения префиксального словопроизводства прилагательных со значением ослабленного признака от основ собственно прилагательных: для чешского и восточнославянских языков это в основном факт языкового прошлого; для южнославянских языков — настоящего; ср. также наличие этого способа словопроизводства в верхне- и нижнелужицком языках (*nabrúny, namodry, našoŕty, natokry*). Несколько отличный характер носят и вторичные процедуры.

Изучение особенностей словопроизводства прилагательных со значением степени качества в различных славянских языках должно представлять интерес для их сопоставительного исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИЧЯ — Институт чешского языка ЧСАН;
А. — лексикографический архив современного чешского языка
того же Института;
б/п — в словаре дается без ограничительных помет;
н/у — в словаре не указано;
а. р. — речь автора;
р. п. — речь персонажа;
С — суффикс.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹

Старый период²:

- Besedy — České besedy. Praha, 1842;
Fr. Pap. — K. Frýček. Písně a průpovědi. V Praze, 1834;
Hn. — Š. Hněvkovský;
B. drob. — Básně drobné. V Praze, 1820;
Děvín — Děvín. V Praze, 1829;
Jaromír — Jaromír, smutnohra. V Praze, 1835;
Náml. — Námluvy v Koloději. V Hradci Králové, 1839;
Hv. — Zábavné spisy od Jana z Hvězdy. Praha, 1843—1845;
Hýbl. 7 povídek — Sedmero povídek pro děti a milovníky jich.
V Praze, 1840;
Koun. — Kouna Josefa Polemíra. Láska dětí. V Praze, 1828;
Kram. Polybius — V. R. Kramerius. Polybius. V Hradci Králové,
1825;
Chm. Kytka — J. K. Chmelenský. Kytka. V Praze, 1838;
Lang. Sel. — J. Langer. Selanky. V Praze, 1830;
Letáky — Letáky z roku 1848, Praha, 1948;
Mach. Chr. — S. K. Macháček. Böhmsche Chrestomatie für Deutsche.
Prag, 1830;
Rett. — M. D. Rettigová;
Růže — Bílá růže, V Hr. Kr., 1827;
Rada — Dobrá rada slovanským venkovankám, V Praze, 1838;
Mař. — Mařenčin košíček. Hradec Králové, 1821—1822;
Posp. Pavl. — Pospíšila Jana. Ušlechtilá Pavlinka. V Praze a v Hradci
Králové, 1834;

¹ Сокращения, принятые в Архиве ИЧЯ, не расшифровываются.

² В приводимых в работе примерах сохраняется правописание оригинала.

- Rub. Dekl.— F. Rubeš. Deklamovanky a písně. V Praze, 1837—1839;
 Rozmanitosti — Rozmanitosti, vyd. J. Hýbl. V Praze, 1817—1818;
 Št.— J. N. Štěpánek. Octář, Alína. Praha, 1839;
 Dopisy Šaf.— Korespondence Pavla Šafaříka s Františkem Palackým. Praha, 1961;
 Šum. M. čít.— J. Šumavský. Malá čítanka. V Praze, 1841;
 Bibl. Vlas.— J. Vlasák. Bibliotéka mládeže. V Praze, 1828—1832;
 Voc. Meč.— E. Vocel. Meč a kalich. V Praze, 1843;
 Vesna — Vesna, Almanach. V Praze, 1837;
 Jindy — Jindy a nyní. V Praze, 1833;
 KVN — Kramériusovy vlastenské noviny. V Praze, 1820;
 KPN — Kramériusovy pražské poštovské noviny. Praha, 1791;
 Tyl. Pr. posel — J. K. Tyl. Pražský posel. Praha, 1846—1847;
 Puchm. Alm.— A. J. Puchmajer. Almanachy. V Praze, 1917—1921.

Н о в ы й п е р и о д:

- Erb. Č. poh.— K. J. Erben. České pohádky. Praha, 1949;
 B. N. Bách.— B. Němcová. Národní báchorky a pověsti. Praha, 1950;
 K. Sv. Pov. a r.— K. Světlá. Povídky a romány. Praha, 1959;
 Ašk.— L. Aškenazy;
 Vaj.— Vajíčko. Praha, 1963;
 Et. d. a nd.— Etudy dětské a nedětské. Praha, 1963;
 Běl. B. k.— H. Bělohorská. Bez krásy, bez límce. Praha, 1962;
 O. Bojar. Čtvrt.— O. Bojarová. Čtvrté, páté ráno. Praha, 1964;
 Ž. strop — B. Březovský. Železný strop. Praha, 1961;
 V. Erb. Srdce — V. Erben. Srdce nebylo zasaženo. Praha, 1963;
 N. Fr. Tři — N. Frýd. Tři malé romány. Praha, 1963;
 Hend. Fav.— M. Hendrych. Favorit. Praha, 1963;
 M. Kund. Sm. l.— M. Kundera. Směšné lásky. Praha, 1963;
 Kříž. Den syna — I. Kříž. První den mého syna. Praha, 1963;
 Mů. Rep.— L. Mňáčko. Opožděné reportáže. Praha, 1964;
 K. M. Dobří nepláčou — K. Maralíková. Dobří nepláčou. Praha, 1945;
 J. Tom. J. vt.— J. Tomeček. Jenom vteřiny. Praha, 1962;
 Emöcke — J. Skvorecký. Emöcke. Praha, 1963;
 V + W.— J. Voskovec, J. Werich. Hry osvobozeného divadla. Praha, 1954;
 Kubula—V. Vančura. Kubula a Kuba Kubikula. Praha, 1962;
 R. pr.— Rudé právo;
 Vl.— Vlasta (časopis).
 Помимо упоминавшихся ранее, имеются ссылки на следующие словари:
 Kon.— J. N. Konečný. Vollständiges Taschenwoerterbuch der čechoslawischen u. deutschen Sprache. Wien, 1845;
 Cel. Dod.— Fr. Čelakovský. Dodavky ke Slovníku Josefa Jungmanna. V Praze, 1851;
 Šum.— J. Fr. Šumavský. Česko-německý slovník. Praha, 1851, d. I—II;
 Tham.— K. I. Tham. Neuestes möglichst vollständiges und zweckmässig eingerichtetes böhmisch-deutsches und deutsch-böhmisches Taschenwörterbuch. Prag, 1818.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Прилагательные со значением интенсификации признака	24
§ 1. Особенности словопроизводства	24
§ 2. Закономерности семантики прилагательных со значением интенсификации	64
§ 3. Функционирование прилагательных со значением интенсификации в чешском литературном языке	99
§ 4. Определение степени словообразовательной активности и характера взаимоотношений типов и средств словообразования	143
Глава II. Прилагательные со значением ослабленного признака	183
§ 1. Особенности словопроизводства	183
§ 2. Особенности семантики	210
§ 3. Особенности функционирования в литературном языке	215
§ 4. Определение степени словообразовательной активности и характера взаимоотношений типов и средств словообразования	225
Заключение	250
Список сокращений	282

**БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

Галина Парфеньевна Нецименко

История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX вв.

(Прилагательное)

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Н. Знаменская*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*

Сдано в набор 20/IX 1967 г. Подп. к печ. 22/II 1968 г.
Формат 84×108¹/₂. Бумага типогр. № 2
Усл. печ. л. 14,55. Уч.-изд. л. 15,1. Тираж 1100 экз.
Т—00070. Тип. зак. 3587. Цена 91 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 91 к.